

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

1984

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

1
Январь — Февраль

1984

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ • ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

М. Н. Губогло (Москва). Ленинская национально-языковая политика КПСС — интернационализм в действии	3
Ю. В. Бромлей, В. А. Тишков (Москва). XI Международный конгресс антропологических и этнологических наук	15
В. И. Козлов (Москва). Этнографический подход к изучению феномена долгожительства	29
М. А. Итина (Москва). Охранные археологические работы в Хорезме: итоги и перспективы	42
Н. Я. Дараган (Москва). Соотношение этнических и конфессиональных общностей в США	60
А. А. Бородатова (Москва). Прорицатели и жрецы у древних майя	72

Сообщения

А. Асанканов (Фрунзе). Изменения в культурной жизни сельского населения Киргизской ССР (1960—1980 гг.)	90
В. Б. Виноградов, Д. Ю. Чаккиев (Грозный). Некоторые традиции военного искусства вайнахов в средневековье	98
С. С. Агаширинова (Махачкала). Традиция керамического производства у лезгин Дагестана (по материалам с. Кахуль)	110
Кхонг Зиен (Ханой). Социалистическая Республика Вьетнам: этнический состав и размещение населения	116
Фам Куанг Хоан (Ханой). Этнический состав горных мон-кхмеров Юга Вьетнама	122

Этнография в музеях

О. М. Фишман (Ленинград). Каталоги этнографических музеев (опыт и проблемы)	130
---	-----

Поиски, факты, гипотезы

Г. В. Зубко (Москва). Ближневосточные предки фульбе: факт или легенда?	135
--	-----

Научная жизнь

Н. С. Полищук (Москва). II фольклорный фестиваль ГДР и Международный коллоквиум по проблемам использования фольклорного наследия	147
А. С. Мыльников (Ленинград). Расширенное заседание Ленинградского отделения Научного совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики	148
Коротко об экспедициях	152

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

А. С. Кан (Москва). Шведская этнография в 70-х годах (Родиноведение)	155
--	-----

Общая этнография

- Б. Н. Миронов (Ленинград). *А. Г. Вишневский. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее* 162
- Е. Е. Васильева, О. М. Фишман (Ленинград). *Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР (Сборник Музея антропологии и этнографии, т. XXXVIII)* 164

Народы СССР

- Я. В. Чеснов (Москва). *В. П. Кобычев. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX—XX вв.* 167
- В. К. Соколова (Москва). *Календарно-обрядовая поэзия сибиряков* 170
- А. И. Алнева (Москва). *Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов* 172

Редакционная коллегия:

К. В. Чистов — член-корр. АН СССР (главный редактор),
В. П. Алексеев — член-корр. АН СССР, И. Л. Андреев, С. А. Арутюнов,
С. И. Брук, Н. Г. Волкова (зам. главн. редактора), Л. М. Дробижева,
Т. А. Жданко, А. А. Зубов, Р. Н. Исмагилова, Р. Ф. Итс, Л. Е. Куббель
(зам. главн. редактора), А. А. Леонтьев, Б.-Р. Логашова, Г. Е. Марков,
А. И. Першиц, Н. С. Полищук (зам. главн. редактора),
П. И. Пучков, Ю. И. Семенов, В. К. Соколова, С. А. Токарев,
Д. Д. Тумаркин

Ответственный секретарь редакции Н. С. Соболев

Адрес редакции: 117036 Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19
телефоны: 126-94-91, 123-90-97

Зав. редакцией Е. А. Эшлиман

М. Н. Губогло

ЛЕНИНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА КПСС — ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ В ДЕЙСТВИИ

Среди кардинальных проблем современного общественного развития национально-языковая занимает важное место. Коммунистическая партия Советского Союза по праву гордится достижениями в ее решении. Исторический опыт социалистического строительства и утверждение развитого социализма продемонстрировали единственно возможный путь справедливого и полного решения национального, а вместе с ним и его важнейшей составной части — национально-языкового вопроса. «Национальный вопрос в том виде, в каком он был оставлен нам эксплуататорским строем, — констатировалось в постановлении ЦК КПСС „О 80-летию Второго съезда РСДРП“ от 5 апреля 1983 г., — решен окончательно и бесповоротно. Впервые в истории многонациональный состав страны превратился из источника ее слабости в источник силы и процветания. Высшим выражением социального и интернационального единства общества явилось образование и развитие новой исторической общности людей — советского народа»¹. В успешном решении национального вопроса на подлинно демократической основе, в осуществлении принципа пролетарского социалистического интернационализма, в укреплении интернационального единства и сплоченности народов нашей страны, в создании благоприятных условий для их развития и сближения, в умелом руководстве процессами взаимодействия и взаимообогащения культур народов СССР важную роль сыграло неукоснительное следование нашей партии тем принципиальным программным положениям, которые были выработаны В. И. Лениным по вопросам национального и национально-языкового строительства.

Еще тогда, когда партия готовилась к революции, В. И. Ленин разработал и всесторонне обосновал ясную и четкую программу партии по национально-языковому вопросу, положив в ее основу принцип свободного и равноправного развития всех народов, их национальных культур и языков. «Признание равноправия наций и языков, — писал он в 1914 году, — дорого для марксистов не только потому, что они самые последовательные демократы. Интересы пролетарской солидарности, товарищеского единства классовой борьбы рабочих требуют самого полного равноправия наций для устранения самомалейшего национального недоверия, отчуждения, подозрительности, вражды. А полное равноправие включает и отрицание всяких привилегий за одним из языков...»².

Вместе с тем, требуя признания полного равноправия всех языков, В. И. Ленин одновременно подчеркивал прогрессивность стремления различных национальностей многонациональной страны к овладению русским языком как языком большинства населения для успешного осуществления межнациональных контактов. «Потребности экономического оборота, — говорил В. И. Ленин об этом стремлении, зарождающемся еще при капитализме, — всегда заставят живущие в одном государстве национальности (пока они захотят жить вместе) изучать язык большинства»³. Более того, те же самые экономические потребности «сами собой

¹ Правда, 5 апреля 1983 г.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 145.

³ Там же, т. 23, с. 423.

определяют тот язык данной страны, знать который большинству выгодно в интересах торговых сношений»⁴. Не сомневался В. И. Ленин и в том, что в нашей стране именно русскому языку самой историей предназначена ответственная миссия языка межнационального общения. «Те, кто по условиям своей жизни и работы нуждаются в знании русского языка, научатся ему и без палки. А принудительность (палка) приведет только к одному: она затруднит великому и могучему русскому языку доступ в другие национальные группы, а главное — обострит вражду, создаст миллион новых трений, усилит раздражение, взаимонепонимание и т. д.»⁵. Уже в первой программе нашей партии (Программе РСДРП), принятой на Втором съезде, говорилось, что «РСДРП ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой, конституция которой обеспечивала бы: ...полную равноправность всех граждан независимо от пола, религии, расы и национальности... Право населения получать образование на родном языке, обеспечиваемое созданием за счет государства и органов самоуправления необходимых для этого школ; право каждого гражданина объясняться на родном языке на собраниях; введение родного языка наравне с государственным во всех местных общественных и государственных учреждениях»⁶. Положение о «равноправности всех национальностей», а значит, и о равноправности всех национальных языков было сформулировано В. И. Лениным еще задолго до Второго съезда в конце 1895 г., когда он работал над созданием «Проекта и объяснения Программы социал-демократической партии»⁷. Но только Второй съезд РСДРП, на котором была создана большевистская партия, продемонстрировал принципиальную позицию и последовательную борьбу против идеи государственного языка, против ассимиляторской политики царского правительства, направленной на насильственное насаждение русского языка как обязательного к употреблению во всех сферах жизни многонациональной страны.

«Большевизм, — писал В. И. Ленин, — существует как течение политической мысли и как политическая партия с 1903 года»⁸. Именно на Втором съезде впервые наметился раскол между большевиками и меньшевиками, в том числе и в вопросе о равноправии языков. «Вторым крупным инцидентом, происшедшим на съезде..., — говорил, в частности, В. И. Ленин в „Докладе о II съезде РСДРП“, — был инцидент по поводу равноправия языков»⁹.

Со Вторым съездом РСДРП связано значительное число ленинских произведений и документов. В дни заседаний Второго съезда сначала в Брюсселе, а затем и в Лондоне, В. И. Ленин вел подробный дневник съезда. На основании этих записей, протоколов заседаний, публикаций и других материалов он написал свою знаменитую книгу «Шаг вперед, два шага назад», в которой, тщательно проанализировав выступления всех делегатов съезда и внимательно проследив позицию 23 выступавших в отношении пункта программы партии о равноправии языков¹⁰, пришел к следующему выводу: «В течение всего съезда было три наиболее крупных случая отпадения незначительного числа искровцев от большинства их, — равноправие языков, § 1 устава и выборы — и во всех этих трех случаях получалась ожесточенная борьба, приведшая в конце концов к теперешнему тяжелому кризису в партии. Чтобы политически осмыслить этот кризис и эту борьбу, надо не ограничиваться фразами о непозволительных остротах, а рассмотреть политические группировки оттенков, столкнувшихся на съезде. Инцидент с „равноправием языков“ представляет поэтому двойной интерес с точки зрения выяснения при-

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 424.

⁵ Там же, т. 24, с. 295.

⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1970, т. 1, с. 63.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 85.

⁸ Там же, т. 41, с. 6.

⁹ Там же, т. 8, с. 47.

¹⁰ Там же, с. 468—473.

чин расхождения»¹¹. В принятой в дальнейшем на VIII съезде Второй Программе (Программе Российской Коммунистической партии большевиков) наряду со стратегически важной целью уничтожения «всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы», была сформулирована конкретная задача: «полное осуществление принципов единой трудовой школы с преподаванием на родном языке»¹².

В своей повседневной деятельности КПСС и Советское государство на всех этапах социалистического строительства чутко реагировали на особенности языковой ситуации в стране и на ход национально-языковых процессов в разнообразных сферах жизни, учитывая при этом социальную обусловленность законов развития языков, необходимость оказания помощи языковому строительству, в том числе функциональному развитию языков, особенно для ранее отсталых народов. Подтверждением тому служит факт создания в ходе языкового строительства в СССР письменности для более чем 50 бесписьменных в прошлом народов.

Первые правительственные документы Советской власти — «Декларация прав народов России», обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», первая Конституция РСФСР, принятая в 1918 году, утверждали полное равноправие граждан, независимо от их национальности, религии, расы и языка.

Исключительно важную роль для развития всей сферы языковой жизни, для успешного осуществления ленинской национально-языковой политики сыграли также исторические решения X и XII съездов партии, указавших конкретные пути развития общественных функций языков народов СССР. В резолюции X съезда отмечалось, что «задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед Центральную Россию, помочь им: ...б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке (в первую голову для киргизов, башкир, туркмен, узбеков, таджиков, азербайджанцев, татар, дагестанцев) для ускоренной подготовки туземных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления и прежде всего в области просвещения»¹³. Подводя в 1922 г. итоги первым шагам Советской власти по решению национального и национально-языкового вопросов, В. И. Ленин писал: «Наш опыт решения в течение пяти лет национального вопроса в государстве, содержащем в себе такое обилие национальностей, которое едва ли можно найти в других странах, всецело убеждает нас в том, что единственно правильным отношением к интересам наций в подобных случаях будет максимальное их удовлетворение и создание условий, которые исключают всяческую возможность конфликтов на этой почве. Наш опыт создал в нас непреклонное убеждение, что только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие, устраняет опасение каких-нибудь интриг, создает то доверие, в особенности рабочих и крестьян, говорящих на разных языках, без которого ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны»¹⁴.

Идеи Ленина о равноправном развитии языков и конкретные положения X съезда партии были в дальнейшем подтверждены и развиты XII съездом, выдвинувшим задачу такого устройства центральных органов, которое обеспечивало бы возможность чутко и полно отражать «не

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 214.

¹² КПСС в резолюциях и решениях..., т. 2, с. 45, 48.

¹³ Там же, с. 252.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 240.

только общие нужды и потребности всех национальностей Союза, но и специальные нужды и потребности отдельных национальностей»¹⁵. Исходя из этого, съезд рекомендовал в качестве одной из первоочередных мер добиться того, чтобы: «были изданы специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, обслуживающих местное инонациональное население и национальные меньшинства, — законы, преследующие и карающие со всей революционной суровостью всех нарушителей национальных прав и в особенности, прав национальных меньшинств»¹⁶.

В ходе социалистического строительства и связанных с ним индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, осуществления культурной революции и решения национального вопроса, происходил небывалый подъем социально-культурного уровня всех наций и народностей нашей страны, возрастал материальный и духовный потенциал многонационального советского общества, развевалась творческая энергия масс, развивались национальные культуры и языки народов СССР. Все нации и народности получили возможность обучать своих детей на родном языке и активно приобщаться к языку межнационального общения.

И сегодня у нас есть все основания сделать вывод о том, что развитие и взаимодействие культур и языков народов СССР представляет собой уникальное, закрепленное в Конституции СССР 1977 г., многообразное и сложное явление, не имеющее аналогов в истории человечества. На 78 языках создаются национальные литературы, на 42 языках идут спектакли на сценах страны, на 46 языках издаются журналы, на 52 — печатаются учебники для средней школы, на 67 — ведется радиовещание¹⁷.

Наши идейные противники прилагают немало усилий к тому, чтобы фальсифицировать процессы функционального развития национальных языков в СССР, пытаются замалчивать факты их возрождения в советскую эпоху. Как известно, одним из показателей уровня развития национальной культуры служат толковые словари, в которых аккумулируются слова, отражающие изменения в материальной и духовной культуре нации, а также процессы интернационализации образа жизни и духовного мира народов. Так, например, созданный Институтом языковедения имени А. А. Потебни АН УССР одиннадцатитомный словарь украинского национального языка, содержащий около 135 тыс. слов, свыше 600 тыс. толкований, объясняющих значение этих слов, более 12 тыс. устойчивых словосочетаний, дает наглядное представление об интенсивном расширении социальных, культурных, научных и др. явлений и понятий, с которыми в наши дни имеет дело украинская социалистическая нация.

Спекулируя на том, что в Советском Союзе увеличивается доля лиц нерусской национальности, свободно владеющих русским языком, зарубежные реакционные социологи и языковеды делают вывод о «языковой ассимиляции», якобы имеющей место в Советском Союзе. В действительности же, только Советская власть, уничтожив всякие национальные привилегии, в том числе и в языковой сфере, дала возможность многим народам бывшей царской России впервые за всю историю их существования не только приобрести письменность, но и сформировать развитые литературные языки. Очень важно то, что в Советском Союзе родной язык населения чаще всего совпадает с национальной (этнической) принадлежностью. Так, например, в ходе Всесоюзной переписи населения 1959 г. родным назвали язык своей национальности 94,3% населения

¹⁵ КПСС в резолюциях и решениях..., т. 2, с. 440.

¹⁶ Там же, с. 441.

¹⁷ Ханазаров К. Х. Язык дружбы и братства. Правда, 10 июня 1983; см. также: Советская культура, 14 июля 1983.

СССР, в том числе 87,6% нерусского населения, в 1970 г. соответственно — 93,9% и 87,0%, в 1979 г. — 93,1% и 85,6%¹⁸.

За годы Советской власти книги и брошюры в СССР издавались на 159 языках, в том числе на 89 языках народов СССР¹⁹. Только художественной литературы на языках народов СССР за 1918—1980 гг. было выпущено 284,8 тыс. книг, общим тиражом 13,3 млрд. экземпляров, в том числе: на русском языке 168,3 тыс. книг тиражом 10,6 млрд. экз., на украинском соответственно 25,1 тыс. и 919,2 млн., на белорусском — 5,8 и 158,4, на узбекском — 5,2 и 142,9, на казахском — 5,3 и 123,2, грузинском — 9,7 и 133,3, азербайджанском — 5,4 и 89,6, литовском — 4,2 и 104,0, молдавском — 2,8 и 57,2, латышском — 4,7 и 132,5, киргизском — 3,3 и 51,8, таджикском — 2,1 и 41,1, армянском — 5,9 и 94,7, туркменском — 2,0 и 42,1, эстонском — 3,5 и 91,0²⁰.

Издание книг на языках народов СССР прошло сложный путь развития: от выпуска в 20-х годах небольших по объему брошюр В. И. Ленина — до полного собрания его сочинений, от первых букварей — до многотомных энциклопедий, от небольших книжечек стихов — до многотомных собраний сочинений.

Уже вышли в свет на национальных языках восьмитомная Молдавская советская энциклопедия, третий том первой шеститомной Таджикской, десятые тома Литовской и выходящей вторым изданием двенадцатитомной Украинской советской энциклопедии и т. д.

В наши дни в союзных республиках в основном публикуются оригинальные издания (в 1980 г. их было 77 по числу названий и 60,2% по тиражу). Вместе с тем возрастает вклад национальных культур в общесоветскую культуру: в 1980 г., например, тиражом 51 млн. экз. было издано 950 книг, переведенных с языков народов СССР на русский язык, в том числе 102 — с украинского, 45 — с белорусского, 52 — с узбекского, 49 — с казахского, 30 — с грузинского, 43 — с азербайджанского, 46 — с литовского, 29 — с молдавского, 112 — с латышского, 31 — с киргизского, 20 — с таджикского, 55 — с армянского, 15 — с туркменского, 66 — с эстонского, 169 — с языков коренных национальностей автономных республик РСФСР²¹.

О грандиозных масштабах взаимодействия национальных культур, а также литературных языков народов СССР убедительно свидетельствуют и такие факты: в 1980 году в нашей стране были осуществлены переводы книг и брошюр на 102 языка, в том числе с русского — на 97 языков, с украинского — на 22, с литовского и эстонского (с каждого) — на 20, с киргизского — на 17, с белорусского — на 16, с узбекского — на 15, с латышского и армянского (с каждого) — на 12, с азербайджанского, казахского и молдавского (с каждого) — на 11, с грузинского, таджикского и туркменского (с каждого) — на 10²².

Проявлением заботы партии и Советского государства о дальнейшем функциональном развитии языков народов СССР и о творческом взаимодействии национальных культур является, в частности, решение Госкомиздата СССР «О состоянии и мерах по улучшению перевода и выпуска произведений художественной литературы народов СССР издательствами союзных республик» (1981 г.). Работа по переводу и выпуску произведений художественной литературы народов СССР, как подчеркнуто в этом постановлении, считается одним из важнейших направлений деятельности госкомиздатов союзных республик и всех издательств, выпускающих художественную и детскую литературу²³.

¹⁸ Расчеты произведены по источникам: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. М.: Госстатиздат, 1962, с. 184; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. IV. М.: Статистика, 1973, с. 9; Население СССР. По данным переписи населения 1979 г. М.: Политиздат, 1980, с. 23.

¹⁹ Народное хозяйство СССР. 1922—1982. Юбилейный статистический сборник. М.: Статистика, 1982, с. 532—533.

²⁰ Печать в СССР в 1980 г. Статистический сборник. М.: Статистика, 1981, с. 98.

²¹ Там же, с. 28—31.

²² Там же, с. 29.

²³ Книжное обозрение, 6 марта 1981.

В союзных республиках к настоящему времени изданы или продолжают издаваться более 50 серий книг, целиком состоящих из произведений писателей народов СССР. Более 70 романов и повестей известных советских писателей вышло в свет на казахском языке в библиотечке «Дружба» издательства «Жазушы»²⁴. В украинском издательстве «Дніпро» в 1982 году была завершена подготовка популярной серии «Сокровища братских литератур», состоящей из 60 прозаических и поэтических книг, удостоенных республиканских премий по художественной литературе²⁵. Романом азербайджанского писателя М. И. Ибрагимова «Перване» узбекское издательство литературы и искусства им. Г. Гуляма в 1979 г. начало выпуск на узбекском языке 120-томной серии книг «Библиотека дружбы», включающей лучшие произведения многонациональной советской литературы. ЦК Компартии Азербайджана принял в 1983 году специальное постановление об улучшении переводческого дела в республике. Им, в частности, предусматривается выпуск на азербайджанском языке стотомной «Библиотеки мировой литературы» и пятидесятитомной «Библиотеки мировой литературы для детей»²⁶.

Нельзя не подчеркнуть, что переводы на национальные языки многотомных произведений иномациональной литературы — задача не из легких. И сама постановка такой фундаментальной задачи в конце 70-х — начале 80-х годов свидетельствует, во-первых, о невиданном расширении общественных функций национальных языков, во-вторых — о наличии в республиках сложившейся школы художественного перевода, в-третьих, о возросшем материально-техническом и духовном потенциале и высоком уровне социально-культурного развития социалистических наций, оперативно включающих в фонды своих профессиональных художественных культур (многие из которых созданы по существу только в советское время) лучшие произведения братских народов, и, наконец, в-четвертых, о неизмеримо расширившихся в условиях развитого социализма (в отличие от предыдущих этапов) масштабах функционального развития и взаимодействия языков народов СССР.

В свою очередь центральные издательства делают многое для ознакомления русского и русскоязычного читателя с творчеством писателей и поэтов из всех союзных республик и зарубежных стран. Одним из ярких примеров этой большой работы, наряду с получившей широкую известность двухсоттомной «Библиотекой всемирной литературы» (БВЛ), познакомившей русскоязычных читателей с 25 800 произведениями 3235 писателей всех времен в переводах более чем со 100 языков²⁷, может служить новая серия — Библиотека «Дерево дружбы» издательства «Современник». Издание первой книги («В семье вольной, новой») со стихами русских и украинских поэтов было приурочено к двум знаменательным годовщинам — 60-летию образования СССР и 1500-летию Киева. В 1983 г. в этой серии вышли еще две книги. В сборник «В ладонях гор» вошли лучшие стихи армянских и русских поэтов, воспевающие союз братских народов, а в приуроченную к 200-летию Георгиевского трактата книгу «Двойная радуга» — стихи русских и грузинских авторов, воспевающие дружбу русского и грузинского народов²⁸.

В современных условиях, благодаря общему подъему социально-культурного уровня социалистических наций и народностей, формированию национальных отрядов творческой интеллигенции, невиданному развитию общественных функций родных языков, народы СССР имеют возможность читать произведения более чем 8670 профессиональных литераторов — членов Союза писателей СССР, пишущих, как отмечалось на седьмом съезде писателей СССР, свои произведения главным образом на родных языках²⁹.

²⁴ Книжное обозрение, 29 октября 1982.

²⁵ Там же, 27 августа 1982.

²⁶ Литературная газета, 25 мая 1983.

²⁷ Там же.

²⁸ Книжное обозрение, 24 июня 1983; 28 октября 1983.

²⁹ Седьмой съезд писателей СССР. Стенографический отчет. М.: Советский писатель, 1983, с. 587.

В годы социалистического строительства партия создавала условия для ускоренной подготовки национальных кадров, в том числе и творческой интеллигенции из представителей местных национальностей. В ликвидации былого фактического неравенства народов эта линия партии, бесспорно, сыграла огромную роль.

Таким образом, можно сказать, что лаконично сформулированная В. И. Лениным еще в 1914 году в «Тезисах реферата по национальному вопросу» задача: «Сплочение национальных областей (воссоздание языка, национальное пробуждение etc.)...»³⁰, — сегодня успешно осуществлена.

Неотъемлемой составной частью общественных отношений в современном советском обществе является их «языковое обеспечение», т. е. использование языка или нескольких языков как средства общения. В узком смысле языковая политика представляет собой единство трех важнейших компонентов: 1) графизации (разработка и совершенствование письменности), 2) стандартизации (унификация норм языка в его письменной и устной формах), 3) модернизации (лексическое, терминологическое, стилистическое и синтаксическое обогащение языка). В широком смысле языковая политика оказывает воздействие не только на структурное и функциональное развитие языка, но и на национальную культуру, на социальный прогресс нации в целом. И в этой связи для многонационального советского общества актуально и жизненно важно создание благоприятных условий для соразмерного и гармоничного развития процесса сосуществования и взаимодействия национальных языков и русского языка в каждом регионе, в каждой союзной и автономной республике. Словом, суть национально-языковой политики КПСС состоит в том, чтобы, всемерно обеспечивая возможности развития родных языков народов СССР, одновременно способствовать их приобщению к достижениям мировой культуры с помощью русского языка. С методологической точки зрения необходимым условием осуществления взаимосвязи между языковой политикой и социально-культурным развитием наций и народностей, выступает разумное, целенаправленное влияние общества на языковые аспекты работы всех звеньев системы народного образования, средств массовой коммуникации, издательской деятельности и государственных и общественных организаций и учреждений.

Основой общей интенсификации языковой жизни народов СССР в современных условиях является последовательное соблюдение ленинских принципов равноправия в осуществлении национальной, в том числе языковой политики.

Конституция СССР предусматривает равенство языков и народов во всех сферах производственной, общественно-политической и культурно-бытовой деятельности. Это — великое завоевание ленинской национальной политики, воплощение того, о чем думал В. И. Ленин еще накануне Октября. «Местные самоуправляющиеся учреждения..., — по мысли В. И. Ленина, — определяют язык, на котором ведутся дела всех государственных и общественных установлений данной местности или края, причем всякое иномациональное меньшинство вправе требовать безусловной охраны прав своего языка на основании принципа равноправия, например, права получать ответ от государственных и общественных установлений на том же языке, на котором было обращение»³¹. Сегодня, согласно Конституции СССР, во всех сферах советского социалистического образа жизни соблюдается принцип языкового равноправия³².

Массовое приобщение народов к русскому языку как языку межнационального общения, при одновременном сохранении языка своей национальности свидетельствует о том, что научно обоснованная языковая политика дает свои результаты.

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 385.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 136.

³² См., например, Конституция СССР. М.: Юридическая литература, 1978, с. 81, 115, 156, 185, 194, 328—329, 363, 396, 431, 465, 498, 533, 566 и др.

О развитии общественных функций национальных языков уже говорилось. Рассмотрим некоторые данные о развитии двуязычия. Всесоюзная перепись населения 1979 г. свидетельствует о том, что за 9 лет, прошедших между последними двумя переписями, общая численность лиц, свободно владеющих русским языком (включая самих русских), увеличилась со 183,7 млн. до 214 млн. чел. или с 76 до 81,9% всего населения СССР. За это же время численность лиц нерусской национальности, свободно владеющих русским языком в качестве второго, возросла почти на 20 млн. чел. — с 41,9 до 61,3 млн. чел. Вместе с тем увеличилась группа нерусского населения (с 13,0 млн. до 16,3 млн. чел.), для которой русский язык стал родным. В итоге, если в 1970 г. русским языком свободно владели 48,7% нерусского населения, то в 1979 г. — 62,2%.

Распространение русского языка среди коренных национальностей союзных республик в этот период шло неравномерно. Так, например, с 1970 по 1979 г. доля узбеков, свободно владеющих русским языком, увеличилась на 34,8% (с 14,5 до 49,3), литовцев — на 16,2% (с 35,9 до 52,1), таджиков — на 14,2% (с 15,4 до 29,6), украинцев — на 13,5% (с 36,3 до 49,8), азербайджанцев — на 12,9% (с 16,6 до 29,5), латышей — на 11,5% (с 45,2 до 56,7), молдаван — на 11,3% (с 36,1 до 47,4), казахов — на 10,5% (с 41,8 до 52,3), киргизов — на 10,3% (с 19,1 до 29,4), туркмен — на 10,0% (с 15,4 до 25,4), армян — на 8,5% (с 30,1 до 38,6), белорусов — на 8,0% (с 49,0 до 57,0), грузин — на 5,4% (с 21,3 до 26,7)³³.

Развитие языковой жизни союзных республик под воздействием объективных факторов ведет к выравниванию коренных национальностей союзных республик по масштабам распространения среди них национально-русского двуязычия. Для того, чтобы нормально функционировала языковая «модель» периода развитого социализма — национально-русское двуязычие³⁴ — необходимо предусматривать создание благоприятных условий для развития каждой из составных частей указанной модели. Показательны в этом отношении принятые в начале 80-х годов постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера» (26 февраля 1980 г.) и «Об организаторской и политической работе партийных организаций Грузинской ССР по подготовке к 60-летию образования СССР» (20 июля 1982 г.). В первом из этих документов Академии наук СССР было предложено для активизации лингвистических и социологических исследований по проблемам развития письменности на языках народностей Севера, предоставлять специалистам в данной области, в том числе авторам учебников, издаваемых на этих языках, особые благоприятные условия³⁵. Во втором документе — в одном ряду с последовательной работой республиканской партийной организации по дальнейшему укреплению братской дружбы народов, совершенствованию патриотического и интернационального воспитания, упрочению демократического централизма во всех сферах жизни общества, усилению идейно-воспитательной работы среди различных национальностей республики положительно оценивались и меры, принятые «по улучшению преподавания и изучения грузинского, абхазского, осетинского и других языков национальностей и народностей республики, русского языка как средства межнационального общения»³⁶.

Развитию общественных функций родных языков и распространению русского языка в 70-е годы большое внимание уделяли все республиканские партийные организации. Например, первый секретарь ЦК КП Грузии Э. А. Шеварднадзе писал: «Мы у себя в республике ставим вопрос

³³ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. IV, с. 9—11; Население СССР: по данным переписи населения 1979 г., с. 23—24.

³⁴ Косолапов Р. И. Классовые и национальные отношения на этапе развитого социализма. — В кн.: Воспитывать убежденных патриотов-интернационалистов. М.: Политиздат, 1982, с. 171.

³⁵ Правда, 26 февраля 1980.

³⁶ Правда, 20 июля 1982.

так: наряду с родным языком каждый должен овладеть русским — языком братства всех народов СССР, языком Октября, языком Ленина»³⁷.

Следует обратить внимание на то, что в перечисленных партийных документах, как правило, разрабатывается система мероприятий, охватывающих различные стороны этноязыковых процессов — от повышения уровня владения языком — до формирования социально осознанной потребности в нем. Так, например, в принимавшихся в 1972, 1974 и 1978 гг. в Азербайджане специальных решениях по дальнейшему улучшению преподавания русского языка, предусматривалась пропаганда его среди широких слоев населения республики³⁸. На VII Пленуме ЦК Компартии Литвы (1977 г.) был рассмотрен вопрос «О мерах дальнейшего усиления партийного руководства народным образованием в республике в свете требований XXV съезда КПСС». В принятом постановлении были разработаны мероприятия на десятую пятилетку по совершенствованию обучения русскому языку во всех звеньях среднего, среднего специального и высшего образования республики³⁹.

В Постановлении «О мерах по дальнейшему развитию интернациональных связей трудящихся Азербайджана с трудящимися братских советских республик», принятом в ноябре 1981 г., отмечалось то важное значение, которое придается овладению широкими массами трудящихся русским языком — языком Ленина и Великого Октября, языком межнационального общения, братства и дружбы народов. В этом же документе особо подчеркивалось, что «в азербайджанских школах, наряду с родным языком, русский язык изучается с первого класса, значительно расширена программа его преподавания»⁴⁰.

В соответствии с принятыми постановлениями в союзных и автономных республиках были улучшены учебники и учебные пособия по русскому языку, в основу которых положена комплексная система обучения, направленная на практическую речевую деятельность, на умение свободно разговаривать по-русски. Было, в частности, увеличено количество часов, отводимых для изучения русского языка в школах, предусмотрены меры по повышению профессиональной квалификации преподавателей русского языка, усовершенствована техническая оснащённость учебных кабинетов.

Мы смогли привести лишь отдельные примеры той большой работы по созданию благоприятных условий для приобщения нерусского населения к языку межнационального общения, которую провели республиканские партийные и общественные организации в 70-е годы.

В то же время важно, как подчеркивал Первый секретарь ЦК Компартии Латвийской ССР А. Э. Восс на Всесоюзной научно-практической конференции «Развитие национальных отношений в условиях зрелого социализма. Опыт и проблемы патриотического и интернационального воспитания» (Рига, июнь, 1982 г.) «...чтобы русские и представители других национальностей, получающие образование в республиках, знали язык коренной национальности. Это позволит активнее использовать их в народном хозяйстве, партийном, государственном аппарате и в области культуры»⁴¹.

Для характеристики современных этноязыковых процессов имеет смысл проанализировать их важнейшие тенденции. Они обнаруживаются при сопоставлении данных, касающихся различных возрастных групп двуязычного населения. Так, например, самый высокий удельный вес двуязычия среди лиц коренных национальностей союзных республик — 57,3% (в среднем по всем национальностям) был зафиксирован пере-

³⁷ Шеварднадзе Э. А. Интернациональное воспитание масс.— Коммунист, 1977, № 3, с. 49.

³⁸ Цит. по: Русский язык — язык дружбы и сотрудничества народов СССР. М.: Наука, 1981, с. 147.

³⁹ Там же, с. 153.

⁴⁰ Вышка, 15 ноября 1981.

⁴¹ Восс А. Э. О дальнейшем усилении патриотического и интернационального воспитания трудящихся.— В кн.: Воспитывать убежденных патриотов-интернационалистов, с. 52.

письмо 1970 г. среди молодежи в возрасте — 20—29 лет, самый низкий — 19,2% — среди тех, кому исполнилось 60 лет и более. Иными словами, распространение русского языка у молодежи было шире, чем у пожилых, почти в 3 раза — среди коренных национальностей союзных республик, и почти в 2 раза — среди коренных национальностей автономных республик РСФСР.

Школьные годы 20—29-летних пришлись на 50-е—60-е годы и совпали в основном с завершением социалистического строительства и переходом страны в развитый социализм. Из этого можно сделать важный вывод. Поскольку среди всей молодежи и лиц среднего возраста распространенность национально-русского двуязычия в конце 60-х — начале 70-х годов имела значительные размеры, постольку можно считать, что становление общенародного двуязычия, которое началось (особенно у коренных народов автономных республик РСФСР) в 30-е годы, совпало у этих поколений со временем образования новой исторической общности — советского народа.

Национально-русское двуязычие в послевоенный период, и особенно в условиях развитого социалистического общества, можно рассматривать как нарастающий процесс. В яркой, образной форме суть этой тенденции определила балкарская поэтесса Танзиля Зумакулова: «Две реки текут в моем сердце, не мелея, становясь одной». Выражая чувства и мысли многих людей своей национальности (да и не только своей) по поводу интернационального единства родного и русского языка, она в стихотворении «Два языка» писала:

Забыв родной язык —
Я немею.
Утратив русский —
Стану я глухой! ⁴²

Данные статистики неоспоримо подтвердили, во-первых, что среди молодежи и лиц среднего возраста национально-русское двуязычие в 1979 г. сохранилось в целом на том же уровне, что и в 1970 г., и во-вторых, тенденцию приближения к полному охвату двуязычием и значительной части лиц среднего и пожилого возраста. Вместе с тем, укрепление общенародного национально-русского двуязычия не снимало задач, стоящих перед органами народного образования, по дальнейшему совершенствованию в 70-е — начале 80-х годов преподавания национальных языков и русского языка в национальных школах и задач по созданию благоприятных возможностей для глубокого овладения представителями нерусских национальностей русским языком.

В 1983 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о дополнительных мерах по улучшению изучения русского языка ⁴³. В этом постановлении говорится, в частности, что многие мероприятия были разработаны в соответствии «с предложениями, поступившими из союзных и автономных республик» ⁴⁴, и что «свободное владение русским языком, наряду с родным, как правильно отмечается в письмах граждан, поступающих с мест, становится объективной необходимостью и потребностью каждого гражданина, служит дальнейшему сближению всех наций и народностей, укреплению дружбы народов СССР, их приобщению к духовным ценностям отечественной и мировой культуры, достижениям научно-технического прогресса» ⁴⁵. В постановлении намечен комплекс мероприятий, направленных на создание условий, облегчающих изучение русского языка в национальных республи-

⁴² Зумакулова Т. Стихи. М., 1966, с. 85.

⁴³ Правда, 27 мая 1983.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же

как с тем, чтобы удовлетворить стремление учащейся молодежи всех нерусских национальностей страны овладеть русским языком⁴⁶. Совершенствование изучения и преподавания родных языков и русского языка — это, конечно, не разовое мероприятие, а непрерывный трудоемкий и долговременный процесс. На июньском пленуме ЦК КПСС специально говорилось о национально-русском двуязычии. «Возьмем такое прогрессивное явление, как сложившееся у нас свободное владение наряду с языком своей национальности — русским языком — языком межнационального общения. Оно получило широкое распространение. Но есть еще немало фактов, когда слабое знание русского языка ограничивает доступ человеку к богатствам интернациональной культуры, сужает круг его деятельности и общения. ЦК КПСС и Совет Министров СССР недавно приняли постановление по созданию условий, облегчающих населению национальных республик изучение русского языка. Его надо активно проводить в жизнь»⁴⁷. Осуществление указанного постановления в немалой мере зависит от того, в каких условиях само это двуязычие функционирует, то есть, как проявляется приобретенное знание в реальной речевой практике, в разнообразных сферах жизнедеятельности советских народов.

Двуязычие в условиях нашей страны представляет собой конкретную форму выражения диалектического единства национального и интернационального в языковой жизни. Развитие общественных функций одного языка за счет другого в условиях социализма недопустимо. Суть взаимоотношений между ними сводится к тому, что язык межнационального общения распространяется и функционирует без принуждения, при условии дальнейшего развития общественных функций родных языков и в соответствии с реальными потребностями всех народов СССР. «При организации массово-политических мероприятий, — говорил А. Э. Восс, — мы всегда стремимся соблюдать принцип двуязычия, т. е. стараемся проводить все мероприятия одновременно или поочередно на латышском и русском языках, так как лица этих национальностей, лица, владеющие этими языками, составляют в трудовых коллективах абсолютное большинство. Через соответствующие объявления трудящиеся оповещаются о том, на каком языке будет проводиться данное мероприятие. Там, где для этого имеются технические возможности, применяются наушники или другие средства синхронного перевода»⁴⁸.

Будучи интернациональным по сути, содержанию и формам проявления, национально-русское двуязычие одновременно выступает как фактор, средство, условие и результат процессов интернационализации хозяйственной и духовной жизни народов СССР.

Интернациональный характер процессов двуязычия проявляется не только в самом факте усвоения людьми второго языка и употребления его в тех или иных сферах жизнедеятельности. Интернационализм советской модели двуязычия гораздо глубже, многоплановее и многостороннее, так как фактически и символически проявляется в широком диапазоне от двуязычия отдельной личности до двуязычия всего народа, то есть до общенародного двуязычия. Право на двуязычие отдельного человека гарантируется Конституцией СССР и фиксируется, в частности, в советском паспорте, едином для всех советских людей документе, удостоверяющем личность гражданина Советского Союза, и напечатанном, как правило, на двух языках — на русском и на языке коренной национальности той союзной или автономной республики, на территории которой он выдается. Право на двуязычие всего народа закреплено в конституциях союзных республик и символически отражено в Государственном Гербе Советского Союза, представляющем собой в соответ-

⁴⁶ Правда, 27 мая 1983.

⁴⁷ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 14—15 июня 1983 года. М., 1983, с. 59—60.

⁴⁸ Восс Э. А. Указ. раб., с. 50.

стии Конституции СССР «изображение серпа и молота на фоне земного шара, в лучах солнца и обрамлении колосьев, с надписью на языках союзных республик: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“»⁴⁹.

В богатой по содержанию и смыслу символике, несущей в себе глубокие являющиеся, революционные, классовые, интернациональные и гуманистические идеи, в одном ряду с символами труда и единства рабочих и крестьян (серп и молот), интернационального дела освобождения трудящихся на всех пяти континентах земного шара (пятиконечная звезда), мира, добра и хлеба (хлебные колосья), света новой жизни (лучи восходящего солнца) и революционного сплочения, свободы и равенства, дружбы и братства народов (бессмертный лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на лентах, обвивающих хлебные колосья), находится и символ языка (надпись на лентах на 15 языках). Конституционное выражение процессов двуязычия отражают и надписи на Государственных гербах союзных республик — суверенных советских социалистических государств⁵⁰.

Интернационалистская сущность национально-русского двуязычия проявляется, в частности, и в том, что названия улиц, государственных и общественных организаций, предприятий торговли, культуры и быта и т. п., как правило, дублируются, то есть обозначаются на языке коренной национальности и на русском языке. Еще одним ярким примером, символически подтверждающим братство и содружество советских народов и их языков служит, например, монумент «Дружба навеки», воздвигнутый в Москве в связи с 200-летием Георгиевского трактата и символизирующий многовековое содружество России и Грузии, русского и грузинского народов, русского и грузинского языков. На всю высоту 42-метрового памятника из кованой меди, увенчанного символическим сплетением хлебных колосьев и виноградной лозы, восходят буквы русского и грузинского алфавитов, слагающиеся в слова: «Мир, труд, единство, братство, дружба»⁵¹.

Совершенствование развитого социализма предполагает дальнейшую активизацию общения между национальностями СССР. Поэтому важной задачей идеологической и воспитательной работы партии на современном этапе остается пропаганда национально-русского двуязычия, систематическое изучение современных этноязыковых процессов, анализ и разъяснение значения и социальной значимости национально-русского двуязычия в дальнейшем укреплении интернационального единства новой исторической общности — советского народа. Идеологическая направленность языковой политики сводится к тому, чтобы естественная потребность в родном языке и одновременно в языке межнационального общения свободно проявлялась всеми гражданами СССР и стала их убеждением.

Республиканские партийные организации, обсудив на своих пленумах задачи, выдвинутые июньским (1983 г.) Пленумом ЦК КПСС, подчеркнули важность формирования коммунистического сознания трудящихся, развитие их трудовой и общественной активности в тесном единстве со всей политической, организаторской и хозяйственной деятельностью. В докладах первых секретарей ЦК компартий союзных республик и в других выступлениях затрагивались и актуальные проблемы национальных отношений и языковой жизни населения союзных и автономных республик. Так, например, на пленуме ЦК компартии Казахстана, состоявшемся 29 июня 1983 года, констатировалось, что массовое добровольное овладение русским языком как средством межнационального общения, стало важным фактором социально-экономических процессов и перемен, заметно усилило интернационализацию всех сторон жизни. «Однако все это, — как отмечалось на этом же пленуме, — нахо-

⁴⁹ Конституция СССР. Конституции союзных советских социалистических республик, с. 45.

⁵⁰ Там же, с. 120, 150; 153, 186, 189, 219; 223, 257; 261, 295; 299, 329; 333, 364; 367, 397; 401, 432; 435, 466; 469, 499; 503, 534; 537, 567.

⁵¹ Правда, 31 мая 1983; Советская культура, 23 июня 1983.

дит слабое отражение в исследованиях ученых-обществоведов»⁵². На пленуме ЦК компартии Киргизии (август, 1983 г.) говорилось о русском языке как втором родном языке, важнейшем средстве межнационального общения для представителей более чем восьмидесяти наций и народностей, проживающих в республике⁵³.

Как и все остальные наши достижения и победы, решение национально-языковых проблем наш народ по праву связывает с многогранной деятельностью КПСС — руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы. «Развитие такого крупного многонационального государства, как наше, — говорилось в Постановлении ЦК КПСС „О 80-летию Второго съезда РСДРП“, — рождает вместе с тем новые процессы и проблемы, требующие пристального внимания. КПСС обеспечивает последовательное совершенствование размещения производительных сил в рамках единого общесоюзного народнохозяйственного комплекса, заботится о росте национальных отрядов рабочего класса, должном представительстве трудящихся всех наций в партийных и государственных органах, воспитывает советских людей в духе дружбы и братства народов, любви к своей единой Советской Родине»⁵⁴.

Безраздельно доверяя нашей Ленинской партии, ее руководству, советский народ полностью поддерживает ее внешнюю и внутреннюю политику, в том числе национальную, направленную на гармоническое сочетание национальных и интернациональных интересов, затрагивающих и сферу языковой жизни, на создание таких социальных условий, в которых расцвет, всестороннее развитие каждой национальности служат предпосылкой подъема и расцвета всего нашего братского Союза.

⁵² Правда, 30 июня 1983.

⁵³ Правда, 3 августа 1983.

⁵⁴ Правда, 5 апреля 1983.

Ю. В. Бромлей, В. А. Тишков

XI МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Важными условиями успешного развития любой отрасли современно-го знания являются обмен научной информацией, творческие дискуссии, личные контакты и сотрудничество ученых разных стран мира. Сегодня в мире, вероятно, тысячи ученых причисляют себя к категории этнографов или антропологов. При этом понятие «антропология» на Западе включает не только физическую, но и социальную и культурную антропологию, археологию и частично лингвистику. Естественно, что международные конгрессы представителей этих дисциплин, созываемые вот уже столетия один раз в пять лет Международным союзом антропологических и этнологических наук (МСАЭН), представляют редкую возможность взглянуть на всю отрасль знания в целом, проследить развитие отдельных дисциплин и поддисциплин, конкретных направлений и тематических исследований.

Конечно, в ходе международных конгрессов отдельным их участникам нередко бывает довольно трудно создать достаточно отчетливую общую картину состояния соответствующей отрасли науки. Обилие докладов, секций и симпозиумов затрудняет осмысление картины научных итогов столь крупного собрания. Однако некоторые из них, характеризующие тенденции развития науки на современном этапе, все-таки можно осветить.

Очередной XI Международный конгресс антропологических и этнологических наук состоялся 14—25 августа 1983 г. в Канаде (в Квебеке и Ванкувере).

В работе конгресса приняло участие 2,5 тыс. ученых примерно из 50 стран. Самыми многочисленными были делегации антропологов и этнологов из США и Канады, насчитывавшие по несколько сот человек каждая. В советской делегации (во главе с Ю. В. Бромлеем) было 18 человек (этнографов, этносоциологов, археологов, фольклористов, антропологов), представлявших научные учреждения Москвы, Ленинграда, Новосибирска, а также Украины, Белоруссии, Кавказа, Поволжья, Дальнего Востока.

Конгресс проходил под девизом «Наука о народах мира и общечеловечность». Особое внимание при этом было уделено характеристике самих народов. На многочисленных секциях конгресса были рассмотрены самые различные аспекты образа жизни во всех регионах мира: от самобытных трудовых традиций до своеобразия духовного мира и повседневного бытового поведения в различные эпохи (от первобытности до наших дней). Но главная направленность работы конгресса заключалась в обсуждении места и роли этнологической науки в решении современных общественных проблем: связи и сотрудничества антропологов и этнографов с различными общественными институтами и профессиональными группами; пропаганды и конкретного использования результатов научных исследований, в том числе в вопросах управления обществом, внутренней и внешней политики государств. Особоченность западных ученых повышением статуса своей науки объясняется не только все более сложным характером происходящих в отдельных странах и в мире в целом этнонациональных процессов. Она связана также с резким падением авторитета этнологического антропологического исследований, особенно у общественности развивающихся стран. Здесь буржуазная наука оказалась бессильной выработать какие-либо объективные и действенные рекомендации в интересах развития самих народов и для преодоления ими негативных последствий колониального прошлого. Более того, в определенной мере работы западных антропологов оказались самым непосредственным образом подчиненными интересам крупного монополистического капитала, а в ряде случаев — даже связанными с деятельностью спецслужб империалистических государств.

Заботой о повышении научной объективности и общественной ответственности антропологических и этнографических исследований были проникнуты многие выступления на конгрессе. Именно об этом шла речь в докладе президента антропологической ассоциации Франции Ж. Кондоминаса «Будущее антропологии», который был сделан на церемонии открытия конгресса. Тематами других пленарных или, вернее, межсекционных сессий были: «Четвертый мир: коренные народы в национальных государствах», «Археология и общечеловечность», «Заселение Америки: физико-антропологические перспективы». На первой из них выступил один из лидеров индейского движения, бывший президент Национального братства индейцев Канады Жорж Мануэл, который призвал ученых оказать действенную помощь борьбе индейцев за свои права. На сессии археологов в центре обсуждения были вопросы учета и охраны археологических памятников. Это волнует не только археологов и антропологов, но и широкие круги общественности многих стран. В целом, однако, пленарные заседания не заняли ведущей роли в программе конгресса, да таковая им и не отводилась его организаторами. Ни руководство МСАЭН, ни организационный комитет не сделали попытки выделить и вынести на широкое обсуждение какие-то кардинальные и актуальные проблемы науки, вопросы теории и методологии, которые интересуют самый широкий круг специалистов. В этом проявился прежде всего эмпирико-прагматический подход со стороны западных ученых к вопросам развития научного знания, что, несомненно, отрицательно сказывается на развитии антропологической и этнологической науки в целом.

И все же, несмотря на отсутствие стремления со стороны организаторов конгресса внести какие-то синтезирующие моменты в его программу и в ход научных дискуссий, наряду с рассмотрением на многочисленных симпозиумах (их было около 400) разнообразных конкретных аспектов образа жизни народов мира в поле зрения его участников находились и общеметодологические вопросы. В этом отношении особенно показателен симпозиум «Марксистский анализ в этнологии». В представленных на нем докладах «Материалистическая и диалектико-материалистическая традиции в этнологии» (К. Флюер-Лоббан, США) и «Этнографическое изучение современности» (Ю. В. Бромлей, СССР), в частности, подчеркивалась недопустимость отождествления диалектического материализма с вульгарным экономизмом и так называемым культурным материализмом, марксистского историзма — с эволюционизмом; особой критике при этом была подвергнута теория «культурного материализма» американского ученого М. Харриса, пытающегося эклектически объединить в ней неозволюционизм, структурализм и исторический материализм. Значительное внимание на симпозиуме было уделено наследию основоположников марксизма в изучении первобытного общества (Г. Гур, ГДР), а также роли марксистской теории в анализе раннеклассовых обществ (И. Зельнов, ГДР; В. Н. Попов, М. В. Крюков, СССР); по последнему вопросу на симпозиуме развернулась оживленная дискуссия о критериях определения перехода от доклассового общества к классовому.

Материалы этой дискуссии, итоги встреч с учеными, придерживающимися различных взглядов и направлений, показали, что влияние марксизма на современную буржуазную этнологию проявляется все более определенно и отчетливо, хотя и в самых различных, очень противоречивых формах. Некоторые прогрессивно настроенные исследователи подходят к марксизму-ленинизму как к целостной, универсальной теории познания и позитивно воспринимают огромный опыт ее разработки и применения в антропологии и этнографии, который накоплен советской наукой и учеными других социалистических стран. Кстати, по единодушному мнению этих ученых, переводные работы советских обществоведов, особенно периодическое издание АН СССР «Общественные науки», оказывают им неоценимую помощь в познании современной марксистско-ленинской методологии. В то же время на Западе имеется довольно пестрая по своим взглядам и убеждениям категория исследователей, особенно среди научной молодежи, которые, называя себя «марксистами», фактически берут на вооружение различные ультралевые трактовки троцкистско-маоистского толка или «неомарксистские» интерпретации в духе последователей англичанина Э. П. Томпсона или француза Л. Альтюссера. Для этой категории авторов характерно резко отрицательное отношение к советской научной литературе, на которую навешивается ярлык «догматичности». И наконец, вполне очевидно влияние и проникновение марксистского анализа в respectable буржуазную этнологию и антропологию в виде полуанонимных и скрытых заимствований, попыток включения отдельных марксистских положений и концепций в собственные теоретические конструкции и конкретные исследования. Делается это чаще всего в надежде найти выход из теоретико-методологического тупика, в котором оказалось современное буржуазное обществоведение, но не для того, чтобы внедрить марксизм в теоретический арсенал своей науки, а, наоборот, чтобы разорвать его на части и показать неправомочность отношения к учению Маркса как универсальной методологической базе.

Представляется интересным заключение, сделанное в докладе К. Флюер-Лоббан: марксистская альтернатива, использующая диалектический метод и исторический анализ, усиливает свое влияние в западной антропологической мысли. Это происходит не только по причине кризиса капитализма в странах Запада, но также и из-за отсутствия в ней какой-либо другой влиятельной идеологии и ощущения развития знания в данной области. В настоящий момент нет никаких новых

течений, которые вдохновляли бы исследования даже идеалистического характера. Добротное описание, добротная этнография остаются главным в подготовке молодых антропологов, оставляя вопросы теоретического анализа на их собственный произвольный выбор из спектра идей от чистого идеализма до культурного материализма. Ясно, сказал докладчик, что настало время для широкого внедрения марксистских исследований на Западе. Чтобы максимально использовать эту возможность, необходимо принять философию диалектического и исторического материализма в традиции, заложенной Марксом—Энгельсом—Лениным. Такой подход должен отмежевываться от культурного материализма и других форм механистического материализма, а также продолжать последовательную борьбу с разными формами идеалистической мысли.

Среди других вопросов общетеоретического характера значительное место на конгрессе занял вопрос о профиле культурно-социальной антропологии и этнологии, а также об их месте в системе наук. Это во многом обусловлено тем, что границы данных дисциплин (особенно антропологии) во многих зарубежных странах (прежде всего англоязычных) становятся все более неопределенными. Это крайне затрудняет их размежевание со смежными дисциплинами (прежде всего с социологией). Вместе с тем подчеркивалось значение междисциплинарных связей антрополого-этнологического комплекса науки. Если исключить симпозиумы по физической антропологии и археологии, то из всех остальных не менее половины было посвящено тематике, связанной с пограничными областями обществоведения — социологией, политологией, демографией. Среди них обсуждались и такие жизненно важные для функционирования этносов проблемы как влияние урбанизации и индустриализации на образ жизни народов (этой тематике было посвящено несколько симпозиумов, в том числе региональных), изменения на селе, использование традиционных ресурсов для развития сельского хозяйства, жизненный уровень народов, ценностные ориентации в социальной стратификации, средства массовой информации в сохранении национальной культуры, проблемы эмансипации женщин (по так называемой женской антропологии было шесть симпозиумов). Специальные симпозиумы были посвящены семье и альтернативе для женщин — работа или дети.

Одновременно был поднят вопрос о профессиональной занятости этнологов и антропологов. Дело в том, что во многих западных странах, особенно в США, имеется значительное число безработных — специалистов в данной области, прежде всего среди молодежи. В этой связи участниками конгресса, по предложению советской делегации, было принято обращение ко всем национальным организациям МСАЭН с призывом способствовать профессиональной занятости молодых этнографов.

Существенное внимание на конгрессе было уделено понятийно-терминологическому арсеналу антрополого-этнологических исследований, особенно в области этнической проблематики. Это тем более необходимо, что в понимании этнических явлений среди специалистов имеются немалые расхождения, притом не только в странах с различными языковыми и научными традициями, но нередко даже в пределах одной страны, в рамках одного языка. Так, наряду с наиболее распространенным общим представлением, что этнос — категория прежде всего социальная, можно встретить мнение, что это лишь биологическая общность — биологическая популяция. Вместе с тем среди сторонников первой точки зрения в свою очередь есть немалые расхождения. Одни, например, сводят фактически этнос к этническому самосознанию (это особенно характерно для западных ученых), другие, напротив, включают в число этнических свойств не только культуру, психику, самосознание, но также территорию, экономику, государственно-политическую общность. Есть, как известно, различия и в представлениях о масштабах этнических единиц: одни авторы относят к ним лишь архаические общности людей, народы, отставшие в своем развитии, обладающие родоплеменными чертами, или большие группы людей — «осколки» народов (например, украинцы в Канаде, итальянцы в США и т. д.); другие вклю-

чают в число этнических общностей также многомиллионные народы и т. д. В этой связи представляется весьма своевременной попытка создания под эгидой ЮНЕСКО специального словаря по этнической терминологии. Некоторые вопросы подготовки этого издания были освещены Ф. Риггсом (США). Он выступил на конгрессе с докладом «Концепции и терминология этнических процессов», в котором помимо характеристики основных концепций этнических процессов подчеркивалась важность достижения определенной международной конвенциональности в области этнической терминологии.

Существенное место на конгрессе занял анализ самих этнических процессов, интенсивность которых в современных условиях все более возрастает. Выявились два подхода к пониманию основных направлений этих процессов. В западной науке они обычно рассматриваются односторонне: либо абсолютизируется тенденция этнического плюрализма и игнорируются интеграционные процессы, либо преувеличиваются масштабы последних, трактуемых нередко лишь как ассимиляция. В действительности же в современных этнических процессах имеет место диалектическое сочетание двух тенденций: дифференциации и интеграции. При этом в разных социальных средах они протекают далеко не одинаково. В антагонистических в классовом отношении обществах их взаимодействие неизбежно чревато конфликтами.

В последнее время в ряде капиталистических и развивающихся стран предпринимаются попытки регулирования межнациональных отношений, осуществляются довольно крупномасштабные программы в области национальной политики. Однако концептуальные основы такой политики основаны на постулатах буржуазного либерализма, который не выходит за пределы поощрения этнокультурного разнообразия и формального предоставления «равных возможностей» представителям различных этнических групп. Опыт политики культурного плюрализма, развития двуязычия и других программ в пределах многонациональных государств был предметом рассмотрения в ряде симпозиумов. В частности, в докладе В. А. Тишкова (СССР) была дана оценка эволюции доктрины и результатов политики многокультурности в Канаде, осуществляемой с начала 1970-х годов.

Гармоничное сочетание тенденций этнического развития в условиях социализма, как известно, выражается в расцвете и сближении наций. Достижения в этой области ленинской национальной политики были раскрыты в докладах советских ученых. Особое внимание в этой связи было уделено показу роли социальных факторов в современных этнических процессах. Этой проблеме был посвящен специальный симпозиум (руководитель Ю. В. Бромлей). Проведение такого симпозиума было во многом обусловлено тем, что в западной литературе основные причины динамики этносов обычно усматриваются почти исключительно в их взаимодействии; в результате неэтнические — социальные факторы остаются вне поля зрения, хотя в действительности они играют существенную, нередко детерминирующую роль. Это было убедительно показано на данном симпозиуме в докладах советских ученых, посвященных роли образования как фактора ускорения этносоциальных процессов при социализме (Н. Я. Бромлей), современным этническим процессам в Средней Азии, Казахстане, на Кавказе (В. П. Курылев) и в Волго-Уральском регионе (Р. Г. Кузеев), этносоциальным процессам в городской семье в Армении (Э. Г. Карапетян), формированию белорусской нации (В. К. Бондарчук), древнерусским элементам в традиционной культуре украинцев (Ю. Г. Гошко) и др. Были рассмотрены также и лингвистические аспекты этнических процессов. Так, М. Самора (Филиппины) посвятил свой доклад языкам межэтнического общения на Филиппинах.

Заслуживает внимания доклад американского антрополога У. Коннора «Влияние экономического неравенства на этнические процессы», в котором сделана попытка обосновать тезис об «относительной независимости» этнонационализма и этнических конфликтов от экономических

факторов, прежде всего неравномерного хозяйственного развития этнических территорий и имущественного неравенства различных этнических групп. Признавая заслуги марксистско-ленинской теории и практики решения национальных проблем, автор высказал мнение, что экономические факторы служат скорее не первопричиной, а «катализатором и сферой проявления этнического национализма». Собственно говоря, исследователи-марксисты никогда и не абсолютизировали влияние экономических факторов в их упрощенном виде на этнические процессы: религия, язык, историко-культурные черты нередко выступают на передний план в этнических конфликтах. Определяющее влияние экономики реализуется через социально-классовую сферу общественных отношений. И здесь вывод У. Коннора о том, что «экономические факторы оказывают свое максимальное влияние там, где социально-экономический класс и этническая принадлежность совпадают», представляется вполне приемлемым. Этот доклад свидетельствует об активном интересе западных антропологов к марксистско-ленинской теории и современной научной литературе социалистических стран.

Ряд общественно значимых проблем современной жизни народов был обсужден на симпозиуме «Антропология этничности». Это прежде всего вопросы сохранения и изменчивости этнической специфики культуры и всего образа жизни народов под влиянием урбанизации и технического прогресса, адаптации традиционной культуры к модернизированным формам жизни, выявление тех элементов культуры, которые наиболее устойчиво сохраняются и приспосабливаются к современному стилю жизни. Специальный симпозиум был посвящен проблемам этнического самосознания, где обсуждались главным образом причины роста самосознания у разных народов в современных условиях.

В жизни народов в полиэтнических государствах (в частности, в США, Канаде, Великобритании, Малайзии) большое значение в направлении этнических процессов, этническом развитии, интеграции, ассимиляции имеют межэтнические отношения — проблема, которая также затрагивалась в ряде докладов зарубежных ученых. В связи с этим очень высок был интерес к докладам советских делегатов, в которых анализировались теоретические аспекты проблемы, а также результаты национальной политики социалистического государства и межнациональные отношения народов СССР. В докладе Л. М. Дробижевой (СССР) были рассмотрены изменения этнокультурных ориентаций в возрастных группах у молдаван, узбеков и эстонцев в СССР. В нем прослеживалось, как меняется этническая специфика у народов по мере урбанизации (ибо молдаване и эстонцы полярны по уровню урбанизации), какие элементы культуры сохраняются наиболее устойчиво и в младших возрастных группах, в частности язык, самосознание, некоторые аспекты поведенческой культуры, интерес к национальной профессиональной культуре, показывалась политика Советского государства, направленная на развитие и сближение культур народов СССР. Доклад М. Н. Губогло был посвящен показу результатов разработки советскими учеными проблемы этнической идентификации. В связи с этим акцентировалось внимание на роли национальной политики Советского государства.

Доклады зарубежных ученых на этом симпозиуме носили по большей своей части констатирующий, объективистский характер. Один из докладов — Е. Л. Жеррони-Лонг (Франция) «Идеология и положение этносов: американско-советские сравнения» носил скорее политический характер и обрисовывал положение национальностей в СССР в искаженном свете. В частности, гиперболизировался процесс ассимиляции, который связывался с политикой централизма. В выступлениях советских ученых по этому докладу было обращено внимание на неадекватное, искаженное отражение Жеррони-Лонг этнических процессов в СССР и неприемлемость для советских народов антитезы «плюрализм или ассимиляция». На ряде примеров из жизни народов СССР показано, что доминирующим процессом в современных условиях является

процесс интеграции, сочетаящийся с этнической дифференциацией, а процесс ассимиляции идет как добровольный.

Представляют интерес научные итоги обсуждения темы «Этнография коммуникаций». Еще в начале 60-х годов американский ученый Дел Хаймс предложил специальную программу исследований по этой теме. Его программа была принята рядом этнографов и социолингвистов в европейских странах. Коллективными усилиями специалистов была порождена новая область исследований, которую условно можно определить как «изучение социальных функций языков» (при двуязычии и многоязычии). На конгрессе был организован специальный симпозиум для обсуждения этой проблемы, где с докладами выступили: Л. М. Дробнижева — «Межэтнические отношения и этнокультурные процессы у народов Советского Союза»; М. Н. Губогло — «О взаимосвязи факторов речи и этнической идентификации», В. Еннингер (ФРГ) — «Парадигматические потери: к проблеме предопределенности и непредопределенности исследовательских постулатов»; В. Линд-Харвитц (Великобритания) — «К вопросу о взаимоотношении между „этнографией речи“ и „этнографией коммуникации“», и председатель симпозиума И. Уинки (Канада) — «Теория этнографии Дела Хаймса».

В состоявшейся в ходе обсуждения этих докладов дискуссии оживленный интерес вызвали содержащиеся в советских выступлениях положения относительно эффективности внутри- и межэтнических коммуникаций, в том числе деловых и интимных, дружеских и соседских, формальных и неформальных, в передаче этнокультурной информации, а также анализ влияния межэтнических отношений на распространение двуязычия. Следует отметить, что в ходе симпозиума была поддержана точка зрения советских докладчиков о том, что этнографию коммуникаций следует понимать не только как языковое общение, а шире.

Языковые аспекты национальных отношений рассматривались также на симпозиуме «Язык как инструмент доминирования и преобразования: политика билингвизма, языкового разделения и социальная диалектология». Доклад Д. Энгельбрехт и Л. Ортис (США) «Вопросы грамотности на местных языках в двуязычных странах» был посвящен факторам политического, социолингвистического и культурного характера, определяющим развитие грамотности на местных языках, в том числе на языке тонга в Тихом океане, кечуа в Парагвае, испанском, навахо и пуэбло в штате Нью-Мексико. Интерес слушателей вызвали приведенные в докладе факты, показывающие, как одни группы населения с энтузиазмом воспринимают распространение грамотности на родных языках своей национальности, а некоторые другие группы, напротив, изъявляют решительное нежелание принять письменную форму языков для сколько-нибудь широкого распространения грамотности на родных языках. В связи с этим, как убедительно показали авторы, возникают серьезные задачи по изучению всех факторов, влияющих на политику языкового планирования и осуществление программ распространения грамотности на родных или неродных языках населения.

В докладе М. Н. Губогло была подчеркнута мысль о том, что в классово-антагонистических обществах распространение двуязычия лимитируется национально-языковой политикой господствующей нации. Только социализм, в котором свободное развитие национальных языков возведено в ранг Основного закона, обеспечивает надежные условия для существования и функционирования двуязычия в длительной исторической перспективе. Систематическое изучение взаимосвязи между лингвистическими потребностями различных групп населения и сложившейся языковой ситуацией позволяет осуществлять национально-языковую политику на научной основе. Советский опыт решения национально-языковых проблем все больше и больше привлекает внимание многих стран, особенно недавно освободившихся от колониального господства.

Работа симпозиума показала, как в различных странах, особенно имеющих многонациональный состав населения, в центре внимания исследователей, как правило, оказываются специфические проблемы со-

временных этноязыковых процессов, взаимосвязи языка и культуры, языка и этноса, языка и общества. Несовпадение предметной области социо- и этнолингвистических исследований в свою очередь не может не оказывать воздействия на распределение интересов в проведении эмпирических и теоретических исследований. В этом смысле вполне закономерно, что для советской науки особую актуальность представляют проблемы двуязычия и многоязычия, связанные с диалектически едиными тенденциями развития и сближения наций и народностей СССР, соотношения в развитии национальных языков при одновременном распространении русского языка как языка межнационального общения, истории, теории и практики языкового строительства, разработки научных основ осуществления КПСС ленинской национально-языковой политики. В то же время для западных стран значительный удельный вес исследовательских интересов по вполне понятным причинам падает на исследования, связанные с растущей конфронтацией языков, в связи с конфронтацией этносов, имеющих неодинаковые права и неодинаковые возможности для реализации своих национальных интересов, вопросы, связанные с социальной стратификацией различных языков. Интересы же специалистов, разрабатывающих проблемы современных этноязыковых процессов в развивающихся странах, сосредоточиваются вокруг таких узловых проблем, как формирование и становление национальных литературных языков, выбор того или иного языка в качестве языка общегосударственного общения, повышения грамотности населения или, наконец, шире — как языка социального прогресса.

Большой интерес вызвала работа симпозиума «Этнология и права человека». По сути своей здесь обсуждалась проблема исторического выбора, с которой столкнулось так называемое «аборигенное» население ряда стран мира в ходе современного этапа борьбы за равенство, жизненные права и самоопределение. Следует отметить, что наибольшую активность в обсуждении этой проблемы проявили скандинавские ученые: традиционно в таких странах, как Норвегия, Дания, Швеция, довольно сильно развито общественное движение в поддержку прав аборигенного населения. Тон в этом движении прежде всего задают ученые-этнологи этих стран. Именно они создали ряд организаций, таких, например, как Международная рабочая группа по делам аборигенов, которые осуществляют полезные практические мероприятия и некоторые научные изыскания среди племенных групп в Латинской Америке, Африке и Азии.

В сделанных на симпозиуме докладах со всей отчетливостью проявились характерные черты этого направления в работе западных этнологов и антропологов. В докладе одного из организаторов симпозиума — Ж. Дэил (Дания) — был поднят очень важный вопрос о связи борьбы за самоопределение и самоуправление коренных народов Севера (эскимосов, гренландцев, саамов и др.) с процессом интенсивного хозяйственного освоения северных территорий крупным международным капиталом. Было отмечено, что в последние годы некоторые этнические меньшинства смогли добиться признания за ними исконных прав на занимаемые ими земли и на основе реализации этого «коллективного права» даже получить самоуправление (например, в 1978 г. в Гренландии). Самоопределение в пределах этнических территорий рассматривается ими как важнейший путь и средство выживания в современном мире, сохранения своей традиционной экономики и культурной самобытности. Этому подходу противостоит линия правящих кругов таких государств, как США, Канада, Дания, и многонациональных корпораций, которые в погоне за нефтегазовыми ресурсами пытаются навязать коренным жителям Севера сугубо капиталистическое, коммерческое решение вопроса на основе денежных компенсаций, совместного участия в прибылях и пр. Именно так был решен вопрос на Аляске в начале 70-х годов, где вместо права на самоуправление аборигены получили денежный выкуп и 11% территории, на которых вместо национальных органов самоуправления действуют частнокапиталистические корпорации местных жите-

лей. Этот путь, по мнению докладчика, губителен для аборигенов и представляет собой нарушение их коллективных прав как этнических меньшинств и человеческих прав.

В ряде докладов были рассмотрены аналогичные проблемы в странах Азии, Африки и Латинской Америки, где проживают многочисленные группы аборигенного населения, находящиеся зачастую на родоплеменной стадии общественного развития. Симпатизируя этим народам, осуждая нарушения их прав со стороны правительств, монополий и других групп населения, выступавшие на симпозиуме западные антропологи в целом исходили из теоретических посылок пресловутого культурного релятивизма. Они рассматривают культуру аборигенов как некую уникальную «эконишу», существование которой якобы несовместимо с «европоцентристскими» концепциями «прогресса» и «развития». Они не признают наличия исторических стадий в развитии человеческого общества, а также феномен «разностадийности» в характеристике современных народов как результат социальных и даже политических факторов в ходе их исторической эволюции. Этими исходными посылками определяется и характер основных выводов и практических рекомендаций: «оставить в покое» аборигенное население, «не навязывать» ему современную технологию, образование и прочие «реформы». Такой подход фактически не делает различий между империалистическим грабежом аборигенного населения и попытками прогрессивных, революционных правительств и сил в ряде стран решить проблемы отсталости ряда этнических групп путем радикальных социально-экономических и политических преобразований, социалистического строительства.

Трудно сегодня отрицать в свете исторического опыта СССР, что социализм как социальный строй создает возможности и реальные гарантии реализации как коллективных, так и индивидуальных прав представителей аборигенного населения, разных этнических групп независимо от исходного уровня их развития. И все же попытки представить социализм как нечто неприемлемое для племенных народов и аборигенных групп населения встречаются. В частности, А. Кристенсен (Норвегия) в докладе «Социализм и племенное население в Афганистане» бездоказательно пересказывал вымыслы буржуазной пропаганды и легковесной публицистики о якобы извечной борьбе горных афганских племен против всякой власти вообще и их полном отрицании ныне существующей народной власти и революционных преобразований. При этом племенное афганское население трактовалось как социально однородное, игнорировались классовая сущность происходящих в Афганистане событий, империалистическое вмешательство и манипулирование отсталыми группами населения со стороны контрреволюционных сил.

Более плодотворной была попытка Э. Тарп (Дания) проанализировать сложную проблему, возникшую с индейскими племенами мискито в Никарагуа. В докладе «Социализм в Никарагуа: планируемая коллективность или коллективное сознание?» автор вполне определенно заявляет, что, по ее мнению, только благодаря победе Сандинистской революции в Никарагуа появилась возможность обсуждать вопросы человеческих прав и права народов на самоопределение. В то же время автор пытается подвергнуть сомнению возможность совместить традиционные институты и верования индейцев мискито, их хозяйственные потребности с планами революционных преобразований центрального правительства все под тем же предлогом неприемлемости для аборигенов «европоцентристской концепции развития, выраженной в стратегии сандинистов». Однако один из основных выводов доклада представляется бесспорным, что как среди индейских групп, так и среди сандинистов существуют искреннее желание и намерение разрешить проблемы в рамках существующего режима и главное условие успеха — это возможность для Никарагуа мирной жизни.

Одним из наиболее заметных явлений на конгрессе стала работа симпозиума по теме «Мир и война: антропологические перспективы». Симпозиум носил междисциплинарный характер и ставил своей целью

определить место и задачи этнологической науки в системе других общественных наук по изучению проблем мира и войны. Каким образом ученые-гуманитарии могут сегодня оказать влияние на решение основных проблемы современности — предотвращение мировой ядерной катастрофы? — таков был главный вопрос, который задавали себе участники симпозиума. Несмотря на разнообразие тематики представленных докладов, центральной темой был вопрос о природе и причинах войны, источниках гонки вооружений и ядерной угрозы миру, путях преодоления конфликтов и войн в современную эпоху.

Как показало обсуждение, в западной, главным образом американской, этнологии существуют различные точки зрения на войну как общественное явление. Во-первых, отсутствует более или менее четкое научное определение термина «война». Некоторые авторы включают в него любые проявления конфликтов между государствами и этническими группами на всех известных стадиях человеческой истории, другие трактуют понятие еще шире, включая в него всякие проявления насилия. Но, пожалуй, все чаще ученые признают правоту формулы Клаузевица: «...война есть продолжение политики другими средствами», которая, как известно, была также использована основоположниками марксизма-ленинизма в выработке научного объяснения природы войны. Все больше ученых соглашались с тезисом, что война есть сложное социальное явление, порождаемое классовыми противоречиями, характером общественного устройства государств и их внутренней политики. Однако продолжают существовать идеалистические воззрения, разрабатываются бихейвиористские, социально-биологические интерпретации происхождения и природы войн. В современной американской антропологической литературе можно встретить точку зрения на войну как проявление деятельности «эгоистичного» гена против «альтруистического». Эта точка зрения отвергается большинством специалистов. «Необходимо обратиться к идеологии, а не к биологии для изучения корней войны и мира», — считает американская исследовательница М. Фостер (руководитель симпозиума).

Интерпретация происхождения и природы войн с точки зрения идеологических факторов является, пожалуй, доминирующей в западной этнологии. Она опирается на длительную традицию в изучении всевозможных военных обрядов и ритуалов у народов мира, восприятия окружающего мира, этнических стереотипов и этноцентризма. Подход к изучению древних культур и аборигенного населения механически переносится на интерпретацию современного общества. Причины войны видятся в этом случае зачастую как результат идеологической нетерпимости, мессианизма, ложной пропаганды, искаженных представлений лидеров о внешнем мире, других народах. Сторонники структурного анализа в этнологии, исходя из некоего универсального свойства человеческой культуры классифицировать все явления в плане «бинарной оппозиции», видят источник войн и глобального конфликта в поляризации культурных систем.

При всей ограниченности вышеперечисленных интерпретаций следует отметить, что большинство авторов докладов на симпозиуме считают войну аномалией в жизни человеческого общества, а мирные отношения между народами — нормой существования. Ядерная война почти безоговорочно признается как абсолютно неприемлемая альтернатива, которую возможно и необходимо избежать, дабы предотвратить гибель рода человеческого. Не случайно учеными была подвергнута единому осуждению нагнетаемая администрацией Рейгана антисоветская истерия, навязываемое представление о социалистическом мире как «средоточии зла», что служит целям идеологической подготовки войны и оправдания конфронтации и нагнетания напряженности в мире.

Диссонансом прозвучали отдельные высказывания относительно возможности выживания в ядерной войне и неизбежности дальнейшего развертывания ядерного оружия. Такая мысль, в частности, нашла отражение в докладе Д. М а н д е л ь б а у м а (США) «Антропология в пер-

вой фазе ядерного века». В книге этого же автора «Ядерное будущее» (1983) содержится следующее утверждение: «Атомная бомба подобна болезни, которая неизлечима, но не смертельна. Как только мир осознает факт этой болезни и предпримет необходимые предосторожности, он может продолжать вести нормальную жизнь» (с. 121). Во многих же других докладах содержался горячий призыв к борьбе против гонки вооружений, активным антивоенным действиям.

В докладе В. А. Тишкова «Мир и война: точка зрения советского ученого» были изложены положения марксистско-ленинской теории происхождения и сущности войны, сделана классификация исторических типов войн, в том числе справедливых, прогрессивных войн угнетенных народов против колониального угнетения и реакционных режимов. Была также сделана попытка охарактеризовать основные формы реакции народов на угрозу ядерной войны, прежде всего в виде массовых антивоенных движений. Интерес аудитории вызвали также сведения о формах борьбы за мир, которые имеют место в Советском Союзе, о миролюбивых инициативах Советского Правительства по предотвращению угрозы ядерной войны.

В целом симпозиум выявил необходимость дальнейших интенсивных исследований в этой области со стороны этнологов, прежде всего этнонациональных аспектов современных военных конфликтов, форм и путей обеспечения мирных контактов и сотрудничества различных народов. Именно эта задача ставится перед созданной на конгрессе под эгидой МСАЭН Международной комиссией по изучению проблем мира, в планы которой входит подготовка международных исследований, проведение конференций, издание бюллетеня, подготовка международной библиографии и т. п.

Антивоенная, гуманистическая направленность научного форума отразилась еще в одном важном событии: подлинной кульминацией в работе конгресса стало принятие на заседании Постоянного совета МСАЭН, по предложению советской делегации, воззвания против угрозы ядерной войны, в котором содержится осуждение курса на нагнетание международной напряженности, гонку вооружений, разжигание ненависти и вражды между народами. Делегаты конгресса обратились с призывом выступать за мирные отношения между народами и государствами независимо от их систем и идеологий и осудили попытки препятствовать контактам и международному сотрудничеству между учеными. «Мы призываем ученых бороться вместе и более активно за мир и сказать свое слово специалистов в защиту культуры и всего человечества, которые находятся сегодня под угрозой ядерной катастрофы», — говорится в воззвании (полный текст документа см. ниже).

Наряду с проблемами современности на конгрессе значительное внимание было уделено проблемам этнокультурной истории, прежде всего культурным традициям народов. Одним из наиболее многочисленных по представительству ученых из стран Азии, Африки, Австралии, Финляндии, Латинской Америки, а также по числу сессий и предконгрессных совещаний был симпозиум «Шаманизм». Были заслушаны сообщения, представленные специалистами в области религиоведения, этнологии, фольклора, психологии, философии.

Обзорный доклад «Шаманизм: архаическая и современная система верований» М. Хоппала (ВНР) был сделан на основе материалов международного симпозиума «Проблемы шаманизма», организованного венгерскими и советскими учеными в Будапеште в 1981 г. Доклады «Саамский шаман — посредник между тремя мирами Вселенной» (Ю. Пенттикяйнен, Финляндия), «Путешествие шаманской души» (Д. Гудман, США), «Повседневные ритуалы. По поводу шаманской практики в Непале» (Р. Грейв, ФРГ) были посвящены проблеме шаманизма и древнейшим способам достижения экстаза. Значительная часть сообщений касалась психотерапевтических аспектов шаманизма: «Шаман и врач» (А. Хюлткранц, Швеция), «Модель шаманской инициации» (М. Зелковски, ПНР), «Ислам и шаманизм в Центральной Азии — современ-

ные перспективы изучения» (Ю. Мараззи, Италия), «Корейский шаманизм: зодиакальные принципы ритуалов» (Е. Золла, Италия) и др. С интересом был встречен доклад Л. П. Кузьминой (СССР) «Жанровое многообразие шаманского фольклора народов Сибири». Это было обусловлено, в частности, тем, что сибирский шаманизм рассматривается в мировой литературе как классический образец шаманизма.

Среди докладов по истории первобытного общества интерес представляют результаты исследований антрополога Д. Аберле (Канада) по исторической реконструкции протоязыковых общностей. Методология исторической реконструкции относится к числу важных и дискуссионных научных проблем. Автор выдвинул ряд критериев культурной реконструкции, которая основывается на реконструкции лингвистической, хотя и не сводится к ней. По мнению Д. Аберле, реконструкция в лингвистике и антропологии черт протоязыка, протокультуры как системы должна опираться не на априорные идеи о природе древнего языка или необходимых стадий развития древних языков (культур), а на изучение современных языков и культур (дочерних) методами сравнительной лингвистики и пр. Эта методология продуктивнее, чем методология априорных построений. Для реконструкции протоатапаскской общности автором были проведены тщательные исследования четырех аспектов культуры атапасков Северной Америки и предложены их «протосостояния»: терминологии родства, брачной локальности, порядка наследования, мифологии. Эти аспекты культуры и социальной организации были выбраны автором в силу их формализованности и разработанности в зарубежной лингвистике и антропологии.

В области археологической тематики значительное внимание было уделено проблеме мегафауны морей, охоте на крупных морских млекопитающих и использованию морских ресурсов. Проблема адаптации человека к приморским условиям жизни, формирования специализированных хозяйственных систем давно вызывает интерес ученых разных стран. Актуальность этой проблемы убедительно была продемонстрирована на заседаниях специального симпозиума, в ходе которого были обсуждены доклады, представленные учеными США, Канады, СССР, Японии, Швеции, Финляндии, Южной Кореи, Аргентины, Перу. Рассматривались вопросы, связанные с видами морских животных, являвшихся объектами охоты древнего населения, с их распространением в бассейнах Мирового океана, охотничьим снаряжением морских зверобоев, типами наконечников гарпунов и их классификацией.

С точки зрения научной значимости и серьезной аргументации особо следует отметить доклады американских ученых Р. Аккермана и А. Мак-Картли. Доклад последнего был посвящен охоте на китов эскимосов культуры Туле Канадской Арктики. Интересен был также доклад Л. Блек (США), в котором рассматривались способы охоты на морских животных русского населения на Алеутских островах в XVII—XVIII в. Доклад был подготовлен на основе тщательной проработки архивных документов.

В докладах Н. Н. Дикова и Р. С. Васильевского (СССР) рассматривались проблемы становления и развития приморской системы хозяйства в северной части Тихоокеанского бассейна. Докладчики показали, что освоение человеком прибрежных и морских ресурсов северной части Тихого океана началось еще в позднем плейстоцене. Становление приморской экономики проходило в условиях кризиса хозяйства континентальных охотников, вызванного сокращением, а затем и исчезновением крупных плейстоценовых животных. Сравнительный анализ материалов культур периода неолита и ранних металлов северной части Тихоокеанского бассейна позволяет выделить несколько культурно-хозяйственных моделей, связанных с разными видами адаптации. При этом четко прослеживается, что, чем глубже связь с побережьем, чем интенсивнее эксплуатация морских ресурсов, тем выше стабильность культуры. Эти положения во время развернувшейся дискуссии были поддержаны рядом канадских, американских и японских ученых.

Несмотря на отсутствие организатора симпозиума (случай, далеко не единственный на конгрессе), состоялось заседание по теме «Археология Китая». На нем было заслушано два доклада, в том числе доклад М. В. Крюкова о типологии неолитического жилища на Среднекитайской равнине в связи с проблемой этногенеза древних китайцев. Интерес к докладу был вызван и тем обстоятельством, что в США незадолго до конгресса вышла книга западногерманского ученого К. Йетмара «Истоки китайской цивилизации», в которой подробно были изложены основные положения монографии М. В. Крюкова, М. В. Софронова и Н. Н. Чебоксарова «Древние китайцы: проблемы этногенеза». Выступавшие в прениях отметили новаторский подход к изучению этногенеза древних китайцев, значение привлеченных советскими учеными новых археологических и палеоантропологических данных.

В докладе М. А. Итиной (СССР) на симпозиуме «Палеокультурная экология» были освещены вопросы комплексных археологических работ в СССР и их значение для реконструкции прошлого. В процессе дискуссии рассматривалась проблема охраны памятников, и многие выступавшие ученые заявили о необходимости требовать от своих правительств введения закона о сохранении памятников. Дело в том, что в большинстве западных стран, в частности в США, нет закона об охране памятников, так что каждый владелец земли, на которой расположен исторический памятник, волен его разрушить, если ему это необходимо, и никаких санкций к нему нельзя применить. Опыт Советского Союза в области охраны памятников вызвал особый интерес. В докладе Р. С. Вассильевского были освещены ленинские принципы сохранения культурных и исторических ценностей, которые закреплены Конституцией СССР. Докладчик рассказал об организации учета и охраны археологических памятников в Сибири в условиях крупномасштабного строительства, о создании этнографических и археологических музеев под открытым небом в Улан-Удэ, Иркутске, Новосибирске.

Что касается физической антропологии, то она в целом была представлена на XI Конгрессе в значительно меньшей степени, чем на предыдущих конгрессах. Это отчасти объясняется тем, что в это же время проходила международная встреча физических антропологов в Торонто. Особенно слабо была представлена этническая антропология, в частности соответствующие исследования на палеоантропологическом материале. Совершенно отсутствовала тематика по этнической антропологии народов СССР (кроме доклада И. И. Гохмана) и Европы вообще. Крайне мало было ученых-антропологов из европейских стран, в том числе из социалистических.

Доклад И. И. Гохмана (совместно с Л. Ф. Томтосовой) «Антропологический состав населения Восточной Сибири в свете новейших палеоантропологических находок в Якутии» был включен в симпозиум «Заселение Америки» и вызвал значительный интерес. Из других докладов на этой секции заслуживает упоминания доклад К. Тернера (США), посвященный одонтологии аборигенов Америки и Сибири.

Кроме того, физической антропологии были посвящены симпозиумы «Эволюция приматов и гоминид», «Патология и демография», «Дерматоглифика», «Сравнительная анатомия таза приматов и человека», а также «Антропология и судебная медицина».

В целом по сравнению с предыдущими конгрессами, прежде всего с IX и X (1973 г. — Чикаго и 1978 г. — Дели), XI МКАЭН отразил заметный поворот антропологов и этнологов (а также представителей смежных дисциплин) во всем мире к практически значимым проблемам современности, особенно к этнической проблематике. Этнологи и антропологи стали довольно активно заниматься политически острыми вопросами — проблемой защиты интересов народов, их культуры, миграцией, адаптацией к новым техническим достижениям и стрессовым ситуациям современного мира. Ряд проблем разрабатывается на стыке наук, в том числе этнологии, истории социологии, лингвистики, психологии. На конгрессе еще более рельефно, чем прежде, проявилось стремление к связи

науки с практикой. Выявились широкое применение ЭВМ для обработки научной информации, включая создание сети банков этнографических данных.

Вместе с тем научная программа конгресса была составлена значительно хуже, чем предыдущие. Ее формирование было полностью стихийным: судя по всему, принимались любые заявки; этому немало способствовала крайняя расплывчатость научного профиля (предмета) социально-культурной антропологии. Отсюда также обилие симпозиумов (заявлено около 500), в том числе и таких, для которых предлагался всего один доклад. В результате ряд симпозиумов не состоялся (примерно четверть), на многих отсутствовали руководители. Сама тематика была весьма дробной и дублировалась. Очень затруднило работу для всех без исключения участников отсутствие напечатанных тезисов.

Одновременно с работой симпозиумов проходили заседания руководящих органов Международного союза антропологических и этнологических наук (Исполком, Постоянный совет, Генеральная ассамблея). Новым президентом Союза на пятилетний срок избран проф. Х. Мавер (Югославия). Вице-президентами Союза остались Ю. В. Бромлей (СССР), О. Окидия (Нигерия), Ф. Сальзану (Бразилия). Были избраны также четыре новых вице-президента: Г. Классен (Нидерланды), Ж. Кондоминас (Франция), Брендт (Австралия), Х. Вессури (Венесуэла), а также шесть новых членов Исполкома: И. Зельнов (ГДР), И. Швидецки (ФРГ), Ф. Барт (Норвегия), Дей (Великобритания), Иегам (Бангладеш), М. Самора (Филиппины). Было избрано 15 почетных членов МСАЭН, в том числе от СССР проф. С. А. Токарев. В Постоянный совет Союза входят представители всех стран, присутствовавших на конгрессе.

Советские делегаты во время конгресса принимали активное участие в работе двух проблемных комиссий МСАЭН: «Геноцид и этноцид» (Р. Ф. Итс, М. В. Крюков) и «Комиссия по номуадизму» (Р. Г. Кузеев). Председателем комиссии по этноциду избран проф. Ж. Кондоминас. Сопредседателями новой комиссии по проблемам мира избраны представители США, СССР, Великобритании.

Рассмотрен вопрос о следующем конгрессе. — принято приглашение югославской делегации провести XII МКАЭН в Загребе в 1988 г. Принято также предложение египетской делегации о проведении очередного Интерконгресса в Ассуане в 1985—1986 гг.

Подводя в целом итоги XI Международного конгресса антропологических и этнологических наук, следует отметить, несомненно, важную роль этого форума для оценки как современного состояния национальных научных школ, так и развития научных исследований во всем мире. Бесспорны процессы актуализации и повышения общественной значимости этнологической науки, развитие междисциплинарного и прикладного подходов, совершенствование профессиональных методик. Советским ученым следует постоянно и внимательно следить за развитием исследований в зарубежных странах, держать руку на «пульсе» современной научной мысли. Необходимо давать решительный отпор различным псевдонаучным настроениям западных антропологов и этнологов и вместе с тем критически осваивать их научные достижения.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К XI МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНГРЕССУ АНТРОПОЛОГОВ И ЭТНОЛОГОВ ПРОТИВ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ

В настоящее время мир переживает один из самых сложных периодов своей истории. Никогда ранее жизнь на земле не подвергалась такой опасности, и будущему человечества не угрожало оружие такой разрушительной мощи, как современное. Мы, как ученые, для которых объектом изучения служат природа и культура всех народов, с

особой настоятельностью выступаем с настоящим воззванием — предотвратить безумие ядерной войны.

Сегодня все человечество может быть уничтожено в считанные часы и даже минуты. После тотальной ядерной катастрофы представляется едва ли вероятной возможность сохранения биосферы и самой жизни. Антропологи и этнологи в большей мере, чем другие ученые, осознают достижения и ценность культур мира, развивавшихся в течение тысячелетий во всех уголках планеты. В случае ядерной войны все было бы обречено на гибель. Наш разум и совесть заставляют нас протестовать против приготовления к ядерной войне.

Невозможно верить политикам и военным стратегам, выдвигающим теории «ограниченной ядерной войны» и считающим, что в такой войне могут быть победители. Они пытаются приучить людей к мысли о неизбежности глобального конфликта и препятствуют усилиям, направленным против подготовки к войне.

Независимо от того, как часто происходили в истории конфликты и войны, главный вклад в развитие человечества вносили и вносят мирные отношения между народами. Именно мирные отношения, благодаря которым была и есть возможность создавать и развивать культуру человечества, должны быть нормой социальной жизни.

Мы призываем к мирным отношениям во всех сферах экономической, политической и культурной жизни между народами и государствами вне зависимости от их общественных систем и идеологий.

Мы осуждаем попытки препятствовать развитию контактов и международного сотрудничества между учеными.

Мы призываем всех ученых к более активной совместной работе на благо мира, к выступлению в качестве профессионалов в защиту человеческой культуры и всех народов, которым сегодня угрожает ядерная катастрофа.

В. И. Козлов

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ФЕНОМЕНА ДОЛГОЖИТЕЛЬНОСТИ *

Согласно заключенному во второй половине 1977 г. соглашению о научном сотрудничестве между Институтом этнографии АН СССР и Институтом по изучению человека (Нью-Йорк) советскими и американскими учеными была начата параллельная работа над темой «Комплексное биолого-антропологическое и социально-этнографическое изучение народов и этнических групп с повышенным процентом долгожителей». В качестве первого объекта исследования на территории СССР советскими учеными были взяты абхазы, живущие в селах Очамчирского и Гудаутского районов Абхазской АССР. К работе над темой был привлечен Институт антропологии МГУ, Институт геронтологии АМН (Киев), Институт экспериментальной морфологии АН ГССР, Абхазский институт истории, экономики и литературы, а также сотрудники некоторых других научных учреждений.

До недавнего времени изучением вопросов долгожительства занимались главным образом медики-геронтологи; результаты их исследований, основанные на анализе большого, преимущественно клинического материала, отражены в сотнях статей и десятках книг. От геронтологических исследований развернутая нами работа отличалась двумя главными особенностями. Первая из них та, что феномен долгожительства подлежал изучению не на индивидуальном, а на групповом (популяционном) уровне, т. е. объектом исследования являлись большие группы людей и даже целые этносы, внутри которых исторически возник и достаточно закрепился (т. е. прослеживается в течение многих десятилетий) феномен долгожительства. Кроме того, наше исследова-

* Печатается в порядке обсуждения.

ние не подчинялось целям гериатрии, т. е. изучению особенностей болезней и поискам средств их лечения; оно было направлено на выявление причин естественнo-исторического возникновения феномена группового долгожительства в конкретных природных и социально-культурных условиях, связывалось с исследованиями по этнической антропологии, этнической психологии и другими пограничными с этнографией дисциплинами.

В мировой науке такая тематика еще не разрабатывалась. Это поставило перед ее участниками ряд сложных научно-исследовательских и научно-организационных проблем. Особенно трудными оказались последние, но освещение их выходит за рамки данной статьи. Научно-теоретическая сторона исследования, при всей его новизне и сложности, оказалась более разрешимой. Уже на первых этапах разработки общей программы исследования с американской стороны были намечены и согласованы основные пути решения проблем, связанных с феноменом долгожительства, определены место и роль во всем исследовании биолого-антропологической части, а также этнографического и других разделов, входящих в социально-этнографическую часть. Для большей направленности сбора этнографических, демографических, этнопсихологических и других материалов, относящихся к этой части исследования, было сформулировано несколько «гипотез» долгожительства, подлежащих проверке в ходе исследования: хозяйственно-трудовая, жилищно-бытовая, пищевая, геронтофильная и др.

Следует отметить, что достичь идентичности исследований, проводимых советскими и американскими учеными, не удалось. Различия обнаружились как в научной организации работы, так и в объектах исследования. Советские ученые взяли курс на получение широкого сравнительного этнического материала для исследования не только абхазов, но и других этнических групп с повышенной долей долгожителей как на Кавказе, так и за его пределами (в Якутии, на Алтае и др.). Американская сторона ограничила свои задачи исследованием сравнительно небольшой сельской общины (в основном шотландско-ирландского происхождения) в графстве Робертсон (северная часть штата Кентукки), несколько сузив при этом и содержательную часть работы.

Основное содержание работы по изучаемой теме, и в частности характеристика отдельных гипотез долгожительства, уже освещались в печати¹. В настоящее время издан тематический сборник по материалам состоявшегося в апреле 1980 г. в Москве, Тбилиси и Сухуми I Советско-американского симпозиума, одновременно такой сборник на английском языке был издан в США². В настоящее время ведется подготовка к изданию материалов II Советско-американского симпозиума, состоявшегося в ноябре 1982 г. в Нью-Йорке и подытожившего основные результаты работ в Абхазии. Поэтому в данной статье рассматриваются лишь некоторые фундаментальные, в том числе и дискуссионные, вопросы исследования всей темы и особенно в ее этнографическом аспекте.

Прежде чем перейти к рассмотрению существа проблемы, нам придется уточнить некоторые основные понятия и термины, начав с самого понятия «долгожительство».

Логическое осмысление этого понятия предполагает сопоставление его с понятием «среднежительство», но не вполне ясно, как определить и этот термин. Напрашивается связь его с показателем средней статистической продолжительности жизни, получаемой как средняя возрастов всех умерших за определенный период времени, или со средней ожидаемой продолжительностью жизни, представляющей среднее число

¹ См.: Козлов В. И. Долгожительство и долгожители.— Природа, 1980, № 7; Зубов А. А., Козлов В. И. Поиски причин долгожительства.— Наука и жизнь, 1981, № 1; Смирнова Я. С. Роль и статус старших в абхазской семье (к проблемам геронтофильных факторов долгожительства).— Сов. этнография, 1982, № 6; Козлов В. И. Люди, которым за 90...— Курьер ЮНЕСКО, ноябрь 1982.

² Феномен долгожительства. Антрополого-этнографический аспект исследования. М.: Наука, 1982.

лет, которые могут прожить новорожденные при сохранении в будущем существующих показателей половозрастной смертности. Однако такая связь весьма относительна, ибо оба показателя (не очень сильно отличающиеся друг от друга) претерпели большие изменения в ходе истории и ныне довольно сильно варьируют по странам мира. Из того факта, например, что средняя статистическая продолжительность жизни в Древнем Риме составляла около 25 лет³, а ожидаемая продолжительность жизни в современном Конго — немногим более 45 лет, еще не следует заключение, будто бы 30-летний римлянин или 50-летний конголезец должны считаться «долгожителями».

Гораздо важнее для нашей темы такой показатель, как генетически детерминированная средняя продолжительность жизни особей определенного вида, в нашем случае вида *Homo sapiens*. Однако в отличие от двух рассмотренных показателей, хотя и сильно варьирующих, так сказать, во времени и в пространстве, но в конкретных случаях более или менее определенных, видовая продолжительность жизни человека, как, впрочем, и многих животных, до сих пор еще точно не установлена, а имеющиеся оценки ее различаются столь сильно (в полтора-два раза!), что определять по ним «средний» показатель было бы некорректно. Основная причина подобных расхождений заключается в различном подходе к понятию видовой продолжительности жизни, в скудости и недостоверности исходного материала. При этом одни авторы исходят из максимального (кстати сказать, не всегда верифицированного) возраста, до которого доживали отдельные люди — 150–160 лет, да еще увеличивают эти цифры за счет возможно «недожитых» лет. Согласно таким авторам, человек может жить 170–200 лет и даже больше⁴; ну а современные столетние люди оказываются в этом случае не столько «долгожителями», сколько «недожителями».

Другие, на наш взгляд, более трезво мыслящие авторы опираются не на рекордные случаи, а на массовый статистический материал. Не так давно известный демограф Б. Ц. Урланис, используя для этой цели статистику по развитым странам мира, показал, что наибольшая на сей день ожидаемая продолжительность жизни достигает в Швеции 75 лет (у мужчин — свыше 72 лет, у женщин — около 78 лет). Введя поправки на преждевременную смерть, он определил реальную биологическую продолжительность жизни для мужчин 86 лет, для женщин 88 лет⁵. Примененная Б. Ц. Урланисом методика подсчета не вполне ясна, полученная точность цифр (до одного года) и возможность распространения их на все население мира представляются несколько сомнительными. Людей старше 90 лет (как это сейчас и принято в международной практике) условно можно отнести к разряду «долгожителей».

Вслед за Б. Ц. Урланисом попытку определения «видовой продолжительности» человека недавно предприняли молодые биологи Л. А. и Н. С. Гавриловы. Они воспользовались для этой цели статистико-математическими методами обработки данных о смертности в возрастах 30 лет и старше по ряду стран мира — Индии, Турции, Великобритании и др.⁶. Для всех стран и половых групп были получены довольно идентичные результаты, по которым «видовая продолжительность жизни человека» была определена в 98 ± 5 лет.

Сделанные Гавриловыми исчисления, насколько мне известно, не подвергались критическому анализу в печати, хотя примененные авто-

³ Россет Э. Продолжительность человеческой жизни. М.: Статистика, 1982, с. 193.

⁴ В недавно вышедшей книге М. Н. Султанова «Азербайджан — страна долгожителей» (Баку, 1981) со ссылкой на какую-то «медико-биологическую литературу» сообщается о китайце Ли Чункюю, который якобы «прожил 252 года активной жизнью» (с. 30). Подобные сообщения относятся, конечно, к области легенд.

⁵ Урланис Б. Ц. Эволюция продолжительности жизни. М.: Статистика, 1978, с. 251.

⁶ Гаврилов Л. А., Гаврилова Н. С. Определение видовой продолжительности жизни. — Доклады АН СССР, 1979, т. 246, № 2; см. также: Гаврилов Л. А. Исследование генетики продолжительности жизни с помощью кинетического анализа: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. биол. наук. М., 1980.

рами математические приемы представляются не безупречными. Но дело здесь даже не столько в математике (показ математических погрешностей не входит в задачу данной статьи), сколько в недостаточности биологического обоснования выводов авторов. Этим страдают и другие авторы, как правило, повышающие видовую продолжительность жизни человека до 100 лет и больше. На этой стороне вопроса целесообразно остановиться подробнее.

Видовая продолжительность жизни устанавливается, как известно, в процессе биологической эволюции и естественного отбора во время формирования данного вида. Применительно к современному человеку это произошло примерно 40—50 тыс. лет назад, когда, по палеонтологическим данным, появились первые представители этого вида — неантропы с физиологическими и другими параметрами, большая часть которых не изменилась до сих пор. Известно также, что законы эволюции в природе направлены обычно на поддержание не максимальной, а некоторой оптимальной продолжительности жизни, ибо «чем чаще происходит смена поколений данного вида, тем вернее обеспечены его преэмергенность и биологическая приспособленность»⁷. При этом оптимальная видовая продолжительность жизни определяется хронологическими рамками размножения. Существует немало живых существ, которые умирают почти сразу же после выполнения ими этой функции (например, некоторые виды рыб — после икрометания). У других, обычно более развитых существ (в число которых входят человекообразные обезьяны и сам человек) оптимальная продолжительность жизни, очевидно, определяется хронологическими рамками нескольких циклов размножения (репродуктивным периодом) и временем, необходимым для заботы о потомстве.

Рамки репродуктивного периода у человека достаточно четко определены лишь у женщин. Время наступления половой зрелости у девушек (первые регулы), по историко-демографическим данным, не претерпело существенных изменений и колеблется в настоящее время от 12 до 16 лет (у некоторых акселерированных групп сейчас приближается к 11); можно предположить, что у неантропов половая зрелость девушек также наступала в среднем примерно в 15 лет. Конец детородного периода (менопауза и климакс) у женщин развитых стран относится к 45—50 годам. По этнографическим материалам, относящимся к слабо развитым родоплеменным общностям, из-за раннего начала половой жизни (нередко до наступления половой зрелости), ранних родов и тяжелых условий жизни, приводящих к быстрому увяданию женщин, их репродуктивные функции обычно оканчиваются в 35—40 лет; среди австралийцев-аборигенов, например, женщина в 35 лет считается уже «старухой»⁸. Есть основания предполагать поэтому, что у неантропов данный рубеж вряд ли превышал 40 лет. Что же касается времени, необходимого для воспитания последнего ребенка, то оно ограничивалось, вероятно, 8—10 годами. Установлено, что человек возник как существо социальное, что неантропы, в частности, жили более или менее значительными группами, внутри которых существовали обычаи взаимопомощи, распространяющиеся, конечно, и на воспитание детей. Во многих известных племенных обществах, стоящих на ранних ступенях развития, дети быстро становятся самостоятельными, а материнская забота о них сменяется групповой опекой. Прибавив к 40 годам еще 10, мы получим 50 лет как минимальную продолжительность жизни, определяемую параметрами воспроизводства вида *Homo sapiens*.

Все рассуждения о том, что природой с самого начала определена человеку продолжительность жизни в 100 или даже 150 лет, сводятся в конечном счете к предположениям, что природа снабдила человека своего рода запасом прочности, в несколько раз превышающим возраст, определяемый параметрами размножения; нередко в таких рассужде-

⁷ Грмек М. Д. Геронтология — учение о старении и долголетии. М.: Наука, 1964, с. 8.

⁸ Россет Э. Указ. раб., с. 187—188.

ния проступают и телеологические нотки. Мне представляется, что природа в этом отношении не была особенно щедрой и уж, конечно, не могла предусмотреть развитие социальной жизни, например выявившуюся не так давно необходимость родителей заботиться о своих детях, пока те не завершат образования (до 22—23 лет, а то и дольше), или развитие системы пенсионного обеспечения престарелых. Второе предположение заключается в том, что средняя продолжительность жизни человека имеет значительные внутривидовые различия и определяется не только генетическими, но и экологическими, в том числе и социокультурными факторами. Существенным, хотя и косвенным подтверждением этого предположения служат установленные в последние десятилетия значительные (до 5 лет и более) популяционно-групповые различия в возрасте наступления половой зрелости. Уместно отметить, что другой биологический параметр, тесно связанный со средней продолжительностью жизни,— возраст окончания репродуктивного периода — варьирует еще сильнее (до 10 лет и более). Таким образом, с увеличением возраста популяционно-групповые параметры данного типа могут расходиться все сильнее и к концу «средней продолжительности жизни» составить, вероятно, до 20 лет.

В период формирования неантропа его средняя продолжительность жизни была одновременно как видовой, так и популяционно-групповой, ибо этот процесс шел в одной более или менее ограниченной области среди нескольких генетически тесно связанных между собой групп. Заметим сразу же, что эта биологически заданная продолжительность жизни использовалась лишь частично: судя по костным останкам, первобытные люди редко доживали и до 50 лет, а средняя продолжительность жизни лишь немногим превышала 20 лет⁹. Увеличение средней продолжительности жизни шло очень медленно. В античности, т. е. спустя свыше 40 тыс. лет после появления неантропов, она достигла, как уже отмечалось выше, лишь 25—30 лет. Но к этому времени с самими людьми произошли существенные изменения, отразившиеся на биологической продолжительности жизни.

Первые десятки тысяч лет человеческой истории были обусловлены процессами расселения людей по земному шару. В результате миграций люди разбились на великое множество родо-племенных групп и фактически на множество популяций, живших более или менее изолированно друг от друга в самых разнообразных природных условиях — от зоны тундры до зоны тропических лесов. Одним из результатов относительно изолированного существования было появление под воздействием локального мутагенеза и естественного отбора различных антропологических типов. Об этом процессе биолого-расовой дивергенции человечества написано уже немало специальных работ. Что же касается возможных популяционно-групповых изменений продолжительности жизни, то этот вопрос, к сожалению, до сих пор ускользал от внимания исследователей. Между тем очевидно, что здесь приходится принимать во внимание два основных направления таких изменений. Одно из них — возможное сокращение средней продолжительности жизни у групп, попавших в неблагоприятные условия существования, резко отличающиеся от природных условий, в которых происходило формирование вида *Homo sapiens*; адаптация к новым условиям могла оказаться столь трудной и потребовать столь большой затраты жизненных сил, что это сокращение могло закрепиться в фенотипе и воспроизводиться в потомстве. Со временем, в результате продолжавшейся адаптации этих популяций к условиям среды, их средняя продолжительность жизни, возможно, возросла, но вряд ли достигла исходной, составившей, из всего сказанного выше, примерно 75 лет. Средняя популяционно-групповая продолжительность жизни у эскимосов, живущих в экстремальных условиях полярного пояса, составляет примерно 70 лет, и поэтому эскимосы, достигшие, например, 80 лет, могут в биолого-медицинском отношении считаться «долгожителями».

⁹ Россет Э. Указ. раб., с. 187—188.

Второе направление предполагает увеличение средней продолжительности жизни у групп людей, попавших в такие условия существования, в которых они не только могли реализовать средние биологически исходные параметры, но и в фенотипе превзойти их. Объяснить это можно как очень благоприятными природными условиями, так и действием каких-то мутаций и целенаправленным отбором популяций по этому признаку. Последнее вполне возможно в условиях повышения социальной значимости стариков, например в случаях, когда они не только являлись своего рода накопителями и хранителями практических знаний, почерпнутых из повседневного быта, правил социальной жизни (обычаи, традиции, обряды и т. п.), которые передавались ими молодому поколению, но и имели в связи с этим повышенный социальный статус. Такая важная социально-культурная роль старых людей могла приводить даже к возникновению геронтократии (ср., например, хорошо изученную геронтократию у австралийцев-аборигенов). Все это относится, конечно, не к дряхлым старикам, а к старым людям, продолжавшим вести более или менее активную социальную жизнь. И хотя такая жизнь была часто уже за рамками их репродуктивного периода, популяции, в которых появились такие, в том числе и генетические, факторы, удлинявшие среднюю продолжительность жизни, получали преимущество перед другими. Последнее в свою очередь, могло способствовать передаче каких-то элементов долгожительства по наследству. Факторы, благоприятствовавшие увеличению средней продолжительности жизни, вероятно, полностью проявили свою силу не в первобытном обществе, а позже — в классовых формациях, по мере все большего освобождения популяций от доминирующего влияния природной среды как в результате достигнутой адаптации к ней, так и особенно в результате дальнейшего развития производительных сил. Последнее способствовало успешной борьбе не только с голодом, но и с болезнями (в результате развития медицины, гигиены и других рациональных отраслей, постепенно обретающих свою научную основу). Явления геронтократии, содержавшие негативные элементы социальной инерционности и стагнации, в условиях все более развивавшейся и изменявшейся социальной жизни могли не исчезнуть бесследно, а смениться социально-психологическими геронтофильными установками подчеркнутого уважения к старикам, что, несомненно, способствует долголетию. Так или иначе, эти или подобные им факторы привели к появлению на земном шаре особей «долгожительских» популяций с продолжительностью жизни, возросшей до 85—90 лет и более.

В развернутом комплексном исследовании феномена долгожительства на Кавказе мы в соответствии с практикой геронтологов приняли в качестве порога долгожительства возраст в 90 лет.

К сказанному следует добавить, что в результате проведенной нами верификации более 500 номинальных¹⁰ долгожителей Абхазии, Азербайджана и Кабардино-Балкарии оказался лишь один человек немногим старше 125 лет; все остальные не достигли и 110 лет. По-видимому, возраст 110—120 лет и является пределом обычного долгожительства, превышения которого столь же редки, как, например, редки люди ростом более 2,3 м.

В своей основе долгожительство — явление, обусловленное особенностью жизнедеятельности организма, в частности способностью стойко противостоять действию неблагоприятных для его существования эндогенных и экзогенных факторов. Для человека как существа биосоциального видное место среди экзогенных или средовых факторов, оказывающих положительное или отрицательное влияние на продолжительность жизни, занимают факторы социальные, в том числе этнические (культурно-бытовые и др.).

Популяционно-групповой подход к феномену долгожительства в нашем исследовании сочетается с этническим: объектом исследования, как

¹⁰ Номинальными долгожителями здесь и далее называются люди, возраст которых по данным похозяйственных книг сельсоветов составлял будто бы 90 лет и старше.

сказано в самом названии темы, являются «народы и этнические группы» с повышенным уровнем долгожительства. Однако это еще не значит, что мы с самого начала исследования были твердо уверены именно в этнической природе долгожительства, исходили из этнических границ его существования. Реально в начале исследования предполагалось лишь существенное значение этнических факторов, которые подразделялись с некоторой условностью на этногенетические и этноэкологические. Первые из них связаны с генетической гипотезой долгожительства, предполагающей существование особых, передаваемых по наследству «генов жизнестойкости»; в таком случае удачные комбинации этих генов у отдельных людей и должны приводить к эффекту долгожительства. Этнический аспект генетических факторов обусловлен традициями этнической эндогамии — преимущественным заключением браков внутри этносов, в связи с чем и гены, способствующие долгожительству, могут закрепляться внутри тех или иных этносов. Уместно отметить, что часть таких генов может быть каким-то образом связана с антропологическими признаками; некоторые антропологические признаки, например особенности конституции тела, видимо, могут способствовать долгожительству: известно, что большинство долгожителей — это худощавые люди невысокого роста. Такая связь превращает этнический аспект в этноантропологический и тем самым предполагает активное участие в данной теме специалистов антропологов¹¹.

Этнический аспект экологических факторов отражается в особенностях взаимодействия людей с окружающей географической и социально-культурной средой. В первом случае это связано с географическим расположением этнической территории, ее климатическими, орографическими и гидрографическими особенностями, спецификой флоры и фауны и другими географически локализованными явлениями, к которым люди либо адаптируются, либо активно используют для обеспечения своего существования. При этом учитывается не только естественный, но и измененный — «культурный» ландшафт, не только дикие, но и домашние животные, а также другие особенности среды обитания, которые во многом определяются этнически традиционной хозяйственной деятельностью. В группу экологических факторов входят или к ней непосредственно примыкают такие связанные с географической средой компоненты материальной культуры, как традиционное жилище, одежда, пища, способы передвижения и т. п. Социально-культурную сферу этнической экологии образуют традиционные формы социальной организации и семейных отношений с ведущей ролью старших возрастных групп, компоненты духовной культуры, а также особенности личностно-социальной психологии, на которых мы остановимся далее при рассмотрении соответствующих гипотез долгожительства.

Бесспорно, большое значение для феномена долгожительства перечисленных выше специфических в этническом отношении факторов среды обуславливает необходимость деятельного участия в его исследовании этнографов (в первую очередь специалистов этноэкологического профиля), но, повторяем, еще не делает сам феномен «этническим». Значение таких этнических факторов достаточно четко прослеживается лишь при сравнительно небольших размерах этноса, когда он может (с некоторой условностью) рассматриваться в качестве популяции. Таковыми могут считаться, например, абхазы, с которых была начата работа по названной теме. Правда, абхазы, среди которых уже давно отмечались многочисленные случаи долгожительства, состоят из двух основных территориально разобщенных групп: одна находится в Очамчирском, другая — в Гудаутском районах Абхазской АССР. Однако развитые брачные связи между этими группами, весьма сходные условия жизни и другие обстоятельства позволяют рассматривать их совместно в качестве более или менее однородной популяции. Имеющиеся

¹¹ См. Волков-Дубровин В. П., Воронов А. А., Павловский О. М., Смирнова Я. С. Особенности антропологических исследований популяций с высоким процентом долгожителей. — В кн.: Феномен долгожительства.

различия в уровнях индекса долгожительства между отдельными абхазскими селениями не превышают различий, наблюдаемых внутри селений, между их территориально разбросанными частями¹².

Когда же мы обращаемся к более многочисленным и широко расселенным народам, например азербайджанскому этносу, отдельные группы которого живут в довольно сильно различающихся природных условиях, сохраняют различные типы хозяйства и особенности материальной культуры, почти не поддерживают прямых связей друг с другом, но зато общаются с иноэтническими соседями (грузины, армяне и др.), то перед нами оказываются этносы, фактически состоящие из целого ряда популяционных групп. Анализ порайонного распространения долгожительства в Азербайджанской ССР показывает сильную дифференциацию индексов долгожительства: от ниже среднего по СССР до очень высоких, превышающих индексы по абхазским районам. Высказанное ранее предположение о прямой связи долгожительства с высотой местности над уровнем моря¹³ не подтвердилось, а какие-то другие закономерности территориального размещения долгожительства пока не выявлены. Среди соседнего, также крупного, грузинского этноса, не отнесенного нами по средним показателям к числу «долгожительских», имеются группы с высокими индексами долгожительства (в Имерети, Кахети и других районах). Имеются такие локальные группы и среди очень широко расселенного русского этноса. Короче говоря, предварительный анализ географии долгожительства приводит к выводу, что это явление носит скорее локально-популяционный, а не этнический характер¹⁴. Это обстоятельство, кстати говоря, подтверждает и высказанное выше предположение о популяционном характере самого понятия «средняя продолжительность жизни».

Борьба с преждевременной смертью, за увеличение продолжительности жизни была с далекой древности одной из основных, если не основной задачей человеческих коллективов. Поэтому явления долгожительства издавна привлекали внимание не только ученых, которые обычно изучали какие-то отдельные стороны этого феномена, но и простых, так сказать, смертных, не склонных к научному анализу. Результатом этого было распространение в быту всякого рода вымыслов и домыслов о рекордах долголетия и его причинах. Изрядное количество непроверенных, мягко говоря, выводов проникло и в печать, нередко, к сожалению, и в форме «научно-популярных» очерков. При этом на первый план чаще, чем следовало бы, выдвигались особенности питания; многие читатели данной статьи, вероятно, легко припомнят утверждения, будто бы, например, стоит лишь употреблять в пищу побольше сыра и поменьше мяса, как продолжительность жизни существенно увеличится. Находились, впрочем, и такие авторы, которые доказывали прямо противоположное, писали о благотворности такой пищи, как «сырое или полусырое мясо с кровью» и т. п.¹⁵.

Для того чтобы не подпасть под какое-то влияние бытовавших ошибочных и неточных заключений по вопросам долгожительства, непрерывным условием начатого нами исследования была установка ничего не принимать «на веру», не оставлять без проверки и сравнительного анализа. Это относилось (и как оказалось, не без оснований) прежде всего к исходным данным о количестве долгожителей и их возрасте, содержащимся в материалах переписей населения и текущего статистического учета населения в сельских Советах. В результате проведенной

¹² В качестве такого индекса долгожительства нами принято отношение числа всех людей в возрасте 90 лет и старше (т. е. собственно долгожителей) к числу всех людей в возрасте 60 лет и старше (т. е. пожилых людей вообще). В среднем по сельскому населению СССР на 1970 г. (по материалам переписи населения) этот индекс составлял около 13%, среди сельских абхазов — около 70%.

¹³ См. *Мехралиев Э. К., Эюбов Н. Г.* Взаимосвязь между высотой местности и процессом долголетия (на примере Азербайджанской ССР). — Научн. тр. Министерства высшего и среднего спец. образования АзССР (сер. географо-геол.), Баку, 1979, № 5.

¹⁴ См. *Козлов В. И., Комарова О. Д.* География долгожительства в СССР. — В кн.: Феномен долгожительства.

¹⁵ *Архипов И.* В движении обретешь. — Вокруг света, 1978, № 9, с. 63.

верификации возраста старых людей в Абхазии и Азербайджане оказалось, что реальное число долгожителей существенно (по большинству сельсоветов примерно в 3 раза) меньше, чем считалось.

Установленные массовые случаи завышения возраста старых людей (особенно мужчин) как ими самими, так и окружающими представляются определенным научным (прежде всего этнографический) интерес, а причины этого явления довольно тесно связаны с некоторыми важными факторами долгожительства. Нетрудно догадаться, что основной причиной завышения возраста является престижность: чем старше человек, тем большего уважения в данном коллективе он, видимо, заслуживает и тем большим влиянием пользуется. Такое завышение является, конечно, результатом отсутствия документов о дате рождения и других событиях начального периода жизни, например об учебе в школе (подавляющее большинство опрошенных нами старых людей были неграмотны). Кроме того, в бытовом общении люди старого и даже среднего возраста до сих пор пользуются терминами, взятыми из системы возрастных групп, а не числом лет. До сих пор не установлено, однако, были ли в процессе завышения возраста какие-то этапы или его повысили однажды и это было конкретной причиной такого скачка, достигавшего иногда 20 и более лет. Выдвинутое И. И. Крупником предположение о том, что завышение возраста обычно происходило в тех случаях, когда еще нестарый человек занимал более или менее важный социальный пост, который, согласно традиционному «табелю о рангах», должен быть занят человеком старшего возрастного класса¹⁶, заслуживает внимания, но оно объясняет, к сожалению, лишь сравнительно немногие случаи. Следует сказать, что немаловажную роль в завышении возраста некоторых стариков, по крайней мере среди абхазов, играли женщины, которые согласно традиционному этикету признавали старшинство мужчин. Немаловажное значение, впрочем, здесь могло иметь и то обстоятельство, что женщины попадают в свой старший возрастной класс раньше, чем мужчины¹⁷.

Для лучшей научной организации сбора и анализа фактического материала (в том числе и полевого) комплексное исследование групповых случаев долгожительства проводилось по подразделам, в большинстве из которых внимание концентрировалось на какой-то более или менее четко выделенной и сформулированной гипотезе долгожительства. К числу этих гипотез относится уже частично затронутая выше очень важная и многоаспектная генетическая гипотеза, разработкой которой занимаются главным образом медики и антропологи. Медико-биологические вопросы требуют специального рассмотрения. Что же касается антропологов, то при разработке названной темы они решают ряд очень важных задач, и прежде всего задачу воссоздания этнопопуляционной истории изучаемого народа или какой-то его обследуемой части. С этим непосредственно связана подробная антропологическая характеристика изучаемых групп, их общих и особенных черт по сравнению с другими долгожительскими и недолгожительскими группами и целыми народами. Для проверки генетической гипотезы, т. е. возможности передачи долгожительства по наследству, применяется сравнительный антропологический анализ членов долгожительских и недолгожительских семей внутри исследуемой долгожительской популяции.

Во время рекогносцировочных работ в Абхазии было установлено, что многие долгожители (особенно мужчины) поздно вступили в брак: женщины — в 25—30 лет, мужчины — в 40—45 лет, а иногда и старше. В связи с этим было высказано предположение о существенном влиянии на возникновение феномена долгожительства общего сдвига репродуктивного периода. Против этого предположения почти сразу же были выдвинуты серьезные аргументы, например распространение ранних

¹⁶ Крупник И. И. Структурно-генетическое изучение абхазского долгожительства. — В кн.: Феномен долгожительства, с. 66—67.

¹⁷ Павленко А. П. Возрастные категории в абхазском обществе. — В кн.: Феномен долгожительства.

браков у других кавказских народов с повышенной долей долгожительства (азербайджанцы, балкарцы и др.), поэтому при разработке программы комплексного исследования долгожительства эта идея не была сформирована в виде отдельной гипотезы. Тем не менее было признано целесообразным провести исследования по определению среднего возраста половой зрелости в обследуемых группах и некоторых особенностей возрастных изменений антропологических параметров, в частности темпов минерализации костей скелета.

Особое место занимает гипотеза, которая может быть названа репродуктивной и которая связывает долгожительство с такими показателями, как возраст отца и матери при рождении будущего долгожителя с тем, каким по счету ребенком он был у матери, и т. д. Проверкой этой гипотезы занимаются главным образом демографы, хотя истолкование собираемого материала требует участия биологов и медиков.

Кроме названных гипотез необходимо сказать о природно-экологической, демографической, а также о нескольких психологических и особенно этнографических гипотезах.

Большое значение природно-экологической гипотезы, связывающей долгожительство с особенностями природной среды, в которой живет данная группа людей, обусловлено уже тем обстоятельством, что явление долгожительства не распространено равномерно по территории СССР (да и по другим странам мира), а концентрируется в отдельных географических районах, в частности на Кавказе. Долгожительские популяции Закавказья, прежде всего абхазы, находятся в природных условиях, которые в целом благоприятны для жизни человека. Суть связанных с этой гипотезой проблем состоит в том, что не все этнические группы Закавказья характеризуются высокими индексами долгожительства; так, у живущих в самой Абхазии групп армян и русских эти индексы в несколько раз ниже, чем у абхазов, и близки к средним по стране. Возможное объяснение этому состоит в том, что русские и армяне вообще уступают абхазам по тем элементам долгожительства, которые передаются по наследству в результате этнической эндогамии, а также в том, что русские и армяне, как сравнительно недавние поселенцы в Абхазии, еще не успели достаточно адаптироваться к специфической природной среде как в биологическом, так и в культурно-бытовом отношении. Собранные нами материалы показали, впрочем, что и адаптация самих абхазов к природной среде не вполне совершенна. Вопрос этот заслуживает специального рассмотрения; пока же отмечу, что по преобладающим худощавым типам телосложения, традиционной пище с низким содержанием жиров, сравнительно легкой одежде и неполнотой отапливаемому жилищу они хорошо адаптированы к жарким месяцам года и трудно переносят зимний период с пронизывающей сыростью и заморозками. Возможно, что при лучшей адаптации феномен долгожительства у них был бы еще более ярким. Демографическая гипотеза, объясняющая повышенный процент очень старых людей среди абхазов в настоящее время высокой волной рождаемости во второй половине XIX в. (с последующими нормальными темпами выбытия) проверялась главным образом по данным переписей населения СССР прежде всего переписи 1926 г. Анализ возрастной структуры абхазов не подтвердил наличия у них такой высокой когортной волны, в связи с чем эта гипотеза утратила свое значение.

К психологическим гипотезам долгожительства относится прежде всего личностно-психологическая гипотеза, связывающая этот феномен с особенностями психического типа личности долгожителей (его ригидности или пластичности, экстравертности или интравертности и т. д.). Для определения типа личности применяется метод фиксированной установки по Д. Н. Узнадзе, цветовой тест Люшера и другие вербальные и невербальные методы. Распространение таких тестов на родственников и неродственников долгожителей позволяет, с одной стороны, выяснить, насколько психические качества долгожителей определяются наследственностью, с другой — получить сведения о психических осо-

бенностях всей долгожительской группы или популяции, подняться, так сказать, на уровень социальной психологии. Еще большим сочетанием личностных и социально-психологических параметров отличается изучение стрессогенной нагрузки долгожителей. Суть этой методики, применяемой в несколько ином виде и американскими коллегами, сводится к тому, что вначале путем экспертных оценок и массового спроса устанавливаются основные типичные для изучаемых групп стрессогенные факторы, которые ранжируются по порядку или «весу», затем путем опроса старых людей определяется стрессогенная нагрузка, которую получили собственно долгожители к возрасту 80—85 лет и люди, еще не достигшие порога долгожительства (т. е. 80—85 лет); сравнение этих данных позволит ответить на вопрос, связано ли долгожительство со спокойной счастливой жизнью или это опять-таки сильнее зависит от типа личности. Уместно заметить, что изучение особенностей стрессогенных факторов у исследуемых этнокультурных групп, как и упомянутая выше работа по установлению психических особенностей по типам личности в таких группах, имеет непосредственные выходы в этническую психологию, способствует развитию этой пока мало разработанной научной дисциплины.

Собственно социально-психологическая или этнопсихологическая гипотеза долгожительства основана на предположении связи феномена долгожительства с социально-психологическим статусом старых людей в данной этнической культуре и социально-психологической «атмосферой», существующей в долгожительских группах. Здесь, с одной стороны, уменьшено число стрессогенных факторов, с другой — облегчен процесс адаптации к ним. Иначе говоря, предполагается, что такие этнокультурные особенности и нормы, как престижность принадлежности к старшим возрастным группам, наличие у стариков номинальной или реальной власти и вообще значимость их в семье и общине, создают условия психологического комфорта, способствующего продолжительности жизни. Так как социально-психологическая атмосфера охватывает все слои общества, а навыки антистрессового поведения и чувства любви и уважения к старым уходят своими корнями в самый ранний возраст, обусловлены особенностями процесса социализации личности, то разработка этой гипотезы охватывает и изучение процесса воспитания детей.

Социально- или этнопсихологическая гипотеза связана с двумя частными гипотезами, одна из которых имеет социологическую, а вторая этнографическую направленность. Первая из них, связанная с негативным действием на здоровье растущего с годами чувства одиночества, предполагает существенное влияние на феномен группового долгожительства факта сохранения высокой плотности социальных связей и в старческом возрасте¹⁸. В своем этнографическом, так сказать, исполнении социально-психологическая гипотеза выразилась в геронтофильной гипотезе долгожительства, связывающей это явление с высоким статусом старых людей в семье и обществе, определяемом этнокультурными традициями. Материал для разработки этой гипотезы собирается по особой анкете, в которой учитывается состав семьи, положение стариков в семье, выполняемые ими работы, участие в общественной жизни и т. д.¹⁹

К этнографическим гипотезам долгожительства относятся хозяйственно-трудовая, жилищно-бытовая и пищевая. Первая из них связывает этот феномен с особенностями хозяйственно-трудовой деятельности людей, видом этой деятельности в различные периоды их жизни, трудовым распорядком дня, режимом и интенсивностью труда и т. п.; вторая — с особенностями жизни людей в бытовых условиях: жилищными

¹⁸ См. *Sokolovsky J. International Dimension of the Aged, Social Network Mapping.*— In: *New Methods for Old Age Research: Anthropological Alternatives.* Chicago, 1980.

¹⁹ *Смирнова Я. С.* Указ. раб.; *ее же.* Роль старших возрастных групп в абхазской фамильно-патронимической организации.— В кн.: *Феномен долгожительства.*

удобствами, санитарно-гигиеническими традициями, особенностями сезонной одежды и т. п. Пищевая гипотеза предполагает большое влияние на здоровье и продолжительность жизни людей особенностей традиционного питания, в частности его суточного режима, особенностей пищи (предпочтительные и табуированные блюда, способы приготовления пищи), половозрастных регламентаций питания и питания старых людей, сезонных изменений в питании, соблюдения запретов и постов и т. д. Особо учитывается употребление алкогольных напитков, солений и сладостей. Сбор материалов по этим трем гипотезам также ведется с применением специально составленных вопросников или анкет.

В ходе уже проведенных полевых и камеральных исследований по теме комплексного изучения явлений группового долгожительства была развернута работа по всем названным выше гипотезам. Однако эта работа оказалась весьма трудоемкой, а привлеченные для ее выполнения научные силы не столь многочисленными, как хотелось бы. Поэтому к настоящему времени сбор полевого материала по Абхазии завершен лишь по биолого-антропологической части темы; по многим разделам социально-этнографической части он еще продолжается. Некоторые результаты этой работы отражены в опубликованных материалах I Советско-американского симпозиума (1980 г.) по проблемам долгожительства. Материалы II симпозиума (1982 г.), как уже отмечалось выше, готовятся к печати. Рассматривать подробно в данной статье незавершенные этапы работы в связи с той или иной гипотезой представляется нецелесообразным.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что расчленение темы комплексного изучения долгожительства на отдельные гипотезы проведено отчасти для лучшей организации научно-исследовательской работы. Грани между гипотезами довольно условны, и выявляемые в результате их разработки факторы долгожительства довольно тесно связаны и даже переплетаются друг с другом. Выше уже говорилось о связи генетических факторов (а следовательно, и всей генетической гипотезы) с факторами этническими, прежде всего с нормами этнической эндогамии; можно сказать также о важности в этом отношении традиционных норм учета физического и психического здоровья возможного брачного партнера и его ближайших родственников и т. п. Уместно отметить и связь генетических факторов с природно-экологическими, так как способствующие долголетию «гены жизнестойкости» появляются и закрепляются в популяциях, которые в течение долгого времени адаптируются к определенным природным условиям. Потомственные уроженцы Вологодской области вряд ли могут рассчитывать на то, что, переселившись в Нагорный Карабах, они обретут «кавказское долголетие»; такое переселение, вероятно, принесет их здоровью больше вреда, нежели пользы (показательно, что группы русских в республиках Закавказья имеют невысокие индексы долгожительства). С другой стороны, и уроженец Нагорного Карабаха, все старшие члены семьи которого отличались долголетием, переселившись в Вологодскую область, вряд ли переживет там местных сверстников. Большое значение здесь, очевидно, играет длительность адаптации той или иной популяции к конкретным средовым условиям. Взаимосвязь и взаимодействие различных факторов долгожительства хорошо видны, например, и при рассмотрении гипотезы питания. К сказанному выше об этой гипотезе следует добавить, что ее этнографическая часть (как, впрочем, и у других «этнографических» и «этнопсихологических» гипотез) дополняется ее медико-биологической, в данном случае «нутриционистской», частью, предусматривающей суточные наблюдения питания в семье обследуемых людей и анализа потребляемой пищи по ее калорийности, химическому составу, содержанию витаминов и других компонентов. Некоторые особенности питания старых людей обусловлены их статусом в семье и общине, что связывает пищевую гипотезу с геронтофильной. Довольно четко выступает и связь пищевой гипотезы с хозяйствен-

но-трудовой и особенно с природно-экологической, так как люди обычно питаются тем, что могут произвести в определенных географических условиях; основу абхазской пищи составляет, например, густая кукурузная каша (абыста), а у азербайджанцев — пшеничный хлеб. Кроме того, в различных географических условиях для жизнеобеспечения требуется далеко не одинаковая пища; небольшое потребление теми же абхазами жиров растительного и животного происхождения обусловлено тем, что они живут в теплом климате, не требующем большого теплотворения в организме. Физиология питания определяется не только спецификой традиционной пищи, но и некоторыми особенностями пищеварительных органов, возникших в результате длительного употребления такой пищи и передаваемых по наследству, а это связывает гипотезу питания с генетической. При разработке пищевой гипотезы приходится учитывать все эти прямые и опосредованные связи ее с другими гипотезами и другими факторами, устанавливать относительное значение каждого из них.

И наконец, хотелось бы сделать еще одно замечание общего характера, относящееся к методологии и методике этнографических исследований. Происшедшее некогда присоединение этнографии к числу исторических наук и отделение ее от естественных, особенно от ее давних, так сказать, союзниц — географии и антропологии, наряду с положительными сторонами дало и некоторые негативные результаты. В частности, оно привело к тому, что многие аспекты культуры и быта стали рассматриваться в их историческом развитии, но по существу в отрыве от конкретных условий существования людей, от особенностей систем их жизнеобеспечения и естественного воспроизводства, что во многом обуславливалось, кстати сказать, и «исторической» направленностью подготовки новых кадров этнографов.

За последние десятилетия в этом отношении наметился некоторый перелом. Потребности жизни, внутренние закономерности развития всей науки привели к появлению нескольких стыковых дисциплин, частично восстанавливающих некогда разорванные связи: этнической антропологии, этнической географии, этнической демографии и др. Однако в областях, считающихся традиционно этнографическими, ситуация изменилась довольно мало; продолжает бытовать тенденция ограничиться решением каких-то своих «этнографических» задач, абстрагируясь от насущных междисциплинарных проблем. При изучении пищи, например, иногда прямо подчеркивается, что «этнографов пища интересует не с точки зрения технологии ее приготовления или сравнительной питательной ценности (?!); а как явление бытовой культуры, находящееся во взаимосвязи с другими аспектами жизни, отражающее взаимоотношения людей в обществе и нормы их поведения, формы поведения, традиционные для данного общества»²⁰. В условиях обострившейся во многих странах мира продовольственной проблемы призыв к этнографии не интересоваться питательностью изучаемой пищи представляется нерациональным. И в частности, книга, содержащая такой призыв, только выиграла бы, а ее научно-познавательное значение явно возросло, если бы в ней имелись достаточные сведения о том, как действительно питаются в настоящее время народы зарубежной Азии, какие проблемы встают перед ними в условиях «демографического взрыва» и надвигающегося экологического кризиса.

Развернутое комплексное биолого-антропологическое и социально-этнографическое исследование народов и этнических групп с повышенным уровнем долгожительства и более широкие исследования — по этнической экологии²¹ — заслуживают специального рассмотрения.

Важность таких исследований в теоретическом и практическом отношении заключается в том, что они предполагают более действенные связи этнографии с естественными науками, прежде всего сочетание

²⁰ Этнография питания народов зарубежной Азии. М.: Наука, 1982, с. 3.

²¹ Козлов В. И. Основные проблемы этнической экологии. — Сов. этнография, 1983, № 1.

этнографического материала с медико-биологическим для определения того конкретного влияния, которое оказывает специфика традиционной культуры и быта, особенности этнической психологии и другие этнографические параметры на здоровье и саму жизнь людей.

М. А. Итина

ОХРАННЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ХОРЕЗМЕ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В минувшем пятилетии и в первые годы нынешнего Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция продолжала исследования в Южном Приарале, а также во Внутренних Кызылкумах, на древних староречьях Зеравшана. Основными направлениями этих исследований по-прежнему были проблемы этногенеза, этнической истории, традиционной культуры и общественного строя древнего земледельческого населения и его полукочевой и кочевой периферии в северной равнинной части Средней Азии; вопросы древнейшего заселения и освоения человеком дельтовых равнин Амударьи, Сырдарьи, Зеравшана, а также территории Внутренних Кызылкумов и их бессточных впадин; проблемы возникновения и развития ирригационного земледелия в низовьях Амударьи и Сырдарьи. Хронологические рамки этих исследований чрезвычайно широки — от VI тысячелетия до н. э. до эпохи средневековья. Последнее важно не только с точки зрения возможности рассмотрения исторических процессов на протяжении столь длительного промежутка времени, но и потому, что эти исследования, привязанные к определенному историко-культурному региону, дают возможность уловить преемственность культурных традиций, нити которых нередко протягиваются от глубокой древности до современности. Масштабы работ, проводимых экспедицией, применяемая методика комплексных исследований, техническая оснащенность и научный авторитет способствовали, как и в прежние годы, привлечению ее к выполнению заданий, связанных с практикой народного хозяйства. Это в первую очередь и главным образом охранные археологические работы, государственное значение которых состоит в сохранении для народа, для истории бесценных памятников многотысячелетней культуры народов Средней Азии. Работы в этом направлении экспедиция вела и ведет в контакте с научными учреждениями союзных республик, местными партийными и советскими организациями, комитетами по охране памятников. Основной объем охранных работ в десятой пятилетке и в настоящее время проводился преимущественно в Каракалпакии, на землях древнего орошения Правобережного Хорезма, а также в Туркмении, в Левобережном Хорезме, в связи с огромными работами по освоению этих земель под ирригационное земледелие и пастбищное скотоводство.

Для Хорезмской экспедиции эти работы представляют особый интерес еще и потому, что вновь осваиваемые районы — это земли собственно Хорезма, изучением истории и культуры которого экспедиция занимается более 40 лет. Практический выход охранных работ состоял в консультациях ирригаторов по самым различным вопросам степени освоения под ирригационное земледелие того или иного района в древности, о мощности агроирригационного слоя в зависимости от длительности хозяйственного использования земель на протяжении истории; о возможности использования современными ирригаторами карт древней оросительной сети, составленных экспедицией. Не менее важное практическое значение имеет и непосредственная деятельность экспедиции по охране памятников и ее пропагандистская работа, призывающая к соблюдению на местах соответствующего законодательства. Поездки по

памятникам, попадающим в зону освоения, вместе с органами охраны и представителями местной научной общности, составление актов и передача их в местные партийные и советские организации, а также в высшие партийные органы Узбекистана и Комитет по охране памятников республики дали свои результаты, о которых мы скажем ниже. Что же касается научных результатов охранных работ, то значение их трудно переоценить.

Прежде всего экспедицией сделан значительный шаг вперед в изучении древнейших этапов заселения человеком северных равнинных районов Средней Азии. Если до сих пор мы оперировали преимущественно материалами сборов, правда с многочисленных, но развешанных стоянок эпохи неолита и бронзы, то теперь фактологической основой восстанавливаемой нами первобытной истории древнего населения Среднеазиатского Междуречья являются материалы, полученные при раскопках сохранившегося культурного слоя на территории поселений и в жилищах. Это дает возможность судить о системах расселения и о типах жилищ, о типах хозяйства, о характере материальной культуры. Выявленные при раскопках обширные и достаточно четко датированные (в том числе и с помощью анализов на ^{14}C) комплексы позволяют теперь реконструировать значительные миграционные процессы, протекавшие в степях Евразии особенно интенсивно начиная со II тысячелетия до н. э., позволяють изучать вопросы этнической истории древнего населения Средней Азии этого и более позднего времени.

Открытие и исследование стоянки Толстова¹, неолитической стоянки кельтеминарской культуры, — событие, выходящее далеко за рамки собственно хорезмийской археологии. Стоянка находится в 300 м к западу от широко известной специалистам стоянки Джанбас 4², и не исключено, что обе они представляют собой одно большое поселение рыболовов, охотников и собирателей в южной части древней Южной Акчадарьинской дельты Амударьи. Раскопки стоянки Толстова еще продолжаются, но уже сейчас она дает материал для принципиально новых выводов, ценность которых тем более велика, что культурный слой стоянки не потревожен — он погребен под полутораметровой толщей аллювиальных отложений. К настоящему времени вскрыта площадь более чем в 600 м². На ней располагаются три дома. Перед каждым из них обширная хозяйственная зона с большими и глубокими ямами; и ямы и площадь вокруг них насыщены находками. Из трех вскрытых домов один наземный, два других — полужемлянки. Все дома имеют каркасно-столбовую конструкцию (сохранились столбовые ямки по внутреннему периметру стен), они подпрямоугольные в плане, вытянуты по оси северо-восток — юго-запад с входом с юго-западной стороны. В слое пожараща наземного дома удалось обнаружить остатки сгоревшей кровли, покрытой некогда пучками камыша и слоем древесной коры. Слои пожараща дали возможность получить и радиоуглеродные даты, которые укладываются в конец V — первую половину IV тысячелетия до н. э.³ Среди находок на стоянке⁴ характерная кельтеминарская посуда в виде цилиндроконических сосудов, чаш, ладьевидных сосудов, сосудов со сливами, украшенная чаще всего по всему тулову зонально расположенным геометрическим орнаментом, причем поверхность сосудов бывает еще и окрашена или расписана красной охрой. Многочисленные орудия на пластинах из кремня, как правило, обработанные по краям противоположающей ретушью. Среди них вкладыши для ножей, резцы, проколки, ножевидные пластины с выемкой, кель-

¹ Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. — Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (далее ТХЭ), т. XIII. М.: Наука, 1981, с. 79—89.

² Толстов С. П. Древний Хорезм. М.: Изд-во МГУ, 1948, с. 59—66; его же. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Изд-во восточной литературы, 1962, с. 27—32; Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма. — Матер. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (далее МХЭ), в. 8. М.: Наука, 1968, с. 33—52.

³ Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы, с. 132—133.

⁴ Там же, с. 83—86, рис. 30—34.

теминарские одношипные наконечники стрел. Особого внимания заслуживает уникальная по количеству, сохранности и разнообразию коллекция изделий из кости. Это наконечники стрел, иглы, многочисленные гарпуны, основы для вкладышевых орудий — ножей, резцов. Поражает обилие костей рыбы в культурном слое стоянки, которые принадлежат представителям пресноводной фауны. Это щука, сазан, сом, судак. Встречены, но в меньшем количестве кости млекопитающих, все представленные дикими видами⁵. Даже при том, что раскопки еще далеко не закончены, мы можем по-новому рассматривать и систему расселения, и жилище древних кельтеминарцев. По-видимому, поселок состоял не из одного большого дома, как считалось раньше, а из нескольких домов, причем это были и наземные дома, и полуземлянки, прямоугольные в плане. Примечательно, что план и конструкция жилищ, равно как и сосуществование двух их типов, находят свое продолжение в аналогичных сооружениях эпохи бронзы в Южном Приаралье, доживающих вплоть до начала I тысячелетия до н. э. Наличие долговременных поселков, не исключаяющее, разумеется, существования и временных сезонных стоянок, обилие костей рыбы при относительно небольшом количестве костей животных заставляют рассматривать хозяйство кельтеминарцев как полуседлое рыболовно-охотничье. Отсутствие среди териофауны домашних видов заставляет думать, что кельтеминарцы в V—IV тысячелетиях до н. э. производящих форм хозяйства еще не знали⁶.

Что же касается позднего этапа кельтеминарской культуры, датируемого III тысячелетием до н. э., то здесь по-прежнему определяющим является подъемный, но очень обильный материал, обнаруженный в основном на коренном берегу Южной Акчадарьинской дельты. Он давно выделен во вполне определенный комплекс⁷, но судить по нестратифицированным находкам о типах жилищ, характере хозяйства трудно. Не вполне ясной оставалась и типология керамических форм. Открытие в 1981 г. позднекельтеминарской стоянки Таджи-Казган 17, расположенной на западном коренном берегу Южной Акчадарьинской дельты, дает новые факты для понимания заключительного этапа хорезмийского неолита. Хотя стоянка развеева, можно предположить, что здесь было жилище. На площади 74×50 м в котловине выдувания на склоне песчаной гряды обнаружено большое количество керамики редкой сохранности, орудия из кремня и кварцита, а также скопления очажных камней и следы столбовых ям. Примечательно, что на одном из участков удалось расчистить хозяйственную яму со стоящим в ней *in situ* целым сосудом типа чаши. Это позволяет надеяться, что дальнейшие работы на стоянке могут выявить границы, а может быть, и форму жилища.

Керамика (рис. 1) представлена цилиндроконическими сосудами и чашами, отличительной особенностью большинства которых является украшение их поверхности оттисками «качалки». До открытия стоянки Таджи-Казган 17 мы не знали, какова была форма дна у сосудов этого времени. Сейчас удалось установить, что оно было приотстренным или скругленным, плоскодонных форм здесь нет. Среди кремневого инвентаря (рис. 2), набор которого по количеству уступает керамической коллекции, кельтеминарские одношипные наконечники стрел на пластинах, а также двустороннеобработанные наконечники — лавролистные с выемкой в основании и ромбовидные. Последние в сочетании с употреблением при орнаментации оттисков «качалки» подтверждают позднюю дату стоянки. Завершение работ на стоянке и анализ ее материалов, а также анализ на ¹⁴C углей из упомянутой ямы с сосудом позволят, видимо, уточнить абсолютную дату, что важно и для выяснения палеогеографической ситуации в регионе в этот период. Дело в том, что стоянка Таджи-Казган 17 расположена на гряде неподалеку

⁵ Там же, с. 140—143.

⁶ Там же, с. 136—159.

⁷ Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма, с. 139 сл.

от одного из русел Амударьи, в 4 м над уровнем такыра — древней дельтовой равнины. Это заставляет думать, что в период жизни стоянки этот район был сильно обводнен. Связано ли это подтопление с сезонными разливами или массивованным прорывом вод Амударьи по Акчадарьинской дельте в Арал, пока неясно. Думается, что скопления позднекельтеминарских стоянок на коренном берегу Южной дельты, и притом на высоких отметках, могут скорее свидетельствовать в пользу последнего, тем более что на внутريدельтовом пространстве более ранние стоянки кельтеминарской культуры нам известны (Кават 7, например), а позднекельтеминарских там нет. Если это так, радиокарбонные даты со стоянки Таджи-Казган 17 позволят уточнить дату этого прорыва, а следовательно, и время, когда основной сток Амударьи шел уже не в Каспий, а в Арал⁸.

Таким образом, благодаря работам последних лет могут быть значительно уточнены не только характеристики собственно кельтеминарской культуры, но и всего неолита северной степной полосы Средней Азии, для которого стоянка Толстова явится своеобразным эталоном. К тому же в результате многолетних работ экспедиции выстраивается и хронологическая колонка для неолита Кызылкумов в целом, где наиболее ранними являются стоянки дарьясайского типа на Зеравшане, в том числе Учачи 131, где сохранилось жилище с характерным набором так называемых рогатых трапещий в кремневом инвентаре. Дарьясайский этап датируется VI тысячелетием до н. э.; джанбасский этап, включающий стоянку Толстова, — V—IV тысячелетием до н. э.; III тысячелетие до н. э. — заключительный этап эпохи неолита в Южном Приаралье⁹.

Говоря об исследованиях неолитических памятников, нельзя не упомянуть об открытом в 1972 г. могильнике Тумек-кичиджик, расположенном в южной части древней Присарыкамышской дельты Амударьи¹⁰. Это первый и пока единственный неолитический могильник в северном Среднеазиатском регионе. В нем вскрыто 27 погребений в узких прямоугольных ямах, причем покойники лежали вытянуто на спине, головой на северо-восток, на подсыпке из красной охры. В погребениях обнаружен скудный археологический материал, однако находка ладьевидного сосуда, украшенного оттисками «качалки», и характер кремневого инвентаря позволяют поставить могильник в круг памятников кельтеминарского типа. Аналогии некоторым предметам погребального инвентаря мы находим, по свидетельству А. В. Виноградова, с одной стороны, в материалах могильника Кайло в Восточном Прикаспии, с другой — в предьямных и переходных к раннеямным комплексам Куйбышевского Заволжья¹¹. Любопытно, что, по предварительным данным, черепа из могильника Тумек-кичиджик относятся к северному варианту протоевропейского типа, который может быть связан с Поволжьем. Если суммировать все эти факты, на память приходит гипотеза Н. Я. Мерперта об одном из направлений контактов племен древнеямной культуры с южными древнеземледельческими цивилизациями, которые могли осуществляться где-то восточнее Каспия¹². Археологически в этом регионе фиксируется направление миграций племен срубной культуры¹³. Можно предположить, что эта зона контактов была традиционной, и не исключено, что они осуществлялись и в IV тысячелетии до н. э. (время существования памятников самарской культуры

⁸ Подробно об этом см.: Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения человеком (гл. первая). — МХЭ, в. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1960; Итина М. А. История степных племен Южного Приаралья. — ТХЭ. М.: Наука, 1977, с. 25—28.

⁹ Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы, с. 132—133.

¹⁰ Там же, с. 107—116.

¹¹ Там же, с. 116.

¹² Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974, с. 141 сл.

¹³ Мандельштам А. М. Погребения срубного типа в Южной Туркмении. Краткие сообщения Ин-та археологии (далее КСИА), 108, 1966; его же. Новые погребения срубного типа в Южной Туркмении. — КСИА, 112, 1967.

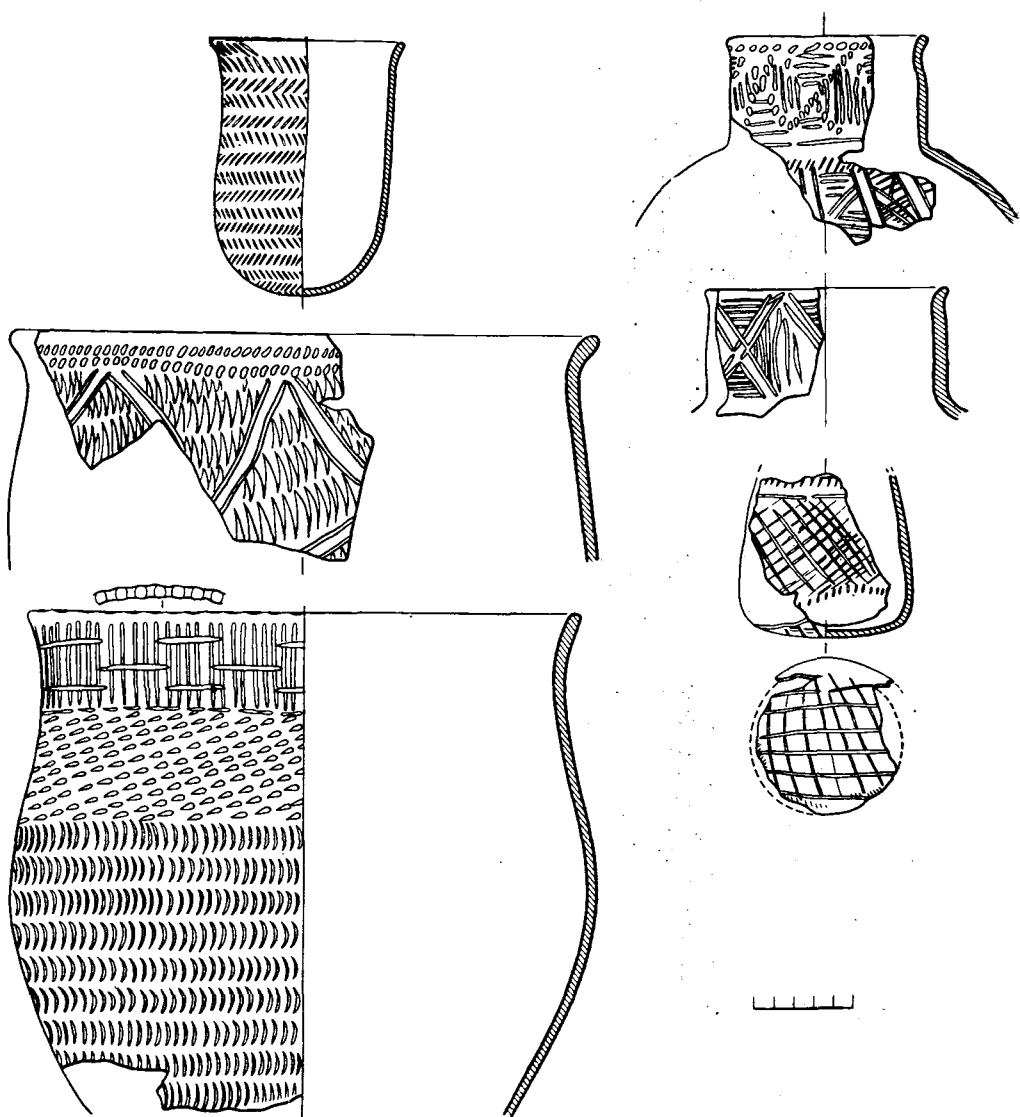

Рис. 1. Стоянка Таджи-Казган 17. Керамика

и предположительная нижняя дата погребений Тумек-кичиджика). Скудость материалов могильника Тумек-кичиджик не позволяет, однако, судить, может ли речь идти о погребениях аборигенов, связанных с кельтеминарским этнокультурным кругом, или мы имеем дело с пришлым населением, воспринявшим элементы культуры аборигенов.

Первая половина II тысячелетия до н. э. — «темный век» в истории Южного Приаралья. Приходится признать, что работы экспедиции по сей день этот пробел не заполнили. Первые признаки дальнейшего освоения человеком Южной дельты Акчадарьи относятся уже к эпохе развитой бронзы, к середине II тысячелетия до н. э.

Здесь был осуществлен цикл работ, очень важный для понимания истории древнего населения степей Евразии. Восточная часть дельты — естественный «заповедник» поселений эпохи бронзы (вторая половина II тысячелетия до н. э.), базировавшихся на водах мелких протоков системы Среднего и Восточного больших русел Акчадарьи¹⁴. Стратиграфически эти поселения расположены на мощном слое аллювиальных отложений, образовавшихся в значительной мере в результате сильного подтопления Акчадарьи после прорыва вод Амударьи в Арал и даль-

¹⁴ Итина М. А. История степных племен, рис. 87.

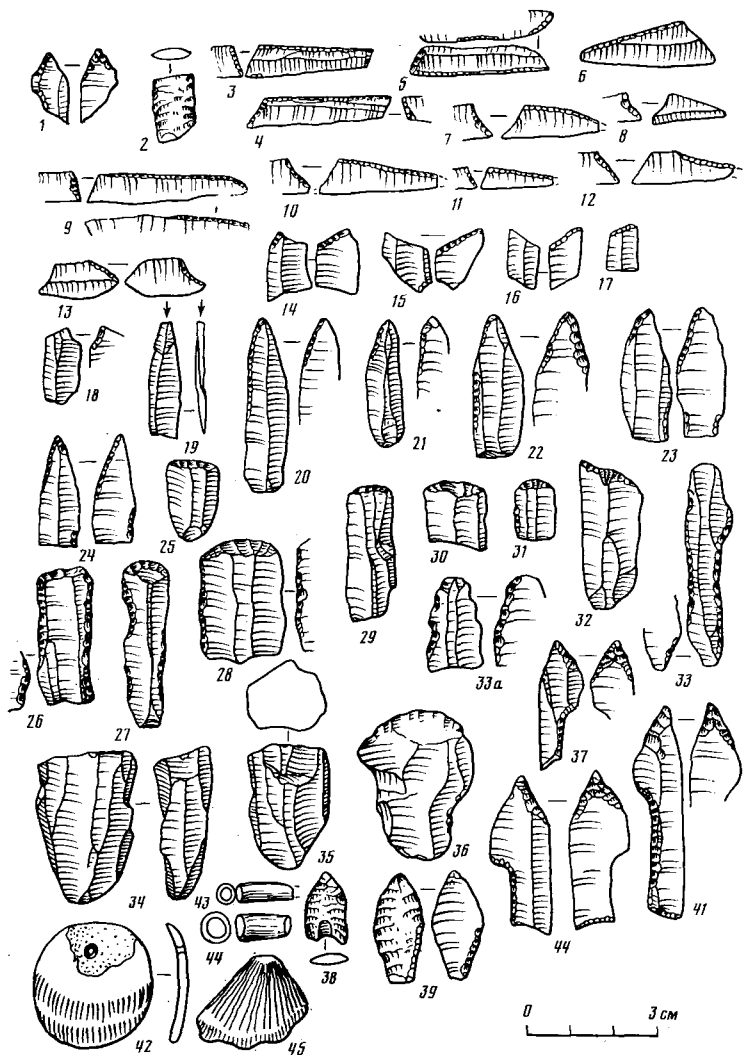

Рис. 2. Стоянка Таджи-Казган 17. Орудия из кремня (1—41), украшения из раковин (42—45)

нейшего обводнения ее в связи с функционированием дельты (именно эти отложения погребли под собою памятники эпохи неолита). Однако идущий процесс дренирования дельты к середине II тысячелетия до н. э., а может быть, и несколько раньше сделал возможным расселение человека на внутريدельтовом пространстве и способствовал развитию производящих форм хозяйства на плодородных аллювиальных отложениях дельты и сезонных пастбищах ее коренного берега.

Помимо поселений сохранились и следы синхронной им ирригационной сети и полей. Исследование этих памятников имело большое значение и с охранной точки зрения, так как все они никак в микрорельефе на местности не выражены, читаются на современной дневной поверхности лишь в виде цветowych пятен, которые могут распознать только специалисты, и при освоении этих мест под орошаемое земледелие им грозит распашка. За прошедшие годы здесь было раскопано 17 стоянок, на которых вскрыто 33 дома. Кроме того, в связи с предстоящей распашкой была доследована площадь могильника Кокча 3, где было вскрыто еще 10 погребений (сверх 70 раскопанных в 1954—1955 гг.). Большая часть исследованных памятников, так же как и могильник, принадлежат тазабагьябской культуре. Вскрытые на поселениях дома — полуземлянки, реже наземные жилища, прямоугольные в

плане, все каркасно-столбовой конструкции, с большим центральным очагом и входом с южной стороны. В то же время в последние годы удалось установить наличие определенных повторяющихся конструктивных признаков, характерных для жилищ того или иного микрорайона в исследуемом регионе. Выявлены жилища с двумя-тремя помещениями, которые были известны здесь ранее на амирабадских поселениях¹⁵, но которые широко распространены на андроновских поселениях Южного Приуралья и Северного Казахстана. На новых примерах удалось подтвердить существование прочных культурных связей с миром более высоких цивилизаций юга Средней Азии времени Намазга VI (керамика, некоторые типы изделий из металла, преимущественно украшения). Но, пожалуй, самым весомым результатом работ данного цикла следует считать документальное подтверждение гипотезы о чрезвычайно пестром этническом составе населения Южного Приаралья во второй половине II тысячелетия до н. э. Участие в формировании тазабагьябской культуры племен срубной и алакульской культур степей Южного Приуралья, как выяснилось, не исчерпывает этого многообразия. Сейчас мы уверенно выделяем в позднетазабагьябских памятниках в юго-восточной части Южной дельты (стоянки Джанбас 35, Джингельды 10 и др.) явный федоровский культурный компонент (рис. 3), связанный, возможно, с проникновением на эту территорию групп населения из Южного Зауралья. Очень важно, что эти комплексы в Хорезме четко датируются не ранее XIII—XII вв. до н. э., что подтверждает тезис о бытовании федоровской культуры в эпоху поздней бронзы, но не исключает возможности ее существования и в более раннее время. Удалось также проследить появление «чистых» алакульских скотоводов на ряде стоянок тазабагьябской культуры (Кокча 15, Кокча 16, Кокча 19, Джанбас 34) тогда, когда тазабагьябцами они были уже оставлены. При этом любопытно, что выявляются эти пришлые элементы культуры не только по керамике, но и по деталям в конструкции жилищ — иной тип центрального очага, иная схема расположения хозяйственных ям. Для позднеалакульских скотоводов характерны наземные жилища (рис. 4), располагавшиеся на берегах русловых протоков, дававших некогда воду для земледельцев-тазабагьябцев, но к этому времени уже, очевидно, обводнявшихся слабо, возможно, лишь в период паводков.

Таким образом, работы последних лет дали новый материал для суждения о крупных миграционных процессах, протекавших в степях Евразии во II тысячелетии до н. э., особенно в его второй половине. Археологическое исследование этих процессов представляет большой интерес и в плане исследования этнической истории населения северных районов Средней Азии в эпоху бронзы и в скифо-сарматское время в свете индоиранской проблемы. Предполагаемая индоиранская принадлежность племен срубной, андроновской и тазабагьябской культур, установленная ираноязычность скифов и, по-видимому, саков — вот та основа, с помощью которой можно объяснить генетические связи культур эпохи бронзы и скифского времени в Великом поясе степей, вот та общая идеологическая основа, которая поможет объяснить и относительное культурное единообразие на этой территории сначала в эпоху бронзы, а потом в скифское время.

Исследование античных памятников в зонах освоения, как в Правобережном, так и в Левобережном Хорезме, охватило две их категории — сельские поселения и городища, датирующиеся в целом VI в. до н. э. — III в. н. э.

На левом берегу продолжались работы на территории древней Присарыкамышской дельты Амударьи, приведшие к принципиально новым открытиям. Это прежде всего относится к наиболее древнему из исследованных экспедицией городищ — городищу Кюзели-гыр (VI—V вв. до н. э.)¹⁶. Раскопки на нем велись давно, но сейчас они имели

¹⁵ Там же, с. 149, рис. 71.

¹⁶ Об этих раскопках см.: Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта с. 96—104; Вишневская О. А. Раскопки городища Кюзели-гыр. — Археологические от

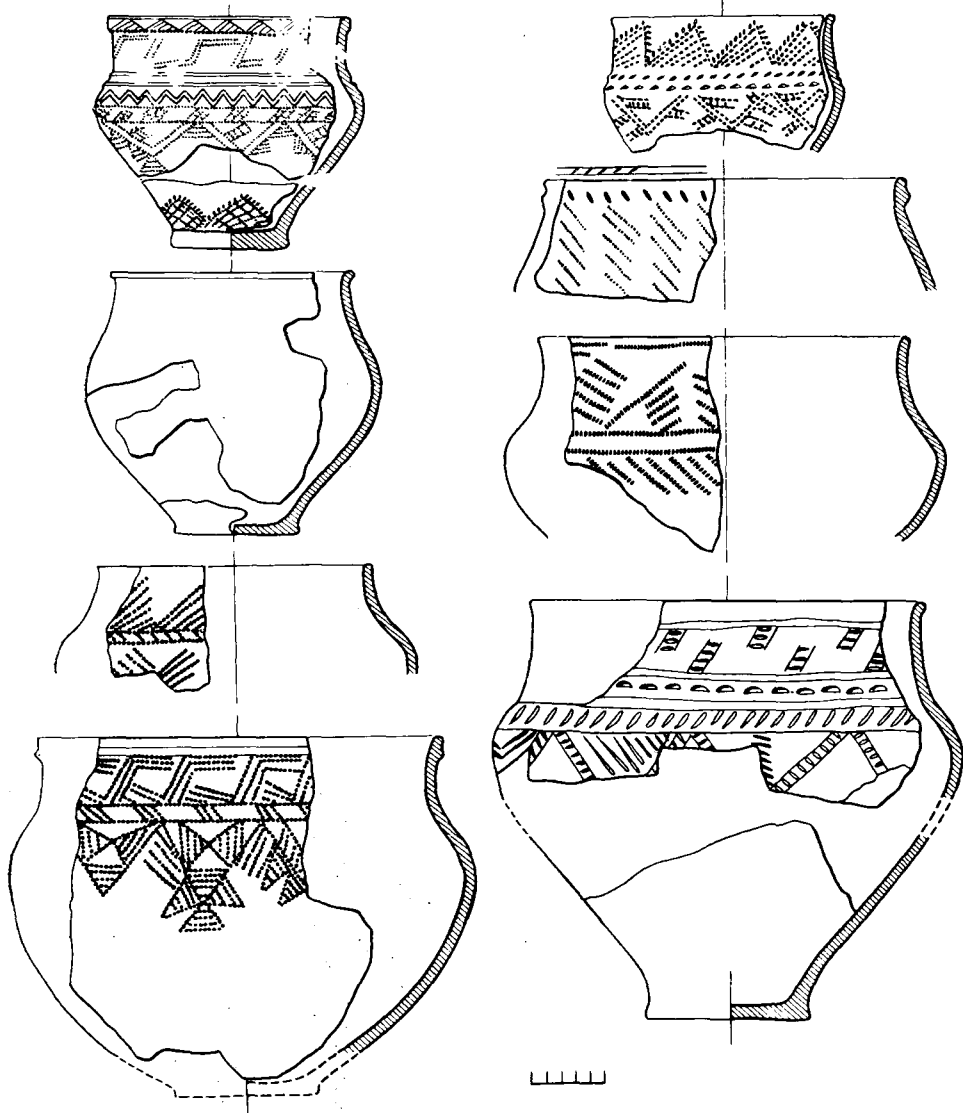

Рис. 3. Поселение Джанбас 35. Керамика

своей целью не только исследование архаического, наиболее раннего этапа в развитии античной культуры Хорезма, но главным образом изучение периода вероятного формирования раннеантичного города эпохи перехода к системе классовых отношений, эпохи зарождения государственности. Наши ожидания оправдались. В результате раскопок Кюзели-гыр предстал перед нами в виде городища площадью 18 га, расположенного на останцовой возвышенности, обнесенного оборонительными стенами со стрелковой галереей и полукруглыми башнями. Оно примыкало к цитадели, расположенной юго-западнее, на более высокой части возвышенности, также укрепленной стенами со стрелковой галереей. Удалось расчистить фортификационный узел, включающий ворота, ведущие на площадь городища и в цитадель. В центре цитадели был вскрыт архитектурный комплекс площадью около 6 тыс. м², насчитывающий более 40 помещений и дворов. Там же были раскопаны две постройки, видимо, культового характера и храмовое здание в северо-западном углу, построенное в поздний период существования го-

крытия (далее АО) 1977 г. М.: Наука, 1978, с. 544—545; *ее же*. Раскопки городища Кюзели-гыр.— АО 1978 г. М.: Наука, 1979, с. 566—567.

Рис. 4. Поселение Кокча 16. Дом 2 после раскопок

рода. На площади городища вдоль его стен также была застройка. Во время раскопок выявлено наличие здесь развитого гончарного производства. Это вместе с приведенными выше данными не позволяет сомневаться в том, что перед нами действительно один из самых ранних городов Хорезма. И вновь материалы с Кюзели-гыра демонстрируют связь культуры населения оазиса с культурой окружающей его ското-

Рис. 5. Городище Кюзели-гыр. Золотая бляшка

водческой периферии: здесь найдена золотая бляшка в виде головы горного козла, выполненная в скифском зверином стиле (рис. 5).

Чрезвычайно интересный цикл исследований развернулся здесь же, на территории Присарыкамышской дельты, но объектом его явились на этот раз не светские и не погребальные памятники, а культовые. Один из них стоял на поселении Гяур 3, второй — на городище Калалы 2 (рис. 6). Оба датируются IV—II вв. до н. э.¹⁷ Планировка их совпадает. Оба здания круглые (диаметр 24 м), стоят на цоколе высотой 2—2,5 м,

¹⁷ Вайнберг Б. И. Поселение Гяур 3.— АО 1980 г. М.: Наука, 1981, с. 464—465; *ее же*. Работы в южной части Присарыкамышской дельты.— АО 1981 г. М.: Наука, 1983, с. 473—475.

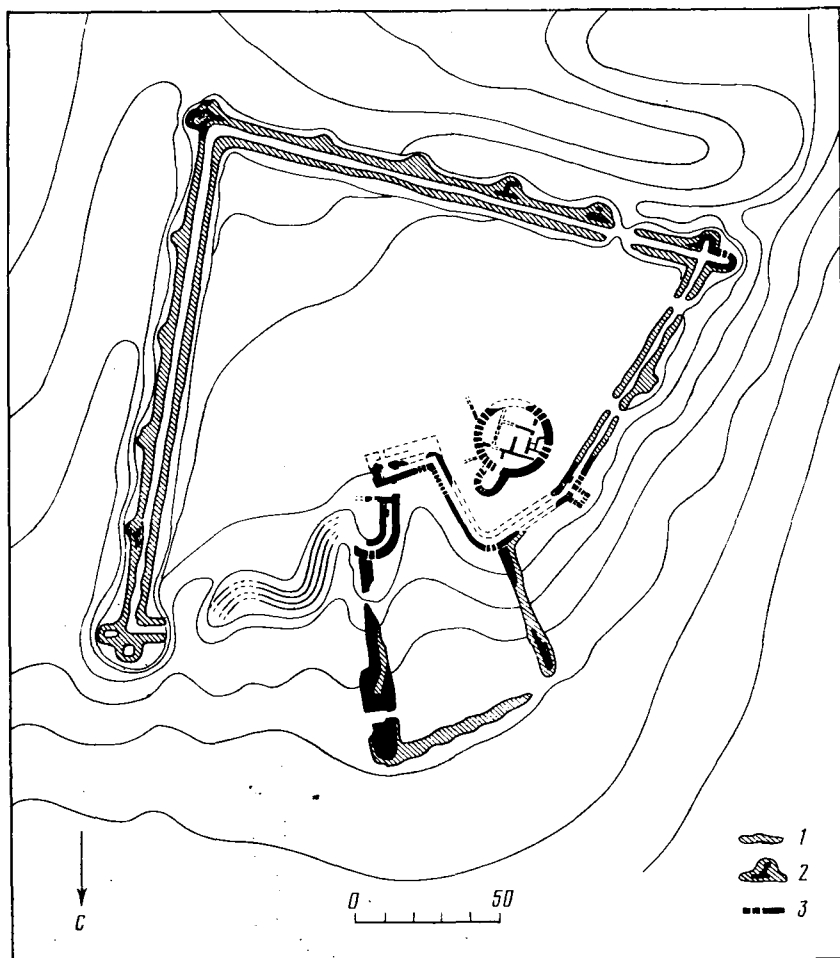

Рис. 6. Городище Калалы 2. План: 1 — валы стен; 2 — останцы стен и башен; 3 — раскопанные участки стен

имеют в центре квадратное помещение, окруженное сегментовидными. Башнеобразный полукруглый выступ, примыкающий с севера к каждому из зданий, оказался входом в него. Лучшее сохранилось здание на городище Калалы 2. Его стены и стены входного сооружения были прорезаны бойницами. В помещениях обнаружены монументальные вымостки для жертвенников и очаги явно не бытового характера. За стенами здания, с южной стороны, расположен хозяйственный комплекс с врытыми в землю хумами. С внешней стороны городища Калалы 2, у городских ворот, сохранились остатки предвратного культового комплекса с нишами в стене. Среди остатков жертвенных приношений — культовый сосуд типа ритона с прикрепленными по плечикам парами обращенных друг к другу животных (головы утрачены). Особого внимания заслуживают надписи, выполненные арамейским письмом, обнаруженные на фрагментах хумов из культового сооружения поселения Гяур 3 и здесь, на Калалы 2. В последнем случае была сделана уникальная находка — остракон с хорезмийской (?) надписью. В. А. Лившиц, исследовавший и определивший эти надписи предположительно как хорезмийские, продолжает работу над ними, но примечательно, что в надписи на остраконе он прочел слово «рабы»¹⁸, что является уже вторым, после Топраккалинского архива, и более ранним свидетельством существования в Хорезме этой формы зависимости. Открытие надписей на этих памятниках подчеркивает культовое на-

¹⁸ Пользуюсь случаем принести благодарность В. А. Лившицу за любезно взятый им на себя труд по прочтению этих надписей.

значения последних — ведь именно храмы и жречество в древности являлись средоточием образованности. Но есть и другой довод в пользу этого. Вспомним погребально-храмовый комплекс того же времени Кой-Крылган-кала в Правобережном Хорезме, также круглый в плане¹⁹, круглые погребальные сооружения в низовьях Сырдарьи — от мавзолеев эпохи поздней бронзы Северного Тагискена до мавзолеев последних веков до нашей эры²⁰. Обращают на себя внимание в этой связи и круглые в плане сооружения в Южной Бактрии (Северный Афганистан) эпохи поздней бронзы и ахеменидского времени (Дашлы 3 и Кулуг-Тепе), которые авторы раскопок в свою очередь сравнивали с Кой-Крылган-кала²¹. Все упомянутые здесь сооружения выстроены из сырцового кирпича, внутренняя планировка и назначение их различны (но все-таки это всегда культовый или погребальный комплекс), однако сам факт распространения этого типа зданий на территории древнего Хорезма и окружающей его степной периферии, с одной стороны, и древней Бактрии — с другой, причем на протяжении тысячелетия, сам по себе примечателен. Если при этом иметь в виду, что мавзолеи Северного Тагискена выстроены из сырцового кирпича (а этот строительный материал появляется в Хорезме не раньше VI в. до н. э.) и что из керамический комплекс содержит гончарную посуду и даже сделанную на ножном круге, которая вместе с сырцовым кирпичом, несомненно свидетельствует о южном компоненте в культуре мавзолеев Северного Тагискена, параллели с культовыми сооружениями эпохи поздней бронзы в Южной Бактрии могут оказаться далеко не случайными.

Хорезмская экспедиция продолжала исследования погребальных памятников на останцовых возвышенностях Присарыкамышской дельты, но уже несколько на другом уровне. Сейчас их ведет специальный археолого-антропологический отряд²², который помимо раскопок уже в полевых условиях проводит палеоантропологические наблюдения.

Раскопки трех курганных групп Сакар-Чага 1—3 дали разнотипные и разновременные захоронения.

В группе Сакар-Чага 1 (раскопан 41 курган) выделяются погребения в могильных ямах с подбоями и в больших ямах со входами-дромосами. Интересно, что в погребениях с подбоем встречаются захоронения двух-трех индивидуумов, причем неодновременные. Эти же типы погребального сооружения дают наряду с труположением захоронения в оссуариях (сосуд или глиняный ящик). В могильных ямах с дромосом совершались коллективные захоронения. В группе Сакар-Чага 2 (раскопано 4 кургана) встречен тот же тип погребений в яме с подбоем, но там выявились каменные надмогильные выкладки, неизвестные на Сакар-Чага 1. Все описанные типы захоронений датируются IV—II вв. до н. э.

Курганная группа Гяур 4 (раскопано 16 курганов) содержит погребения в глубоких ямах с подбоями, причем в мужских захоронениях обнаружены железные мечи и кинжалы, железные черешковые трехлопастные наконечники стрел, сложные луки с костяными накладками. Этот комплекс датируется II—III вв. и по характеру инвентаря и конструкции могил сближается с ранее раскопанными экспедицией комплексами на возвышенностях Туз-гыр и Тумек-кичиджик²³.

¹⁹ Кой-Крылган-кала. — ТХЭ, т. V. М.: Наука, 1967, с. 11—15.

²⁰ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 201—204, рис. 117.

²¹ Саригиди В. И. Памятники монументальной архитектуры Бактрии. — Сов. археология, 1977, № 1, рис. 1, 3, 9. На эти соответствия обратил внимание и К. Йеттмар (см.: *Jettmar K. Fortified Ceremonial Centres of the Indo-Iranians.* — В кн.: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М.: Наука, 1981, с. 220—225; *idem. Die Bedeutung politischer Zentren für die Entstehung der Reiternomaden Zentralasiens.* — In: *Die Nomaden, ihr Geschichte und Gegenwart. Beiträge zur internationalen Symposium. Leipzig, 1981, S. 51—54.*

²² Яблонский Л. Т. Исследование могильника Сакар-Чага 1. — АО 1981 г. М., 1983, с. 482—483.

²³ Кочевники на границах Хорезма. — ТХЭ, т. XI. М.: Наука, 1979, с. 111 сл.; Лохвиц В. А. Подбойно-катакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-кичиджик. — Там же, с. 134 сл.

Чрезвычайно интересные результаты дали раскопки курганов, осуществленные Л. Т. Яблонским, в группе Сакар-Чага 3 (8 курганов). Здесь обнаружены погребения на древнем горизонте с каменными кольцевыми выкладками, причем в двух случаях наблюдалось трупосожжение.

Среди погребального инвентаря этих захоронений — баночная леплая посуда и привозной гончарный сосуд типа Яз II. Наиболее интересная находка — костяное втульчатое навершие с резным изображением двух кабанов, стоящих мордами друг к другу, выполненным в скифском зверином стиле. По манере исполнения оно представляется достаточно ранним. Аналогию ему дает, например, изображение на оленем камне с Аржана²⁴. Эта находка в комплексе с сосудом типа Яз II позволяет датировать данные погребения в пределах VII—V, а скорее VII—VI вв. до н. э. Погребения на древнем горизонте (трупосожжения и трупоположения) уже известны в этом регионе (могильники Тумеккичиджик и Тарым-кая I)²⁵, они были широко распространены и у ранних саков Южного Приаралья²⁶. По-видимому, открытия этого типа погребений на территории Присарыкамышской дельты умножают число подобных примеров, известных как на территории собственно Скифии, так и в «скифском мире», и, вероятно, свидетельствуют о погребениях на древнем горизонте как наиболее ранних. Если это так, то тогда существование их и в V в. до н. э. может рассматриваться как продолжение определенной традиции. Если же рассматривать погребения на древнем горизонте могильника Сакар-Чага 3 с найденным там резным изображением на кости, выполненным в зверином стиле, вместе с находками в оазисе, на городище Кюзели-гыр — золотой головкой архара, обломками каменного жертвенника на ножках и трехдырчатого бронзового псаля, — то мы получим еще одно свидетельство в пользу сакской (в широком смысле) культуры скотоводов окружающей оазис степи.

С другой стороны, обнаруженные при раскопках оссуарные захоронения в ямах (IV—II вв. до н. э.) в сумме с уже известными на этой территории оссуарными захоронениями того же времени в ямах и на древнем горизонте, но под курганными насыпями²⁷ четко демонстрируют влияние культуры населения оазиса на культуру и идеологические представления населения окружающей степи. На примере данных погребений культура эта предстает перед нами уже в синкретическом виде: подкурганные захоронения, с одной стороны, и оссуарии в виде круговых сосудов кангюйского типа с характерной росписью — с другой.

На территории Присарыкамышской дельты продолжались также исследования сельских поселений. Помимо уже упомянутого поселения Гяур 3 было открыто несколько десятков сельских усадеб IV—II вв. до н. э. у подножья возвышенности Тарым-кая, базировавшихся на водах древних протоков. Усадьбы имели разнообразную планировку, с ними связаны найденные во множестве гончарные печи.

Исследования сельских поселений античного времени велись на протяжении многих лет и в Правобережном Хорезме, на ответвлениях Джанбаскалинского канала, на площади между городищами Джанбаскала и Базар-кала, теперь уже распаханной. Это сельские усадьбы с характерной планировкой и прилегающими к ним земельными участками.

²⁴ Грязнов М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980, рис. 29, 2.

²⁵ Вайнберг Б. И. Памятники куюсайской культуры. — Кочевники на границах Хорезма, с. 27—42.

²⁶ Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. По материалам Уйгарака. — ТХЭ, т. VIII. М., 1973; Вишневская О. А., Итина М. А. Ранние саки Приаралья. — В кн.: Проблемы скифской археологии. М.: Наука, 1971, с. 197 сл.

²⁷ Юсупов Х. Курганы могильников Тарым-кая II и III. — Кочевники на границах Хорезма, с. 94 сл.

Рис. 7. Топрак-кала. Северный комплекс. Вид с юга

ми²⁸. Близ Базар-калы было раскопано здание на платформе, окруженное стеной с внутренним коридором. Нижний слой этого памятника дал прекрасные находки терракот и фляг с рельефным орнаментом кой-крылганского типа²⁹.

Не один десяток лет Хорезмская экспедиция ведет раскопки на Топрак-кале. Они сделали дворец хорезмских царей II—III вв. всемирно известным³⁰. Велись раскопки и на самом городище³¹. Однако работы последних лет сосредоточены еще на одном объекте, так называемом Северном комплексе³². Это огромный по площади (14 га) ансамбль дворцовых и храмовых зданий (рис. 7), расположенный к северу от Трехбашенного, или, как его еще называют, Высокого дворца, вне системы городских стен. Во время его раскопок (они продолжаются) была выявлена интереснейшая система сооружений, по замыслу древнего зодчего, по-видимому, входившая в единый генеральный план комплекса Топрак-калы. Северный комплекс — это 12 зданий, стоявших на разновеликих платформах и связанных между собой переходами. Сохранность их плохая, но на здании VII, например, удалось выявить второй этаж. В западной части комплекса здания VII—XI образуют огромное каре с внутренним пространством, разделенным на два двора. Здание III предположительно было храмовым (сохранилась лишь платформа высотой около 2,5 м). Есть основания думать, что по ее периметру шел

²⁸ Неразик Е. Е. Материалы по землепользованию и землевладению в Хорезме первых веков н. э. — В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979, с. 42—47; *ее же*. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). — ТХЭ, т. IX. М.: Наука, 1976, гл. I; Воробьева М. Г. Работы в окрестностях Базар-калы и к северу от Джанбас-калы. — АО 1978 г. М., 1979, с. 548—549.

²⁹ Воробьева М. Г. Работы Базаркалинского отряда. — АО 1977 г., с. 523; Гертман А. Н. Раскопки на Базар-кале. — АО, 1979 г. М., 1980, с. 447.

³⁰ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 204—226; Рапопорт Ю. А. Некоторые итоги изучения дворца на городище Топрак-кала. — В кн.: Культура и искусство древнего Хорезма. М.: Наука, 1981, с. 228—240.

³¹ Городище Топрак-кала. — ТХЭ, т. XII. М.: Наука, 1981; Неразик Е. Е., Рапопорт Ю. А. Die Festung Toprak-Kala in Choresmien. — Das Altertum. Berlin, 1978, H. 2, Bd. 24.

³² Рапопорт Ю. А., Гертман А. Н. Работы на Топрак-кале. — АО 1976. М., 1977, с. 539; Лоховиц В. А., Рапопорт Ю. А. Работы в Топрак-кале. — АО 1977 г., с. 527—528; *их же*. Раскопки на Топрак-кале. — АО 1978 г., с. 555—556; *их же*. Раскопки на Топрак-кале. — АО 1979 г., с. 451; Лоховиц В. А. Раскопки на Топрак-кале. — АО 1980 г., с. 452—453; Лоховиц В. А., Рапопорт Ю. А. Раскопки на Топрак-кале. — АО 1981 г., с. 459—460.

обводной коридор, а попадали в здание по пандусам, расположенным с четырех сторон по его осям. В разных местах у подножий платформ обнаружены остатки водоотводных систем из керамических труб. Дворцовый характер раскопанных зданий подчеркивают обнаруженные в них большие парадные залы, плоское перекрытие которых покоилось на деревянных колоннах, стоявших на каменных базах. Последние открыты во множестве. Стены помещений были украшены многоцветной росписью геометрического, растительного и сюжетного характера, раскрашенными глиняными барельефами, мужскими и женскими фигурами в натуральную величину (сохранились фрагменты). Найдено также скульптурное изображение животного с рогами. Характерная деталь внутреннего убранства — глиняные лепные решетки. Среди находок, относящихся к архитектурному декору, — алебастровая форма для изготовления горельефного изображения мужской головы, типологически явно связанного с кругом персонажей дионисийского культа. Найдены также алебастровые формы для отливки листьев аканта, рыб. Наряду с парадными зданиями в Северном комплексе есть помещения бытового характера. Так, отдельные участки внутренней планировки зданий, образующих каре с двумя внутренними дворами, представляют собой двухкамерные блоки — секции, вытянутые вдоль сводчатого коридора. В восточной части Северного комплекса были, видимо, хозяйственные помещения. Монументальность построек Северного комплекса, его парадные залы и их убранство — все это не оставляет сомнений в том, что мы имеем дело с дворцовым ансамблем. Такое назначение этих сооружений, вероятно, подчеркивает и малое количество бытовых находок. Керамики очень мало. Среди находок можно назвать хорезмийскую (чекан Артава) и кушанские (Вима Кадфиз и Хувишка) монеты, а также небольшую головку льва, сделанную из листового золота на пастовой основе.

Генеральный план Северного комплекса принципиально иной по сравнению с планом Высокого дворца Топрак-калы. Это не единое здание, как в последнем случае, а комплекс увязанных друг с другом зданий. Но детали их внутренней планировки, украшение помещений стеной росписью и скульптурой, стиль, цветовая гамма и элементы орнамента этих росписей дают много точек соприкосновения с внутренней планировкой и убранством помещений Высокого дворца. Это тем более интересно, что ранее высказанное предположение о том, что ансамбль Топрак-калы был сразу спроектирован древним зодчим во всем своем объеме, сейчас документально подтвердилось. Меридиональная главная ось Высокого дворца, проходящая через зал с айваном («тронный зал»), совпадает с таковой Северного комплекса, проходящей через храмовое здание (здание III). Раскопки Северного комплекса продолжаются, но уже сейчас возникает вопрос о его функциональном назначении, о причинах постройки его вне городских стен и т. д. По мнению Ю. А. Рапопорта, Высокий дворец не был сооружением светского характера, это был священный комплекс, связанный с культом правящих династий и с различного рода религиозными культами, где они и отправлялись. Северный же комплекс был именно дворцовым, светским комплексом зданий, возможно, что приезжавшая на праздничные церемонии знать останавливалась именно в нем. То, что этот дворец находится вне пределов городских стен, удивляет, но, по-видимому, в укреплении его не было необходимости. Одно из свидетельств этого — отсутствие следов его насильственного разрушения, следов пожара. Что же касается последовательности возведения зданий, то пока на этот вопрос ответить трудно. Можно лишь предположить, что если Высокий дворец и Северный комплекс строились не одновременно, то интервал между постройкой того и другого был невелик.

Площади к востоку от Топрак-калы, в районе уникального комплекса памятников Аяз-кала, сейчас уже освоены или осваиваются. Юго-западнее Аяз-калы некогда был раннесредневековый Яккепарсанский оазис. С тех времен сохранились развалины усадеб и центральный па-

Рис. 8. Безымянный замок. Вид с севера после раскопок

мятник оазиса, видимо, резиденция его властителя — замок Якке-Парсан, который экспедицией раскопан почти полностью³³. Сейчас он стоит среди полей. Некоторые из усадеб вдоль древнего Яккепарсанского канала и его ответвлений удалось раскопать. Среди сооружений выделяется Безымянный замок (рис. 8). Четкость его планировки и относительно ранняя его дата (VI—VII вв.) заслуженно привлекли к нему внимание³⁴. Прямоугольный в плане (45×35 м), он имел мощные (толщиной 2 м) внешние стены, ориентированные по странам света. Вход в замок был в южной стене, его фланкировали две полуовальные башни. Ведущий от входа коридор упирался в северной части замка в большой крытый двор. К западной стене замка примыкали двухкомнатные секции с выходами в коридор, отделенные друг от друга глухими стенами. В восточной половине здания располагались помещения, видимо, парадного характера. Это большой четырехколонный зал в его юго-восточной части (сохранились каменные базы колонн) и прилегающие к нему с севера помещения с суфами.

Безымянный замок — свидетельство удивительной устойчивости традиционной планировки хорезмского жилища, ибо план современного узбекского дома, рассмотренный в ретроспективе, приведет нас к раннесредневековым постройкам Хорезма³⁵ и среди них — к Безымянному замку.

Еще три раскопанных экспедицией усадьбы оазиса отличаются каждая индивидуальной планировкой. Так в центре здания усадьбы А находился бассейн, и весь ее план не типичен для жилых зданий, а на Хайдар-тепе была открыта отопительная система типа канов, самая ранняя из пока известных в Хорезме (до сих пор мы знали лишь каны в слоях XVII в. в Ургенче).

Исследование Яккепарсанского оазиса представляет особый интерес еще и потому, что оно открывает большие возможности для изучения типов раннесредневековой архитектуры. Однако не менее важно и то, кому принадлежали эти постройки, членами какой социальной категории данного общества являлись их владельцы; наконец, каким

³³ Неразик Е. Е. Раскопки Якке-Парсана.— МХЭ, в. 6. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 3—40; *ее же*. Раскопки Якке-Парсана.— АО 1977 г., с. 532.

³⁴ Неразик Е. Е. Раскопки Безымянного замка.— АО 1980 г., с. 456—457; *ее же*. Работы в зоне Яккепарсанского канала.— АО 1981 г., с. 461—462.

³⁵ Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме.

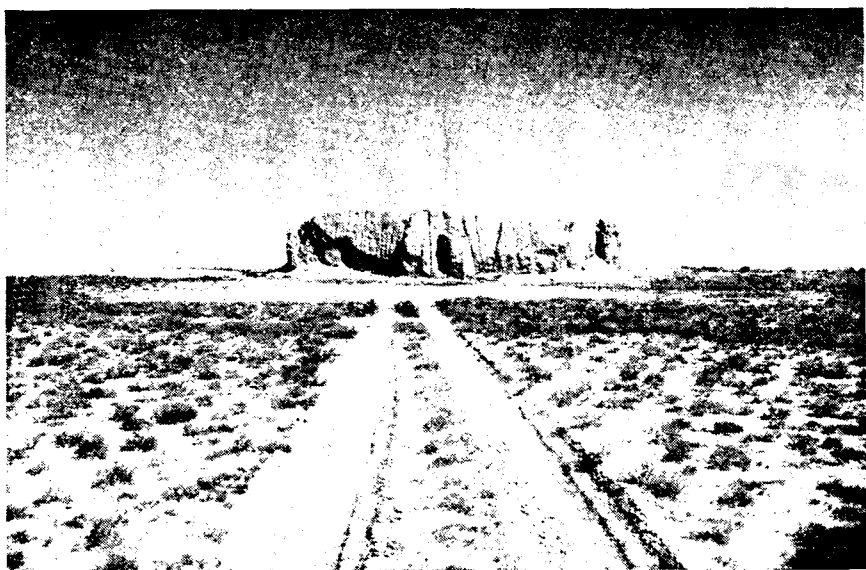

Рис. 9. Городище Кос-асар

было функциональное назначение разнотипных сооружений. Ответы на эти вопросы впереди, работы в древнем оазисе продолжаются.

Очень важный цикл работ ведется экспедицией на Нижней Сырдарье, в Джетыасарском урочище. По проекту переброса части стока вод сибирских рек в Среднюю Азию трасса будущего канала проходит через урочище. Поэтому помимо важности проведения здесь работ в связи с необходимостью исследования этнической истории населения бассейна Сырдарьи в целом — проблем, имеющих не только локальное, но и общенациональное значение, возникла и насущная необходимость проведения здесь, в низовьях Сырдарьи, предварительных охранных работ, которые к тому же облегчат будущие крупномасштабные раскопки. Укрепленные городища, расположенные на староречьях Пра-Кувандарьи в северо-восточной части древней Сырдарьинской дельты и предварительно датирующиеся огромным отрезком времени — второй половиной I тысячелетия до н. э. — первой половиной I тысячелетия н. э., давно привлекли к себе внимание экспедиции³⁶. Внешний вид этих памятников (рис. 9), окружающие их большие погребальные поля, отсутствие сельских поселений близ них — все выделяло это урочище среди известных нам в низовьях Сырдарьи и Амударьи.

Истоки джетыасарской культуры, ее хронологические рамки, контакты ее носителей с населением Средней Сырдарьи на разных этапах истории, с населением более западных областей Сырдарьинской дельты, этническая характеристика джетыасарцев, их хозяйство, культура — все эти проблемы стояли перед экспедицией при возобновлении исследований асарских городищ, все они стоят перед ней и сейчас, хотя несомненные успехи в попытке разрешения некоторых из них нельзя не признать. Раскопки на двух памятниках — Джеты-асар 2 (Бидаик-асар) и Джеты-асар 12 (Томпак-асар)³⁷, — а также обследование остальных городищ оазиса позволили установить, что первоначальная архитектурная основа каждого городища — овальное в плане укрепление с мощными стенами с бойницами, не менее чем двухэтажное, помещения ко-

³⁶ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.: Изд-во АН СССР, 1948, с. 125—140.

³⁷ Левина Л. М. Исследования в Джетыасарском урочище. — АО 1976, с. 517—518; *ее же*. Исследования в Джетыасарском урочище. — АО 1978 г., с. 537—538; *ее же*. Раскопки городищ Джетыасарского урочища. — АО 1979 г., с. 434—435; *ее же*. Исследования в Джетыасарском урочище. — АО 1980 г., с. 438—439; *ее же*. Исследования в Джетыасарском урочище. — АО 1981 г., с. 441—442.

торого имели сводчатое и плоское перекрытия. С трех сторон оно было окружено более низкой террасой — остатками застройки, которая в свою очередь была окружена стеной с башнями, но менее мощной. Вход в укрепление был и из внешней застройки, и с его западной стороны, где этой застройки не было. Судя по тому, что внешняя застройка, как правило, представляет собой сплошные слои пожараща, можно предположить, что во время вооруженных конфликтов жители укрывались под защитой мощных стен укрепления, а внешняя застройка врагом уничтожалась. Примечательно, что такой первоначальный план имеют, по-видимому, все, исключая заведомо поздние, выходящие за рамки джетыасарской культуры, памятники урочища независимо от их размеров. А среди них есть и более крупные (очевидно, небольшие городки), и менее крупные, которые по массивности стен и укрепленности воспринимаются как маленькие крепости. Большинство городищ осложнено позднейшими пристройками, в частности в виде башен и приставленных с внешней стороны стен. Последние образуют с основными стенами коридоры, двухэтажные, со сводчатыми перекрытиями, причем таких обводных коридоров в конечном итоге может быть несколько. Интенсивно перестраивалась и первоначальная застройка укрепления, причем, если в нижних горизонтах обнаружены своды, выше идут плоские перекрытия. Разбираться в этом «слоеном пироге» очень трудно, так как помещения одного горизонта, как правило, находятся в разных уровнях и соединяются лесенками-переходами. Жизнь каждого такого замка, судя по керамике, могла продолжаться несколько сотен лет. Сейчас можно говорить, что на данном уровне наших знаний нижняя дата джетыасарской культуры не выходит за пределы второй половины I тысячелетия до н. э. Однако пока мы не имеем больших площадей по нижнему горизонту Томпак-асара, на котором ведутся раскопки. Кроме того, не исключено, что стратиграфическая колонка другого памятника этой культуры даст для нижнего слоя более раннюю дату. В то же время раскопки на погребальных полях (склепы, подкурганные захоронения с подбоями, грунтовые ямы, окруженные подковообразной канавкой) дают поздние даты — первые века нашей эры, т. е. увязываются с поздними периодами жизни городищ.

Удалось установить, что контакты с населением Средней Сырдарьи времени каунчинской культуры не исчерпывались только культурными связями. По-видимому, в начале I тысячелетия происходил процесс инфильтрации групп населения со Средней Сырдарьи на Нижнюю и наоборот³⁸. Как ни странно, но менее очевидные контакты прослеживаются с населением более западных областей Сырдарьинской дельты, носителями чирикратской культуры (вторая половина I тысячелетия до н. э.), которые территориально находились значительно ближе. Может возникнуть мысль, что причина здесь в расхождении датировок, хотя пока это не выявляется и до уточнения хронологии джетыасарской культуры этот вопрос остается открытым. Однако следует иметь в виду, что эти два региона, несмотря на то, что их разделяет расстояние порядка 100 км и находятся они на территории одной дельтовой области, отличаются друг от друга принципиально иной системой расселения. Население чирикратской культуры жило в укрепленных городках, окруженных множеством неукрепленных сельских поселений, жители которых занимались скотоводством и ирригационным земледелием. Джетыасарцы селились на небольших дельтовых руслах, строили укрепления типа позднейших замков, наряду с которыми существовали и крупные городища типа городских поселений, основным их занятием было скотоводство. По-видимому, именно разница в системах хозяйст-

³⁸ Левина Л. М. Среднеазиатские связи джетыасарской культуры в первой половине I тысячелетия н. э. — В кн.: Культура и искусство древнего Хорезма, с. 170—177; Андрианов Б. В., Левина Л. М. Некоторые вопросы исторической этнографии Восточного Приаралья в I тысячелетии н. э. — В кн.: Этнография и археология Средней Азии, с. 94 сл.

Рис. 10. Район крепости Джанбас-кала. Новое освоение земель древнего орошения

ва прежде всего влияла на различия в системах расселения. Нельзя сбрасывать со счетов и вероятные этнические различия между населением обоих регионов. Кроме того, укрепленность всех без исключения асарских городищ и отсутствие вокруг них сельских поселений связаны, конечно, и с крайним положением оазиса, близостью его к Сырдарье, по которой осуществлялись как дружественные, так и недружественные контакты, близостью к степным просторам на правом берегу Сырдарьи, откуда жителям оазиса также могла грозить опасность.

Как мы уже говорили вначале, основой деятельности Хорезмской экспедиции являются сейчас охранные работы (рис. 10). Помимо ее научного аспекта, который мы осветили выше, она имеет и сугубо практическое значение. Так, нами были приняты некоторые конкретные меры по охране памятников на территории Каракалпакии и Туркмении. Удалось сохранить для исследований среди массива распаханых земель площади уникальной неолитической стоянки Толстова; исключить из фонда осваиваемых площадей территорию Северного дворцового комплекса Топрак-кала и, таким образом, увеличить охранную зону вокруг памятника в целом; наладить сотрудничество с Институтом реставрации и консервации памятников Министерства культуры УзССР в деле консервации и частичной реставрации Высокого дворца Топрак-кала; добиться изменения направления автомобильной трассы и сохранить комплекс Гяур 3 в Туркмении. Все это мы смогли сделать благодаря активному содействию местных партийных и советских органов. Но это лишь малая толика того, что еще надо сделать. На очереди задача охраны уникального комплекса античных и раннесредневековых памятников Аяз-калы. Не менее важной задачей, — и это относится ко всем среднеазиатским регионам, где сохранились исторические памятники на ныне освоенных территориях, — является борьба за то, чтобы дело не ограничивалось установлением охранной зоны вокруг памятников, а к ним была бы еще подведена эффективная система дренажа, ибо освоение земель влечет за собой поднятие уровня грунтовых вод, что губительно сказывается на сохранности сырцовых сооружений.

Научно-исследовательская деятельность и практические меры по сохранению единственного в своем роде заповедника исторических памятников — древнего Хорезмского оазиса — вот тот путь, по которому и впредь будет следовать Хорезмская экспедиция.

СООТНОШЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ В США

Проблема соотношения этнических и конфессиональных общностей была поставлена в ряде теоретических трудов советских этнографов¹ и подробно рассмотрена П. И. Пучковым². Нашу статью можно считать приложением разработанной ранее методики к конкретному материалу, позволяющему верифицировать, а порой и уточнить некоторые из выдвинутых тезисов. Кроме того, анализ этнической и конфессиональной структуры США на значительном временном отрезке (20—70-е годы XX в.) позволяет проследить не только статику, но и динамику соотношения этнических и конфессиональных общностей, т. е. в конечном счете выявить влияние конфессионального фактора на этнические процессы.

Чрезвычайно сложный конфессиональный состав населения США и бурно протекающие в этой стране этнические процессы способствуют решению указанной выше проблемы. Кроме того, в распоряжении исследователей имеется обширная литература, посвященная вопросам этнического развития как всего населения США, так и отдельных групп иммигрантов, а также справочный материал по конфессиональной структуре США. Вместе с тем несколько затрудняет дело чрезвычайный разбой в оценках современной этнической ситуации в США и тенденций ее развития.

Важнейшая категория современной американской этнографии выражается понятием *ethnicity*, которое пока еще недостаточно стабильно. В связи с нашими задачами важно отметить лишь, что одним из компонентов понятия *ethnicity* для большинства исследователей является религия. Так, в сборнике статей, вышедшем в 1975 г., Гарольд Айзекс при определении этого понятия поставил в один ряд с этническим самосознанием такие показатели, как язык, религия, этика и т. п.³ Во введении к другому сборнику, изданному в 1979 г., этническая группа определяется как общность, выделяемая из остального американского общества расой, религией или этническим происхождением⁴. А в «Энциклопедии этнических групп США», опубликованной в 1980 г., среди нескольких статей обобщающего характера наряду со статьей «*Ethnicity*» есть и статья «*Religion*», в которой религия рассматривается как этнообразующий фактор⁵.

С чем связано такое внимание к религии в этнографических исследованиях США? В какой мере оно отражает существующее положение, а в какой, напротив, смещает реальные акценты? Связан ли данный факт со спецификой Соединенных Штатов Америки как государства с высоким уровнем религиозности населения (по данным Института Гэллага, занимающегося изучением общественного мнения, 95% населения США считают себя верующими, причем 39% опрошенных полагают, что роль религии в общественной жизни страны возрастает⁶) или же он отражает тесную сопряженность этнического и конфессионального самосознания? Исследование соотношения этнических и конфессиональных общностей США имеет первостепенное значение для ответа на эти вопросы.

Исследуя поставленную проблему, нужно прежде всего остановиться на выдвинутой американскими учеными концепции триединого плавления котла (*triple melting pot*). Суть ее заключается в том, что ассимиляция иммигрантов в США проходит два этапа. Первый из них —

¹ Бромлей Ю. В. Опыт типологизации этнических общностей. — Сов. этнография, 1972; № 5; его же. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981. Козлов В. И. Динамика численности народов. М.: Наука, 1969.

² Пучков П. И. О соотношении конфессиональной и этнической общностей. — Сов. этнография, 1973, № 6; его же. Современная география религий. М.: Наука, 1975.

³ *Ethnicity: Theory and Experience*/Ed. Glazer N. Cambridge (Mass.), 1975.

⁴ *Ethnicity and Aging: Theory, Research and Policy*. N. Y., 1979.

⁵ *Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups*. Cambridge (Mass.), 1980.

⁶ *Gallup Opinion Index*, № 130. N. Y., 1976, p. 2.

стирание межэтнических границ в пределах одной из трех крупнейших конфессиональных общностей США — протестантской, католической или иудейской, в результате чего конфессиональная общность приобретает черты культурного единства, а ее члены — общее (этноконфессиональное?) самосознание. Второй этап — дальнейшая американизация указанных выше групп путем адаптации их религиозной жизни к нормам уже выработанным в США морали и системы ценностей. Этот процесс должен со временем привести к сплочению всех граждан США в единую нацию.

Концепция триединого плавильного котла оказалась весьма устойчивой. Так, в книге У. Херберга, вышедшей в 1955 г.⁷, все факты этнической жизни США подаются в свете этой теории и как аргументы в ее пользу. В одной из статей сборника, посвященного влиянию этнического фактора на внутреннюю политику США⁸, М. Гордон, высказывая некоторые сомнения относительно универсальности указанной концепции, все же признает ее верной для протестантской и иудейской конфессиональных общностей. Правда, в одной из опубликованных в 1975 г. работ концепция триединого плавильного котла была подвергнута решительной критике, причем было высказано мнение, что она является перенесением этнического опыта иудеев на все остальные этнические и конфессиональные общности США⁹. Однако одно резкое критическое выступление против этой концепции, конечно, не могло похоронить ее и она до сих пор имеет немало сторонников. В связи с этим нам придется остановиться на ней достаточно подробно.

Для выяснения вопроса о соотношении этнических и конфессиональных общностей целесообразно вести исследование в двух направлениях: отталкиваясь от конфессиональной общности, определять ее этническую структуру и, наоборот, беря за основу этническую группу, выявлять ее конфессиональное лицо. Особого внимания заслуживают, несомненно, сравнительно широко представленные в США этноконфессиональные общности.

Что касается двух крупнейших конфессиональных общностей США — протестантской и католической, то в их составе есть такие метаэтнические конфессиональные объединения, как католики Центральной Европы (часть немцев, голландцев и др.), протестанты Северной Европы (шведы, норвежцы и др.), чья культурная близость обусловлена не столько религиозным фактором, сколько факторами иного порядка. Поэтому при анализе сближения некоторых групп европейского происхождения в США едва ли правомерно делать особый акцент на их конфессиональном единстве: сходство социально-экономических условий в странах выхода и многих элементов их исконной культуры создают гораздо более прочную основу для их этнокультурного сближения.

Следует также помнить, что в США межэтнические отношения часто осложняются еще и расовой неоднородностью. Ведь в протестантскую конфессиональную общность влилась многочисленная группа черных адептов, а среди американских католиков много метисов — чиканос и пуэрториканцев. Показателем общественного влияния той или иной американской религии является способность консолидировать расово различные группы населения. И, как будет показано в дальнейшем, ни одному направлению христианства в США это в достаточной мере не удалось.

Начнем наш обзор с крупнейшей конфессиональной общности США — протестантской. Следует прежде всего отметить, что американский протестантизм делится на множество отдельных церквей и сект, часто весьма далеких друг от друга по догматике и культу. Некоторые из сект настолько отошли от традиционного протестантизма и даже христианства, что выделяются американскими религиоведами особо. Так,

⁷ Herberg W. Protestant, Catholic, Jew. Gardian City, 1955.

⁸ The Ethnic Factor in American Politics. Ohio, 1970, p. 40.

⁹ Ethnic Identity: Cultural Continuities and Change. Mayfield, 1975, p. 8.

секты мормонов, которую в Европе обычно рассматривают как ответвление протестантизма, многие американские исследователи не считают даже христианской. Отказывают в праве называться христианской (несмотря на ее имя) и секте «Христианская наука». А адвентистов, многие элементы вероучения и особенно культа которых очень близки к баптистским, ряд американских религиоведов не признают протестантами (вероятно, в связи с их представлениями о том, что душа умирает и возрождается вместе с телом в день Страшного Суда). Что же все-таки объединяет эти разнородные религиозные течения, почему можно говорить об «американском протестантизме» и, более того, о Соединенных Штатах как о преимущественно протестантской стране? Осмелимся высказать предположение, что протестантская конфессиональная общность в США является не столько собственно религиозным единством, сколько общностью, связываемой иными формами идеологии, причем ее идеология в наибольшей степени приспособлена к условиям американского буржуазного государства. Отделение от государства, выборность духовенства в большинстве протестантских толков, отсутствие централизованного руководства (в деноминациях, а не сектах, конечно), активное участие мирян в церковных делах, установка на социальный успех (даже адвентисты седьмого дня, ожидающие скорого конца света, аккуратно выполняют свое дело и ценятся предпринимателями в качестве наемных рабочих) — вот не полный перечень характерных черт большинства протестантских церквей, отвечающих буржуазно-демократическим идеалам.

Очень показательна в этом отношении эволюция мормонства. Мормоны — секта, образовавшаяся в самих США и вышедшая из лона протестантизма. Вместе с тем догматика ее весьма своеобразна: мормоны принимали Ветхий Завет и «Свидетельство» — книгу, якобы врученную основателю секты Дж. Смитом ангелом Морони, считали свое учение религией коренного населения США, возлагали на церковь все функции социального регулирования и практиковали многоженство. После бегства в Юту и создания собственного «государства»-общины, они к концу прошлого века воспроизвели в миниатюре то же индустриальное капиталистическое общество, какое покинули. Разработка полезных ископаемых, проведение сети железных дорог, создание крупных промышленных объединений, накопление огромных капиталов религиозной общиной, превратившейся в главного предпринимателя, — и как результат этого возвращение «на круги своя», т. е. в состав США на правах нового штата. Правда, для этого, по крайней мере формально, пришлось отказаться от многоженства.

Конечно, не все протестантские церкви и секты в одинаковой мере отвечают американской системе ценностей, в частности, обладают определенной вероисповедной терпимостью. Пресвитерианам для полной американизации понадобилось лишь официально признать веротерпимость, англиканам — освободиться от власти английской церковной иерархии и сменить название церкви на американскую епископальную, а лютеранам пришлось сменить язык богослужения с немецкого (язык Лютера!) на английский и перестроить организацию. Понятно, что в условиях подобных перестроек возросла возможность церковных расколов, что и показывает нам опыт лютеранских церквей в США. Лютеранские церкви, созданные выходцами из скандинавских стран, подобно православным долгое время сохраняли национальную обособленность. Но и национальные церкви порой переживали раскол в связи с тем, что новые иммигранты, застав свою церковь в США адаптировавшейся к новым условиям и измененной, отмежевывались от нее и создавали новую, более «чистую» и «истинную», а главное, более этническую. Так получилось, например, с голландской реформатской церковью.

Интересно отметить, что размежевание на различные в своем отношении к догматике и культу группировки, относящиеся к разным периодам иммиграции, можно наблюдать не только среди американских протестантов, но и среди представителей других конфессиональных групп.

Такое размежевание очень ярко выражено у католиков, которые формально считаются самой монолитной конфессиональной общностью.

Относительно немногочисленные католики впервые появились на североамериканском континенте в самом начале его освоения европейцами, и ряды их пополняются по сей день. «Старейшее» католическое население США — это французские колонисты Луизианы, испанские колонисты Флориды и ряда территорий, отторгнутых от Мексики, а также ирландские и в меньшем числе французские переселенцы в Средне- и Южноатлантические штаты и часть шотландцев, осевших в Новой Англии. Судьба этих мигрантов сложилась по-разному. Испанцы смешались с местными индейцами, и в результате образовалась большая группа католиков смешанного происхождения, включенных в состав населения США после войны 1846—1848 гг. Эта группа постоянно, и особенно после первой мировой войны, пополнялась за счет притока иммигрантов.

Приток переселенцев из западной и южной, т. е. католической, Ирландии в США резко усилился после «картофельного голода» 1840-х годов и продолжал оставаться интенсивным вплоть до второй половины XIX в. Таким образом, ирландцы, у которых преданность своей вере ассоциировалась с борьбой за национальное освобождение, оказались во главе католической церкви в США и во многом определили ее характер. Со временем все более увеличивалось число немецких католиков, однако процесс их объединения с ирландцами шел медленно, что в значительной мере было связано с развернувшимся среди первых националистическим движением, известным под названием кахенслизма¹⁰. Эти две группы сплотились лишь перед лицом новой волны иммигрантов-католиков из Южной и Восточной Европы, большинство среди которых составляли итальянцы и поляки. И те и другие привезли с собой свои национальные традиции богослужения, существенно отличавшиеся от традиций, сложившихся у ирландцев и немцев, особо развитый культ божьей матери (прежде всего у итальянцев). Если бы даже они застали не американизированную, а чисто иммигрантскую (ирландско-немецкую) католическую церковь в Новом Свете, то и тогда первоначальный контакт в религиозной сфере был бы нелегко. Однако дело осложнялось еще более тем, что облик американского католицизма уже сильно отличался от первоначального.

До начала XX в. католическая церковь в США воспринималась в основном как иммигрантская, религия являлась в известной мере оплотом этнического самосознания и культуры, церковные приходы организовывали всякого рода общества взаимопомощи, способствовавшие сплочению иммигрантских групп. Вместе с тем, изолируя иммигрантов от основной массы американцев, церковь как бы закрепляла их низкий социальный статус. В конце XIX — начале XX в. быстро идет процесс аккультурации католической церкви, она меняет облик вместе со своей паствой и становится более американизированной. Этот процесс в значительной степени был связан с переходом ирландцев и немцев-католиков в разряд «старой иммиграции» — «белых воротничков», мелких и даже крупных предпринимателей. В связи с тем что образовательный уровень и доход на душу населения среди католиков существенно повысился, соответственно изменилось и отношение к ним со стороны инаковерующего большинства. Если до начала XX в. в законодательстве некоторых штатов существовали ограничения демократических свобод для католиков¹¹, то в 1928 г. на пост президента США уже выдвигался католик Альфред Смит, который, впрочем, выступал со специальным заявлением о том, что не допустит вмешательства его церкви в государст-

¹⁰ Кахенслизм — движение за национальную обособленность в католической церкви, названное по имени купца, занимавшегося благотворительностью в пользу католиков немецкого происхождения. П. П. Кахенсли предложил римской курии организовать деятельность католической церкви по национальным подразделениям, однако это предложение было отклонено.

¹¹ Богина Н. А. Иммиграция в США. М.: Наука, 1965, с. 81.

венные дела США, а в 1960 г. католик Джон Кеннеди стал президентом. Как видим, упрочение положения католической церкви в США несомненно. Католическая церковь адаптировалась в Америке и теперь казалось бы, сама должна была способствовать ассимиляции вновь прибывших иммигрантов. Для новоприбывших ирландцев и немцев-католиков церковь выполняла эту функцию, но с основной группой «новой иммиграции» она установила прочный контакт лишь в послевоенные годы, а испаноязычные католики латиноамериканского происхождения по сей день остаются в относительной изоляции.

Новые иммигранты-католики, сталкиваясь с номинально идентичной, а практически абсолютно чуждой им церковью, стремились воссоздать в США свои формы религиозной жизни. Отсюда и возникло такое явление в системе организации католической церкви в США на разных уровнях, как «организация приходов по национальному признаку при сохранении территориального принципа в организации диоцезов»¹². Несмотря на это, многие группы иммигрантов-католиков были все же недовольны ситуацией, в которой они оказались. Следствием этого, как отмечает для 20-х годов нашего века американский исследователь итальянского происхождения Р. Веколи, был массовый отход итальянцев от церкви и даже их «атеизация»¹³. Насколько верно последнее, сказать трудно. Если это и имело место, то в сравнительно краткий период от 20-х до 40-х годов. В 50-е—70-е годы по данным Института Гэллага, почти треть верующих американцев действительно разочарованы в официальной церкви, однако не отошли от религии. Думается, что сходное положение можно наблюдать и у живущих в США итальянцев; их отход от церкви был связан с недовольством ее организацией и клиром, но не с разочарованием в религии вообще. Итальянцы не возлагают больших надежд на помощь со стороны церкви в их насущных заботах. Так, помощь соотечественникам в трудоустройстве осуществлялась среди них через традиционную национальную систему «падроне», которая, будучи объективно дополнительной эксплуатацией, помогала все же новоприбывшим адаптироваться в США, придавала им большую психологическую устойчивость и уверенность в будущем.

Поляки же, не отходя от католической церкви, стремились тем или иным способом выделиться в ней по национальному признаку: привозили с собой своих ксендзов, поддерживали свои традиции богослужения. Но и это иногда казалось «новым иммигрантам» недостаточным. Часть из них организовала национальные церкви, отступающие по догматам от ортодоксального католицизма. Таковы Польская национальная католическая церковь (старокатолическая по вероучению), возникшая в начале XX в. в США и лишь позднее распространившая свое влияние на Польшу, и Литовская национальная католическая церковь (вторая невелика по численности).

Что касается расовых меньшинств среди американских католиков, представленных главным образом мексиканцами и пуэрториканцами, то они, будучи формально равноправными членами католической общины, подвергаются на деле разным формам дискриминации. Пуэрториканцы почти не имеют духовенства из числа своих соотечественников, дети мексиканцев в католических школах страдают от плохого отношения со стороны учителей. В связи с этим католическое духовенство мексиканского происхождения даже предпринимало шаги к организации мексиканской национальной католической церкви, однако встретило резкое противодействие со стороны высшей церковной иерархии.

Несколько проще и однозначней, чем в католической церкви, отличающейся сильной этнической гетерогенностью при институциональном единстве, обстоит дело в американском православии, где этнические границы совпадают с конфессиональными. Оно распадается на множество национальных церквей, причем нередко представители одной наци-

¹² *Фурман Д. Е.* Религия и социальные конфликты в США. М.: Наука, 1981, с. 124.

¹³ *Vecoli R.* Prelates and Peasants. Italian Immigrants and the Catholic Church.— *Journal of Social History*, Spring, 1969.

Происхождение мужа (2-е поколение)	Происхождение жены (2-е поколение)							
	англий- ское	немецкое	ирланд- ское	итальян- ское	поль- ское	рус- ское	испанское	другое
Английское	11,4	11,8	8,0	4,2	2,5	1,4	3,7	57,0
Немецкое	10,0	34,1	8,5	2,0	2,1	0,7	0,8	41,8
Ирландское	10,3	12,7	31,8	3,2	1,5	0,2	0,9	39,5
Итальянское	3,8	5,9	6,9	52,7	3,0	0,6	1,0	26,2
Польское	4,5	7,5	4,6	5,6	40,9	6,0	0,3	30,2
Русское	3,7	3,5	1,2	1,4	9,6	46,6	1,1	32,9
Испанское	2,3	2,8	2,2	1,3	0,4	0,3	76,1	14,7
Другое	6,7	8,1	5,5	1,8	1,2	0,7	1,0	75,1

* Взято из Characteristics of the Population by Ethnic Origin. Washington, 1971, p. 9.

ональности имеют и по несколько церквей. Стремление к национальному обособлению среди адептов православия в США, как правило, больше, чем в странах их выхода. Так, украинцы в Вашингтоне отказались посещать общую с русскими церковь и выстроили свою национальную церковь. Албанская же православная церковь возникла в США еще до появления автокефальной церкви в Албании¹⁴.

Сопоставив этническую пестроту американских католиков с национальным дроблением православных церквей и с разделением ряда протестантских течений на национальные церкви, мы приходим к выводу, о том, что дифференцирующие моменты сейчас проявляются в религии в гораздо большей степени, чем интегрирующие. Там, где этническое обособление усугубляется религиозным, равнодействующая этих двух сонаправленных сил оказывается очень велика. Когда же религиозное единство призвано преодолеть расовое, этническое или социальное отчуждение, религия сплошь и рядом оказывается бессильной.

Как было показано выше, крупнейшие конфессиональные общности США не обладают ни этнической, ни расовой однородностью. Небесполезно также рассмотреть их с точки зрения соблюдения или несоблюдения эндогамии. Ведь сторонники теории «триединого плавильного котла» (например, В. Херберт) и просто «плавильного котла» (О. Хендлин), характеризуя свою схему этнического развития США, утверждают, что нарушение этнической эндогамии сначала имеет место лишь в пределах конфессиональной общности (при сохранении конфессиональной эндогамии). Таким образом, по их мнению, происходит постепенное вытеснение этнического самосознания самосознанием конфессиональным, а это в свою очередь является этапом на пути к ассимиляции. Модель этнического процесса строится в основном на базе наблюдений над межконфессиональной и межэтнической брачностью. На наш взгляд, динамика брачности — не единственный показатель этнической целостности или ассимилированности иммигрантской группы, однако и советские ученые подчеркивают важную роль эндогамии как стабилизатора этноса¹⁵. В связи с этими высказываниями интересно сопоставить степень этнической и конфессиональной эндогамии в США.

Для этой цели прежде всего познакомимся со статистическими данными об этнической гомогенности и гетерогенности брачных союзов (таблица). Следует, конечно, учитывать, что в принципе на выбор национальности супруга существенное влияние может оказать фактор расселения (просто близости не окажется представителя той же национальности). Однако в таблице приводятся наиболее многочисленные в США группы. Кроме того, итальянцы обычно селятся компактно и образуют землячества. Подяки также сконцентрированы крупными массами, преимущественно в Новой Англии, Среднеатлантических шта-

¹⁴ Фурман Д. Е. Указ. раб., с. 183.

¹⁵ Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия. — Сов. этнография, 1969, № 6; Козлов В. И. Указ. раб.

та и штатах Северо-Восточного Центра. Англичане, немцы, ирландцы расселены более дисперсно, но нигде не находятся в этнической изоляции.

О чем же свидетельствуют данные приведенной выше таблицы? О том, что этническая эндогамия представителями старой иммиграции соблюдается мало: англичане, чья интеграция в североамериканскую нацию проходит сравнительно быстро и незаметно, вообще ее почти не практикуют. У них самый низкий процент этнически однородных браков и одновременно самый высокий показатель браков с женщинами «другого» происхождения. В разряд «других» входят все не указанные в таблице группы иммигрантов, потомуки от смешанных браков, а также лица, чье этническое происхождение по нормам американского бюро ценза не принимается во внимание, причем последние составляют в этой группе подавляющее большинство. У немцев и ирландцев показатель этнической эндогамии значительно выше, чем у англичан, однако и они выбирают себе жену чаще за пределами своей этнической группы и главным образом из разряда «других». О замене этнической эндогамии конфессиональной также, очевидно, речи быть не может, так как глубоко преданные своей вере католики-ирландцы предпочитают вступать в брак с англичанками (в основном протестантками), а не поляками или итальянками (обычно католичками).

Сравнительно большое число германо-ирландских пар также нельзя объяснить конфессиональной близостью. Среди иммигрантов немецкого происхождения протестантов было вдвое больше, чем католиков. Последние, в основном выходцы с Юга Германии, осели в штатах Среднего Запада, составив значительную часть местного фермерства, тогда как большинство ирландцев осталось в городах Среднеатлантических штатов. Таким образом, фактор расселения не благоприятствовал моноконфессиональным бракам в немецкой среде. Не способствовали сближению этих групп и острые конфликты по церковным вопросам, о которых говорилось выше. Решающую роль в сложении традиции германо-ирландских матримониальных связей (которые едва ли можно считать инновацией последних десятилетий), очевидно, сыграл сохранявшийся у тех и других, по крайней мере до конца прошлого века, европейский тип семьи. отличие его от американского охарактеризовано исследователем иммиграции в США: «... в американском обществе женщина издавна занимала более высокое положение, чем в европейском, а беспрекословное главенство мужа и отца, свойственное немецкой семье, в американских семьях не соблюдалось»¹⁶. Ту же особенность отмечает и автор статьи о немецкой иммиграции в «Энциклопедии этнических групп США»¹⁷. Что касается консерватизма в семейных традициях и строгости в отношениях между родителями и детьми, то эти черты были в большой степени присущи и семье ирландской, основанной на католических нормах семейного уклада. Таковы были условия, способствовавшие еще в конце прошлого — начале текущего века германо-ирландским брачным контактам.

Трудно, конечно, поверить в то, что сильно ассимилированная «старая иммиграция», ряды которой пополняются (особенно с 50-х годов) не очень интенсивно, сохранила неизменными европейские особенности семьи. Очевидно, семейный уклад так же изменился в процессе американизации, как и католическая церковь. Но с 20-х годов включился другой сближающий ирландцев и немцев фактор — сходство социального положения. Средний доход и сферы занятости достаточно однородны у всей «старой иммиграции», что создает очень прочную основу для межэтнической брачности в ее рядах.

Самый высокий показатель эндогамии у итальянцев, хотя и он не намного превосходит 50%. Это, очевидно, связано с характерной для итальянцев традицией переселения соседскими общинами, что облегча-

¹⁶ Богина Ш. А. Иммигрантское население США 1865—1900 гг. Л.: Наука, 1976, с. 59.

¹⁷ Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups, p. 417.

ет выбор брачного партнера в пределах своей этнической группы. Кроме того, надо учесть, что итальянцы занимают среди белых национальных меньшинств США последнее место по числу лиц, умеющих читать и писать по-английски (92,3%), что несколько ограничивает возможности вступления в брак с представителями других этносов. Некоторая тенденция к конфессиональной эндогамии среди итальянцев наблюдается: с ирландками и немками они заключают заметно большее число браков, чем с англичанками, а полек предпочитают русским девушкам. Итальянки выходят замуж за поляков чаще, чем за представителей любой другой иноэтнической группы. Но эти правила не без исключений. Так, итальянские мужчины предпочитают престижные браки с англичанками бракам с единоверками-польками, а женщины чаще выходят за англичан, чем за ирландцев или немцев. Думается, что говорить о растворении итальянской этнической группы внутри католической конфессиональной общности США нет достаточных оснований: в первом поколении иммигрантов еще наблюдается заметная тенденция к заключению моноэтнических браков, во втором же и третьем поколениях этническая эндогамия очень часто нарушается. Характерно, что при этом нередко пересекаются и конфессиональные рубежи.

Особое место в конфессиональной структуре США занимают иудеисты. Лишь они образуют этнически гомогенную крупную конфессиональную группу. Если не принимать во внимание сравнительно небольшое число иудаистов-караимов, то можно считать, что все иудаисты США — евреи. При этом, однако, неверно обратное, т. е. что все евреи США — иудаисты: среди них есть и христиане, и неверующие. Американская же конфессиональная статистика относит к числу иудаистов всех граждан еврейского происхождения (в том числе потомков от смешанных браков, в которых мать — еврейка). Таким образом, численность приверженцев иудаизма в США оказывается завышенной.

Вместе с тем принцип конфессионального учета евреев США отражает реально существующую в их этнической группе тенденцию к оживлению конфессионального самосознания.

Заметное усиление конфессиональной ориентации среди американских евреев обусловлено как общественно принятой религиозной терпимостью, так и действенной помощью новоприбывшим со стороны религиозной общины. В частности, такая тенденция связана и с тем, что в отличие от большинства других иммигрантов евреи не имеют в качестве основы для своего сближения в стране въезда единого языка или общей светской культуры. Общим для них является лишь единое групповое самосознание (обостряемое давними традициями антисемитизма, который в США пока не сдает своих позиций) и особая религия с ее проповедью богоизбранности еврейского народа. Почти единственной основой для образования культурной общности американских евреев служит сфера духовной, и прежде всего религиозной, жизни и быта (вспомним, например, пищевые запреты). Однако сознание групповой принадлежности при этом не находится в прямой зависимости от интенсивности функционирования культурных, в частности религиозных, феноменов. Даже в периоды спада религиозности (50-е — конец 60-х для США в целом и конец 70-х только для американских евреев) общность, выражающаяся в родственных и дружеских связях, в представлении о единстве исторических судеб, сохранялась. Поэтому естественно, сопоставив показатели религиозности и прочности группового единства, авторы «Энциклопедии этнических групп США» пришли к выводу, что евреи представляют собой не конфессиональную, а этническую общность¹⁸.

Для данного исследования наибольший интерес представляет процесс складывания этого единства, а не его сегодняшний результат. И надо признать, что вопрос об этническом самосознании иудаистов США не всегда решался однозначно: этническая гомогенность их проблематична и весьма относительна. Дело заключается в том, что в составе

¹⁸ Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups, p. 417.

еврейского населения мира можно выделить несколько групп, различающихся как по антропологическим признакам, так и явственнее всего — по культуре.

Одну из этих групп составляют йеки — евреи, чьи предки несколько веков жили в странах Западной Европы, прежде всего в Германии, Австрии, Нидерландах. Германоязычные, владеющие или не владеющие ивритом как вторым языком; сильно ассимилированные городские жители, как правило, получившие образование и принадлежащие к зажиточным слоям общества (служащие, предприниматели, торговая и финансовая буржуазия), исповедующие реформированный иудаизм или вообще отошедшие от него — они переселялись в Америку в рядах «старой иммиграции» и продолжают не очень интенсивную иммиграцию до настоящего времени. Несмотря на антииммигрантские и антисемитские выпады участников американского нейтivistского движения (ку-клукс-клановцев, незнаек и др.), эти иммигранты в большинстве своем прочно обосновались в Штатах, влились в высшие социальные слои американского общества и составляют экономическое ядро американско-еврейской буржуазии. В 20-е годы нашего века представители этой группировки поддерживали рестрикционные меры правительства и в штыки встретили еврейских переселенцев из Восточной Европы, разделив, таким образом, стереотип отношения «старых иммигрантов» к «новым». Они считали, что толпы неотесанных и бедных «новичков» подорвут престиж еврейства в США, а необходимость материально поддерживать их тяжким бременем ляжет на плечи соплеменников.

В потоке «новых иммигрантов» в США прибывали представители иной группы еврейского населения — ашкенази. Это многочисленные жители стран Восточной и Южной Европы, в первую очередь России, Польши, Румынии. Они жили как в городах, так и в поселках («местечках»). Горожане чаще всего были интеллигентами — адвокаты, журналисты, музыканты, они разговаривали на государственном языке страны проживания. Сельское население — земледельцы, мелкие ремесленники и торговцы — разговаривали на идиш — еврейском диалекте немецкого языка, зачастую владели еще языком окружающего населения — русским, украинским, литовским, польским, румынским и т. д., в большей степени, чем йеки, сохраняли в быту культурные обычаи и традиции своих предков и в религиозном отношении были ортодоксальнее: широкое распространение среди них получило религиозное движение хасидизм, опирающееся на мистическую традицию в иудаизме и связанное с оживлением конфессионального самосознания.

Они прибывали в Штаты большими группами в конце XIX — начале XX в. Характерный способ миграции через пересыльные пункты Западной Европы и контрольные организации в американских портах ярко показан в романе Шолом-Алейхема «Мальчик Мотл». Как уже говорилось выше, стереотип принимающего общества был по отношению к ним негативным, поэтому ассимиляция группы восточноевропейских евреев шла медленнее, чем йеков. Селились они кучно, образуя «местечки» в крупных американских городах, хотя, конечно, со временем границы таких «местечек» размывались и ашкенази включались в общий интеграционный процесс. Изоляция оказывалась устойчивой, когда этническое обособление дополнялось конфессиональным. Так, ортодоксальные хасидские общины (в качестве примера таковой можно привести бруклинскую¹⁹) до настоящего времени сохраняют культурную специфику и очень замкнуты. Сферы занятости «новых иммигрантов» еврейского происхождения были весьма разнообразны, однако в основном это мелкие служащие и квалифицированные рабочие. Традиционная область работы — швейная промышленность. Процесс формирования еврейского пролетариата, рост политического сознания рабочих и включение их в общамериканское рабочее движение хорошо показаны в книге Хау²⁰

¹⁹ Mintz Jerome R. Brooklin's Hasidim.— In: Natural History, p. 47—59.

²⁰ Howe I. World of our Fathers. N. Y., 1980.

Имущественное расслоение иммигрантов этого потока постоянно усиливалось, некоторые из них примкнули к крупной промышленной и финансовой буржуазии, ассимиляция в их рядах пошла интенсивнее.

Наконец, в США представлена и очень неоднородная группа еврейского населения мира — сефарды. К этой группе можно отнести евреев, происходящих с Иберийского полуострова и из Северной Африки. Они отличаются от ашкенази соматически, их язык спаниоль (или сефардй) представляет собой диалект испанского. Сефарды широко расселены по всему миру — они представлены и в средиземноморских странах Европы (из Португалии группа сефардов эмигрировала в Нидерланды), и в Южной Америке. В числе первых поселенцев голландской колонии Нью-Амстердам на североамериканском континенте были и сефарды. Большая группа сефардов переселилась в США еще в XVIII в. из Бразилии. В настоящее время, когда интенсивнее всего идет миграция в США из Азии и Латинской Америки, эта группа еврейского населения непрерывно пополняется. Социальное расслоение в этой группе, пожалуй, наиболее заметно: сефардов можно встретить как среди крупных банкиров, так и среди пауперов (недавние иммигранты из Латинской Америки) и среди мафиози наряду с итальянцами.

Иудаистов США можно разделить в конфессиональном отношении на три группы: активных реформаторов, основавших реформистское синагогальное объединение, умеренных реформаторов, представляющих консервативное крыло в этом течении, и ортодоксов, в большинстве хасидского толка. Нельзя обнаружить и в их среде однозначного соответствия этнических различий конфессиональным, однако некоторые статистические корреляции наблюдаются. Так, большинство йеков принадлежат к реформаторам, и само синагогальное объединение было основано еврейскими иммигрантами из Германии. Часть йеков, ашкенази и сефардов — консерваторы. Хасидские же общины состоят по преимуществу из ашкенази. Распределение сефардов по конфессиональным толкам соотносится главным образом с их социальным расслоением. Показательно также и то, что чем более были ассимилированы евреи в стране выхода, чем более были они включены в социально-экономическую структуру соответствующего государства (например, венгерские евреи²¹), тем прочнее их связи в США с иммигрантами-соотечественниками и тем медленнее и труднее включаются они в иудаистские общины США.

Исследование соотношения этнических и конфессиональных общностей было бы неполным, если бы мы не рассмотрели хотя бы на примере нескольких поликонфессиональных этнических групп США как конфессиональный фактор воздействует на их этническую целостность, а также на процесс адаптации в стране пребывания. Следует, кроме того, попытаться выяснить, имеют ли религиозные и этнические границы тенденцию к постепенному совпадению.

Для примера возьмем немецких иммигрантов в США. Большинство американцев немецкого происхождения — протестанты, преимущественно лютеране, меньшинство — католики; есть среди них и сектанты. Лютеране ассимилировались господствующей этнической средой быстрее, чем католики. В 1915—1940 гг. они постепенно сменили язык богослужения на английский²², несмотря на свой консерватизм как в религиозных, так и в светских вопросах (этим лица немецкого происхождения выделяются среди прочих американских протестантов). Католики же долго придерживались резко националистических позиций, духовенство упорно противилось процессу американизации, долгое время сохраняло немецкий язык в приходских школах. Представители немецкого католического Центрального союза (Zentral Verein) стремились всячески подчеркивать взаимозависимость между религией и национальной культу-

²¹ Fishman J. A. Hungarian Language Maintenance in the United States. Bloomington, 1966, p. 22.

²² Billigmeier R. H. Americans from Germany. A Study in Cultural Diversity. Belmont, 1974, p. 164.

рой. Путем создания сети общественных организаций церковь влияла на социальную жизнь своих приверженцев, брала под свою опеку ново прибывших иммигрантов.

Таким образом, само вхождение в социальную систему США (или «структурная ассимиляция», по терминологии американских ученых) шло в определенной зависимости от конфессиональной принадлежности иммигранта. И конфессиональная граница на отдельных этапах могла превращаться в квазиэтническую. Так, когда немцы-лютеране были уже вполне американизированы, немцы-католики продолжали еще какое-то время сохранять прежнее этническое самосознание. Однако к 70-м годам эта грань почти стерлась: как статистика межэтнических браков, так и языковая статистика США показывают высокую степень ассимилированности немецких иммигрантов в целом. В частности 76,5% их считают своим родным языком английский, а 98,2% обычно говорят на английском²³. Вместе с тем, как было показано выше, ни одна из частей немецкой этнической группы не растворилась в своей конфессиональной общности.

По-иному идет этническое развитие таких конфессиональных групп как гуттериты и амиши. Эти представители старорейнской культуры в США поддаются процессу ассимиляции очень слабо. Судя по всему, можно полагать, что они будут еще в течение длительного времени сохранять специфику своей культуры, и в данном случае можно с уверенностью утверждать, что конфессиональные границы обрели этнический характер и мы имеем дело с этноконфессиональными общностями.

Путь ассимиляции украинцев в США несколько напоминает «немецкую модель». Среди них также имеются представители двух основных конфессий — православия и католицизма. По приблизительной оценке, сделанной на основе данных 1970 г. о родном языке, украинцев в США насчитывалось 1—1,25 млн. В конфессиональном отношении они распределены между несколькими церквями, но только 200 тыс. из них являются прихожанами русских православных церквей и 100 тыс. — римско-католических. Таким образом, менее трети всех украинцев в США поставлено в такие условия, в которых этникос может растворяться в конфессиональной общности. Остальные украинцы в основном принадлежат к национальным церквям: православным (их четыре), греко-католической и др.

Что касается этнического самосознания украинцев в США, то оно сохраняется, несмотря на языковую ассимиляцию (75—80% переходят на английский язык) и, очевидно, связанную с ней структурную ассимиляцию. Определенную роль в этом играет тот факт, что ряды украинских переселенцев сильно пополнились в течение XX в., и значительная часть украинцев в США — потомки недавних иммигрантов. Однако и среди выходцев из Юго-Западной Украины XIX в., и среди переселенцев украинского происхождения из Канады наблюдается тенденция к сохранению этнического самосознания и участию в украинских организациях. США даже при смене родного языка и утрате ряда черт культурной специфики²⁴. Сохранению этнической обособленности способствуют многочисленные украинские общественные и культурные организации, нередко созданные на конфессиональной основе: Украинская православная лига, отделения Украинского католического университета в Филадельфии, Вашингтоне, Чикаго, Союз украинцев-католиков и просто националистические общества.

Вместе с тем религия прокладывает вполне четкие границы внутри этой этнической группы, которые не стираются даже в сложных условиях иммиграции. Жители населенного украинцами района в Нью-Йорке распределены между двумя церквями: Украинской греко-католической церковью св. Юрия и Украинской православной церковью всех святых. Еще большая разобщенность наблюдается между живущими поодаль друг от друга православными украинцами Средне-Атлантического штатов, греко-католиками Северо-Западного центра и немногочислен-

²³ Characteristics of the Population by Ethnic. Wash., 1971, Origin, p. 6.

²⁴ Ethnic Chronology Series. The Ukrainians in America, 1608—1975. N. Y., 1976.

ными протестантами Северной Дакоты. Среди американских украинцев имеется также небольшая по численности секта «Рунвири», возрождающая украинские дохристианские верования. Секта в основном состоит из молодежи и носит крайне националистический характер. Как видим, этнический опыт украинцев в США показывает, что их конфессиональная близость с рядом других этнических групп не может преодолеть национальной обособленности. В то же время внутриэтническая конфессиональная разобщенность при этом не уменьшается.

Говоря о стране с многочисленными и разнообразными расовыми меньшинствами, невозможно обойти стороной вопрос о том, как религия влияет на этнические процессы, идущие в их среде. Известно, что большинство негров США религиозно: верующие составляют 90% всего негритянского населения. Церковные организации принимают активное участие в борьбе негров за социальные права.

Основная масса негров — христиане, в подавляющем большинстве — протестанты. Почти две трети протестантов-негров — баптисты, около четверти — методисты, остальные принадлежат к епископальной, пресвитерианской и другим церквям. Таким образом, негры придерживаются престижной в США формы отношения к религии (верующие) и принадлежат к влиятельным деноминациям. Тем не менее это почти совершенно не способствует повышению их социального статуса и лишь в малой степени ускоряет их интеграцию. Негритянские церкви были организационно выделены еще в начале прошлого века, и, по данным 1970 г., из 16 млн. взрослых негров, исповедовавших христианство, менее 2 млн. были членами церквей, в которых преобладали белые американцы²⁵. Сами формы христианства, которые получили распространение среди негров, со временем претерпели серьезные изменения. Исследователь, посвятивший монографию специфике религии американских негров²⁶, считает их веру скорее синкретическим культом, в котором африканские герои почитаются наравне со святыми, а традиционная христианская этика сильно переосмыслена. Христианская вера в загробное воздаяние и высшую справедливость ассоциировалась у негров-христиан с надеждой на освобождение и равноправие, а гимны «спиричуэлс» трансформировались в песни борцов за гражданские права.

Негры-христиане в 70-е годы принадлежат главным образом к интеграционистскому течению в негритянском движении США. Но в этом движении есть и противоположное сепаратистское крыло, проповедующее черный расизм и стремящееся к территориальному обособлению и этническому выделению из североамериканской нации. Религиозная основа его — мусульманство, которое рассматривается как истинно демократическая, «черная» религия в противоположность «белому», расистскому христианству. «Черные мусульмане» провозглашали превосходство и избранность богом черной расы, они стремились помешать течению такого неизбежного и в целом прогрессивного процесса, как консолидация американской нации, и объективно действовали во вред своей этнической группе, так как борьбу за реальные права подменяли декларацией несбыточных и антигуманных целей. В настоящее время группировка черных мусульман в значительной степени утратила свое влияние.

Показателен также и опыт японцев в США. Среди выходцев из Японии и их потомков преобладают буддисты, но довольно много и христиан, а главное, японцам свойственно такое своеобразное явление, как поликонфессионализм, т. е. одновременное исповедование нескольких религий и совершение различных обрядов. Среди так называемых исеев (самих иммигрантов) и сансеев (внуков иммигрантов) преобладают адепты восточных культов. У сансеев это обусловлено как характерной для третьего поколения тягой к уже утраченным традициям предков, так и общим для современной молодежи США интересом к восточным религиям. А в числе исеев (детей выходцев из Японии), делающих

²⁵ Национальные процессы в США. М.: Наука, 1973, с. 242.

²⁶ Alho O. The Religion of the Slaves. Helsinki, 1976.

ставку на аккумуляцию, преобладают христиане. Тем не менее это христианство все равно носит национальную окраску: японцы обособлены в отдельные церкви, пользуются, несмотря на отсутствующий уже языковой барьер, услугами духовенства своей национальности. Нисеям также свойствен религиозный синкретизм, который выделяет японцев среди других иммигрантских групп США в гораздо большей степени, чем собственно принадлежность к буддизму или синтоизму. Переход в христианство хотя и облегчает японцам доступ к американской культуре, но еще не позволяет им, преодолев расовый барьер, слиться с белым большинством населения.

Вместе с тем религиозный плюрализм внутри японской группы создает дополнительную культурную дифференциацию, отчуждает друг от друга самих иммигрантов и их детей.

Весь рассмотренный материал подводит нас к выводу, что конфессия как консолидирующий фактор проявляет себя в США слабо, отступая на задний план перед расовыми различиями, социальным неравенством и стереотипами межэтнических отношений. Как дифференцирующий фактор она оказывается гораздо действенней и зачастую ведет к появлению существенных культурных и социальных различий между представителями разных религий внутри одного этноса. При своем особенно ярком проявлении (прежде всего у представителей эзотерических американских сект) конфессия может выступать и как этнообразующий фактор.

А. А. Бородатова

ПРОРИЦАТЕЛИ И ЖРЕЦЫ У ДРЕВНИХ МАЙЯ

Изображения на парадной керамике занимают совершенно особое место среди произведений искусства майя классической эпохи (I—IX вв.). Многочисленные мифологические, ритуальные, дворцовые и батальные сцены, помимо большой художественной ценности, представляют собой уникальный по богатству и разнообразию исторический и этнографический источник. Настоящее открытие росписной керамики майя состоялось только в последнее десятилетие, после издания известным американским археологом и специалистом по культуре майя Майклом Ко трёх альбомов, в которых им были опубликованы изображения на сосудах из музеев и частных коллекций¹. Благодаря появлению этих новых материалов, нам открылись совершенно неизвестные по другим источникам стороны жизни древних майя.

До публикации сцен на сосудах мы не имели никаких данных об использовании наркотиков в тропических низменностях Петена и Юкатана — основном ареале распространения культуры майя в классическую эпоху. Между тем, источники колониального времени, материалы археологии и этнографии свидетельствуют, что наркотические стимуляторы широко использовались всеми народами Мезоамерики с древнейших времен и играли в некоторых культурах исключительно важную роль в мифологии и обрядности, в семиотической системе соответствующих традиций. И в наши дни в отдаленных горных областях Мексики и Гватемалы индейские шаманы, лекари и колдуны считают наркотики необходимым средством для связи с миром сверхъестественных сил и употребляют их в особо важных ритуалах. По данным испанских хронистов, в Мексике кануна Конкисты и в раннеколониальный период использо-

¹ Coe M. D. The Maya Scribe and His World. N. Y., 1973; *idem*. Classic Maya Pottery at Dumbarton Oaks. Wash., 1975; *idem*. Lords of the Underworld. Princeton, 1978.

вались различные наркотики, обладающие ярко выраженными галлюциногенными свойствами: маленький неколючий кактус «пейотль» (*Lophophora williamsii*), семена некоторых видов выюнков, называвшихся на нахуатль «ололиухки» и «тлитлильцин» (*Rivea corymbosa*, *Ipomoea tricolor*), и грибы из семейства *Psilocybe*, *Stropharia*, *Copocybe*, *Panaeolus*, содержащие активные алкалоиды мескалин, эргин, псилоцин и др. Этими же растительными наркотиками продолжают пользоваться современные шаманы, которые вдыхают их в виде порошков, предварительно растерев на каменной терке, едят сырыми, пьют или вводят клизмами в виде отваров и настоев. Прием наркотического средства вызывает состояние транса, эйфории, сопровождающееся цветными галлюцинациями, возбуждением и бредом. Большие дозы и сильная концентрация психотропного вещества приводят к полной нечувствительности организма к боли, голоду, холоду, страху². Это состояние транса объясняется индейцами как приобщение человека к миру божественных сил. Дух наркотического растения, по представлениям индейцев, либо служит посредником между человеком (обществом) и богами, либо сам вселяется в человека и говорит его устами, поэтому только в наркотическом трансе людям дается ключ к истинному знанию. В видениях, вызванных принятием наркотика, по рассказам шаманов михе и масатек, ножки наркотических грибов превращаются в маленьких человечков, карликов, которые раскрывают перед человеком его будущее и дают различные советы. Популярность наркотических средств такова, что несмотря на строгое запрещение католической церкви, наркотики продолжают и в наши дни использоваться индейцами как в древних обрядах, восходящих к доиспанской эпохе, так и в синкретичных христианско-языческих ритуалах в честь девы Марии и святых апостолов и продаются на всех базарах, нередко на лотках под сенью католических храмов³.

Ранние испанские хронисты — Б. де Саагун, Д. Дуран, А. Тесосомок и др. — оставили нам красочные описания ритуалов, в которых использовались наркотики у астеков. По этим данным, наиболее сильным и употребляемым наркотиком был «божественный гриб» — «теонанакатль» (*Psilocybe caerulescens*; букв. «мясо богов», т. е. их «пища», а не «плоть», как вслед за колониальными авторами принято переводить это название). Наркотические грибы, изображенные в мексиканских пиктографических кодексах в составе дани правителя астеков и в руках у богов в обрядовой сцене на странице 24 кодекса Виндобоненсис, использовались в определенных обрядах всеми слоями атекского общества. Церемонии коронации трех правителей Теночтитлана — столицы астеков — Тисока, Ауицотля и Мотекухсома II (конец XV — начало XVI в.) — включали торжественный ритуал, во время которого ночью при свете факелов съедались священные грибы. Правитель и его свита, а также высшая знать соседних государств, приглашенная на праздник, после ритуала принесения в жертву богам военнопленных, наедались грибами (сырыми с медом). И тогда они становились «возбужденными и полными удовольствия», «пели и танцевали, потеряв разум». В видениях им раскрывалось будущее, являлись божественные откровения и, по словам Диего Дурана, «дьявол говорил с ними в их безумии». Астек-

² Эффект обезболивания после принятия наркотика был, вероятно, открыт в глубокой древности, возможно, еще в мезолите, которым датируются первые погребения с трепанированными черепами в Европе. В пользу этого, по мнению Э. Норденшюльда, свидетельствуют находки наркотических клизм в захоронениях с трепанированными черепами в Перу (см. *Nordenskiöld E. Modification in Indian Culture through Inventions and Loans. — Comparative Ethnological Studies*, № 8, Göteborg, 1930, p. 54—55).

³ *Watson R. G. Ololiuhqui and Other Hallucinogens of Mexico. — Summa anthropologica. México*, 1966, p. 329—348; *Miller W. S. El Tonalamatl Mixe y los Hongos Sagrados. — Ibid.*, p. 317—327; *Hoogshagen S. A Sketch of the Earth's Supernatural Functions in Coatlan Mixe. — Ibid.*, p. 313—315; *Ravicz R. La Mixteca en el Estudio Comparativo del Hongo Alucinante. México. — Instituto Nacional de Antropología e Historia (далее I. N. A. H.), 1961, v. XIII, p. 73—92; Furst P. Flesh of the Gods: the Ritual Use of the Hallucinogens. N. Y.—L., 1972; Guerra F. Pre-Columbian Mind. N. Y., 1971, p. 133—136, 179, 181, 207 и др.*

ская знать собиралась, кроме того, и на ежегодную «грибную церемонию» — «Праздник откровений»⁴.

Подобных материалов о майя эпохи Конкисты ни у Д. де Ланда и Д. де Когольюдо, ни еще раньше — в юкатанских иероглифических рукописях XII—XIV вв., мы не имеем. Это обстоятельство, по мнению некоторых исследователей, свидетельствует о существовании в государствах майя строгого запрета на употребление наркотиков непосвященными в жреческие таинства членами общества. Мнение о том, что использование сильных наркотиков-галлюциногенов, в отличие от общедоступных алкогольных средств, всегда было связано с рядом существенных ограничений, широко распространено среди ученых⁵. Здесь, однако, нужно отметить, что у астеков, например, регламентация приема как наркотиков, так и алкогольных средств была связана не только и не столько с культовыми запретами, а, скорее, с необходимостью соблюдения социальной дисциплины. Прием любых психотропных средств — наркотиков и алкоголя — всегда был ритуализован, однако обязательное массовое опьянение во время ежемесячных праздников, состояние массового наркотического транса во время «грибных церемоний» у астеков диктовались также необходимостью нервной разрядки. У майя Юкатана в XVI в. употребление населением алкогольного напитка «бал-че» специально предписывалось жрецами⁶, и Д. де Ланда писал, что индейцы на праздниках напивались до бесчувствия⁷. Иными словами, прием любых психотропных средств, — помимо тех ситуаций, когда он был обязателен, — не возбранялся до тех пор, пока не начинал угрожать нормальному функционированию общества, нуждавшегося в четком проведении земледельческого цикла, соблюдении военной дисциплины и т. д. Ограничение времени приема в группе служителей культа, шаманов и прорицателей, постоянно прибегавших к употреблению наркотиков, было продиктовано характером обрядов, тогда как для остальных членов общества — прежде всего необходимостью поддержания общественного порядка.

Обилие данных об использовании наркотиков астеками и другими народами Центральной Мексики резко контрастирует с полным молчанием колониальных авторов о подобной практике у майя. Это тем более странно, что мы располагаем ярким свидетельством существования культа грибов-галлюциногенов из семейства *Strophariaceae* в Горной Гватемале: сотнями каменных статуэток священных грибов и наркотических духов под шляпкой гриба, найденными в погребениях и тайниках этапа Мирафлорес (середина I тыс. до н. э. — рубеж н. э.). Этим временем датируется находка 9 миниатюрных каменных грибов и 9 маленьких «метате» (терок) с пестами в ритуальном тайнике в Каминальбуйю — главном центре горных майя в доклассическую эпоху, а также каменная статуэтка гриба, вместо ножки которого изображена девушка, растирающая на метате священные грибы⁸. Интересно, что по данным авторов колониального времени и современных этнографов, именно девственницы и молодые девушки у народов Мексики и Горной Гватемалы должны были собирать, растирать и готовить настой из наркоти-

⁴ *Caso A. Representaciones de Hongos en los Codices.* — *Estudios de Cultura Nahuatl.* T. IV. México, 1963; *Sahagún B. de. Florentine Codex. Book 11.* New Mexico, 1963, p. 129; *Duran D. Aztecs. The History of the Indies of New Spain.* N. Y., 1964, p. 180, 189, 225—226; *Tezozomoc H. A. Cronica Mexicana.* México, 1965, p. 388 и др.

⁵ *Топоров В. Н.* Семантика мифологических представлений о грибах. — *Balkanica.* М.: Наука, 1979, с. 285—286.

⁶ Это вино майя делали из настоя коры дерева *Lonchocarpus Longistilus* и ферментированного меда. Предписание было продиктовано и медицинскими соображениями. О сильных лекарственных свойствах бал-че см.: *Кнорозов Ю. В.* Письменность индейцев майя. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1963, с. 34; *Кинжалов Р. В.* Культура древних майя. М.-Л.: Наука, 1971, с. 151.

⁷ *Ланда Д. де.* Сообщение о делах в Юкатане. 1566 г. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1955, с. 142, 177—191, 221.

⁸ *Borhegyi S. F. The Enigmatic Mushroom Stones of Mesoamerica.* — *Mid. Amer. Research Record*, № 19. New Orleans, 1959; *idem. Miniature Mushroom Stones from Guatemala.* — *Amer. Antiquity*, 1961. v. XXVI, № 4, p. 498—504, fig. 1.

ческих грибов, семян и трав. Шаманы-лекари и колдуны у киче, какчи-келей и других народов майя в Горной Гватемале продолжают пользоваться несколькими разновидностями наркотических грибов, называя их «к'аицалах окош» — «гриб, заставляющий потерять рассудок», «шибальба окош» — «гриб преисподней» и т. д. Грибы, как и другие наркотические растения, особенно тесно связаны, в представлениях индейцев, с преисподней — обителью богов-родоначальников и умерших предков. Именно к ним за советом обращаются в трансе шаманы⁹.

В тропических низменностях Петена и Юкатана, где наркотические грибы не растут, применяли, очевидно, иные наркотики, но какие именно — пока неизвестно. Мы можем только предполагать, что знаменитые прорицатели, пользовавшиеся большим влиянием в государствах майя Юкатана перед испанским завоеванием, вешали под действием сонных наркотиков, подобно современным шаманам михе¹⁰.

По данным источников колониального времени, прорицатель — «чилан» («чил-аан» — букв. «простертый», он же — «ах'бов-ат» — «про-рок»), уединившись погружался в состояние сна, полного галлюцинаций, во время которого, как считалось, он общался с богом, получая от него откровения, или бог вселялся в чилана. В последнем случае экста-тический бред прорицателя воспринимался как божественный глас¹¹. Изображенные в Мадридской рукописи XIV в. прорицатели лежат на спине, скрестив руки и поджав ноги, в низких тесных хижинах, на кры-ши которых в это время слетают их боги-покровители. Боги, как сказа-но в тексте рукописи, «объявляют тайну», указывая вверх, как бы из-рекая волю неба (М 586—596, с. 161—162)¹². Очнувшись, чиланы пере-давали «божественные откровения», которые записывались жрецами, находившимися в соседней комнате¹³. Интересно отметить, что в сохра-нившихся пророческих текстах в книгах Чилам Балам, названных так в честь известного в XVI в. на Юкатане пророка по имени Ягуар—Балам, лишь несколько прорицаний приписаны ему¹⁴. Остальные принадлежат жрецам. Причем у нас нет сведений о том, что жрецы («ах'кин») при-нимали наркотики и пророчествовали в экстазе. Они, возможно, при-бегали к иным средствам для общения с богами. Вероятно, были и та-кие, которые специализировались на толковании различных небесных знамений и прорицаний чиланов. О таком толкователе говорится в од-ном из текстов в книгах Чилам Балам: «Где тот жрец, который правиль-но истолкует эту запись?»¹⁵, т. е. запись часто более чем туманного тек-ста прорицания.

После публикации сцен на сосудах классической эпохи наши пред-ставления об использовании наркотиков у майя стали несравненно пол-нее. Судя по материалам изображений, наркотические стимуляторы широко применялись в различных целях жрецами и городской элитой (росписи на керамике отражают прежде всего быт высшей знати майя). Основным способом принятия наркотиков было их ректальное введе-ние клизмами, которые делались из кожи или мочевого пузыря некото-рых животных, птиц и рыб. С одной стороны клизмы укреплялась по-

⁹ Heim R., Wasson R. G. Les Champignons Hallucinogènes du Mexique.— Archives du Musée National d'Histoire Naturelle, Ser. 7, v. VI, 1958; Wasson V. P., Wasson R. G. Mush-rooms, Russia and History, N. Y.: 1957, v. I; Sahagún B. de. Florentine Codex. Historia de las Cosas de la Nueva España. Book 11, Santa Fe, New Mexico, 1963, p. 170—171; Miller W. S. Op. cit., p. 317—320; Hoogshagen S. Op. cit., p. 313—315 и др.

¹⁰ Miller W. S. Op. cit.

¹¹ Barrera Vásquez A., Rendón S. El Libro de los Libros de Chilam Balam. Méxi-co — Buenos Aires, 1963, p. 95; Кнорозов Ю. В. Иероглифические рукописи майя. Л.: Наука, 1975, с. 256.

¹² Д, М — принятые в специальной литературе сокращенные обозначения иерогли-фических рукописей, названных по месту их хранения Дрезденской и Мадридской. Цифрами обозначены страницы рукописей в кн. Кнорозова Ю. В. «Письменность ин-дейцев майя». Последующее цифровое обозначение отсылает к соответствующим стра-ницам перевода текстов рукописей в кн. Кнорозова Ю. В. «Иероглифические рукописи майя».

¹³ Roys R. L. The Book of Chilam Balam of Chumayel. Wash., 1967, p. 169.

¹⁴ Кнорозов Ю. В. Письменность индейцев майя, с. 96—98.

¹⁵ Roys R. Op. cit.

Рис. 1. Прорисовка изображения на сосуде из Петена с ритуальной сценой, позднеклассический период VII—IX вв., частная коллекция (*Furst P., Coe M. Ritual Enemas*, p. 88)

но и пользовались наркотиками, ассистируют женщины. На сосуде из Петена, опубликованном П. Ферстом и М. Ко¹⁷, изображена сама процедура введения жидкости (рис. 1). Над горлышками сосудов, отделяющих одну сцену от другой, показаны точки — символ ферментированной жидкости: настоенные на меду «бал-че» майя и вино из сока агавы астеков дают обильную пену. В верхней сцене женщина, сидящая напротив знатного мужчины, держит над сосудом с вином еще не наполненный рыбий пузырь. В нижней — показан сам процесс введения опьяняющей жидкости. На другой стороне сосуда также изображены две последовательные сцены: в верхней — сидящий мужчина с клизмой за поясом, в нижней — он же, сам себе вводящий жидкость¹⁸. Сцены разделены идущей горизонтально надписью из повторяющихся блоков «ч'ак сут» — «чувство головокружения» [вызванное введенным алкоголем]. Благодаря изображению на этом сосуде стала понятной поза мужской статуэтки с острова Хайна (Кампече), персонажа в сцене на сосуде из Чама (Альта Верапас), а также, возможно, поза «шаманов» —

лая трубочка для введения, с другой делалось отверстие, закрываемое пробкой, куда вливалась жидкость¹⁶. Наркотические клизмы были функционально идентичны современным шприцам для внутривенного вливания, и в ритуалах пользовались предпочтительно ими (ректальный ввод наркотика не дает многих нежелательных побочных эффектов, например, тошноты, как при оральном их принятии, состояние транса достигается быстрее и длится дольше). Наркотическими клизмами в ритуалах до недавнего времени пользовались шаманы уичолей, тарахумара, астеков, михе и других народов Мексики. У хуастеков во время церемоний клизмами вводились также разные опьяняющие жидкости.

На керамике, в большинстве сцен с наркотическими клизмами, мужчинам, которые преимущественно

¹⁶ В Южной Америке подобные клизмы, очевидно, предшествовали круглой клизме из каучука, изобретенной индейцами за много веков до открытия Америки и заимствованной у них европейцами только в XVIII в. (см. об этом: *Nordenskiöld E. Op. cit.*, p. 12—14, 54—55, 62—63). Наркотические клизмы — еще одна черта, свидетельствующая о значительных параллелях в культурах майя и южноамериканских индейцев. Близкие элементы в языках, материальной и духовной культуре народов, разделенных не одной тысячей километров (например, близость между языками майя-киче, уру-чипайя и мучик Перу и Боливии, отсутствие лука у майя и перуанцев, общие мифологические сюжеты, игра в мяч из каучука у майя и индейцев в бассейнах Ориноко и Амазонки) все чаще отмечаются исследователями, но не находят пока удовлетворительного объяснения. Для понимания ранних этапов истории народов майя особенно важным является тот факт, что в хозяйстве майя докукурузный этап был связан с возделыванием корнеплодов. Данная традиция вегетативного размножения растений, по мнению некоторых специалистов, тесно связана с земледелием Южной Америки и принципиально противостоит земледельческим традициям Мексики и Центральной Америки, основанным на проращивании семян (см. об этом в указ. книге Р. В. Кинжалова, с. 75).

¹⁷ *Furst P., Coe M. Ritual Enemas. — Natural History. N. Y., 1977, № 3, p. 88—91.*

¹⁸ По описанию авторов статьи, подобная же сцена представлена в росписи сосуда из Юкатана: нагой мужчина, сам себе вводящий жидкость. На сосуде из Петена, описанном П. Кларксоном, показана ритуальная сцена, в которой участвуют имперсонары богов-ягуаров и мужчины, изображенные в момент введения наркотика клизмами. См.: *Furst P., Coe M. Op. cit.*, p. 81; *Clarkson P. B. Classic Maya Pictorial Ceramics: A Survey of Content and Theme. Los Angeles, 1978, p. 94.*

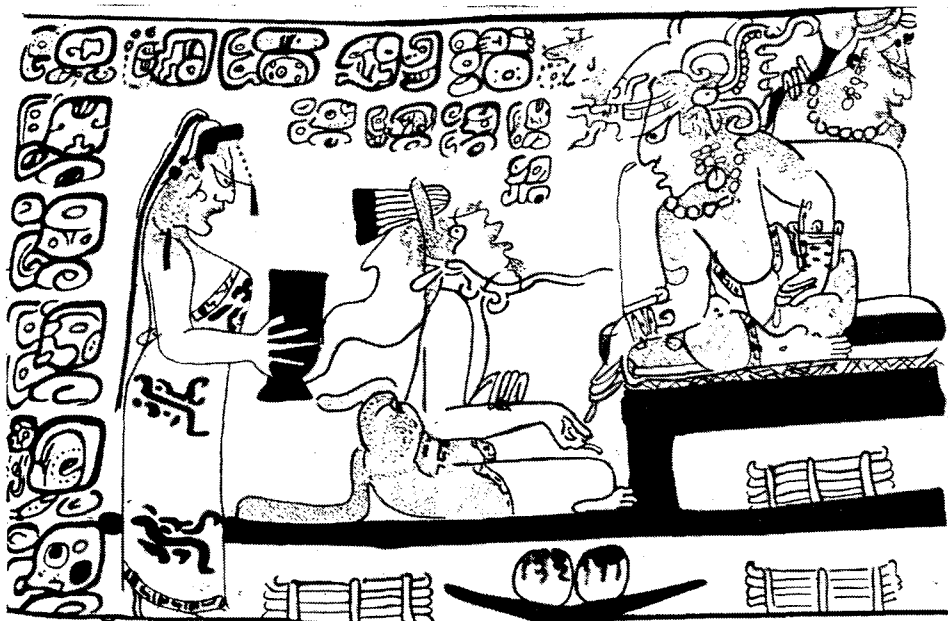

Рис. 2. Прорисовка изображения на сосуде из Южного Кампече, посвященном памяти жены правителя, VII—IX вв., частная коллекция (*Coe M. The Maya Scribe and His World*, сосуд № 27)

каменных скульптур в ольмекском центре Трес Сапотес (Вера Крус, монументы F, G¹⁹).

Судя по сцене на сосуде из Южного Кампече, опубликованной М. Ко (рис. 2), и сопровождающей ее надписи, переведенной Ю. В. Кнорозовым²⁰, знать в древних городах майя использовала наркотические средства во время поминальных церемоний. Все четыре действующих лица сцены — правитель на троне, знатная дама с сосудом с наркотическим настоем в руках, придворный, стоящий за спинкой трона, и жрец, сидящий запрокинув голову перед владыкой, — явно опьянены и поют, широко открыв рты. В надписи наркотическая жидкость названа «тоок т'ох» — «огненной струей», вызывающей хмельное чувство, состояние опьянения, буйства («чоо» — хмель, букв. «буйство»). Чувство головокружения, возбужденности подчеркнуто в ритме стихотворной надписи, выполненной на заказ профессиональным поэтом (надпись между фигурами жреца и правителя):

Аан оч чоо	Входит хмель,
хаа ку чоо	находится в доме хмель,
тоок т'ох чоо	огненной струи хмель,
хаа бу-ум	имеет власть
ти хоол чоо	в голове хмель ²¹ .

Сосуд с этой сценой и надписью был сделан в честь умершей жены правителя, того самого, который изображен в сцене. Создание подобных сосудов, найденных в погребениях элиты майя, знаменовало собой конец пребывания призрака умершего в преисподней. Этот важный момент возвращения души на землю и реинкарнации ее в новорожденном²² отмечался, очевидно, торжественными церемониями, в том числе

¹⁹ *Stirling M. Stone Monuments of Southern Mexico.*— Smithsonian Institution of Washington, Bureau of American Ethnology, bul. № 138; Wash., 1943, p. 22, pl. 8 a, b, c.

²⁰ *Coe M. The Maya Scribe...* [сосуд № 27]; *Ершова Г. Г. Лирика древних майя.*— Латинская Америка, 1982, № 9, с. 124—126.

²¹ Там же, с. 124.

²² Парадная керамика создавалась в честь умерших, принадлежавших к высшей знати древних городов-государств. Изображения на сосудах сопровождались надпи-

поминальным пиршеством. На подобную церемонию, видимо, и явился жрец, изображенный на сосуде, чтобы со скорбным супругом и его свитой почтить умершую царицу.

Нужно отметить, что на упомянутом выше сосуде из Чама в позе для введения наркотической клизмы дважды изображен правитель государства²³. Об этом свидетельствует его головной убор, украшенный большим цветком водяной лилии и перьями кецаля (отличительная черта головных уборов верховных владык городов-государств).

Наиболее интересна сцена прорицания под действием наркотического средства (рис. 3), которая опубликована и описана М. Ко в его альбоме 1978 г.²⁴ Перевод надписей с древнего языка майя и краткий комментарий даны в статье Ю. В. Кнорозова и Г. Г. Ершовой²⁵. Роспись этого небольшого (высотой в 24 см) сосуда из неизвестного города-государства в Северном Петене или Южном Кампече мастерски выполнена в красных, желтых и белых тонах. Фигуры и надписи даны черным контуром по светло-оранжевому фону. Позы персонажей динамичны и выразительны. В четко построенной композиции художнику удалось избежать повторов при изображении двух одинаковых обрядов. Прорицание показано как красочный театрализованный ритуал с широким использованием различных fasciniрующих (завораживающих) приемов²⁶. Сцена, в которой действуют 14 персонажей — жрец, музыканты, прорицатели и жрицы, дает возможность представить во всех деталях церемонию прорицания, ее участников и обстановку.

Действие происходит на низкой платформе, вдоль уступа которой идет надпись в виде настойчиво повторяющихся блоков: «тоок т'ох-уб к'аш сут» — «от огненной струи кружится [голова]» (блок «к'аш сут» — «головокружение» повторен 8 раз; «тоок т'ох-уб» — букв. «огненная клизма»). Обрядом руководит верховный жрец, памяти которого и посвящен сосуд. Его титулатура составляет третью синтагму «формулы возрождения»:

тоок-ал т'ох-уб	озарением
ти к'ан	[прорицателя] Улитки
сут к'аш	кружащим [голову]
т'ис-аан	руководивший
чак кох	[жрец] Красный Зубастый.

Жрец (фиг. 1), вся поза и жест которого говорят о его главенствующей роли в сцене, сидит у левого края платформы, скрестив ноги и опираясь на руку, в низкой хижине-пасти четырехглазого облачного монстра. Это чудовище-рептилия, символ дня Кавак («Ливень»), являясь персонификацией грозового неба, образительным символом небесной сферы. Голова монстра служила тронном для богов дождя в миниатюрах рукописей и их земных эквивалентов — правителей городов — на рельефах и росписях. На крыше хижины-пасти художник нарисовал небесную сову, хозяйку ливней, перед хижинной — низкое корявое растение²⁷, очевидно, источник наркотического зелья. Жрец одет в короткую юбку из шкуры ягуара с бахромой на подоле и широкий пояс с кольцевой надписью из повторяющихся блоков «к'аш сут» — «головокружение». На голове жреца шлемовидная маска зверя с большим, так называемым «глазом бога», зубастой пастью с завитком в верхнем ее углу и

сями. В кольцевой (идущей по венчику сосуда) надписи, названной Ю. В. Кнорозовым «формулой возрождения», сообщалось о спуске души умершего в преисподнюю. Там душа проходила долгий путь, пока не наступало время для ее воплощения. Тогда она «улетала в селение в лоно женщины». В настоящее время опубликованы переведенные Ю. В. Кнорозовым тексты на 8 сосудах (см. серию статей в журнале «Латинская Америка», 1982—1983 гг.).

²³ The Maya and Their Neighbours, pl. VIII c.

²⁴ Coe M. Lords of the Underworld, p. 75—79 [сосуд № 11].

²⁵ Кнорозов Ю. В., Ершова Г. Г. Прорицание жреца. — Латинская Америка, 1983, № 3, с. 123—131.

²⁶ Кнорозов Ю. В. К вопросу о классификации сигнализации. — Основные проблемы африканистики. М.: Наука, 1973, с. 331—332.

²⁷ Определить это растение пока, к сожалению, не удалось.

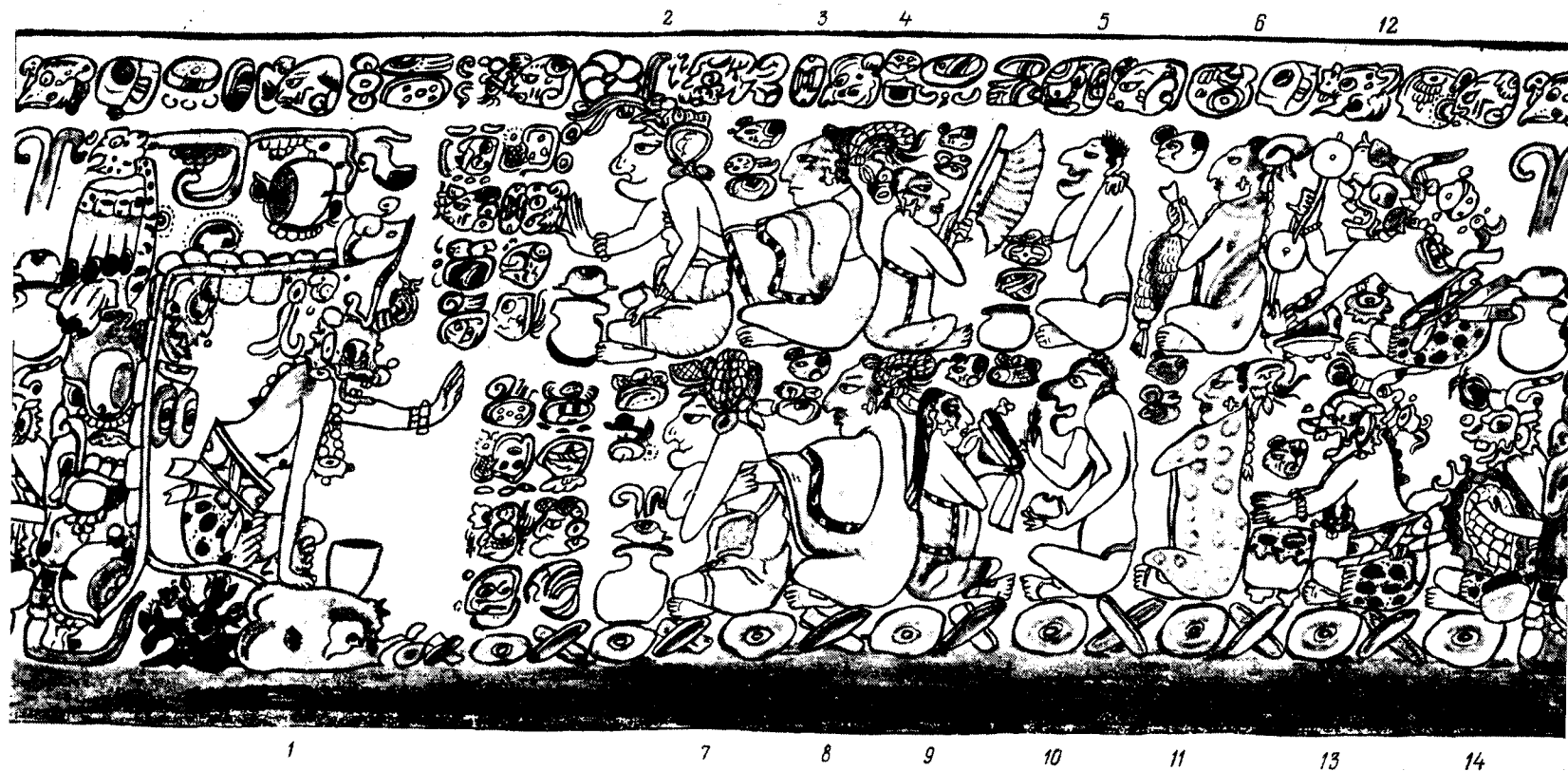

Рис. 3. Прорисовка изображения на сосуде из Северного Петена или Южного Кампече со сценой прорицания, VII—IX вв., частная коллекция (Coe M. Lords of the Underworld, сосуд № 11)

большим пухом волос, связанным спереди надобное облачное завязка. Маска, по мнению Ю. В. Кнорозова, изображает медведя из семейства енотовых, питающегося медом диких пчел (юкатеки называют его «каб кох» — «медовая пума», цоцили — «кох том» — «зверь, грабящий улья») ²⁸. Очевидно, бог с головой медведя считался у древних майя одним из божеств дождя. Об этом свидетельствует раковина колючего моллюска, закрывающая его ухо и свисающая с ожерелья — обычный атрибут богов дождя. В Дрезденской рукописи этот персонаж появляется только в одном параграфе вслед за богом Улиткой, который спешит под синими струями ливня на помощь к захваченному засухой богу К'аш-иш (Д 66а, с. 69). И Улитка, и К'аш-иш — покровители земледельцев майя — считались богами дождя. В сохранившемся частично над богом Медведем тексте рукописи также сказано: «к'инг-ак'» — «время дождя». Как отметил М. Ко, этот же персонаж, явно связанный с водной стихией, изображен на рельефе стелы I в Исапе, где он показан уводящим рыбу с плавниками у щиколоток. В сценах на искусно гравированных костях из погребения 116 в Тикале три одинаковых «Зверя дождя», как их называл М. Ко, также заняты ловом рыбы. Каб кох неоднократно упоминается в текстах «книг Чилам Балам» ²⁹.

Верховный жрец выступает как имперсонатор бога Медведя, названного в надписи за спиной жреца «чак ум ум» — «великим владыкой владык», и поэтому носит его имя — Чак Кох — Красный Зубастый (красный, по символике цветов — восточный). Жрец дирижирует оркестром из трех музыкантов (фиг. 12—14), один из которых гремит двумя трещотками, другой играет на барабанах, обтянутом шкурой ягуара, третий бьет рогом оленя в панцирь черепахи. На жреце и его помощниках-музыкантах, имперсонаторах Зубастого в его трех других «цветных» ипостасях, одинаковые маски, юбки и пояса, ожерелья из нефритовых бусин с подвесками из раковин и наборные браслеты на руках. Перед персонажем с трещотками в невысоком трипode — три клизмы с наркотиком, приготовленные для музыкантов. Клизма, предназначенная для жреца, лежит на горлышке стоящего около хижины большого сосуда, над которым надпись: «тоок т'ох шам» — «огненной струи сосуд». Все четверо, явно в состоянии экстаза, громко поют, широко открыв рты. Пение верховного жреца, находившегося в состоянии транса, судя по надписи над ним — «паа тоок т'ох нок» — «говорит огненной струи призрак», воспринималось как глас вселившегося в него божества.

Перед жрецом в двух горизонтально идущих рядах (по пять персонажей в каждом) изображены две самостоятельные и одновременные сцены прорицания. В каждом ряду представлены два последовательных действия театрализованного обряда: подготовка к введению наркотика и прорицание в состоянии наркотического транса. Оркестр завершает композицию.

В верхнем ряду лицом к жрецу молча сидит прорицатель (фиг. 2). Одна его рука в ответ на жест жреца вытянута вперед с поднятой вверх ладонью, в другой он держит маленькую чашечку с гримом. Головной убор его состоит из перьев и нефритовых бусин, на руках наборные браслеты. Одет прорицатель в короткую поясную накидку, концы которой связаны на животе. Перед ним сосуд с наркотическим настоем и клизмой, лежащей на крышке. Сидящая за спиной прорицателя жрица (фиг. 3) держит руки у него на груди, возможно, прощупывая сердцебиение. Используя элементы шаманской техники экстаза, прорицатель под музыку начинает перевоплощаться, входить в роль, и тогда, вероятно, жрица по учащению сердцебиения определяет наилучший момент

²⁸ Кнорозов Ю. В., Ершова Г. Г. Указ. раб., с. 129. «Кох» — «зубастый» на языках майя было общим названием группы зверей, в числе которых имелись и крупные хищники («кох» — также «пума»).

²⁹ Coe M. Lords of the Underworld, p. 77; Stirling M. Stone Monuments of Southern Mexico, p. 62, pl. 49a; Trik A. S. The Splendid Tomb of Temple I at Tikal, Guatemala.— Expedition, 1963, v. 6, № 1; Barrera Vásquez A., Rendón S. Op. cit., p. 58, 74, 79—81, 165.

для введения наркотика. Жрица одета в длинное глухое платье с красными и белыми полосами и с широкими рукавами, отороченными по краю тесьмой. Через руку у нее переброшен парадный плащ жреца-прорицателя. Уши украшены нефритовыми втулками, в головном уборе перья и ленты. Ее титул читается в блоках перед ее лицом: «ч'уп-ч'уп ин-нгал» — «Женщина, хозяйка дождя».

Следующая сцена отражает кульминационный момент обряда: в прорицателя (фиг. 5), находящегося в состоянии транса после введения наркотика, вселяется вызванный бог (дух) Улитка. Перед прорицателем надпись: «ваай к'ан ча» — «Духа Улитки явление». Он сидит, положив руки на плечи. Одежда его состоит только из узкого пояса, продетого между ногами. У него жар, его лихорадит, волосы его стоят дыбом³⁰. Сидящая перед прорицателем младшая жрица обмахивает его веером. Обведенный красной краской рот жреца раскрыт: его устами вещает овладевший им дух. Текст прорицания дан перед сценами верхнего ряда:

у аак-цыл-беен-ал	На благодатных полях
чух-чуч чо	опалены посевы.
тоок т'ох-те	Огненной струей зовет
у ч'уп-ч'аб	помощница
чак кох	Красного Зубастого
х'ун-цуб йал	еще один приход
чан	Змея,
чум п'и	следящего
хаа-ил	за дождями.

Младшая жрица (фиг. 4) названа в пророческом тексте помощницей верховного жреца и в надписи над ней: «ч'уп-ч'уп-ч'аб т'ох-нгал» — «Помощницей, хозяйкой струи», что говорит о ее основной функции в ритуале прорицания. Одежда она иначе, чем старшая жрица: грудь ее обнажена, тело обернуто прямоугольным куском ткани, отороченным по краю узорной тесьмой, волосы стянуты бантом на макушке. За спиной жреца-прорицателя безмолвно сидит та же жрица, что и в первой сцене, но успевшая переодеться в белое узкое платье с красными полосами и заплести длинную косу (фиг. 6). В руке она держит головной убор прорицателя. Перед ней надпись: «ч'уп-ч'уп ле» — «Женщина, равная [по сану жрецу]».

В нижнем ряду обряд прорицания повторяется с новыми деталями. Прорицатель (фиг. 7) сидит молча, как и в верхней сцене, лицом к верховному жрецу. Перед ним стоит сосуд с клизмой, над которой показан знак наркотической настойки. Руки он держит скрещенными на груди ладонями под мышками. На нем короткая поясная одежда, в головном уборе знак «ваай» — «дух». Жрица (фиг. 8) сидит в той же, что и в верхней сцене, позе, которая, видимо, была обязательной перед введением наркотика³¹. На ней длинное белое платье с большими красными кругами. Перед жрицей надпись: «ч'уп-ч'уп ку-нгал» — «Женщина, хозяйка грозы». В следующей сцене жрица-ассистентка с пером в распущенных длинных волосах (фиг. 9), одетая так же, как младшая жрица с опахалом в верхней сцене, держит зеркало перед прорицателем (фиг. 10). Над ней надпись: «ч'уп-ч'уп-ч'аб» — «Женщина, помощница» — и красный знак «ч'аб» — «помощница» — на лице. Прорицатель в состоянии транса сидит перед зеркалом с маленькой баночкой с краской и гримировальной кисточкой в руках. Волосы его стоят дыбом,

³⁰ Состоянием наркотического транса каждый «профессионал» мог умело руководить.

³¹ Именно в этой позе, по описанию М. Ко, изображены две жрицы на сосуде из Петена, стоящие позади прорицателей, положив руки им на грудь (как считает М. Ко, чтобы снять с них одежды). Прорицатели склонились над сосудами, на крышках которых лежат клизмы с наркотической жидкостью. См. *Coe M. Lords of the Underworld*. p. 77—78

профилю боведен черской краской, открытый рот — красной и черной. Он гримируется для полного перевоплощения в вызываемого бога. Перед ним надпись: «ваай нааб ча» — «Духа Вод явление».

Бог дождя (очевидно, западный — черный) говорит устами жреца. Текст прорицания, помещенный перед сценами нижнего ряда, гласит

му-ти ав	Знамение посевов
ку-ак тун	в двадцатилетие
чух-чуч-ал	палящее
чах'-анг	небо.
ша ав хаа-ил	Оросит посевы дождями
ваай к'ан	Дух Улитка.
хун ла	[Бога] Х'ун Ах'-ав
йал-ил	приход,
ваай тош	Дух дождя,
йаш му лем	синей грозовой тучи.

Позади жреца-прорицателя сидит главная жрица, переодевшаяся в глухое, облегчающее фигуру белое платье с красными кругами и сменившая прическу. Она сидит безмолвно, скрестив руки на груди (фиг. 11). Перед ней надпись: «ч'уп-ч'уп му-ти-нгал» — «Женщина, хозяйка знамения», за спиной блок: «ч'уп-ч'уп ле» — «Женщина, равная [жрецу]» (т. е. жрица). Очевидно, в обязанности жрицы входило слушать и запоминать все произносимое находящимися в экстатическом состоянии жрецами. Кроме помощницы верховного жреца, она была единственным среди участников обряда трезвым человеком, способным запомнить и потом передать слова прорицаний, поэтому она и названа «Хозяйкой знамения». Судя по титулам — «Хозяйка дождя», «Хозяйка грозы», а также узору в верхней части лица, эта жрица являлась воплощением известной по рукописям богини грома Тит Соот — «гремящей трещоткой» (D14a2, 1262, с. 11, 15), которая в источниках XVI в. называлась «кич-пам Иш Ах'Соот» — «Прекрасной трещотчицей»³². Трещотки имитировали звуки грома и использовались земледельцами майя в магических обрядах вызывания дождя вплоть до недавнего времени. Что касается жреца-прорицателя, то им в обеих сценах прорицания выступает имперсонатор бога Улитки, древнейшего бога дождя. Имя его («ваай к'ан» — «дух Улитка») в тексте второго прорицания передано лицевым иероглифом бога Улитки, повторяющим лица прорицателей в сцене. Головной убор в виде знака «ваай» — «дух» также является отличительной чертой этого персонажа в изображениях на керамике и в рукописях³³.

Итак, перед нами обряд прорицания о будущем. Все его участники — имперсонаторы божеств дождя. По знаку верховного жреца, под аккомпанемент оркестра и громкого пения прорицатель, перевоплотившись в бога Улитку, предвещает засуху. Получив столь ужасный прогноз, верховный жрец решает вызвать другого бога для совета, как ее предотвратить. Вызванный бог дождя устами жреца-прорицателя подтверждает предсказания и для предотвращения страшного бедствия советует молиться и жертвовать богу Улитке, который после обильных, разумеется, даров и жертвоприношений оросит посевы дождем.

Предсказание засухи имело огромное значение для всего населения. Засуха, вызывавшая голод и массовую гибель людей, была одним из самых страшных и часто повторяющихся бедствий. «Приход опаляющей засухи — гибельная пора для долин», — сказано в Дрезденской рукописи (D51a, с. 59). О засухе ярким языком говорится во многих пророчествах, записанных в книгах «Чилам Балам»: «Запыляет земля, загорятся копыта во время наступающего двадцатилетия», «будет плач о

³² Barrera Vásquez A. El Libro de los Cantares de Dzitbalché. Mexico. — I. N. A. H., 1965, cantar 4, p. 38—39 [строки 34—35].

³³ Coe M. The Maya Scribe... [сосуд № 64]; *idem*. Lords of the Underworld [сосуды № 9, 16 и др.]; D12b, 17a, 21b, с. 19, 21, 28 и др.

воде, будет плач о пище», «загорятся копыта, загорится песок на морском берегу, запыхают гнезда птиц, треснут камни водоемов, засуха — ноша этого двадцатилетия»³⁴.

Майя сеяли перед самым началом дождей. Если дожди запаздывали, посевы погибали уже через несколько дней (поэтому 6-й день календаря майя, который в древности начинался в день посева, назывался «Чам» — «Смерть»). Несколько лет засухи — время правления бога смерти — обрекали все живое на вымирание. Майя верили, что только от богов можно ждать помощи, и только жрецы — на условиях дополнительных обильных жертвоприношений — могут договориться с богами о создании благоприятной погоды для обеспечения урожая.

Сам обряд прорицания под действием наркотика должен был не только обеспечить контакт с богами, которые через прорицателей передавали свои предсказания и наставления, но, поставленный с широким использованием различных магических приемов, сам должен был способствовать предотвращению засухи и вызову дождя: все действующие лица являлись имперсонаторами богов дождя, устами прорицателя вещали также боги дождя и плодородия, трещетки и барабанная дробь, имитирующие раскаты грома, панцирь черепахи и олений рог (женский и мужской символы) использовались с древнейших времен в магических обрядах вызывания дождя³⁵. В текстах прорицаний на сосудах, кроме бога Улитки, упомянуты Иаш Чан — «Зеленый Змей» — и Тош — «Ливень» — боги дождя, которых призывали земледельцы в случае засухи.

Другой важный ритуал, в котором предусматривалось использование наркотика, изображен на поминальном сосуде, опубликованном П. Кларксон³⁶. Вероятно, перед нами также сцена прорицания (рис. 4). В обряде участвуют восемь персонажей. В центре на низком помосте в одной набедренной повязке сидит прорицатель. За его спиной стоит жрица, поддерживающая его голову. Две других, одна из которых грируется перед зеркалом, молча сидят поодаль. У помоста в сосудах расставлены необходимые для ритуала напитки, шарики душистой смолы для курений богам и пр. Обрядом руководит старуха-жрица, которая, судя по облику и костюму — черной юбке с изображением скрещенных костей, обнаженной груди и чертам лица, — была олицетворением Чак Кит — Великой богини, известной по рукописям майя (D53, с. 62; M306, 336, с. 134—135). Возможно, начальная стадия действия наркотической настойки (блок «к'аш сут» — «головокружение» в непрочитанной надписи) сопровождалась рвотой или сам обряд очищения предварял контакт с богами. Прорицатель изображен в перевоплощенном состоянии (у него ухо и морда какого-то зверя), в него после введения наркотика уже вселился вызванный бог, он сам, видимо, воспринимался как воплощение этого бога, поэтому под «священный» изрыгаемый поток, в котором содержится божественная субстанция, поющая в экстазе старуха-жрица подставляет руку и чашу. Перед помостом на коленях, с жестом поклонения (рука, поднятая к противоположному плечу) стоит молодой персонаж, олицетворяющий, судя по «ленте» с цифрами за спиной, одного из богов-покровителей майяских математиков и астрономов³⁷. За ним — поющий, в трансе персонаж с сосудом в руках. Над сценой изображен писец, склонившийся над рукописью и записывающий слова прорицаний.

Таким образом, по существу, все важные прорицания представляли собой красочные спектакли, рассчитанные на то, чтобы глубоко затронуть эмоции зрителей, изумить их и потрясти. На сценах, украшенных декорациями, разворачивались театрализованные представления, по

³⁴ Кнорозов Ю. В. Письменность индейцев майя: пророческие тексты, с. 86, 87, 95; историческая хроника о приходе к власти Хунак Кееля, с. 77; Barrera Vásquez A., Rendón S. Op. cit., p. 82.

³⁵ Этими музыкальными инструментами в тех же целях пользуются боги в миниатюрах юкатанских рукописей майя.

³⁶ Clarkson P. B. Classic Maya Pictorial Ceramics..., fig. 5.

³⁷ Coe M. Lords of the Underworld, p. 49—51.

Рис. 4. Прорисовка изображения на сосуде из Петена с ритуальной сценой, VII—IX вв., частная коллекция (Clarkson P. Classic Maya Pictorial Ceramics, fig. 5)

ходу которых действующие лица переодевались и гримировались. Костюмы и маски участников отличались яркостью и выразительностью. Представления сопровождалась громкой ритмичной музыкой и пением. На глазах у восхищенных и заворуженных зрителей в жрецов с помощью наркотических средств «вселялись» вызванные боги, которые устами прорицателей «вещали» о грядущих знамениях и давали различные наставления. Никто из присутствующих, конечно, не сомневался в необходимости неукоснительно следовать требованиям богов.

В постклассический период — X — середина XVI в. — наиболее важные и торжественно обставляемые прорицания приурочивались к началу «двадцатилетий» — «катунов». Благодаря вышеописанной сцене на сосуде из альбома М. Ко, мы теперь представляем во всех подробностях, как совершался обряд прорицания на грядущий катун в городах-государствах классической эпохи. Начало «двадцатилетия» у майя (со времен возникновения на рубеже нашей эры государств и до прихода испанцев) было событием большой политической важности. В это время, по жреческим учениям, происходила смена власти у богов и подтверждение очередным богом-покровителем нового катуна власти правителя на этот срок. Правитель и жрецы, а вслед за ними и все население ждали от богов «прогнозов» и «директив» на будущее, касающихся наиболее важных сторон жизни государства (сельскохозяйственный цикл, внешняя политика и пр.). В текстах колониального периода содержится множество предсказаний, в которых речь идет в основном о зловещих знамениях грядущих катунов — голоде, засухе, неурожаях, пожарах, болезнях, затмениях, приходе завоевателей и т. д.³⁸ Поскольку историческая концепция майя сводилась к циклической повторяемости событий (т. е. в наступающий катун должны были повториться примерно те же события, что и в предыдущее «двадцатилетие» правления того же бога), прорицателям следовало хорошо знать историю. Чиланы на Юкатане в своих пророчествах широко пользовались ссылками на исторические события. Поскольку начало нового катуна считалось наиболее подходящим моментом для политических переворотов и замен государственных лидеров³⁹, чиланы приобретали немалый политический вес и активно участвовали в политической жизни государства, поддерживая или составляя оппозицию определенным группировкам правящего класса общества. Чилан Балам, живший в Мани, например, был, как и жрецы оракулов Чичен-Ица и Косумеля, влиятельной фигурой предколониального Юкатана. Он хорошо ориентировался в политической ситуации и накануне испанского вторжения пророчил приход завоевателей-астеков, перед сильным централизованным войском которых разрозненные государства юкатанских майя, по всей видимости, устоять не смогли бы. Прорицания Балама использовались сторонниками династии тутуль-шив, составлявшими оппозицию правящему дому Кокомов, для политической агитации и проастекской переориентации общественного мнения. При всей своей заметной роли, чиланы в официальную жреческую иерархию явно не входили, вернее даже, они вообще были вне всякой государственной иерархии.

Иначе обстояло дело в классический период, по которому мы теперь располагаем (благодаря все той же сцене прорицания на грядущий катун) интересным и в определенной мере уникальным материалом о иерархии жрецов в городах-государствах позднеклассического времени (VII—IX вв.).

Прорицателем в сцене на сосуде выступает имперсонатор бога Улитки. Сам бог Улитка, изображавшийся часто в сценах на сосудах и реже в рукописях в виде старика с раковиной за спиной и в особом

³⁸ Кнорозов Ю. В. Письменность индейцев майя; пророческие тексты, с. 85—96; Barrera Vásquez A., Rendón S. Op. cit., p. 49—130.

³⁹ Недаром разрушение столицы Кокомов Майяпана в 1441 г., как считает Ю. В. Кнорозов, относится к началу катуна, т. е. к моменту смены власти у богов. См. Кнорозов Ю. В. Иероглифические рукописи майя, с. 256; его же. Письменность индейцев майя, с. 48, 55

головном уборе в виде знака «ваай» — «дух», был древнейшим духом хозяином съедобных ракушек и улиток эпохи собирательства, а с переходом к земледелию превратился в бога дождя, покровителя земледельцев. Судя по изображениям на сосудах, бог Улитка считался одним из двух соправителей преисподней, главой голубой подземной фратрии сезона дождя и, тем самым, аналогом бога неба Ицамны, который в рукописях фигурирует как глава небесной фратрии сезона дождя. Сам преисподняя в кольцевых текстах на сосудах называлась «пространством Духа Улитки», «содружеством [фратрией] Духа Улитки». Термин «ваай» — «дух», которым обозначался этот персонаж в текстах на керамике и в рукописях, относился к группе древнейших божеств, первоначально тотемам родов племена. Скромный бог Улитка в период формирования государств у майя был настолько важной фигурой пантеона, что получил должность бога-распорядителя: добавочной пятнадцатого года, когда происходила смена власти у богов⁴⁰. Об этом свидетельствует его титул — «Хо Ваай Тун» — «владеющий пятью зловещими днями года».

Что же входило в обязанности бога-распорядителя? Дело в том, что перед началом нового года, в течение пяти последних дней старого, согласно учениям жрецов, происходила традиционная передача власти от одного бога-правителя другому. Бог-распорядитель в эти дни между прочим считался носителем порядка, так как следил за правильной передачей власти от одного бога-правителя года другому. В описанном Д. де Ландой ритуале смены четырех богов-правителей в 4-летнем цикле⁴² бог-распорядитель давал право на власть и после церемонии принятия правления очередным богом отправлялся (в ритуале статуя бога торжественно относили) в сторону будущего преемника власти с очевидной целью следить, чтобы тот не захватил власть раньше времени. Как показал Ю. В. Кнорозов, эти обряды 4-летнего цикла, введенные во времена II реформы календаря на рубеже нашей эры, несомненно являлись отражением реально существовавшего института смены правления по родам, главным в четырех фратриях, на которые традиционно подразделялись все майяские племена. Введение сменного правления было характерно для перехода от родо-племенной организации к раннему государству, которое формировалось в условиях ожесточенной борьбы за власть. Избрание очередного правителя в дни «безвластия» небесного и земного, конечно, не обходилось без бурных сцен, нередко, вероятно, заканчивавшихся убийством неподходящего кандидата и его сторонников. Поэтому добавочные дни года считались зловещими⁴³. Правителя государства, в которого превратился племенной вождь, первоначально избирали раз в год из определенного рода каждой фратрии поочередно. Об этом свидетельствует сохранившийся в мифологии и ритуале упомянутый выше порядок поочередного пребывания у власти четверки богов-правителей и обычай ежегодного выбора «князя» селения для руководства новогодним ритуалом⁴⁴. В дальнейшем срок правления возрос до 4 лет, потом до 20 и наконец стал пожизненным. Аналогичным образом возникли представления о богах, сменяющих друг друга каждое «двадцатилетие». Для оправдания продления сроков власти и ее узурпации одним лицом были проведены специальные реформы календаря и выработан жрецами сложный ритуал, в котором бог-распорядитель играл важную роль⁴⁵.

Обряд продления власти правителя выполнял земной эквивалент бога-распорядителя — верховный жрец. Он занимал в городе-государстве должность, соответствующую функциям бога-распорядителя, считался

⁴⁰ Там же, с. 254—255.

⁴¹ Пять дополнительных дней после введения 365-дневного года по II реформе календаря. См. Кнорозов Ю. В. Заметки о календаре майя. — Сов. этнография, 1971 № 3, с. 33—35.

⁴² Ланда Д. де. Указ. раб., с. 169—175.

⁴³ Кнорозов Ю. В. Иероглифические рукописи майя, с. 255.

⁴⁴ Ланда Д. де. Указ. раб., с. 169—172.

⁴⁵ Кнорозов Ю. В. Иероглифические рукописи майя, с. 253—254.

его имперсатором и носил его имя. В период гегемонии Майяпана (XIII—XV вв.) верховный жрец продолжал носить знаменательный и красноречивый титул «ахав канул» или «канул иш поп ти балам» — «страж владыки» или «страж циновки ягуара» (т. е. трона). На ранних этапах сложения государства в обязанности верховного жреца входила передача власти очередному преемнику. В дальнейшем, когда узурпация власти одной династией получила религиозную санкцию, он выполнял церемонию продления власти правителя на очередной срок. Таким образом, смена власти окончательно отошла в область мифологии. Когда истекал номинальный срок власти, правитель получал от очередного бога-владыки катуна подтверждение своих прав на трон на этот срок. В честь этого события в городах воздвигались юбилейные стелы⁴⁶, текст надписей на которых составлялся, очевидно, под непосредственным наблюдением верховного жреца. Он же следил за своевременной установкой юбилейных стел.

Таким образом, функции бога-распорядителя несомненно отражают древнюю практику организации власти в ранних городах-государствах майя, и ритуал в данном случае послужил для нас незаменимым источником исторической реконструкции: в нем четко прослеживается связь с социальной организацией, связь между мифом и обрядом и опосредованная обрядом связь между мифологией и общественной организацией.

Итак, должность верховного жреца в государстве прямо соответствовала функциям бога-распорядителя в иерархии божественной. Однако в сцене прорицания на сосуде из альбомы М. Ко имперсатор бога Улитки — древнейшего бога-распорядителя — выступает не как верховный жрец, а как жрец-прорицатель. Вместо него важной церемонией руководит верховный жрец, олицетворяющий бога дождя в образе медведя по имени Чак Кох — Красный Зубастый. Он представляет главного из четырех (по числу стран света) богов-распорядителей, а именно красного — восточного бога, а три его помощника-музыканта — остальных богов, связанных с тремя другими странами света и соответствующими цветами. Как уже отмечалось выше, сама роспись и надпись на сосуде были заказаны в честь умершего жреца. Очевидно, Чак Кох — верховный жрец одного из позднеклассических городов-государств майя — прославился при жизни организацией особо удачного ритуала прорицания на грядущий катун. Поэтому на его поминальном сосуде и была запечатлена эта сцена. Сам бог Улитка, по описаниям М. Ко и П. Кларксон, неоднократно фигурирует на сосудах в сценах прорицания под действием наркотической настойки, вводимой клизмами. На сосуде № 70 каталога Гролье он выглядывает из своей раковины с типичной для этого ритуала широкой подвеской, напоминающей гирлянду из мелких цветов, которая украшает также грудь персонажа, показанного в сцене на упомянутом сосуде Р. Фёрста и М. Ко (рис. 1)⁴⁷.

Эта смена богов в пантеоне несомненно отражала борьбу между группировками жрецов. Видимо, когда на место бога Улитки как бога-распорядителя выдвинулся персонаж в образе медведя, жрец бога Улитки занял подчиненное положение в штате верховного жреца, имперсатора нового бога-распорядителя, сохранив за собой важную должность прорицателя.

В дальнейшем образ бога-распорядителя опять изменился. В рукописях, в которых бог Улитка хотя и продолжает фигурировать под своим обычным титулом «Хо Ваай Тун», но уже явно как древний и полузабытый бог, в роли распорядителя фигурирует другой персонаж — бог Опоссум — «Йуу-аан» с титулом «Мам» — «дед по материнской

⁴⁶ Кнорозов Ю. В. «Сообщение о делах в Юкатане Диэго де Ланда» как историко-этнографический источник. — В кн.: *Ланда Д. де. Указ. раб.*, с. 72—73; *его же. Письменность индейцев майя*, с. 12—13; *его же. Иероглифические рукописи майя*, с. 255; *его же. Заметки о календаре майя*. — Сов. этнография, 1971, № 2, 3.

⁴⁷ Coe M. *Lords of the Underworld*, p. 76—82; Clarkson P. *Classic Maya Pictorial Ceramics...*, p. 93—95; Coe M. *The Maya Scribe...*, p. 130—131; Furst P., Coe M. *Op. cit.*

линии». В сценах Дрезденской рукописи, в которых изображен ритуал смены богов в 4-летнем цикле, бог Опомум каждый год в заплечной сумке приносит очередного бога-правителя года (Д54—57а, с. 63—65). Этот же титул, «Мам», очевидно, носил главный жрец племени ица, который во время похода племени на Юкатан по очереди вручал власть представителям родов Скорпиона, Игуаны, Оленя и Каймана — главным в четырех фратриях племени⁴⁸. В период создания Мадридской рукописи в качестве местного бога-распорядителя одного из государств Юкатана выступал бог Лягушка. Именно как распорядитель бог Лягушка совершал обход четырех стран света и поэтому подобно богу Опомуму носил «цветные» имена (М26—27а, б, в; с. 123, 126)⁴⁹.

Однако, хотя древнейший распорядитель бог Улитка и передал свои функции другим персонажам пантеона майя, крапчатая улитка продолжала украшать головные уборы верховных жрецов, как в сцене на сосуде из Юкатана⁵⁰, и даже сохранилась среди символов власти правителя. Крапчатую улитку среди других эмблем власти потребовал себе Хунак Кеель, узурпировав трон Майяпана⁵¹.

Верховный жрец в государствах майя был чрезвычайно влиятельной политической фигурой. Он стоял во главе строгой иерархии жрецов, которые контролировали практически всю жизнь в государстве. Жрецы были знатоками календаря, в соответствии с которым устанавливали сроки проведения земледельческих работ и руководили сельскохозяйственным циклом. Они отправляли все ритуалы, в которых выступали посредниками между обществом и богами, назначали время выступления военных отрядов и торговых караванов. Верховный жрец был влиятельным советником правителя, второй после верховного владыки особой в государстве. Ему подчинялись сельские жрецы, бывшие советниками начальников селений. В обязанности верховного жреца входило проведение церемонии подтверждения власти правителя от имени богов, руководство астрономическими наблюдениями и расчетами, связанными с составлением жреческих справочников-рукописей, необходимых для проведения земледельческих работ, а также редактирование и рассылка этих рукописей сельским жрецам. Чрезвычайно важной его обязанностью было предотвращение различных бедствий, особенно засухи, обрекавшей жителей на голод и вымирание. Эту цель преследовал организуемый верховным жрецом обряд приращения о знамениях грядущего «двадцатилетия», что было важнейшим государственным делом. Жрец сам был главным действующим лицом этого обряда. После получения божественных откровений он определял, какие необходимы жертвы и дары для умиловления богов. При нем состоял большой штат ученых жрецов, астрономов и математиков, а также писцов и прорицателей.

Верховный жрец — частый персонаж дворцовых сцен на парадной керамике. Обычно он показан справа от трона правителя государства (с другой стороны по отношению к трем соправителям верховного владыки)⁵². Во многих сценах оба главы государства — светский и духовный — изображены беседующими⁵³. На одном из сосудов верховный жрец и владыка участвуют в обряде кровопускания по случаю засухи. Символ засухи — попугай с ожерельем из скрещенных костей в черном картуше — показан на том же сосуде над троном владыки в сцене государственного совета, на котором и было, очевидно, принято решение о пролитии крови для смягчения гнева богов⁵⁴. В сценах ритуального

⁴⁸ Кнорозов Ю. В. Письменность индейцев майя: хроника о странствиях племени ица, с. 78—84.

⁴⁹ Менялся не бог, а место его правления и ассоциируемый с ним цвет: бог правил на севере как белый, на востоке как красный и т. д.

⁵⁰ Сое М. The Maya Scribe... [сосуд № 55], с. 115.

⁵¹ Кнорозов Ю. В. Письменность индейцев майя: историческая хроника о завоевании Юкатана, с. 73.

⁵² Сое М. Classic Maya Pottery... [сосуды № 14, 15].

⁵³ Сое М. The Maya Scribe... [сосуды № 29, 55, 78].

⁵⁴ Сое М. Classic Maya Pottery [сосуд № 15, р. 25—26].

сева на рельефах стел Иашчилана — древнего города-государства майя на берегу Усумасинты — верховный жрец в длинной мантии с большой вогнутой раковиной на груди стоит на коленях перед правителем города, бросающим в лунку семени, подняв к нему в молящем жесте руки (стелы 1, 4, 5, 7) ⁵⁵.

По данным Д. ле Ланда, верховный жрец руководил также инициацией мальчиков ⁵⁶. Здесь интересно отметить, что старуха-жрица, участвующая в ритуале очищения перед прорицанием в сцене на сосуде из альбома П. Кларксон, олицетворяла Великую богиню, Чак Кит рукописей, которая была поздним вариантом ольмекской богини Луны. Не случайно поэтому она являлась единственным женским персонажем в пантеоне майя, принадлежащим к «великой» («старшей» или «ольмекской») иконографической группе антропоморфных богов ⁵⁷. В период господства лунного календаря в ольмекских центрах Великая богиня Луны была главой пантеона и одновременно распорядительницей. На стеле Д в Трес Сапотес она вручает символ власти стоящему перед ней на коленях правителю, а на рельефе стелы 3 в Ла Венте передает власть на сезон бородатому богу грозы ⁵⁸. Очевидно, в ритуале богине должна была соответствовать верховная жрица. Вероятно, именно эта жрица и изображена в упомянутой сцене прорицания. У майя Юкатана накануне Конкисты жрица «иш мол» — «собирающая» выступала во второстепенных ролях, однако то, что она руководила инициацией девочек и носила наряд из драгоценных перьев, как и верховный жрец в аналогичных обрядах ⁵⁹, свидетельствует об архаичности ее статуса и важной ритуальной роли в более ранний период.

В городах-государствах классической эпохи верховный жрец, очевидно, всегда был имперсонатором бога-распорядителя и носил его имя, а правитель часто выступал как воплощение главного бога дождя — покровителя земледельцев, назывался его именем и носил его изображения как символы своей власти в costume, атрибутах и головном уборе. Так, правитель Иашчилана VII в. Хищный Ястреб изображен на известной стеле 11 в маске бога дождя, т. е. как имперсонатор этого бога ⁶⁰. Та же ситуация наблюдалась на Юкатане в постклассический период: последний правитель Чичён-Ица «лишенный скипетра» (власти) при взятии столицы войсками Майяпанской коалиции в конце XII в., имел титул Чак Шиб Чаак, по имени главного бога дождя и покровителя земледельцев Чаака, а его советник — верховный жрец — считался олицетворением и носил имя бога-распорядителя Ек Йуу-аана ⁶¹. В XVI в. на Юкатане во время инициации мальчиков верховный жрец появлялся в длинной до щиколоток юбке из несшитых полос ⁶². В этом же costume показан бог-распорядитель Йуу-аан в сценах смены богов в 4-летнем цикле на страницах Дрезденской рукописи (Д54—57а).

⁵⁵ *Maler T. Researches in the Central Portion of the Usumasintla Valley.— Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnohistory, 1903, v. II, № 2, pl. 69, 70.*

⁵⁶ *Ланда Д. де. Указ. раб., с. 149—151.*

⁵⁷ *Кнорозов Ю. В. Письменность индейцев майя, с. 243.*

⁵⁸ *Кнорозов Ю. В. Заметки о календаре майя. Монумент Е в Трес Сапотес.— Латинская Америка, 1973, № 6, с. 85—86.*

⁵⁹ *Ланда Д. де. Указ. раб., с. 150, 190.*

⁶⁰ *Maler T. Op. cit., pl. 74.*

⁶¹ *Кнорозов Ю. В. Письменность индейцев майя: историческая хроника о завоевании Юкатана, с. 73.*

⁶² *Ланда Д. де. Указ. раб., с. 150.*

А. Асанканов

ИЗМЕНЕНИЯ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КИРГИЗСКОЙ ССР (1960—1980 гг.)

В решениях июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС подчеркивалось, что сближение наций и взаимообогащение культур народов СССР — важнейшие факторы укрепления сплоченности советского народа. Огромная роль в выполнении этой задачи принадлежит, особенно в сельской местности, постоянно действующим учебно-воспитательным и культурно-просветительным учреждениям, которые являются важнейшими центрами распространения в среде народа «прогрессивных традиций и интенсивного обмена духовными ценностями»¹. Поэтому столь большое внимание в постановлении, принятом на июньском Пленуме ЦК КПСС, уделяется повышению роли культурно-просветительных учреждений в организации досуга трудящихся, особенно на селе². Это касается всех республик страны, но в особенности тех, в которых большинство населения трудится в сельской местности. К числу таких республик относится Киргизская ССР, сельское население которой составляет 61%³, из них значительная часть — киргизы. Последние расселены по территории республики неравномерно. Самый однонациональный сельский район — Нарынская область, в Ошской и Иссык-Кульской областях киргизы составляют почти три четверти от общей численности населения. В районах Чуйской долины киргизов насчитывается менее половины жителей. Здесь живут также русские, украинцы, немцы, дунгане, корейцы и др.

Данная статья представляет попытку охарактеризовать темпы и тенденции изменений в культурной жизни («культурная среда») сельского населения Киргизии, которые произошли в республике главным образом за последние два десятилетия.

В основу статьи положены материалы, собранные автором в 1981—1983 гг. в селах Джумгалского и Кочкорского районов Нарынской области, а также Аламединского района республиканского подчинения. Работа велась путем опроса населения, бесед с работниками культурных учреждений, сельских Советов, райисполкомов, анализа формуляров в сельских библиотеках, материалов подписок на газеты и журналы, писем, поступающих в редакции газет и журналов, в редакции радиовещания и на телевидение республики; изучались также архивные, газетные и статистические материалы республики за 1960—1980 гг.

Остановимся прежде всего на понятии культурная среда. Справедливым представляется определение Л. Н. Когана и Ю. Р. Вишневого, включающих в это понятие устойчивую совокупность вещественных и личностных элементов, с которыми взаимодействует социальный субъект (личность, группа, класс, общество) и которые оказывают влияние на его деятельность по созданию и освоению духовных ценностей и

¹ Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР. М.: Политиздат, 1982, с. 8.

² Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии. Постановление Пленума ЦК КПСС 15 июня 1983 г. — Коммунист, 1983, № 9, с. 46.

³ Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М.: Политиздат, 1980, с. 10.

благ, на его духовные потребности, интересы и ценностные ориентации в области культуры⁴. Таким образом, культурная среда состоит из двух взаимосвязанных элементов: вещественных (предметных) и личностных. К вещественным элементам относятся культурно-просветительные (клубы, библиотеки, театры, кино, музеи и т. д.) и учебно-воспитательные (школы, учебные заведения, детские сады, ясли) учреждения, а также каналы массовой информации (печать, радио, телевидение). Сюда относятся и предметы личного пользования — телевизоры, радиоприемники и т. п. Личностными элементами культурной среды являются окружающие люди (личность, группа, класс и др.)⁵. По мнению исследователей, изучающих проблему взаимосвязей личности и культурной среды, элементы последней находятся в неразрывном единстве, составляя устойчивую совокупность⁶. Культурная среда имеет определяющее значение для возникновения и развития потребностей, запросов индивида и в то же время средством удовлетворения этих потребностей⁷.

Различным сторонам культурной среды обществоведы уделяли немало внимания, однако большинство из них мало затрагивали ее этнические аспекты. Культурная среда в этническом аспекте, на диахронном срезе рассматривается в работах Л. М. Дробижевой и С. С. Савоскула⁸.

Возвращаясь к теме нашего исследования, отметим, что уровень культурной жизни сельского населения во многом определяется размером населенного пункта. С ростом его увеличивается число культурных очагов, а следовательно, повышается уровень образования и культуры населения. Мелкие населенные пункты, как правило, обеспечены культурно-бытовыми учреждениями гораздо хуже, нежели средние и крупные⁹. Для Киргизии, как и для всей страны, характерен процесс укрупнения мелких населенных пунктов. За последние более чем два десятилетия сократилось число населенных пунктов, насчитывающих до 200 чел., а число сел, в которых проживает свыше 500 жителей, возросло. В настоящее время основная часть сельского населения республики живет в средних и крупных населенных пунктах.

Четкая зависимость вещественных элементов культурной среды от величины населенного пункта прослеживается в материалах таблицы. В таблице представлены данные по 99 сельским населенным пунктам Джумгалского и Кочкорского районов Нарынской области и Аламединского района республиканского подчинения. Все обследованные населенные пункты разделены на 4 группы. Первую группу сел (с числом жителей от 201 до 500 чел.) составляют 14 из общего числа обследованных населенных пунктов, вторую (в них живет от 501 до 1000 чел.) — 20, третью наиболее многочисленную (с числом жителей от 1001 до 3000 чел.) — 46 сел. В четвертой группе (свыше 3000 чел.) насчитывается 16 населенных пунктов.

⁴ Коган Л. Н., Вишневский Ю. Р. Очерки теории социалистической культуры. Свердловск: Среднеуральское книжное изд-во, 1972, с. 70—71.

⁵ Там же, с. 72—75.

⁶ Козлов М. П. К вопросу о диалектическом взаимодействии культурной среды и личности. — В кн.: Проблемы духовной жизни рабочего класса СССР. Свердловск, 1970, с. 41—47; Орлова В. Я. Культурная среда производственного коллектива: Автореф. на соискание уч. степени канд. философских наук. Свердловск, 1973; Барсуков В. Л. Культурная среда (опыт теоретического и конкретно-социологического исследования). Автореф. на соискание уч. степени канд. философских наук. Свердловск, 1973; Буева Л. П. Социальная среда и сознание личности. М.: Изд-во МГУ, 1968.

⁷ Сычев Ю. В. Микросреда и личность. М.: Мысль, 1974, с. 107—109.

⁸ См.: Дробижева Л. М. Выравнивание уровня культурного развития народов СССР. — В кн.: Современные этнические процессы в СССР. 2-е изд. М.: Наука, 1977, с. 334—349; Савоскул С. С. Некоторые аспекты культурной среды в союзных республиках СССР (50—70-е годы). — В кн.: Социальные аспекты истории советского народа как новой социально-интернациональной общности людей. М.: Изд-во МГУ, 1982, с. 200—218 и др.

⁹ Арутюнян Ю. В. Социальная структура сельского населения СССР. М.: Мысль, 1971, с. 153; Опыт этносоциологического исследования образа жизни. М.: Наука, 1980, с. 24—25.

Культурные учреждения	Населенные пункты с числом жителей (чел.)			
	201—500	501—1000	1001—3000	свыше 3000
Клуб	35,7	52	89,1	93,8
Библиотека	42,9	55	93,5	100
Киноустановка	20	50	76,1	93,7
Школа (средняя)	6,7	45	80,4	93,7
Ясли, детсад	7,1	10	50	100

* Полевые материалы автора (1983 г.) по Нарынской области и Аламединскому району республиканского подчинения.

Как показывают материалы таблицы, значительная часть сел первой категории имеет различные культурные учреждения. Так, почти 43% сел имеют библиотеки; 35,7% — клубы; 20% — киноустановки и т. д. Разнообразнее культурные условия жизни населения сел, имеющих от 1001 до 3000 жителей, а населенные пункты, где численность жителей превышает 3 тыс. чел., по многим показателям обеспеченности вещественными элементами культурной среды сближаются с показателями поселков городского типа и малых городов республики. Из числа обследованных нами населенных пунктов, три, где число жителей не достигало 200 чел., не были обеспечены культурными и учебно-воспитательными учреждениями (в них имеются лишь предприятия торговли).

В настоящее время большинство населенных пунктов Киргизии по числу жителей в них уже имеет так называемое демографическое основание для строительства клуба, библиотеки, школы, детского сада и т. д. Однако в сельской местности процесс строительства школ, детских учреждений замедлен¹⁰. В тех селах, где живет менее 200 чел., каких-либо культурно-просветительных и учебно-воспитательных учреждений нет, поскольку там живет недостаточное количество людей для их плодотворного функционирования. Поэтому, на наш взгляд, одним из основных условий совершенствования культурно-бытовых условий жизни населения в таких селах может быть улучшение путей сообщения, расширение сети общественного транспорта, связывающей жителей этих населенных пунктов с центральными усадьбами колхозов и совхозов, с райцентрами, а также с городами. Не менее важным является увеличение числа передвижных очагов культуры — автоклубов, автобиблиотек, автокинопередвижек и укрепление их материальной базы.

Одним из главных образовательных и культурных центров на селе является школа.

До революции на территории Киргизии не было ни одной школы, где преподавание велось на киргизском языке. В 1914 году в селах имелось 87¹¹ начальных русских школ, в которых учились в основном дети социальной верхушки, причем киргизы среди них составляли ничтожный процент. Процент грамотных в Киргизии накануне Великой Октябрьской социалистической революции составлял 0,6%¹². Коренным образом положение изменилось за годы Советской власти. В конце 30-х годов неграмотность была в основном ликвидирована, решена задача всеобщего начального образования. В конце 40-х годов начался переход ко всеобщему семилетнему образованию, что в основном завершилось в начале 50-х годов¹³. В начале 60-х годов был осуществлен переход к обязательному восьмилетнему образованию, а с конца 60-х годов начался переход ко всеобщему среднему. Значительно возросло количество

¹⁰ Советская Киргизия, 3 дек. 1982.

¹¹ Культурное строительство СССР. М.: Госстатиздат, 1956, с. 106.

¹² Каракеев К. К. Из истории культурного строительства в Киргизстане. Фрунзе, 1968, с. 55.

¹³ Коммунистическая партия Киргизии в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов обкома и ЦК. Ч. II. Фрунзе: Кыргызстан, 1968, с. 605.

учащихся. В сельской местности в начале 60-х годов учащихся было в 2 раза больше, чем в городах, а в начале 80-х годов — в 2,5 раза¹⁴. Характерной чертой развития сельских школ республики 70-х годов является расширение системы трудового воспитания и профессиональной ориентации школьников. Профиль обучения учащихся в основном определялся местными потребностями в кадрах; многие овладевали профессией механизатора. В конце 70-х годов каждая третья школа готовила механизаторов для сельского хозяйства¹⁵.

До середины 50-х годов в селах республики общеобразовательными учреждениями в основном были школы и незначительное число училищ сельского хозяйства. С конца 50-х годов последние стали реорганизовываться в сельские профессиональные технические училища (СПТУ), открывались новые СПТУ, готовившие в основном специалистов пяти профессий сельского хозяйства. В последующие годы число сельских профтехучилищ росло, совершенствовалась их структура, улучшалось качество подготовки учащихся. К концу 70-х годов число профтехучилищ достигло 45, из которых 38 были в сельской местности. СПТУ готовили специалистов примерно 45 профессий для различных отраслей народного хозяйства¹⁶. С конца 60-х годов сельские профтехучилища начали переходить на систему среднего профессионально-технического образования, что имело огромное значение для сельской молодежи. Одновременно с производственной специальностью СПТУ давали знания в объеме программы средней школы. С начала 80-х годов они полностью перешли на подготовку сельскохозяйственных кадров со средним образованием.

С ростом в Киргизии числа СПТУ возросло число механизаторов из представителей коренной национальности. Постепенно возрастает число девушек, поступающих в сельские профтехучилища, большинство которых получает квалификацию механизаторов сельского хозяйства. Если в 1961 г. в сельских профтехучилищах девушки составляли 2,5%, то в 1980 г. — 11,4%¹⁷. Их приток сдерживается тем, что еще в недостаточной степени в СПТУ ведется обучение профессиям, соответствующим характеру женского труда. Определенную роль в этом играет и предубеждение против технических профессий для женщин и слабая осведомленность о специфике обучения в этих училищах. В Калининском, Таласском, Московском, Сокулукском, Кантском районах в результате опроса 8 тыс. учащихся восьмых классов сельских школ выяснилось, что 20% учащихся ничего не знают о профтехучилищах, 15% имеют неправильное представление об их профиле, 60% ответили формально или неточно, и лишь 5% ответили верно¹⁸.

Таким образом, всеобщее среднее образование в сельских районах, совершенствование процесса школьного обучения, расширение сети профтехучилищ — все это способствует тому, что киргизы — жители сел (а они составляют большинство от общей численности киргизов) получают значительные возможности для продолжения обучения в вузах, для занятий различными видами квалифицированного труда и, следовательно, для общего социально-культурного роста.

Как известно, большое влияние на формирование взглядов советского человека, национального и интернационального воспитания оказывает литература, в том числе художественная. Она дает человеку знания по истории своей страны и своего народа, знакомит с общесоветскими и национальными ценностями. Поэтому особенно велика в сельских условиях роль библиотек.

¹⁴ Народное хозяйство Киргизской ССР в 1980 г. Статист. ежегодн. Фрунзе: Кыргызстан, 1981, с. 255.

¹⁵ Известия, 19 мая 1979.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Урстанбеков Б. У. Подготовка и воспитание молодой рабочей смены Киргизстана в условиях зрелого социализма. Фрунзе: Кыргызстан, 1981, с. 47; По материалам отдела СПТУ Госкомитета Киргизской ССР по профтехобразованию.

¹⁸ Алиев Т. И. Ориентация молодежи на сельскохозяйственные профессии. Фрунзе: Мектеп, 1979, с. 9.

За последние два десятилетия в Киргизии возросло число библиотек, увеличилось количество книг и журналов в них, особенно художественных. В сельских библиотеках стали появляться читальные залы. Как и в целом по стране, с каждым годом растет число библиотечных работников с высшим и средним специальным образованием.

Улучшение работы сельских библиотек способствовало тому, что жители сел стали чаще ходить в библиотеки и брать на дом книги и журналы. Если в конце 50-х годов в сельской местности всего 10% жителей являлось читателями библиотек, то в начале 80-х годов — уже более половины¹⁹. Мы познакомимся с работой библиотек сел Джумгал (1,5 тыс. чел., Джумгалский район) и Коммунизм (2,3 тыс. чел. Кочкорский район) Нарынской области. Например, в библиотеке первого села книжный фонд насчитывает 6,6 тыс. единиц (из них 64,9% — книги на киргизском языке), в ней записано 140 читателей (25% — женщины); библиотекарь имеет общее среднее образование и стаж работы в сельской библиотеке год. В с. Коммунизм несколько иная картина. Здесь книжный фонд библиотеки насчитывает 10,6 тыс. единиц (книги на киргизском языке составляют 73,4%), имеется читальный зал, работает библиотекарь со специальным средним образованием и стажем работы по специальности 37 лет; число читателей достигает 1037, из них 37,8% женщины.

Среди читателей этих библиотек имеются рабочие, интеллигенция, пенсионеры и т. д. Большинство читателей — рабочие-механизаторы, строители, поскольку в данных селах-совхозах они составляют большинство населения. Различные показатели чтения книг жителями сел — мужчинами и женщинами. Почти абсолютное большинство мужчин выписывают произведения киргизских писателей и писателей народов СССР, а также зарубежных авторов на киргизском языке. Большая часть получаемых ими книг — социально-психологического содержания. Немало читателей, особенно людей преклонного возраста и школьников, проявляют интерес к исторической литературе и киргизскому эпосу («Манас», «Курманбек», «Эр Табылды», «Эр Тоштук» и т. д.).

В культурной жизни сельского населения большую роль играет кино, оказывая немалое влияние на национальные ориентации и даже этническое самосознание. По посещаемости кинотеатров сельское население Киргизской ССР приближается к городскому. Если в 1950 г. в среднем городской житель посещал кинотеатр в 3,3 раза чаще, чем сельский, то в 1980 г. — лишь в 1,8 раза²⁰. Сближение этих показателей происходило как в результате роста числа посещений сельскими зрителями кинотеатров, так и за счет того, что в городах Киргизии уменьшается частота посещения кинотеатров в связи с распространением телевидения, что характерно и для других районов СССР.

Киргизская национальная кинематография в середине 50-х годов выпустила свой первый художественный фильм. С тех пор появилось много фильмов, среди них «Небо нашего детства», «Улан», «Лютый», «Белый пароход» и др., получившие заслуженное признание зрителей.

Многолетние наблюдения за посещением кинотеатров сельскими жителями, а также беседы с ними (Джумгалский и Кочкорский районы Нарынской области, Аламединский район республиканского подчинения) показывают, что сельские жители стараются просматривать каждую новую картину, выпущенную киностудией «Киргизфильм». Таким образом, развитие национальной кинематографии повышает интерес сельских жителей к кино. Поскольку в сельской местности республики большинство жителей — киргизы, огромное значение имеет дублирование фильмов на киргизский язык, число их постоянно растет. Если в конце 40-х годов Киргизской киностудией в среднем дублировалось 3—4 кинофильма в год, то с конца 60-х годов по данным кинопроката — 30—34.

¹⁹ ЦГА Киргизской ССР, ф. 1665, оп. 1, д. 3, л. 127.

²⁰ Народное образование, наука и культура в СССР. М.: Статистика. 1977, с. 368; Народное хозяйство СССР в 1980 г. М.: Финансы и статистика, 1981, с. 482—483.

Анализируя посещаемость сельскими зрителями Киргизской ССР кинотеатров, приходим к выводу, что зрителей больше там, где материальная база обеспечена лучше и созданы соответствующие условия. За рассматриваемый период высокая посещаемость была характерна для сельских районов Иссык-Кульской области, а самая низкая — для Ошской области. Это связано прежде всего с уровнем оснащенности сел этих областей киноустановками. Однако немалое значение имеют и другие факторы. И прежде всего насколько удачно снят художественный фильм. Среди киргизского сельского населения, как отмечалось, наиболее популярны фильмы, созданные киностудией «Киргизфильм». Например, в селах Нарынской области с огромным успехом прошел художественный фильм «Улан», который просмотрело 51,6% всех жителей области.

Духовному развитию сельских тружеников способствует также и то, что они имеют возможность посещать и театры, имеющиеся в городах. Многолетние наблюдения, а также опросы киргизского сельского населения показывают, что среди жителей села очень популярны концерты и спектакли Киргизской государственной филармонии (80% всех ее концертов проходит в киргизских сельских районах)²¹ и киргизских драматических театров (городов Фрунзе, Оша, Нарына). Среди киргизского сельского населения популярны и широко известны спектакли по произведениям Ч. Айтматова, пьесы киргизских драматургов Абдымомунова, Б. Джакиева («Атанын тагдыры» — «Судьба отца», Б. Омуралиева («Унутулгус кундор» — «Незабываемые дни»), М. Тойбаева («Куйоо жолдош» — «Друг жениха»), Дж. Садыкова («Манастын уулу Семетей» — «Семетей, сын Манаса») и многих других. Большой интерес сельские жители проявляют к музыкально-драматическим представлениям. Даже спектакли драматических театров кончаются маленькими концертами. Концерты и спектакли Театра оперы и балета им. А. Малдыбаева, а также Государственного русского драматического театра им. Н. К. Крупской устраиваются в сельской местности сравнительно редко.

Кроме того, сельские жители как коллективно, так и индивидуально совершают поездки в город для посещения театрально-зрелищных мест. Люди (особенно старшего возраста), приезжающие в город из сельской местности, чаще всего идут на спектакли и концерты Киргизского драматического театра и Киргизской государственной филармонии. Наряду с этим сохраняется интерес и к традиционным формам искусства. Любимыми артистами почти всех слоев сельского населения являются народные акыны-импровизаторы.

Сельские жители республики не только активно усваивают и распространяют профессиональную культуру, но и становятся непосредственными ее творцами. В последние годы значительно увеличилось число коллективов художественной самодеятельности. Если в начале 60-х годов их насчитывалось 2,4 тыс., то в конце 70-х годов — 4 тыс., а число участников в них за этот период возросло с 31,3 тыс. до 100 тыс.²² Существенно меняется характер творческих коллективов. До 70-х годов в сельских клубных учреждениях в основном работали драматические, танцевальные, хоровые коллективы; позднее стали создаваться оркестры народных инструментов, симфонические и эстрадные коллективы, вокально-инструментальные ансамбли, кружки фотолюбителей, изобразительного искусства; возникли народные и академические хоровые коллективы, коллективы народных и балльных танцев. Со второй половины 70-х годов в селах появились ансамбли песни и танца.

Лучшие сельские художественные коллективы успешно выступают не только в крупных городах Советского Союза, но и за рубежом. Например, ансамбль песни и танца «Бекбекей» (Джумгалский район) с большим успехом представлял самодеятельное искусство советской Кир-

²¹ Советская Киргизия, 26 апр. 1983.

²² ЦГА Киргизской ССР, ф. 2582, оп. 3, д. 413, л. 58; Советская Киргизия, 10 апр. 1979.

гизии в Западном Берлине, ансамбль «Шаттык» (Кочкорский район) — в Югославии, самодеятельный коллектив Узгенского района — в Сирии и Иордании, самодеятельный ансамбль Советского района — в г. Зелена Гура в Польской Народной Республике.

Одним из главных источников культурной информации в сельских районах Киргизии являются в наши дни пресса, радио, телевидение, которые способствуют формированию национальных и интернациональных ориентаций населения. С каждым годом в республике увеличивается число лиц, выписывающих газеты и журналы, растет число выписываемых ими изданий. Если в середине 60-х годов в среднем каждая семья получала по два экземпляра подписных изданий, то сейчас — по 4 экз.²³ Изменился также характер подписки. До 1960-х годов сельские жители в основном подписывались на периодические издания республиканского масштаба на киргизском языке. В дальнейшем стало неуклонно возрастать количество подписок на общесоюзные газеты и журналы на русском языке.

В качестве примера приведем некоторые данные нашего обследования материалов подписки на газеты и журналы за 1983 г.; проведенного среди жителей совхозов Джумгал, Кой-Таш, Коммунизм. Большинство семей этих совхозов выписывают газеты на киргизском языке — «Советтик Кыргызстан» (Орган ЦК КП Киргизии, Верховного Совета и Совета Министров Киргизской ССР), «Нарын правдасы» (Орган Нарынского обкома партии и облисполкома), а также газеты — органы райкомов партии и райисполкомов (Джумгалского, Аламединского, Кочкорского). Многие подписываются на такие ежесемейные журналы, как «Ала-Тоо» (художественно-литературный), «Чалкан» («Крапива»), «Ден-соолук» («Здоровье»), «Кыргызстан аялдары» («Женщины Киргизстана»), на еженедельную литературную газету «Кыргызстан маданияты» («Культура Киргизстана») и т. д.

Иная ситуация отмечается среди сельских жителей пригородных районов, которые больше подписываются на общесоюзные газеты и журналы на русском языке. Это результат более тесных контактов киргизов — жителей пригородных районов с русскими и представителями других народов СССР, а также близости города. Из бесед с населением и знакомства с материалами подписки мы установили, что на газеты и журналы в основном подписываются лица, имеющие среднее специальное и высшее образование, а также квалифицированные рабочие совхозов. Из центральных периодических изданий чаще подписываются на такие газеты и журналы, как «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Советский спорт», «Огонек», «Советский Союз» и т. п.

Не менее важным, чем пресса, каналами информации являются телевидение и радио. В конце 50-х годов сельское население Киргизии получило возможность смотреть телевизионные передачи из столицы республики г. Фрунзе. Постепенно увеличилось число программ. В 1982 г. 93% населения республики имело возможность смотреть телевизионные передачи²⁴. Что касается радиофикации, то в сельской местности Киргизии в массовом масштабе радио вошло в быт в послевоенные годы. Если с конца 50-х годов была радиофицирована только половина колхозов, то через десять лет — почти все села.

Телевидение и радио за короткий срок завоевали прочное место в досуге сельских жителей. В обследованных нами селах 85—90% семей имеет телевизоры. Радиоточки установлены у всех. Об интересе сельских жителей к прослушиванию и просмотру программы радио и телепередач говорит и тот факт, что из 12 193 писем, присланных в 1981 г. в редакцию телепередач, и 18 615 писем, присланных на радиовещание, с которыми мы познакомились, почти половина была от киргизов — жителей сельской местности. В письмах — информационные заметки, заявки на исполнение музыкальных произведений, в основном национальных авторов, на показ художественных фильмов.

²³ Советская Киргизия, 10 июня 1964; 23 марта 1983.

²⁴ Советская Киргизия, 7 мая 1982.

Большого внимания требуют культурные условия жизни животноводов, составляющих значительную часть сельского населения республики. В сложных условиях высокогорья и большой удаленности от населенных пунктов постоянно находятся около 120 тыс. животноводов и членов их семей²⁵. Поэтому улучшение условий их труда и быта, создание возможностей для всестороннего духовного развития имеет огромное значение. Специфика труда и быта животноводов требует организации особых форм их культурного обслуживания. С этой целью на отгонных пастбищах созданы культурные центры, в которых в течение года работают общеобразовательные школы (в основном начальные и восьмилетние), библиотеки, предприятия торговли и бытового обслуживания, учреждения здравоохранения. В 60-е годы в сельской местности республики появились автоклубы, оборудованные радиоузлом, обеспеченные киноаппаратурой, библиотечкой, музыкальными инструментами. Они приезжают к животноводам и организуют выступления лекторов, коллективов художественной самодеятельности, агиткультбригад, устраивают показ художественных кинофильмов. Число таких автоклубов с каждым годом увеличивается: к 1983 г. их число составляло 500²⁶.

Осуществленные мероприятия подняли культурный уровень животноводов, расширили их кругозор, что и подтверждается нашими материалами. Мы познакомились, например, с формулярами библиотек фермы №2 совхоза Джумгал, активными читателями которой являются животноводы (среди них более половины — чабаны). Количество книг, полученных каждым читателем за 1980 г., варьирует от двух до семнадцати. Среди них: «Тихий Дон», «Поднятая целина» М. Шолохова, «Живые и мертвые» К. Симонова, повести и рассказы Ч. Айтматова, романы Т. Сыдыкбекова, повести и рассказы Д. Лондона и многих других писателей на русском и киргизском языках. Активно читается периодика. С каждым годом увеличивается число животноводов-подписчиков на газеты и журналы, а также число выписываемых ими изданий. В этом плане показательны следующие данные. Если в 1977 г. на каждые 10 чабанов приходилось по 27 газет и журналов, то в 1981 г. — уже по 40. Конкретный анализ подписки на периодику животноводов совхозов Джумгал и Коммунизм показал, что каждая чабанская семья выписывает не менее 6—8 экз. газет и журналов — республиканских и общесоюзных.

При знакомстве с предметами культурного назначения в домах чабанов выяснилось, что у всех имеются радиотранзисторы типа «ВЭФ», «Океан» и др. Однако несмотря на улучшение культурно-бытовых условий жизни животноводов, их быт и культура требуют пристального внимания со стороны местных партийных и советских органов. У животноводов редко бывают работники культуры и деятели искусств, иногда периодическая печать доставляется с опозданием.

Рассмотренные в статье материалы свидетельствуют о значительных изменениях в культурной жизни (культурной среде) сельского населения Киргизии, происшедшие за годы Советской власти и особенно за последние два десятилетия. И все-таки по некоторым показателям культурной среды Киргизская ССР еще отстает от многих союзных республик. Но по числу лиц с высшим образованием сельское население Киргизии опережает общесоюзные показатели. Таким образом, уровень образования сельского населения Киргизии повышается более быстрыми темпами, чем совершенствуются культурные условия его жизни, т. е. мы видим заметные различия между вещественными и личностными элементами культурной среды. В настоящее время культурные условия жизни сельских жителей Киргизии не полностью отвечают интересам и запросам сельчан, особенно тех категорий (молодежь, интеллигенция, квалифицированные рабочие и колхозники), у которых эти запросы особенно велики. Об этом свидетельствуют и письма, поступающие от сельских жителей в редакции газет, журналов, на радио и телевидение. Таким образом, Киргизская ССР принадлежит к тем

²⁵ Советская Киргизия, 10 окт. 1982.

²⁶ Советская культура, 12 марта 1983.

районам, где «потребуется еще много усилий, времени и средств для улучшения культурно-бытовых условий жизни на селе, для преодоления существенных различий между городом и деревней»²⁷. Поскольку большинство киргизов живут в селах, то совершенствование культурно-бытовых условий их жизни будет означать удовлетворение интересов нации в целом. Как отмечал Ю. В. Андропов на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, понятие «повышение уровня жизни» включает «...и полноценное с нравственно-эстетической точки зрения использование свободного времени»²⁸. И здесь, в сельской местности, огромная роль принадлежит культурным учреждениям.

²⁷ Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1981, с. 53.

²⁸ Андропов Ю. В. Речь на Пленуме ЦК КПСС 16 июня 1983 г. — Коммунист, 1983 № 9, с. 9.

В. Б. Виноградов, Д. Ю. Чахкиев

НЕКОТОРЫЕ ТРАДИЦИИ ВОЕННОГО ИСКУССТВА ВАЙНАХОВ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Позднее средневековье (XIII—XVIII вв.) у вайнахов (чеченцев и ингушей) наполнено драматическими событиями: монгольское нашествие, бесчинство войск Тимура, внутренние междоусобицы, агрессивные походы Османской Турции и Ирана — все это делало крайне напряженной жизнь горца¹. Немыми свидетелями той суровой и опасной жизни и сейчас остаются мощные башенные фортификационные сооружения, нередко стоящие на головокружительной высоте в ущельях гор или в узких стремнинах рек и служившие не только местом жительства горцев, но и надежным убежищем для них².

До настоящего времени вопросы тактики осады и обороны этих построек в отдельных исследованиях лишь затрагивались³. В данной статье мы попытаемся суммировать и охарактеризовать те основные тактические принципы осады и обороны башенных укреплений, которые были характерны для горцев Чечено-Ингушетии в позднесредневековый период, привлекая для этого материалы наших полевых исследований: горной части края за 1975—1981 гг. и другие сведения по данной теме⁴.

Большинство походов и набегов с целью захвата скота и пленников боевые акции внутренних междоусобиц совершались у вайнахов преиму

¹ Виноградов В. Б. Генезис феодализма на Центральном Кавказе. — Вопросы истории. М.: Правда, 1981, № 1.

² Кобычев В. П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. М.: Наука, 1982.

³ Щерблякин И. П. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры. — Изв. Ингушского научно-исслед. ин-та краеведения, в. 1. Владикавказ, 1928; Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1933 годах. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1963; Виноградов В. Б. Тайны минувших времен. М.: Наука, 1966. Ошаев Х. Д. Некоторые вопросы использования нахских башен в бою. — Кавк. этногр. сборник (далее КЭС), т. 2. Тбилиси: Мецниереба, 1968. См. также в этом сборнике: Робакидзе А. И. Жилища и поселения горных ингушей. Харадзе Р. Л., Робакидзе А. И. Характер сословных отношений в горной Ингушетии. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971; Гольдштейн А. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М.: Наука, 1975; его же. Планировка и фортификация горных селений Чечено-Ингушетии и Северной Осетии XV—XVIII вв. — Архитектурное наследство. М.: Стройиздат, 1976, № 25; Марковин В. И. Памятники зодчества в горной Чечне по материалам исследований 1957—1965 гг. — В кн.: Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука, 1980; и др.

⁴ Из-за малочисленности исходных данных авторы пока не касаются таких вопросов, как боевые порядки, виды маневра и боевое обеспечение осаждающих и обороняющихся.

щественно некрупными воинскими отрядами, которые внезапным ударом должны были захватить башенный поселок или группу таковых врасплох. Если внезапное нападение должного результата не давало, воинский отряд мог принудить к сдаче конкретный мелкий поселок с немногочисленным гарнизоном, даже цепь подобных укреплений военной силой, что засвидетельствовано в документальных материалах и фольклорных произведениях⁵. Однако крупные башенные поселки (типа вайнахских Эри, Таргим, Фарскалой, Кезеной, Пого и другие), обладавшие сложными и сильными оборонительными сооружениями и значительным контингентом боееспособного населения, внезапным набегом захватить было сложно. Поэтому одну из причин образования крупных башенных поселков мы склонны видеть в стремлении противостоять вражеским набегам совместными усилиями односельчан. Это, видимо, произошло не ранее XVI—XVIII вв., в период наивысшего развития башенного зодчества. Создание такого рода башенных поселков серьезно ограничило применение традиционного и эффективного приема «срезания» отдельно стоящих башен посредством выбивания их угловых камней (подкоп под угол)⁶.

Более полны наши представления о способах обороны башенных комплексов.

Вплоть до XIII в. основным принципом организации обороны поселений в горной части Чечено-Ингушетии (Кирант, Цеча-Ахк и др.) было использование рельефа и лишь в самых необходимых случаях незначительное изменение и приспособление его к нуждам обороны: подрезка склонов для придания им большей крутизны, углубление оврагов и превращение их во рвы и т. д. Искусственные сооружения (имеются в виду каменные прототипы башен) играли здесь второстепенную роль, преимущественно пассивную, в отличие, например, от укрепленных стенами и валами многих северокавказских раннесредневековых городищ и мощных крепостей (Дербент, Урцеки, Тарки, Верхний Чирюрт, Андрейаул, многочисленные аланские городища, византийские крепости на Тамани, Никопсия и др.). Такое ограничение средств обороны, преимущественно естественными преградами свидетельствует как о малых возможностях строителей укреплений, так и том, что данные поселения не были предназначены для обороны от противника, имевшего осадные средства и обладавшего разработанной тактикой штурма укреплений⁷.

В XIII—XIV вв., в период напряженной внешней и внутренней обстановки на Кавказе, начинается массовое строительство башен в горах, когда каждое поселение превращалось в крепость⁸. Стремление усилить обороноспособность последних вело в это время к дальнейшему росту значения естественных оборонительных рубежей и строительству каменных (жилых, полубоевых и боевых) башен. Сооружение башенных построек принципиально усиливало не только пассивные защитные качества поселений. Высоко поднимаясь над поселком, башни давали защитникам возможность более прицельно вести стрельбу по осаждавшим, находясь в большей или меньшей безопасности⁹.

⁵ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI—30-е годы XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 240—241; Гамрекелли В. Н. Двалы и Двалетия в I—XV вв. н. э. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1961; Дахильгов И. А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1978.

⁶ Ошаев Х. Д. Указ. раб., с. 120—121.

⁷ В горной части Чечено-Ингушетии не зафиксированы такие активные средства осады, как штурмовые лестницы, зажигательные стрелы и керамические бомбы, заправленные нефтью, а также стенобитные устройства, которые использовались в военной практике в ряде других районов Северного Кавказа в I и начале II тысячелетия н. э.

⁸ Виноградов В. Б. О некоторых критериях датировки позднесредневековых погребальных комплексов Северного Кавказа.— Изв. Северо-Кавк. научного центра высш. школы. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1977, № 1, с. 65 и др.

⁹ Раппопорт Ю. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв.— Материалы и исслед. по арх. СССР, № 52. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956.

Оборонительные сооружения воздвигались для защиты поселений, и сам выбор места для них не мог целиком зависеть только от тактических и стратегических требований военной ситуации, так как огромную роль здесь играли и экономические требования, связанные с жизнью поселения. Незначительные масштабы приусадебных участков определяли скудность башенных комплексов, что было бесполезно и для укрепления общей обороны.

«Межтайповая»¹⁰ вражда и межплеменные распри привели к образованию укрепленного поселения, расположенного по хребтам и горным отрогам, на довольно большой высоте, скученного и состоящего из отдельных жилых комплексов, включавших в себя и хозяйственные, и жилые, и оборонительные функции»¹¹. Воздвигаемые первопоселенцами, башенные постройки имели самостоятельное значение. Но угроза нападения со стороны внешнего врага заставляла располагать комплексы с учетом возможного обеспечения взаимной помощи¹². Именно подобное явление можно наблюдать в башенных поселках горной Чечено-Ингушетии.

Башни внутри поселка строились отдельными семьями. Потребность быстро укрыться при неожиданном нападении кровников и других врагов заставляла строить эти башни рядом с домом и при этом мириться с наличием рядом с ними мертвых пространств и скрытых подступов. Скрытые подступы к семейным башням для осажденных были неизбежным злом. Поэтому потребности общественной обороны села порождали не беспорядочное скопление башен между домами, а сооружение и на подступах к аулу, а также и на господствующих и труднодоступных высотах с хорошими условиями для обзора, обстрела и связью — зрительной и огневой — с другими опорными позициями обычно продуманной системы обороны.

При выборе места для башенного поселка важное значение имели горные дороги, ущелья рек и перевалы. С. Ц. Умаров подразделяет башенные поселки горной Чечни по фортификационно-топографическим особенностям на 3 группы. В первую группу входят небольшие поселения, расположенные на гребнях водоразделов и мысов, по краям высоких берегов рек (Харачой, Кирда и др.). Ко второй относятся поселения, расположенные в неприступных скальных навесах-карнизах и расщелинах обрывов (Мизиркала, Туркала, Итиркала и другие). Сама многочисленная группа — третья. В нее входят башенные поселки, находящиеся в широких долинах рек. Эти поселения, как правило, обширны (Барха, Моцарой, Канахой, Хайбахой и др.)¹³. Принимая в целом данную классификацию для всей горной зоны края, следует отметить следующее: в основном башенные поселки (кроме второй группы) расположены так, чтобы с трех сторон их защищали естественные преграды — крутые и обрывистые склоны, реки, ручьи, скальные массивы и пр. С четвертой, доступной стороны, возводились наиболее мощные оборонительные каменные сооружения (Коротх, Белхан, Цой-Педе, Гара-Эрзи и др.): боевые или полубоевые башни, заградительные стены, также иные искусственные препятствия. В тех случаях, когда башенные постройки возводились на менее защищенном естественными преградами участке местности, то прибегали к опоясыванию поселения заградительной каменной стеной, земляным валом и рвом. Так, например, защищен близ сел. Харпе в горной Ингушетии небольшой замковый комплекс фамилии Дударовых. Он состоит из боевой и двух жилых башен

¹⁰ *Тайпа* (из арабск. яз. — *таифа* — племя) — в чеченском и ингушском языках обозначает различные родственные и территориальные объединения: фамилию, поселение, группу сел и т. д. В кавказоведческой литературе XIX—XX вв. этот термин используется в таких же значениях. В полной мере вопрос о тайпах не исследован (см. *Мамкаев М. А.* Чеченский тайп (*род*) в период его разложения. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1973).

¹¹ *Робакидзе А. И.* Жилища и поселения..., с. 98.

¹² Там же, с. 92.

¹³ См.: *Умаров С. Ц.* Средневековая материальная культура горной Чечни (XIII—XVII вв.) Автореф. канд. дисс. М., 1970, с. 15—16.

окружен ровом и валом, на котором, судя по кладке, была некогда защитительная каменная стена. Ров, очевидно, заполнялся водой из речки, протекавшей рядом¹⁴. В чеченском горном поселке Кебасой боевую башню с двух сторон, менее защищенных естественными условиями, охватывают ров и вал.

По своим военно-оборонительным качествам вайнахские жилые башни (*гала*) заметно различались. Одни, имея только два этажа, сравнительно большие окна и дверные проемы на первом и втором этажах, представляли собой жилой замкнутый дом. Эти башни, очевидно, более поздние, их строили, когда уменьшилась и совсем исчезла постоянная военная опасность. Иногда в комплексе с такими домами устраивалась специальная боевая или полубоевая башня. Жилые башни другого типа — это настоящие дома-крепости в 3—4 этажа, с входом на второй этаж, редкими и маленькими окнами, машикулями (каменные балкончики) и бойницами¹⁵.

Жилые башни были неплохо приспособлены для обороны. В стенах верхних этажей сделаны бойницы с небольшими нишами и отверстиями (от 1-го до 3-х), которые имеют наклон вниз и направлены в разные стороны, защищая подступы к башне с наиболее уязвимой стороны. Расположены бойницы в основном примерно в метре от поверхности пола и хорошо приспособлены для ведения стрельбы только из ручного огнестрельного оружия.

Целям активной обороны служил преимущественно верхний этаж, где на плоской кровле укладывались большие камни, представлявшие собой как бы продолжение стен. Эти камни в момент штурма сбрасывались на осаждающих (рис. 1). С боевой площадки метали стрелы, камни, копья, дротики. Кроме того, из специального котла лили на штурмующих кипящую воду, смолу и серу.

Дверные проемы составляли важнейшие участки обороны башенных сооружений, так как именно к ним в первую очередь устремлялись штурмующие и около них сосредотачивалась основная масса защитников. В обстановке постоянных военных набегов и столкновений, дверной проем устраивался на высоте 3—4 м от основания стены и вел на второй этаж.

В результате новейших полевых исследований стало известно множество башен жилого типа с входными проемами, располагавшимися под защитой специально сооружаемых в верхней части башен каменных балкончиков — машикулей; в таких башнях не было центральной опорной каменной колонны. Интересно, что в некоторых поселках, например, Хамхи, Гимрой почти все жилые башни имеют подобные машикули. В специальной литературе такие башни именуются полубоевыми, хотя генезис их далеко еще не ясен (рис. 2)¹⁶.

Именно подобную башню было наиболее трудно захватить внезапным ударом, так как повседневно функционировали все ее помещения, и она обладала хорошими защитными средствами¹⁷. Дверные проемы второго этажа контролировались с помощью каменных машикулей, расположенных в верхней части стен. В горночеченском селе Нижний Кей находится полубоевая башня, под машикулями которой и сейчас фиксируются следы серы, которую лили некогда ее защитники на головы осаждавших (рис. 3). Эта башня интересна еще и тем, что ее дверные проемы в одной из стен контролировались одновременно с трех машикулей. С них можно было наблюдать не только за подступающими к дверным проемам, но и к основанию башни. С верхней боевой площадки башни с большим успехом, чем в жилых башнях, имела возможность обстрела противника. Бойницы с небольшими отверстиями, расположенные в стенах, были хорошо приспособлены для

¹⁴ Замок осмотрен авторами в 1977 году. См. также: *Щеблыкин И. П.* Искусство ингушей..., с. 287—288.

¹⁵ См.: *Гольдштейн А. Ф.* Средневековое зодчество..., с. 15.

¹⁶ *Марковин В. И.* Некоторые особенности средневековой ингушской архитектуры. — Архитектурное наследие, № 23. М.: Стройиздат, 1975.

¹⁷ *Гольдштейн А. Ф.* Средневековое зодчество..., с. 18.

Рис. 1. Жилая башня с парапетом в сел. Цори

стрельбы (как и в жилых башнях), но только из ручного огнестрельного оружия. Интересно заметить, что полубоевые башни отмечены чаще всего в довольно крупных башенных поселках. В Ингушетии это, например, Хамхи, Эгикал, Оздик, в Чечне — Нижний Кей и др. Порой они возводились в местах, наиболее важных с точки зрения обороны местных горских обществ.

В качестве примера можно привести известную башню в теснине р. Чанты-Аргун у с. Ушкалой (рис. 4). Она возведена в неприступной сегодня выемке скалы и на этом основании отнесена В. И. Марковым к типу жилых башен, игравших специфическую роль убежищ¹⁸. Однако, по нашему мнению, эта башня являлась опорным оборонительным узлом в небольшой группе каменных жилых построек на древней дороге вверх по правому берегу Чанты-Аргуна из Чечни в Грузию, располагаясь на исторической южной границе «Шибутского джамаата» XVI—XVII вв.¹⁹ Пятиэтажная башня имела дверной и оконный проемы, бойницу на северной (тыловой) стене. Западная стена, с которой контролируется обход вокруг башни, имеет семь точек (6 бойниц и один небольшой оконный проем) для стрельбы и обзора. Наиболее же подготовлена к отражению нападения южная стена, на которой кроме оконного проема на верхнем этаже есть еще семь бойниц, а также и машикуль. На этой стене хорошо виден пролом, сделанный в «мертвой зоне», у скалы, — вероятный след победного штурма.

Боевые башни Чечни (*блов*) и Ингушетии (*влов*) были лучше всех иных приспособлены для обороны поселка (рис. 5—7)²⁰. Они были высокими (до 30 м), что давало возможность вести с них круговой обстрел. Стрельба с высоты уменьшает мертвые, непростреливаемые пространства, а также позволяет увеличить дальность обстрела. Эти преимущества, в особенности при наличии нескольких видов лучного, а позд-

¹⁸ Марковин В. И. Памятники зодчества..., с. 196—199.

¹⁹ Кушева Е. Н., Усманов М. Н. К вопросу об общественном строе вайнахов (письмо 1657 г. из Шибутского джамаата царю Алексею Михайловичу). — Сов. этнография, 1978, № 6, с. 90—110.

²⁰ Мы не разделяем утверждение А. И. Робакидзе о наличии в Чечне общесельских оборонительных и сторожевых башен см.: Робакидзе А. И. Указ. раб., с. 73. Пока в горной Чечне не зафиксирована ни одна боевая башня, вблизи которой не были бы отмечены следы жилых сооружений. К тому же все известные здесь боевые башни связываются с именами отдельных владельцев или с названиями родственных групп (*некџи*) (см. об этом подробнее: Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Очерки этнографии горной Ингушетии. — В кн.: Вопросы истории Чечено-Ингушетии, т. 10. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1976, с. 345).

нее и ручного огнестрельного оружия, свидетельствуют об активизации обороны укреплений.

Для ведения стрельбы более всего предназначался верхний этаж, где у стрельчатых боевых проемов или зубцов, обращенных на все четыре стороны, располагались во весь рост четыре (а у башен с зубцами — 4—8) защитника и держали под прицельным обстрелом дальние и ближние подступы к жилому комплексу. При этом в основном применялись луки больших размеров, обладавшие огромной силой²¹. Стрельба велась поверх машикуля-балкончика, который защищал нижнюю часть боевого проема и почти наполовину тело воина. Высокие боевые башни давали защитникам ряд преимуществ. Так, пущенная нападающим стрела по закону тяготения значительно теряла свою убойную силу в полете вверх на 20—25 м и поэтому представляла меньшую опасность, чем стрела, пущенная защитником вниз, получавшая дополнительное ускорение²².

При выстреле сверху увеличивалась и дальность обстрела. Стрелку на верхнем этаже башни помогал каменный машикуль, на который можно было опереться коленом или локтем и стрелять даже вдоль стены.

Когда же враги непосредственно подступали к стенам боевой башни и пытались проникнуть во внутрь через дверной проем, ведущий на второй этаж, или же с помощью подкопа свалить башню, то из машикулей на осаждавших бросали камни, лили кипящую воду, смолу и серу (машикули не имели дна в нижней части). Следы применения серы против осаждавших и сейчас можно видеть на стенах боевой башни близ чеченского сел. Шунды. А на верхней площадке боевой башни в селе Мецхал в горной Ингушетии до недавнего времени находился специально предназначенный для подогрева воды, серы или смолы большой металлический котел²³.

В передней стенке машикуля находится от 2-х до 6-ти небольших отверстий, направленных в разные стороны. Первоначально, они, очевидно, служили в качестве смотровых щелей, а с появлением огнестрельного оружия их успешно использовали и для навесной стрельбы. При этом воин находился под прикрытием машикуля-балкончика и успешно мог вести стрельбу в согнутом положении, с колена или даже лежа. Под наблюдением и защитой машикуля часто находились, кроме дверного проема, и наблюдательные, световые окна, также расположенные по одной средней линии стены боевой башни. Поэтому, думаем, нельзя согласиться с мнением А. Ф. Гольдштейна, считающего машикуль преимущественно декоративным элементом²⁴.

Следует также отметить, что с наиболее уязвимой для обстрела наступающих сторон верхние боевые проемы боевых башен имеют меньшие размеры как в ширину, так и в высоту, чем остальные. Так, например, в сел. Эрзи это наблюдается у боевых башен с севера и востока, от-

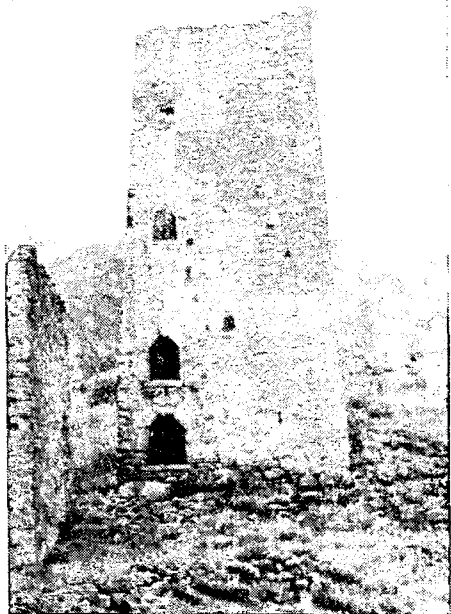

Рис. 2. Полубоевая башня в поселке Эгикал

²¹ Чаще при обороне башенных построек использовался лук для метания камней. Следует упомянуть, что лучное оружие вайнахи применяли наряду с огнестрельным даже в первой трети XIX в.

²² Ошаев Х. Д. Указ. раб., с. 120.

²³ См.: Шеблыкин И. П. Указ. раб., с. 286.

²⁴ См.: Гольдштейн А. Ф. Средневековое зодчество..., с. 36.

Рис. 3. Следы серы на стене у полубоевой башни в сел. Нижний Кей

куда чаще всего приходили враги. В тех же случаях, когда с одной или двух сторон к боевой башне практически невозможно было подойти (непреодолимые естественные или искусственные препятствия), то иногда в стенах башни, обращенных к ним, машикули не сооружались (башни в селах Пого, Кебасой, Меше и др.).

Интересны машикули боевой башни с пирамидальным покрытием в крупном чеченском поселке Пого. На западной стене, обращенной к соседним башенным комплексам поселка, находится глухой (без боевого проема) каменный машикуль треугольной формы. В южной стене башни расположен машикуль с боевым проемом, прикрытый со стороны иных башенных сооружений поселка каменной стенкой²⁵. Все это, вероятно, сделано для того, чтобы защитники боевой башни находились в безопасности и были недостижимы обстрелу не только со стороны внешнего врага, но и соседей-односельчан, с которыми, судя по бытующим преданиям, они постоянно враждовали.

М. Б. Мужухоев отмечает, что башни с пирамидальным покрытием большей частью находятся в местах сравнительно доступных, а плоскокровельные — в труднодоступных. Исходя из этого, он обосновывает само различие типов боевых башен тем, что на участках довольно доступных требовалось возводить башни с более высокими фортификационными возможностями²⁶. Последнее, безусловно, верно. Однако, на наш взгляд, перспективнее утверждение А. Ф. Гольдштейна, что «легко доступные участки (в долинах рек, на пологих склонах гор) были и более плодородными, следовательно, владельцы их были экономически более состоятельными, чем те, кто жил на труднодоступных скальных взгорьях, и могли позволить себе оплатить строительство лучшей башни»²⁷. Поэтому, вероятно, боевые башни с пирамидальной кровлей встречаются часто и на взгорьях (Тумгой, Цекалой, Коротх и др.), а плоскокровельные — на легко доступных участках (Хайбахой, Шатой, Лежги, Морч и другие).

Верху боевые башни, как и полубоевые, значительно суживаются, что давало возможность осажденным сбрасывать вниз камни, которые

²⁵ См. рисунок верхней части боевой башни из поселка Пого в кн.: Гольдштейн А. Ф. Средневековое зодчество..., с. 46, рис. 38.

²⁶ См.: Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии XIII—XVII вв. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1977, с. 23—32 и сл.

²⁷ Гольдштейн А. Ф. Средневековое зодчество..., с. 42.

ударяя о стену, откашивали речкошетом и эффективно поражали противника в непредвиденных для них местах²⁸.

В поселках, где находилось несколько боевых башен, принадлежавших представителям различных тайпов (Эрзи, Таргим и другие) или же враждующим семьям одного тайпа, например, Вовнушки, боевые башни воздвигались так, чтобы с верхней площадки одной из них было трудно или вообще невозможно держать под обстрелом верхние проемы или площадку расположенной рядом башни. Для этого боевые башни обращались друг к другу лишь углами стен. Первопоселенцы, занимавшие главенствующее положение в многобашенных поселках, строго следили, чтобы их соседи вообще не сооружали боевые башни. Если сохранить свою исключительность не удавалось, они стремились к тому, чтобы возводимая боевая башня не превосходила по высоте принадлежавшей им башенной боевой постройке. С. Ц. Умаров привел яркое предание о трагически завершившейся в сел. Эрзи попытке нарушить данный запрет²⁹. В тех же случаях, когда соседям все же удавалось соорудить большую по высоте боевую башню, они постепенно начинали занимать главенствующее положение в поселке. Последнее хорошо прослежено, например, в ингушском сел. Вовнушки³⁰.

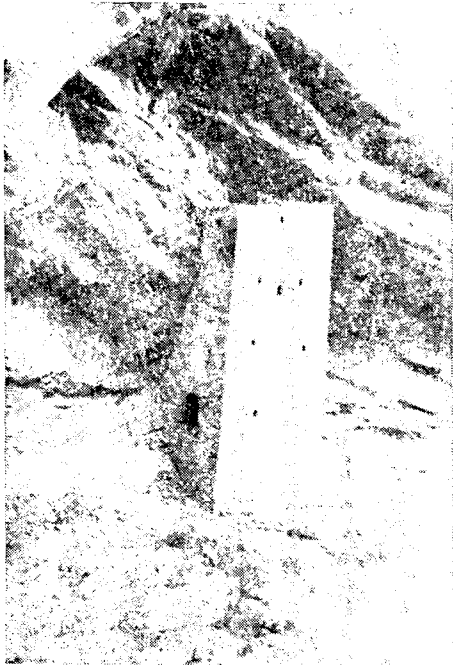

Рис. 4. Башня у сел. Ушкалой

С верхней площадки боевой башни и из бойниц в стенах можно было контролировать подступы к дверным проемам соседних башенных сооружений, в том числе и боевых башен, к чему, видимо, и стремились. Этот тактический прием мог иметь двоякую цель: держать под обстрелом входы в соседние башни было перспективно и в случае общего отражения внешней опасности, и при межфамильных столкновениях. Для большей безопасности у некоторых боевых башен (Коротх, Пялинг и др.) дверные проемы прикрыты помещениями второго этажа рядом пристроенной жилой башни, так что проникнуть в боевую башню можно было только через жилую.

Будучи ядром обороны поселения, боевые башни неплохо приспособлены для пребывания в них людей во время нападения. Шире всего были распространены боевые башни в пять этажей. Первый этаж в основном предназначался для содержания пленников и хранения припасов в особых каменных мешках-отсеках. Но нередко (сел. Гарах, Эрзи, Цори и др.) этот же этаж использовался для непосредственных боевых целей, поскольку в его стенах имелись бойницы. На втором этаже во время осады располагались хорошо вооруженные защитники, так как здесь был дверной проем. Тут же находилось и имущество осажденных. Третий этаж занимали защитники и их семьи (иногда для них использо-

²⁸ Безсонов С. В. Крепостные сооружения в бассейне Большой Лиахвы.— Изв. Южно-Осет. науч.-исслед. ин-та (далее ЮОНИИ), в. 1. Сталинири, 1933, с. 234; Гольдштейн А. Ф. Планировка и фортификация..., с. 36.

²⁹ Умаров С. Ц. О поселениях и некоторых особенностях социально-экономического развития горной Чечено-Ингушетии эпохи позднего средневековья.— Археолого-этнографический сб., т. 3. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1969, с. 176.

³⁰ Басилов В. Н., Кобычев В. П. Галгай — страна башен.— Сов. этнография, 1971, № 1.

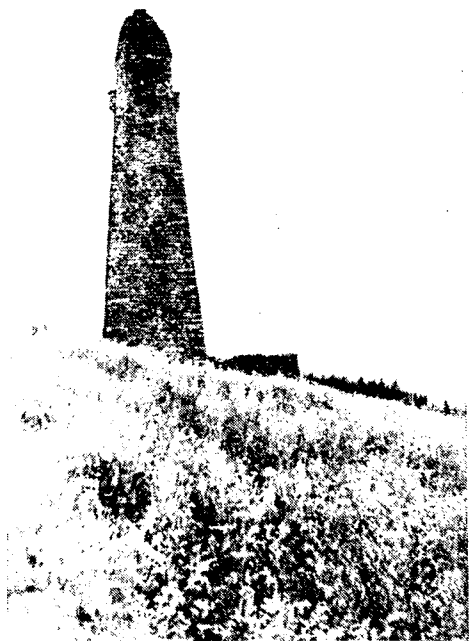

Рис. 5. Боевая башня с пирамидальным венчанием в сел. Гимрой

вался и четвертый этаж). На верхнем этаже располагались воины и наблюдатели³¹. Даже в мирное время наблюдатели постоянно дежурили на верхних площадках боевых башен.

У большинства боевых башен перекрытие над вторым этажом — каменное, в виде ложного свода стрельчатого очертания (рис. 8). Деталь эта давно привлекала внимание исследователей (И. П. Щеблыкин, Л. П. Семенов, А. Ф. Гольдштейн, В. И. Маркович и др.), но до сих пор не получила удовлетворительного объяснения. В последних работах по зодчеству вайнахов каменным сводам над вторым этажом башен отказывается в практическом значении. Это, однако, по нашему мнению, не так. Подобное каменное межэтажное перекрытие, в отличие от деревянного, нельзя было поджечь, если осаждавшие врывались внутрь башни через пролом или подкоп на первом этаже, а защитники за-

пирались наверху. Когда же перекрытие было деревянное, то враг обычно его поджигал, разводя большой костер внутри башни, и принуждал капитулировать находившихся на верхних этажах постройки осажденных. И сейчас в горах существуют места, которые местными жителями именуются как «место, где сожгли башню» или «вершина, на которой сгорела башня» и т. д. В том случае, когда проникшим внутрь осаждающим не удавалось снизу вверх поджечь постройку, они либо измором заставляли осажденных сдаться, либо сваливали башню посредством выбивания угловых камней.

Внутри каждого этажа (довольно часто и первого) в стенах боевой башни имеются бойницы с 1—5 отверстиями, которые почти незаметны снаружи и направлены с уклоном вниз в разные стороны от боевой постройки³². Наши полевые наблюдения подтвердили мнение Е. И. Крупнова, что использовать подобные бойницы для лучного боя невозможно, так как из-за малых внутренних размеров (0,5×0,5 м) «в нишу не втиснется плечо лучника»³³. Известно ведь, что для стрельбы из лука необходимы специальные амбразуры, куда могли бы поместиться стрелки, стоящие на колене и согнувшиеся при стрельбе³⁴, как это можно наблюдать в некоторых башнях Дагестана, Северной Осетии и горной Грузии³⁵. Подобных амбразур в башенных постройках Чечено-Ингушетии пока

³¹ См.: Щеблыкин И. П. Указ. раб., с. 277; Крупнов Е. И. Указ. раб., с. 71.

³² Нилчие в вайнахских башнях бойниц этих конструкций отвергает утверждение П. П. Закарая и А. Ф. Гольдштейна о том, что они совсем отсутствовали здесь. См.: Закарая П. П. Некоторые вопросы крепостных сооружений Шида-Картли XVI—XVIII вв. — Вестник гос. Музея Грузии, т. XIX—А и XXI—В. Тбилиси: Изд-во АН СССР, 1957, с. 230; Гольдштейн А. Ф. Средневековое зодчество..., с. 48—49.

³³ Крупнов Е. И. Указ. раб., с. 75.

³⁴ Выразительную и строго доказательную картину изменения боевых отверстий в европейских замках дал Б. Ратген. См. в кн.: Косточкин В. В. Русское оборонительное зодчество конца XIII — начала XVI веков. М.: Наука, 1967, с. 244.

³⁵ Гольдштейн А. Ф. Средневековое зодчество..., с. 44, рис. 31; Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1968, с. 251; Закарая П. П. Указ. раб., с. 227, рис. 1 и сл.

не отмечено³⁶, так как здесь было принято вести стрельбу из луков с верхней боевой площадки³⁷. А появление в башнях вышеописанных бойниц с небольшими нишами, контролировавших подступы к укреплению со всех сторон или же зачастую направленных на наиболее опасный для нападения участок (и в количественном отношении их здесь больше) и державших под пристальным надзором дверные проемы и верхние боевые площадки близлежащих башен, безусловно, связано с распространением не позднее XVI в. ручного огнестрельного оружия³⁸, что отрицается А. И. Шавхелишвили и В. И. Марковиным³⁹. И сами вайнахи называют эти бойницы—«отверстиями для ружей» (*тоьпан Иуьргиш*). Поэтому мы считаем, что время сооружения башен, где имеются бойницы подобных конструкций, не может быть ранее конца XVI—начала XVII в. В соседних же районах Грузии и Северной Осетии появление огнестрельного оружия оказало влияние на башенное строительство уже с начала XVI в.⁴⁰

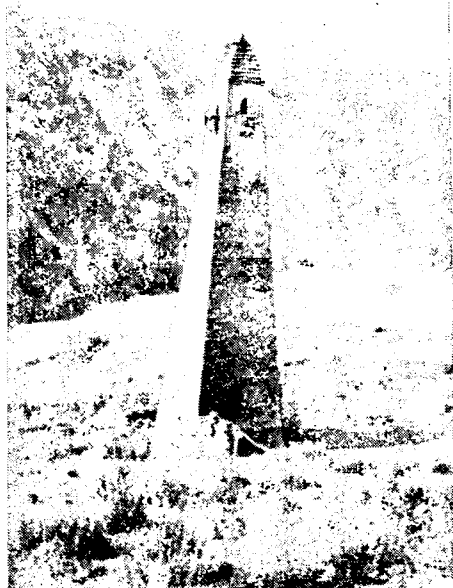

Рис. 6. Боевая башня в поселке Ний

Наряду с бойницами в стенах башен часто фиксируются и специальные глухие ниши для хранения боеприпасов.

Боевые башни часто воздвигались так, чтобы подступы к ним были закрыты различными жилыми постройками. Штурмующим необходимо было пробиться сквозь лабиринт узких улочек и проходов между башнями, стенами, где зачастую вооруженным воинам невозможно разминуться. Именно узкие улочки в башенных поселках давали возможность защитникам быстро создавать завалы, препятствия против нападающего врага. Здесь несколько воинов могли сдерживать крупные наступающие силы противника.

В башенных поселках края нередко можно видеть распространение эшелонированной системы оборонительных сооружений на наиболее опасных участках. Оборона поселков была рассчитана в первую очередь на то, чтобы не допустить врагов во внутрь пространства, окруженного

³⁶ Возможно, что амбразуры, предназначенные для ведения лучного боя, были известны здесь ранее до распространения в крае огнестрельного оружия.

³⁷ См. подробнее: *Гольдштейн А. Ф. Средневековое...*, с. 48.

³⁸ См.: *Крупнов Е. И. Указ. раб.*, с. 75; *Виноградов В. Б. О некоторых критериях датировки...*, с. 67. В начале XVII в. русские послы, направлявшиеся в Грузию через район Дарьяла, столкнулись с применением «у горских и туских (т. е. тушин.— *Авт.*) людей» пищалей и «вогненного боя». (См.: *Полиевктов М. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений 1615—1640 г. Тбилиси, 1937*, с. 254; *Кушева Е. Н. Указ. раб.*, с. 65.) В вайнахском фольклоре четко фиксируются сюжеты о появлении образцов огнестрельного оружия (ружей) в эпоху начала строительства боевых башен, которая сегодня определяется специалистами XV—XVI в. (см.: *Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М.: Наука, 1972*, с. 370 и сл.).

³⁹ См.: *Шавхелишвили А. И. Архитектурные памятники и исторические места, связанные с гражданской войной в Чечено-Ингушетии. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1966*, с. 15; *Марковин В. И. В ущельях Аргуна и Фортанги. М.: Наука, 1966*, с. 108; *его же. Памятники зодчества...*, с. 261.

⁴⁰ См.: *Закарая П. П. Крепостные сооружения Картли. Тбилиси: Мецниереба, 1968*, с. 5; *его же. Некоторые вопросы...*, с. 227—234; *Калоев Б. А. Материальная культура и прикладное искусство осетин. М.: Наука, 1973*, с. 18. В Осетии при постройке боевой башни «проем или квадрат верхнего этажа обычно измерялся размахом руки с шомполом с таким расчетом, чтобы человек при военных действиях мог свободно и беспрепятственно заряжать ружье и сражаться с противником» (см.: *Кокиев Г. Боевые башни и заградительные стены горной Осетии. Изв. ЮОНИИ, в. 2. Сталинири, 1935*, с. 219).

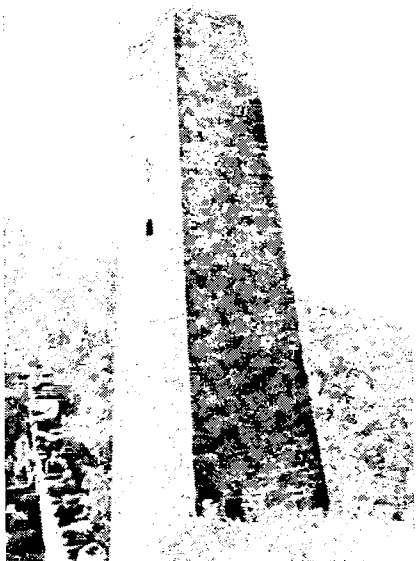

Рис. 7. Плоскостолная боевая башня в сел. Евлой

оборонительными постройками. Так, например, вход в сел. Эрзи с менее защищенной северной стороны контролировался тремя боевыми башнями. В восточной же части села, где была вероятность нападения врага, располагалась высокая и длинная каменная заградительная стена⁴¹, к которой примыкали три боевые башни.

При нападении противника защитники селения отнюдь не все стремились сконцентрироваться только в боевой башне. Они оборонялись, используя фортификационную систему всей крепости, включавшую и жилые башни, и оборонительную стену и рельеф местности. Боевая башня — это преимущественно опорный пункт обороны⁴². Между башенными сооружениями устраивались перекидные деревянные мостки, по которым защитники могли совершать маневр, перебегая из одной башни в другую⁴³.

Продолжительность обороны зависела от того, насколько осажденные могли подготовиться к защите, распределить свои силы, запастись продовольствием и водой. Последнее условие — водоснабжение башен — играло весьма существенную роль в обеспечении успеха обороны.

Многочисленные башенные комплексы края, часто находящиеся на значительной высоте и отличающиеся друг от друга планировкой, обнаруживают характерную общность — возможно близкое расположение к источникам воды. Вопрос снабжения водой башен всегда остро стоял перед заказчиками и строителями. Вполне вероятно, что вначале решался вопрос о способе водоснабжения будущей постройки, а затем только приступали к ее строительству.

Многие башни воздвигнуты на высоких скальных крутых берегах горных рек. Воду обычно доставали ночью, бесшумно опуская в реку на длинной веревке тук чистой овечьей шерсти. Шерсть впитывала в себя много воды, а в башне ее отжимали⁴⁴.

Легче и проще вопрос водоснабжения решался, когда на пригодной для строительства башен площадке находился источник. Тогда первопоселенцы старались построить башню (обычно жилую) таким образом, чтобы выбивающийся из расщелин скал родник находился внутри постройки. Затем, в нижней части постройки, в черте родника, сооруджался овальный каменный отстойник-водохранилище, откуда вода по узкому тоннелю из камня или глины выходила под стенами башни в поселок. Такой источник был, например, в горном ингушском сел. Лежги, в нижних частях жилых башен некогда мощных замков фамилий Хутиевых и Курскиевых, а также в селах Шикарой, Коротх (Чечня). В эпических сказаниях о легендарном ингушском герое — воине Пхагал Бяри особо подчеркивается характерная особенность его башни — наличие внутри ее родника⁴⁵.

⁴¹ Вайнахи в описываемый период широко использовали для оборонительных целей каменные заградительные стены (Цой-Педе, Эрзи, Кезеной и др.). Посредством их закрывался доступ в ущелье, поселок и т. д. Этот вопрос заслуживает в дальнейшем специального изучения.

⁴² Она вмещала при необходимости 25—40 человек, а не 10—12, как это считает А. Ф. Гольдштейн (см.: Гольдштейн А. Ф. Планировка и фортификация..., с. 102).

⁴³ Шеблыкин И. П. Указ. раб., с. 285.

⁴⁴ См.: Умаров С. Ц. О поселениях..., с. 162.

⁴⁵ См.: Далгат У. Б. Указ. раб., с. 323.

Обладая в изобилии запасами воды, владельцы этих, главным образом, замковых комплексов в многобашенных поселках приобретали большие преимущества в условиях межтайповой вражды и набегов внешних врагов. Во время осады их защитники имели возможность в отличие от других постоянно лить на головы штурмующих кипящую воду. Поэтому осада башенных комплексов с внутренними источниками воды была, при наличии достаточного гарнизона, весьма сложным делом.

Жители башенных сооружений, в которых были источники, заботливо за ними ухаживали, возводя различные каменные постройки (Пого, Эрзи, Хули, Гимрой и другие). Особым изяществом отличается подземная каменная постройка в районе водного источника в чеченском сел. Шарой, имевшая арочные своды, как у жилищ аварцев соседнего Дагестана. Владелец источника (обычно это был основатель поселения), порой брал с других жителей поселка определенную мзду за его использование. И сейчас еще некоторые источники в горах сохранили имена своих владельцев⁴⁶.

У вайнахов в позднее средневековье была распространена и другая система водоснабжения — водопровод от источника на соседней более высокой горе. Вода шла по специально проложенным в толще земли (нередко скальной породы) каменным или глиняным желобкам. И ныне остатки водопроводов из керамических труб можно видеть в черте развалин башен в горных селениях Хамхи, Перой, Керисте, Гамха, Дёра, Кешта, Кенхи и других. Враг всеми средствами старался найти и перерезать линию водопровода, после чего осажденные были практически обречены. Например, в сел. Кокадой (горная Чечня) осаждавшие башни сумели взять в плен их защитников только перекрыв воду, поступавшую к ним по подземным каменным желобкам⁴⁷.

Когда же невозможно было воспользоваться ни одним из вышеперечисленных способов водоснабжения, или внезапно иссыхал источник, то вайнахи припасали воду в больших глиняных или медных сосудах, устанавливавшихся в нижней, прохладной части башни. Иногда использовались и специальные водохранилища. Так, на территории замка Дударовых близ сел. Харпе сохранилась оцементированная конусовидная яма для сбора воды, глубиной 1,7 м. Чаще так поступали в тех случаях, когда башенные постройки воздвигались на вершинах обособленных гор.

Почти все способы водоснабжения позднесредневековых башен, известные у вайнахов, можно наблюдать, судя по отрывочным данным, и у соседних осетин и горцев Грузии⁴⁸.

Рис. 8. Полуразрушенная боевая башня с каменным сводом и гуртами в поселке Кошк

⁴⁶ Например, «Кужига хъаст», т. е. «Кужига источник» в горной Ингушетии (см.: Сулейманов А. С. Топонимия Чечено-Ингушетии, ч. 2. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1978, с. 39 и сл.).

⁴⁷ Марковин В. И. Исследование памятников средневековья в высокогорной Чечне. — Краткие сообщ. о докладах и полевых исследованиях Ин-та ист. матер. культуры. Л.: Изд-во АН СССР, 1962, № 90, с. 50.

⁴⁸ Закарая П. П. Некоторые вопросы..., с. 209—211; Робакидзе А. И., Гегечкопи Г. Г. Формы жилища и структура поселения горной Осетии. — КЭС, т. 5, в. 1. Тбилиси: Мецниереба, 1975.

Итоги нашего исследования, безусловно, не исчерпывают поставленной проблемы и не решают ее равно убедительно в различных аспектах. Однако трудно отрицать, что поднятая тема заслуживает пристального внимания специалистов.

С. С. Агаширинова

ТРАДИЦИЯ КЕРАМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА У ЛЕЗГИН ДАГЕСТАНА (По материалам с. Кахуль)

Дагестан широко известен своими самобытными и высокохудожественными народными промыслами, корни которых уходят в далекое прошлое — в эпоху неолита¹. Многие дагестанские промыслы успешно развиваются и в наши дни, а некоторые из них, например кубачинское ювелирное производство, славятся не только в СССР, но и далеко за его пределами. Судьба других народных промыслов сложилась иначе. Они почти утрачены, их традиции сохранились в памяти лишь отдельных лиц старшего поколения. Между тем народные промыслы — важный пласт культуры этноса, отражающий его художественные вкусы, представления и верования, особенности быта и т. п. Поэтому задача этнографической науки вовремя зафиксировать и изучить исчезающие промыслы. Не каждый из них, видимо, целесообразно развивать в современных условиях, но все они заслуживают детального исследования.

Настоящая статья посвящена своеобразному, архаичному по технике промыслу лепной керамики, бытовавшему до недавнего времени у лезгин с. Кахуль. Промысел этот был распространен и в рутульских селениях Шиназ, Лучек, Рутул. У рутульцев «лепка горшков, — писал Л. И. Лавров, — производилась всегда без помощи гончарного круга, а обжигались они на костре. Если к сказанному добавить, что весь процесс изготовления горшков выполняли исключительно женщины, то можно без натяжки сказать, что рутульцы до наших дней донесли неолитическую технику гончарного производства»². Аналогичное керамическое производство встречалось также в некоторых даргинских селах Дагестана³.

Кахуль — высокогорное селение Ахтынского района Дагестанской АССР, расположенное в зоне альпийских лугов, в ущелье Умаждер на склоне горы Гюне-даг. Судя по сохранившимся в Кахуле куфическим надписям, село это существовало еще в раннее средневековье⁴.

Кроме лезгин — уроженцев с. Кахуль, здесь жили лезгинки, прибывшие в свое время из с. Ветихар (ныне Курахский район) и рутульского с. Лакунар. До переселения части кахульцев на равнину⁵ в селе было шесть тухумов⁶: Цулар, Махмудар (по преданию, их предки были грузинами), Мирзаяр, Абдияр, Твакбаяр, Мердалияр. Каждый тухум за-

¹ История Дагестана, т. I. М.: Наука, 1967, с. 38.

² См. Лавров Л. И. Рутульцы в прошлом и настоящем. — Кавказский этнографический сборник, III. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 131.

³ Кильчевская Э. В., Иванов А. С. Художественные промыслы Дагестана. М.: Всесоюзное кооперативное изд-во, 1959, с. 22.

⁴ Арабские надписи почерком куфи известны на Кавказе до XIII в.

⁵ В 1964—1965 г. 45 хозяйств кахульцев переселились на равнину в с. Гильяр Магарамкентского района Дагестанской АССР; 25 хозяйств — в Варташенский район и 20 хозяйств в города Кубу, Хачмас и Сумгаит Азербайджанской ССР. Около 10 хозяйств кахульцев в настоящее время живут также в городах Дагестанской АССР (Махачкала, Дербент, Изберг), 5 хозяйств — в с. Зрых, которое расположено в 4 км от старого с. Кухаль.

⁶ Словом тухум в Дагестане обозначалась родственная или территориальная группа.

нимал отдельный квартал (мяггле), носивший то же название, что и тухум, например: Цуар мяггле — квартал тухума Цуар, Махмудрин мяггле — квартал тухума Махмудар и т. д. Переселенцы из с. Лакунар первоначально составляли отдельный тухум и жили в своем квартале, но постепенно слились с местными тухумами. Каждый тухум в селении имел квартальную площадь, куда мужчины данного тухума собирались на совещания, где они отдыхали, проводили свободное время. У тухумов были свои кладбища, мельницы, а в селении и свои источники, называвшиеся по имени тухума.

Основными отраслями хозяйства кахульцев в прошлом были земледелие и скотоводство. Наличие пастбищных и покосных территорий близ села и обширные альпийские луга давали возможность жителям разводить в большом количестве крупный и мелкий рогатый скот. В начале XX в. почти в каждом хозяйстве с. Кахуль было много голов овец и крупного рогатого скота. Некоторые состоятельные хозяйства даже нанимали чабанов и пастухов — отходников из рутульских селений. Несмотря на трудности ведения земледелия в высокогорных условиях, кахульцы выращивали пшеницу, рожь, ячмень, просо, горох, используя для этого каждый сколько-нибудь пригодный клочок земли, возводя на горных склонах искусственные террасы. Они полностью обеспечивали себя продуктами земледелия. Значительна была также роль промыслов — обработка шкур, производство керамических изделий.

Рис. 1. *Квар* — маслобойка

Рис. 2. *КычI* — сосуд для варки пищи; *каслан* — кувшин для ношения воды

В 1979—1981 гг. мы побывали у переселенцев-кахульцев в городах Махачкала и Дербент, а также в селениях Зрых и Кахуль. Нам удалось найти мастериц, владеющих секретом изготовления керамики жгутовым способом. Общение с ними позволило автору воссоздать процесс производства кахульской керамики.

Начинался он с различных подготовительных работ. Мастерицы доставляли к месту формовки керамики глину, щебень, производили необходимую обработку сырья. Обычно использовалась специальная глина *хьмур*, запасы которой находились недалеко от села в гористой местности Хьмур-дагъ. Эта светло-коричневая глина отличалась хорошими пластическими свойствами. Копали ее в нескольких местах широкими ло-

Рис. 3. Чапак — сосуд для доения молока

патами (*лапаткаяр*) или большими самодельными ножами (*кантIар*). Затем глину складывали в мешки (*тапракар*, *чувалар*, *хурджунар*) самодельного производства и перевозили домой на лошадях или ослах. Иногда женщины сами переносили мешки с глиной; нередко доставлять ее им помогали мужчины и молодежь.

Дома глину ссыпали под навес, сушили в течение 5—6 дней, а затем готовили к замачиванию. Для этого ее измельчали плоским камнем (*харт*, *цубнуь*), одновременно очищая от камешков и различного мусора. Если глина предназначалась только для формовки посуды (глину могли использовать и для изготовления печей), ее просеивали через специальное сито (*саф*) с крупными отверстиями (диаметром в 0,5 см), сделанное из козьей шкуры.

Щебень (*шим*) также привозили из расположенной недалеко от села местности Хъан. Считалось, что именно этот щебень (*хъан шим*) — сравнительно мелкий, крепкий, темно-голубого цвета нужен для изготовления посуды. Щебень перебирали, измельчали и просеивали через саф. После этих подготовительных работ глину замачивали. Если требовалось большое количество глины, ее замачивали в соответствующего размера яме (*фур*), предварительно тщательно очищенной. В последующие дни глину снова заливали водой. Чтобы глина получилась нужной консистенции, она должна была «мокнуть» трое-четыре суток. Иногда глину замачивали в больших корытах (*хвах*) или в больших медных кастрюлях (*къачгъан*).

Следующая не менее ответственная операция — «топтанье» (*тишу-нун*) глины. Женщины, а иногда и подростки босыми ногами топтали глину, одновременно очищая ее от мусора. В результате этого глина становилась тягучей, как тесто. На определенной стадии топтания глины в нее добавляли щебень хъан шим (из расчета 1 часть щебня — 5 частей глины), а при надобности и воду⁷, если глина оказывалась чрезмерно густой.

Из обработанной таким способом глины надо было сразу формировать изделия. Рабочее место мастерица готовила заранее: выбирала небольшую ровную площадку, подметала ее, подвозила необходимое количество плоских камней разных размеров для посуды различных емкостей, а также соответствующую доску для раскатывания жгутов, золу и сильно измельченный щебень. В отдельной посуде была приготовлена жидкая глина для заглаживания поверхности сосудов. Удобно усевшись на земле на свернутом в несколько раз паласе или на специально предназначенной для этого подушке (*налча*), мастерица брала нужного размера камень и приступала к работе.

⁷ Если глина предназначалась для изготовления традиционных печей *хъар* (в них местные жители выпекали хлеб), то в нее кроме щебня добавляли козью шерсть (*цегьре чIарар*), соблюдая необходимые пропорции: 100 кг глины, 10 кг щебня, 3 кг козьей шерсти. Такое соотношение глины, щебня и козьей шерсти делало печи прочными. Например, печь *хъар* служила в течение 8—10 и более лет.

Формовка сосуда начиналась с дна. От всей массы глины мастерица отделяла часть, необходимую для изготовления сосуда того или иного объема, и, размяв ее между ладонями, клала на предварительно посыпанный золой или измельченным щебнем плоский камень-подставку. Затем ударами тыльной стороны ладони, сжатой в кулак, мастерица слегка уплощивала ком, пока он не принимал форму плоского дна. Далее она тремя пальцами (большим, указательным и средним) обеих рук как бы расплющивала края дна и превращала их в основание стенок сосуда. Сами стенки делались из глиняных жгутиков. С этой целью она брала ком глины и на предварительно обсыпанной золой доске ладонями раскатывала его, чтобы получился жгут диаметром в 4—5 см, длиной около 35—40 см. Потом мастерица прикрепляла жгут к основанию стенок сосуда, одновременно уплотняя их. В процессе работы мастерица придавала сосуду желаемую форму, подравнивала толщину стенок и производила заглаживание — *цлалцламарун*. Смочив руки водой, она сначала заглаживала жгуты, а затем и весь сосуд, но уже глиняным раствором.

Когда сосуд был подготовлен для обжига, к нему приделывали ручки — две или одну в зависимости от назначения сосуда. Формы ручек были нескольких разновидностей: валиковые, круглые в сечении; ленточные; псевдоручки в виде небольшого, сжатого с боков вертикального выступа, и др.

В большинстве случаев кахульские керамические изделия не ornamentировались. Иногда после заглаживания мастерица прямо по сырой глине щепкой, веткой или острым краем плоского камня наносила штрихи (*нахыш*) в виде зигзагов, елочек, полосок, горизонтальных и ломаных линий и т. п.

Обычно изготовлялось несколько сосудов разных емкостей и размеров, пока не заканчивалась вся подготовленная глина.

Сушке сосудов придавалось большое значение. Не полагалось сушить под прямыми лучами солнца, ибо от этого изделия могли потрескаться. Их следовало сушить в тени в течение нескольких дней, а иногда и недель (в зависимости от погодных условий). Если сосуды недостаточно высыхали, они во время последующего обжига могли потрескаться.

Обжигали изделия прямо на земле без каких-либо специальных приспособлений. Топливом служил кизяк (*кунI*, *капай*), приготовленный из навоза с добавлением небольшого количества соломы (*самар*). Четырехугольные плитки кизяка — *кунI* (длина сторон 22—24×35—40 см, толщина 10—12 см) делали с помощью специальной деревянной формы (*купад кьулар*), а круглые — *капай* (диаметром в 6—7 см) формовали вручную. Кизяк *купI* особенно ценился при обжиге посуды, потому что горел медленно и долго. При обжиге соблюдался определенный порядок укладки кизяка и сосудов. Сначала на землю клали один слой кизяка (величина площади, занятой им, зависела от количества изделий, предназначенных для обжига). На него помещали посуду так, чтобы она и кизяк располагались как бы в шахматном порядке. Поверх посуды снова клали слой кизяка, затем опять посуду и т. д. Таким образом получалось 4—5 слоев, из которых верхние были меньшего размера, чем нижние. Эта своеобразная пирамида из кизяка и гончарных изделий на-

Рис. 4. *Гечин* — сосуд для различных емкостей; *чиб* — сосуд типа кружки для воды

Рис. 5. *Кыч* — сосуд для варки пищи

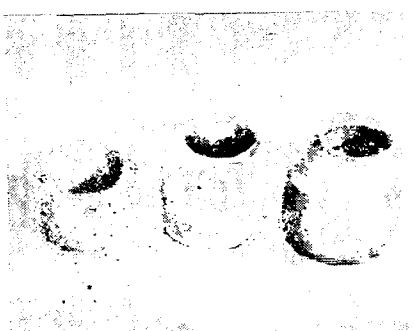

Рис. 6. *Кычлер* — сосуды для варки пищи

зывалась *куьм* (не переводится). Сооружали ее только опытные женщины, а остальные им помогали.

Затем *куьм* поджигали в трех-четырех местах по краю основы. *Куьм* разгорался сравнительно быстро, поскольку при сооружении его женщины, видимо, соблюдали необходимые условия тяги. Огонь держался почти сутки, если его не гасили. По истечении одного дня лепные гончарные сосуды считались готовыми к использованию. Они приобретали нужный цвет. Готовность обжигаемых изделий определяли опытные женщины. Нам говорили, что при хорошем огне обжиг производился в течение 5—7 часов. Многие мастерицы по истечении этого времени бросали на огонь землю, мелкий сор, чтобы он постепенно гас, другие оставляли изделия на медленном огне иногда до суток. Очень важно было правильно провести обжиг. Если сосуды были недостаточно обожжены, они шелушились, оказывались недоброкачественными.

Несмотря на то, что процесс изготовления керамической посуды был несложным, он все же требовал от гончара определенной квалификации, опыта и профессиональных навыков. В конце XIX в. в каждом тухуме с. Кахуль имелись две-три мастерицы по производству керамики. Часто формовку посуды осуществляло своеобразное товарищество *уртах куьм*, в которое входили мастерицы и еще 10—20 женщин (все из одного тухума). Подготовительные работы (подвоз глины и щебня, складывание топлива для обжига) осуществлялись совместно, причем каждая из участниц вносила свою долю топлива. Главная обязанность мастериц — руководить этой работой женщин, следить, чтобы все делалось правильно. Непосредственную лепку посуды, особенно кувшинов больших емкостей, осуществляли сами мастерицы. Остальные женщины им помогали: подвозили глину, золу, камни, относили на сушку готовые сосуды и т. п. Зачастую мастериц даже освобождали от внесения доли топлива для обжига. Полученную продукцию делили поровну.

В 1920—1930-х годах тухумно-квартальный принцип «товариществ» стал нарушаться, предпочтение отдавалось территориально-соседскому принципу, т. е. в такое производственное объединение входили 10—15 женщин из разных тухумов села.

Ассортимент гончарных изделий, изготавливавшихся кахульцами в конце XIX — начале XX в., был весьма разнообразен. Это: *кварар печер* — кувшины больших объемов и размеров для изготовления масла (маслобойки), для хранения зерна и различных продуктов (сыра, масла, сыворотки, творога и т. д.); *кечинар* — крупные кувшины с широким горлом, плавно переходящим в яйцевидное тулово, и сравнительно узким дном, употреблявшиеся в хозяйстве для разных нужд; *касланар* — различные кувшины для ношения воды; *чапакар* — горшки с отогнутым венчиком, иногда с ручками, круглыми в сечении, а также горшки приземистой формы с не очень широким туловом и горловиной (использовались главным образом при доении коров); *кычлер* — различные сосуды для варки пищи, с широкими горловинами и слегка отогнутыми венчиками; *суьзекар* — большие миски с дырочками типа дуршлага;

Рис. 7. *Пехвер* — сосуды для кефира, молока, сыворотки и т. п.

Рис. 8. *Циб* — сосуд для питья воды; *каслан* — кувшинчик для воды, используемый во время полевых работ

палан кешер — миски малых размеров типа дуршлагов; *курар* — тарелки различных емкостей и форм для пищи; *пехвер* — миниатюрные горшочки различных емкостей со слегка уплощенным, округлым либо плоским и широким донцем и т. п., предназначавшиеся для молока, творога, простокваши, сыворотки и пр. (их крестьяне брали в поле на работу); *яд хъвар цибер* — маленькие сосуды для питья воды, молока и т. д.; *гетяр* — небольшие кувшины для хранения масла, меда, сливок и других продуктов; *гечинар* — небольшие кувшинчики для питьевой воды (использовались в полевых условиях во время летних сельскохозяйственных работ); *чуквар* — специальные горшки для закваски и варки традиционного напитка *таач*; *кьичл, тлехвер* — горшки разной величины для закваски молока.

Во второй половине XIX — начале XX в. лепную посуду производили как для собственных нужд, так и на продажу. Кахульские гончарные изделия продавались жителям и соседних (Зрых, Хлют, Ялак, Хрюк, Кака, Ахты и др.), и дальних сел Самурского округа. Погрузив посуду на ослов или лошадей, кахульцы отправлялись на ахтынские и рутульские базары. Продажей изделий занимались не только мастерицы-женщины, но и мужчины. Посуду продавали за деньги или меняли на фрукты, коноплю, картофель и т. п.⁸

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. керамическая посуда использовалась и в быту кахульцев, а также находила сбыт на внешнем рынке, ограниченном, правда, лишь ближайшими дагестанскими селениями. Продажа происходила без посредника-купца. Начиная с XX в. производство керамической посуды в Кахуле резко сократилось. Это было связано в первую очередь с характерным для всего Кавказа проникновением в быт местного населения фабричной посуды, привозившейся в больших количествах из России. Однако и в 1920–1930-е годы традиция производства лепной керамической посуды сохранялась. В эти годы работали известные мастерицы по изготовлению лепной керамики: Мехри-къари⁹, Тама-къари, Айшат-къари, Меризат-къари, Фетма-къари, Гульбажи-къари, Наврат-къари, Явру-хатун, Магьи, Углан и многие другие. Изделия каждой из этих мастериц имели свое клеймо.

В настоящее время кахульская керамическая утварь порой еще встречается в горных селах Ахтынского и Рутульского районов¹⁰. В какой-то мере она даже используется горцами в их повседневной жизни. Но бытуют только старые, сделанные ранее предметы, тогда как про-

⁸ Кильчевская Э. В., Иванов А. С. Указ. раб., с. 22.

⁹ *Къари* — дословно «пожилая», «старая». Это слово добавляли к имени женщины, что означало: весьма уважаемая и почитаемая женщина селения.

¹⁰ Образцы лепной керамической посуды хранятся в Ахтынском районном краеведческом музее.

цесс изготовления новой лепной посуды в основном утрачен, чему немало способствовало переселение кахульцев на равнину, во многом нарушившее их привычный уклад. И все-таки память народа сохраняет забытые традиции, что и позволяет нам реконструировать один из архаических способов изготовления керамической посуды.

Кхонг Зиен

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА ВЬЕТНАМ: ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ И РАЗМЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

В Социалистической Республике Вьетнам проживает, по данным 1982 г., около 56,2 млн. человек. Средняя плотность населения — 170 человек на 1 км², однако в дельтах рек и на приморских равнинах она намного выше (в дельте р. Хонгха — более 1200, в дельте р. Меконг — 500 человек на 1 км²), а в горных районах значительно ниже (в провинции Лайтяу на Севере страны — 15, в провинции Зялай-Конгтум на Юге — 25 человек).

Этнический состав населения Вьетнама весьма сложен. Здесь живут 54 народа¹, принадлежащие к трем крупным языковым семьям: австроазиатской, китайско-тибетской и австронезийской.

I. Австроазиатская семья (54,4 млн. человек) включает четыре этнолингвистические группы: вьет-мыонгскую, мон-кхмерскую, мео-зао и тайскую.

А. Вьет-мыонгская группа.

В эту самую многочисленную группу (50 726 тыс. человек) входят вьеты, мыонги, тхо и тит.

1. Вьет (viêt) составляют свыше 88% населения (50 млн. человек) страны и практически живут во всех ее провинциях². Особенно плотно они заселяют дельты рек и побережье Южно-Китайского (Восточного) моря. В ряде провинций (Тхайбинь, Хайхынг, Ханамнинь, Лонган, Донгтахп, Тьензянг, Бенче, на равнинах Бакбо и Намбо) вьеты составляют свыше 99% населения. В высокогорных провинциях доля их резко понижается. Например, в населении провинций Каобанг, Лангшон, Лайтяу, Шонла, Хатуен, Хоангльеншон, Зялай-Конгтум она менее 50%.

Этноним вьет восходит к I тысячелетию до н. э. Соседние народы называют вьетов кинь (тайск. «столичный, городской»). В настоящее время во Вьетнаме обычно используют в официальных документах название кинь, а в научных публикациях — вьет.

2. Мыонг (m'ô'ng) среди национальных меньшинств СРВ занимают по численности пятое место (после хоа, тай, тхай и кхмеров). Их насчитывается 700 тыс. человек.

Термин мыонг тайский, он означает «район», «область». Сами мыонги называют себя мол, муал, мон — «человек». Кроме того, этот народ известен еще под именем мой³. В настоящее время мыонг компактно населяют шесть северных провинций: Хашонбинь (43%), Тханьхоа, Виньфу, Хоангльеншон, Шонла и Ханамнинь. Незначительное число их (около 6 тыс.) живет в провинциях Юга — Дарлак, Донгнай.

¹ Этнический состав Вьетнама.— Этнография, 1979, № 1, таблица (на вьет. яз.).

² В состав вьетов входит также этнографическая группа *нгуон*, обитающая в уезде Туенхоа провинции Биньчитхьен. Она мигрировала сюда из провинций Нгетинь и Тханьхоа в XV и XVI вв. См.: *Нгуен Зьонг Бинь*. Об этнографической группе «нгуон». — В кн.: Определение этнического состава малых народов на Севере Вьетнама. Ханой, 1975, с. 472 (на вьет. яз.); *Фам Дык Зьонг*. О языковых связях народов вьет-мыонгской группы на Западе провинции Куангбинь. — Там же, с. 500.

³ Так мыонгов называют тхай.

Тхо (t h ô') близки народом вьет и мыонг по языку, материальной и духовной культуре. Численность тхо — 24 тыс. чел. В их состав входит несколько этнографических групп: *кео, мон, куой, хо* (уезды Нгиадан, Танки, Куихоп, Конкуонг), *данлай, лиха, тайпоонг* (уезд Тыонгзыонг) провинции Нгетинь. Раньше группы данлай и лиха называли *няланг* и *мыонг*. После Августовской революции 1945 г. группы кео, мон, куой и хо получили название тхо, но группы данлай и лиха сохранились как самостоятельные. В процессе работы по определению этнического состава народов Северного Вьетнама (1973 г.) была достигнута договоренность называть все эти группы тхо.

4. Тит (с h u' t) — это общее название этнографических групп *шат, маи, рук, арем, мальенг*. Численность тит — 2 тыс. человек. Они живут в уездах Туенхоа (1700 человек), Бочать (150 человек) провинции Биньчитхьен и в уезде Хыонгшон (150 человек) провинции Нгетинь. Термин тит, как считают многие представители этого народа, означает «люди, живущие в горах». Есть у тит и другие названия: *туванг, паленг, соланг, таккуй, салаванг*⁴. До недавнего времени тит занимались главным образом собирательством и охотой.

Б. Мон-кхмерская группа.

Более 20 народов Вьетнама, составляющие около 2,5% его населения, говорят на мон-кхмерских языках. Они заселяют обширную территорию по границе Вьетнама, Лаоса и Кампучии, от провинции Лайтяу на Севере до Кьензянг на Юге.

5. Кхмеры, или равнинные кхмеры (k h o' m e), среди национальных меньшинств Вьетнама по численности (717 тыс. человек), занимают четвертое место. Однако вопрос о численности кхмеров весьма сложен и нуждается в уточнении, ибо до сих пор отдельные группы называют себя то кхмерами, то вьетами, т. е. имеют переходное этническое самосознание. В СРВ кхмеры сосредоточены главным образом в пяти провинциях долины р. Меконг: Хаузянг, Кыулонг, Кьензянг, Анзянг, Миньхай. Кроме того, они живут в г. Хошимине и в провинциях Шонгбе, Тэининь, Донгтхап, Лонган, Тьензянг, Бенче.

6. Банар (b a n a) по численности (109 тыс. человек) занимают третье место среди народов плато Тэингуен (после зарай и эдэ). Банар — это общее название этнографических групп, живущих в провинциях Зялай-Контум, Нгиабинь и Фукхань. Одна из групп — *ронгао* сформировалась, как показывают полевые исследования, в результате смешанных браков между банар и седанг. Раньше ронгао называли себя и банар, и седанг, но теперь эта группа известна как банар.

7. Седанг (x ê d â n g) живут в северных районах плато Тэингуен, в провинциях Зялай-Контум (большая часть), Куангнам-Дананг и Нгиабинь. Их насчитывается 73 тыс. человек. Входящая в состав седанг этнографическая группа *халанг* раньше считалась самостоятельным народом⁵.

8. Кохо (k o' h o) расселены в провинциях Ламдонг, Тхуанхай и Фукхань. Численность их — 70 тыс. человек. Основные этнографические группы кохо: *тринг, кзон, ноп, лат, чил*⁶ и *срэ (лажа, тулов)*.

9. Хрэ (h r ê) живут преимущественно в западной части провинции Нгиабинь (уезды Шонха, Бато, Миньлонг) и около 500 человек — в провинции Зялай-Контум. Всего хрэ в СРВ насчитывается 66,8 тыс. человек. Кроме этнонима хрэ используются названия *рэ, крэ, талэ*, (люди, живущие на берегах реки Рэ); *лю* (живущие в скалистом районе).

10. Мнонг (m n ô n g) расселены в трех провинциях: Дарлак

⁴ *Салаванг* — название многих народов, живущих на границе Вьетнама и Лаоса и еще не перешедших к оседлости.

⁵ Этнический состав малых народов Юга Вьетнама. — Этнография, 1974, № 1 (на вьет. яз.); *Нгуен Ван Зуй, До Тхи Бинь, Ла Конг И.* Об этнографической группе халанг. — Этнография, 1977, № 3.

⁶ *Чил* — этнографическая группа народа мнонг; часть ее переселилась на Юг и живет смешанно с кохо.

(40 тыс. человек), Ламдонг и Шонгбе. Численность мнонг во Вьетнаме — 46 тыс. Они живут также в Кампучии (12 тыс. человек).

11. Стиенг (xtiêng) сосредоточены главным образом в провинции Шонгбе. Небольшая часть их живет на западе провинции Ламдонг и на северо-западе провинции Донгнай. Численность стиенг — 40,7 тыс. человек. В Кампучии вдоль границы с Вьетнамом обитают еще около 30 тыс. стиенг.

12. Бру (bru) живут в провинции Биньчитхьен (уезды Туенхоа, Бочать, Хыонгхоа, Летхюи, Камло, Алюй). Их насчитывается 33 тыс. человек. Часть бру в 1974 г. переселилась из Куангчи (провинция Биньчитхьен) в провинцию Дарлак⁷.

13. Кту, или кату (so'tu), в настоящее время обитают в горных уездах Хьен и Занг провинции Куангнам-Дананг, а также в уездах Фулок и Алюй провинции Биньчитхьен. Численность их — 26 тыс. человек. Кту раньше именовались кхату, то, фыонг, као, ха и др.

14. Зеченг (gie' triêng) подразделяются на четыре этнографические группы: *зе* (около 13 тыс. человек) живут в провинции Зялай-Контум, *ве* (1 тыс.) расселены в уезде Бензянг провинции Куангнам-Дананг, *ченг*, или *тръенг*, *тальонг* (3 тыс.), — на севере провинции Зялай-Контум и юго-западе провинции Куангнам-Дананг и *банонг*, или *панонг* (около 7 тыс. человек), — в западной части провинции Куангнам-Дананг.

15. Таой (tā ôi) живут компактно в уездах Хыонгхоа и Алюй провинции Биньчитхьен. Численность таой — 20 тыс. человек. В состав таой входят три этнографические группы: *таой* (на границе Вьетнама и Лаоса), *пако*, или *пахко* (люди, живущие в высокогорных районах) и *пахи*.

16. Кхму (k'ho' m'u') расселены дисперсно в нескольких провинциях на границе Вьетнама и Лаоса, в уездах Дьенбьен, Туанзяо (провинция Лайтяу), Шонгма, Тхуантяу, Мыонгла, Майшон, Моктяу (провинция Шонла), Куанхоа (провинция Тханьхоа), Тьонгзыонг, Кишон (провинция Нгетинь). Численность кхму — 32,5 тыс. человек.

17. Кханг (kháng) живут смешанно с тхай в уездах Фонтго, Мыонглай, Мыонгте, Туанзяо (провинция Лайтяу) и Тхуантяу, Куиньнай, Мыонгла (провинция Шонла). Их насчитывается 2 тыс. человек. В состав кханг входят две группы: *мокханг* (*кханг занг*, *кханг хоак*, *кханг зон*, *кханг суа*) и *ханг* (*маханг бенг*, *буханг кой*).

18. Ма (ma) расселены относительно компактно в провинциях Ламдонг и Донгнай на Юге Вьетнама. Численность ма — 20 тыс. человек. Этот народ называют еще тяума, манган, масоп, мато, макрунг, мавят, мабизанг, торланг, рмен.

19. Кор (сог) насчитывается 16,8 тыс. человек. Они живут в уезде Чабонг провинции Нгиабинь (14,1 тыс.) и в уезде Чами провинции Куангнам-Дананг. Раньше этот народ называли еще куа, кол, чау.

20. Синьмун (sinh mun) расселены на границе Вьетнама и Лаоса в провинциях Шонла (8 тыс. человек) и Лайтяу. В состав синьмун входят этнографические группы *синьмуна* и *синьмунгет*. В прошлом соседние народы называли синьмун са, сапуок. Численность синьмун — 9 тыс. человек.

21. Тёро (cho'go) или тьяуро, зро, чро сосредоточены главным образом в провинции Донгнай. По языку и культуре тёро очень близки ма и вьетам; можно сказать, что тёро занимают промежуточное положение между этими народами. Насчитывается тёро 7 тыс. человек.

22. Манг (mǎng) живут в уездах Мыонгте, Шиньхо и Мыонглай провинции Лайтяу. В их состав входят две этнографические группы: *манглэ*, обитающие в горных долинах, и *мангы*, живущие на склонах гор. Численность манг — 2,5 тыс. человек.

⁷ Кхонг Зиен, Нго Винь Бинь, Фам Куанг Хоан. Расселение народов в западной части провинции Биньчитхьен. — Этнография, 1977, № 1 (на вьет. яз.).

23. Брау, брао (b'o'g'âu) насчитывается 0,1 тыс. человек. Они живут смешанно с седанг в провинции Зялай-Контум.

24. Р м а м (r'o'm'ă'm) живут смешанно с седанг в уезде Дакто провинции Зялай-Контум. По языку они близки халанг (группа седанг). Численность рмам — 0,1 тыс. человек. Большая часть рмам обитает в Лаосе.

25. О д у (o'đu) насчитывается 0,1 тыс. человек. Они расселены вместе с тхай и кхму в провинции Нгетинь. В Лаосе оду известны под названием т а й ф о н г.

В. Группа мео-зао.

На языках этой группы говорят 1,5% населения СРВ. В группу мео-зао входят три народа: хмонг (мео), зао (яо) и патхен.

26. Хмонг (h'mông) включают этнографические группы *меоден* («черные»), *меочанг* («белые»), *меосань* («синие»), *меохоа* («цветные») и *намео* («вода»). Основная масса хмонг мигрировала во Вьетнам в XVIII—XIX вв. из Южного Китая. Они обитают на севере и северо-западе Вьетнама в провинциях Хатуен, Хоангльеншон, Лайтяу, Шонла, Каобанг, Лангшон, Нгетинь и др. Численность хмонг — 411 тыс. человек.

27. Зао (d'ao) поселились во Вьетнаме в XIII в. Численность их — 346 тыс. человек. Самоназвание народа — киммун (киммьен). Зао имеют и другие названия: ман, донг, чай, са, зуймьен, заодо, тхань. Наиболее компактно зао расселены в провинциях Хатуен (80 тыс.), Хоангльеншон (70 тыс.); значительное число их живет в провинциях Каобанг, Лангшон, Бактхай, Лайтяу, Шонла и др.

28. Патхен (p'ă the' n) — 2 тыс. человек; они сосредоточены в уездах Тьемхоа, Йеншон, Баккуанг провинции Хатуен и называют себя л а х ы н г. Теперь в состав патхен входят т х ю.

Г. Тайская группа.

Наиболее крупные из национальных меньшинств Вьетнама говорят на тайских языках (2385 тыс. человек). Эта языковая группа включает 8 народов: тай, тхай, нунг, сантяй, зняй, лао, лы и бои.

29. Т а й (t'ău) по численности (901,8 тыс. человек) занимают второе место среди национальных меньшинств Вьетнама. Другие названия этого народа: т х о, н г а н, фен, т х у л а о и п а з и. Тай заселяют территорию на Севере и северо-востоке Вьетнама от провинции Хоангльеншон до провинции Куангнинь. В двух провинциях — Каобанг и Лангшон — они составляют 37% населения. Живут тай также в провинциях Хатуен, Бактхай, Хоангльеншон и небольшие группы на Юге — в провинциях Донгнай и Тхуанхай.

30. Т х а й (th'ái) насчитывается 766,7 тыс. человек. В состав тхай входят несколько этнографических групп: *тхай ден*, или *тай дам* («черные тхай»), живут в провинциях Шонла, Хоангльеншон и в уездах Дьенбьен, Туанзяо (провинция Лайтяу); *тай тхань*, *тай мыой*, *тай кхань* — на западе провинций Тханьхоа и Нгетинь; *тхай чанг* или *тай дон*, *тай кхао* («белые тхай») — в провинции Лайтяу и в уездах Куиньняй, Бакйен, Фуйен (провинция Шонла). В уезде Дабак (провинция Хашонбинь) группа называется *тай дон* (другое название — *тхо*). В областях Ванбан, Зыонкю (провинция Хоангльеншон) «белые тхай» испытали культурное влияние тай.

31. Нунг (n'ing) населяют компактно две провинции — Каобанг и Лангшон; они обитают также в провинциях Бактхай, Хатуен, Хабак, Хоангльеншон и Куангнинь. Часть нунг сравнительно недавно переселилась в центральные районы, где живут вьеты, сантяй, санзиу, хоа, а другая часть (около 10 тыс. человек) — в провинцию Ламдонг и г. Хошимин. В состав нунг входят многие этнографические группы, которые в одних случаях именуются по особенностям одежды (*нунг кхенлай*, *хуной*, *шлытин*), в других — по названиям местности, откуда они переселились во Вьетнам (*нунг ан*, *нунг ин*, *нунг фан илин*, *нунг тьяо*, *нунг кюрин*, *нунг лой*). Численность нунг во Вьетнаме — 599,7 тыс. человек.

32. С а н т я й (s'ăp ch'ă'y) насчитывается 77 тыс. человек. В состав сантяй входят этнографические группы *каолан* и *санти*. Они живут в про-

винция Хатуен (40%), Бактхай, Куангнинь, Хабак, Каобанг, Лангшон и Виньфу.

33. *Зи ай* (giâ'y) населяют провинцию Хоангльеншон и уезд Йенминь, Донгван (провинция Хатуен), Мьонгте, Фонгтхо (провинция Лайтяу), Баолак (провинция Каобанг). Численность *зи ай* — 28 тыс. человек. В состав *зи ай* входят две этнографические группы: собственно *зи ай* (другие названия: *нянг*, *занг паутхин*) и *пуна* (другие названия: *куитю*, *куитяу*, *мазалан*, *са*).

34. *Ла о* (lâo) сосредоточены главным образом на границе Вьетнама и Лаоса в уездах Денбьен, Фонгтхо (провинция Лайтяу), Шонгма, Тхунуен (провинция Шонла), и в провинциях Тханьхоа, Хоангльеншон. *Ла о* известны и под названиями *лагбок* и *лаоной*. *Ла о* насчитывается 6,7 тыс. человек.

35. *Лы* (lư) живут в уездах Фонгтхо и *Циньхо* провинции Лайтяу. В состав *лы* входят группы *зуон* и *ньуон*. Численность *лы* — 3,9 тыс. человек.

36. *Бо и* (bô'y) насчитывается 1,3 тыс. человек. Они включают две этнографические группы: *бои* — около 600 человек (другие названия: *тунгтя*, *чонгжя*) и *тузи* (*тузин*) — более 0,7 тыс. человек. Они живут в уездах Мьонгкхыонг (провинция Хоангльеншон) и Куанба (провинция Хатуен).

Д. Народы лингвистически и этнически до сих пор не классифицированные — лати, лаха, пупео и кэлао.

Почти все лингвисты и этнографы включают эти народы в австронезийскую языковую семью, однако вопрос о том, к какой именно группе этой семьи они относятся, остается нерешенным.

37. *Лати* (lâ ch'i) живут в уездах Хоангшуфи, Баккуанг, Шиньма провинции Хатуен и Мьонгкхыонг, Бакха провинции Хоангльеншон. Другие названия этого народа: *са*, *лакоа*, *тходен*, *ини*, *ито* и др. Сами себя они называют *кутэ*. Численность *лати* — 6 тыс. человек.

38. *Лаха* (lâ hâ) — 3 тыс. человек. Они живут смешанно с народами *кханг* и *тхай* на правом берегу р. Хонгха (в провинции Хоангльеншон) и в бассейне р. Да (провинция Шонла). В состав *лаха* входят две этнографические группы: *лахаунг* и *лахафлао*.

39. *Пупео* (pưêo) расселены в пограничных с Китаем уездах Донгван, Йенминь, Меовак (провинция Хатуен). Сами себя они называют *кабео*. Кроме того, известны и другие названия: *лакоа*, *пенто*. Численность *пупео* — 264 человека.

40. *Кэлао* (sô'lâo) живут довольно компактно в уездах Донгван (400 человек), Хоангшуфи (300 человек) и разбросанно в уездах Меовак, Йенминь, Куанба (провинция Хатуен). *Кэлао* во Вьетнаме насчитывается 1 тыс. человек. Этнографические группы: *кэлаодо* («красные»), *кэлаочанг* («белые»), *кэлаосань* («синие»).

II. Китайско-тибетская семья.

Во Вьетнаме на языках этой семьи говорят 1027 тыс. человек. В нее входят две группы: китайская и тибето-бирманская.

A. Китайская группа.

К этой группе относятся три народа: *хоа*, *нгай* и *санзиу*, составляющие большинство населения в китайско-тибетской языковой семье.

41. *Хоа* (hoâ) живут преимущественно в крупных городах: Хошимине, Хайфоне, Ханое, Хаузянге, Миньхае и др. Их численность — 935 тыс. человек. Кроме этнонима *хоа*, используются и другие названия: *хань*, *тъяутяу*, *фукьен*, *куангдонг*, *хаи*, *сафанг*.

42. *Нгай* (ngai') — 1,3 тыс. человек, включают несколько этнографических групп (*нгай*, *ле*, *дан*, *кхатъжя* или *хакка*). Они живут в провинциях Каобанг, Лангшон и Куангнинь.

43. *Санзиу* (sai' diu) обитают в горных районах провинций Бактхай, Виньфу, Хабак, Куангнинь, Хатуен и др. смешанно с *хоа*, *нгай*, *вьет*, *тай*, *нунг*. Они называют себя *санзяонинь* (люди, живущие в горах); есть и другие названия: *санзяо*, *чай*, *чайдат*, *манкуан*.

кок. Сандзи мигрировали во Вьетнам около 300 лет назад. Численность их — 65,8 тыс. человек.

Б. Тибето-бирманская группа.

Во Вьетнаме на языках этой группы говорит свыше 20 тыс. человек. Она включает шесть народов: хани, фула, лаху, лоло, конг и сила.

44. Хани (hā n̄i) живут в пограничных с Китаем уездах Мьонгте (провинция Лайтяу), Батсат (провинция Хоангльеншон). Они называют себя х а н и ж я — «человек». Раньше их называли у н и, с а у н и или м а н у н и. В состав хани входят три основные этнографические группы: *ханикочо*, *хуламы* и *ханиден*. Численность хани — 9,5 тыс. человек.

45. Фула (phū lá) насчитывается 7 тыс. человек. Живут они в уездах Батсат, Баотханг, Шапа, Мьонгкхьонг, Симакай, Ванбан (провинция Хоангльеншон), Синьман (провинция Хатуен), Куиньняй (провинция Шонла) и Шиньхо (провинция Лайтяу). Фула включают несколько групп: *фулахоа* («цветные»), *фуладен*, или *музипа* («черные») *фулахань*, *фулачанг* («белые») и *сафо*. Фулахань испытали культурное влияние хани.

46. Лаху (la h̄u) в прошлом называли сатоонглоонг, сапы-ой, кхакю, кхусунг (последний термин, возможно, тайский). Численность их — 4 тыс. человек. В состав лаху входят три основные этнографические группы: *лаху су* («желтые»), *лаху на* («черные») и *лаху фунг* («белые»). Они мигрировали в СРВ из Южного Китая⁸. Во Вьетнаме лаху обитают в провинции Лайтяу.

47. Лоло (lō lō) живут разбросанно на границе Вьетнама и Китая от уезда Мьонгкхьонг (провинция Хоангльеншон) по территории уезда Донгван (провинция Хатуен) до уезда Баолак (провинция Каобанг). В Китае используется для этого народа название з и, а в СРВ — м а н з и или м у н з и. По материалам полевых исследований, в состав лоло входят, видимо, две группы: *манзино*, или *манзите* («черные»), и *манзикоа*, или *манзипу* («цветные»). Численность лоло — 2 тыс. человек.

48. Конг (сō' p̄g) во Вьетнаме 800 человек. Они живут на стыке границ трех государств: Вьетнама, Лаоса и Китая в уездах Мьонгте и Мьонглай (провинция Лайтяу). Для конг использовались и другие названия: са, сасен, сакоонг, коонгтакига, конгбокхам, коонгнамкэ (или пусунг), самкхонг, монгнге, мангла.

49. Сила (sila) расселены в уезде Мьонгте (провинция Лайтяу). Они называют себя к у з е с ы; известно и другое название этого народа — к х а п э. Сила мигрировали во Вьетнам из Северного Лаоса около 150 лет назад. Численность сила — 400 человек.

III. Австронезийская семья.

Народы этой семьи — зярай, эдэ, тям, раглай и тьюру — составляют около 1% населения Вьетнама. Они сосредоточены главным образом на плато Плейку провинций Зялай-Контум и Дарлак.

50. Зярай (gia gai) занимают первое место по численности (184,5 тыс. человек) среди народов, говорящих на австронезийских языках. Они живут в основном в провинции Зялай-Контум. Используются и другие названия народа: *араб*, *зярай*, *друнг*, *зярай квуанг*.

51. Эдэ (ê d̄ê) живут в провинции Дарлак (свыше 90%), а также в провинциях Фукхань, Тхуанхай и Зялай-Контум. Эдэ включает несколько этнографических групп: *эдэ*, *кпа*, *эдэ адхам*, *эдэ крунг*, *эдэ ктул*, *эдэ длие* (*руэ*), *эдэ бло*, *эдэ бик*, *эдэ мдур* (*мтхуар*)⁹. Численность эдэ — 150 тыс. человек.

52. Тям, или чам (с h̄ā m), насчитывают 75,8 тыс. человек. Они подразделяются на три группы. Первая — *самхрой*, или *хрой* (около 11 тыс. человек), издавна живет в провинциях Нгиабинь и Фукхань, где консолидировалась с другими малыми народами (*банар*, *зярай*, *эдэ*); значительная часть чамхрой мигрировала на Юг. Вторая группа тям (около 45 тыс. человек), населяющая провинции Тхуанхай и Фукхань,

⁸ Определение малых народов на Севере Вьетнама..., с. 354.

⁹ Вьетнамские этнографы считают, что группа *мдур* образовалась в результате смешения *зярай* и *эдэ*.

испытала культурное влияние народов Индии. Третья группа — расселена главным образом в пограничных с Кампучией провинциях Анзянг и Тэйнинь. Часть тям живет в г. Хошимине и провинции Донгнай.

53. Раглай (ga glai) насчитывается 58 тыс. человек. Они заселяют горную территорию провинций Фукхань (около 7 тыс. человек), Тхуанхай и Ламдонг.

54. Тюру (chu ru) живут в провинциях Ламдонг и Тхуанхай (большая часть), а также в провинции Донгнай. Иногда тюру называют цру, тью, фро. Тюру насчитывается 8 тыс. человек.

* * *

Приведенные данные об этническом составе и численности населения СРВ — результат полевых исследований вьетнамских ученых. Естественно, что по мере дальнейшего изучения народов страны какие-то из этих данных будут уточняться. Однако и то, что сделано, уже используется в социалистическом строительстве, в частности в сфере культурной и национальной политики.

Фам Куанг Хоан

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ ГОРНЫХ МОН-КХМЕРОВ ЮГА ВЬЕТНАМА

Вьетнам — многонациональная страна. Помимо вьетов (50 млн. чел.) на ее территории живут другие народы (6,2 млн. чел.), в том числе горные мон-кхмеры (545,5 тыс. чел.). Этническому составу равнинных кхмеров посвящено много работ. Относительно мало изучались горные мон-кхмеры. Систематическое исследование этих народов началось после победы вьетнамского народа над американскими захватчиками в 1975 г., однако исчерпывающих данных об их этническом составе до настоящего времени нет. Сведения же о них, полученные до освобождения Южного Вьетнама, очень неполны и подчас противоречивы. Между тем изучение горных мон-кхмеров, в частности их состава и расселения, прольет свет на этническую историю народов не только Вьетнама, но и соседних с ним Лаоса и Кампучии.

Основным источником для написания статьи явились полевые материалы автора, собранные в 1976—1979 гг. Кроме того, использованы материалы Института этнографии КОН СРВ, центрального и местного комитетов по делам национальных меньшинств, а также вьетнамская и зарубежная литература.

Горные мон-кхмеры представляют сложный конгломерат народов и этнографических групп. Они проживают главным образом на плато Тэйнгуен и в предгорных районах Центрального и Южного Вьетнама. Пестрота этнического состава горных мон-кхмеров во многом обусловлена природными условиями: они обитают в труднодоступных предгорных и высокогорных районах.

Для горных мон-кхмеров характерен разный уровень социального развития: в Центральном районе живут народы с ярко выраженной патриархальной организацией (кату, или кту; хрэ, таой, бру, кор и др.); на юге плато Тэйнгуен — народы, сохранившие черты материнско-родовой организации (кохо, мнонг), на севере этого плато — народы с чертами строя, переходного от одной из этих форм общественной организации к другой.

Горные мон-кхмеры Южного Вьетнама образуют три языковые группы: кату (жители центральных районов), банар (обитают на севере плато Тэйнгуен) и мнонг (на юге плато Тэйнгуен).

К горным мон-кхмерам Южного Вьетнама относятся банар, седанг¹, кохо, хрэ, мнонг, стиенг, бру, кату, зеченг, таой, ма, кор, рмам, брао.

Банар (109 тыс. чел.) в настоящее время самый крупный и наиболее широко расселенный народ горных мон-кхмеров. Основная масса банар проживает в провинциях Зялай-Контум и Нгиабинь; отдельные группы их встречаются в провинции Фукхань.

Расселение банар крайне неравномерно. Наиболее высокая плотность населения (130 человек на 1 км²) наблюдается в долине р. Ба и на плато Контум, а на высокогорных склонах хребтов Нгоклин и Нгоканг она составляет лишь 6—19 человек на 1 км². После освобождения Южного Вьетнама от американских агрессоров на плато Тэйнгуен началось освоение целины, развернулось дорожное строительство, что привело к некоторому увеличению численности населения.

В настоящее время среди банар выделяются этнографические группы золанг, или иланг (общины Дакла, Хиеу, Поне уезда Конплонг), т'холо (юго-восточная часть уезда Анкхе), бонам (общины Даклонг и Поне уезда Конплонг, восточная часть уезда Анкхе) голар (восточнее г. Плейку), ронгао (община Поко юго-западнее уезда Дакто и общины Даклонг, Дакла, Дакуй северо-западнее г. Контума). Одни авторы относили группу ронгао к народу седанг², другие выделяли ее в качестве самостоятельного народа³. Большинство же исследователей считают ронгао одной из групп банар, испытавшей сильное культурное влияние седанг⁴. В уездах Ванкань и Винтхуан (провинция Нгиабинь), Донгсуан и Шонха (провинция Фукхань) живет еще группа корем. Ее отличало тесное культурное взаимодействие с народом тям, говорящим на языке малайско-индонезийской группы.

Седанг (73 тыс. чел.) — второй по численности народ горных мон-кхмеров. Они компактно расселены в северной части провинции Зялай-Контум, на западе провинции Куангнам-Дананг, а также в провинции Нгиабинь.

Среди седанг выделяются пять основных этнографических групп: сетенг, казонг, халанг, тодра и монам. По мнению Ви Хоанга, термин сетенг означает «люди густых лесов», монам — «люди дождливой зоны», а тодра — «жители пастбищ»⁵. Наши же исследования показали, что у седанг бытуют только понятия для обозначения людей, живущих наверху или внизу. Так, например, тодра группу сетенг называют *ситенг* — «люди высоких гор», группу халанг — *силанг* — «жители низких гор», а группы казонг и халанг идентифицируют с группой иланг. В некоторых районах, в частности в уезде Чами (провинция Куангнам-Дананг), где живут смешанно группы сетенг, монам, казонг и др., их называют по особенностям места обитания. Так, жителей предгорных районов называют *т'мой ни*, *к'ланг*, *донг*; высокогорных районов — *т'мой нги*, *понет*, *кол*; расселенных вдоль сухопутных дорог — *лакунг*; обитающих по берегам рек и прудов — *падак*; жителей левобережья Чань — *т'мой пуко дак*, а правобережья этой реки — *т'мой плаодак* (*мой* — «люди»).

Сетенг (около 50 тыс. чел.) — проживают в уездах Дакто (19,5 тыс. чел.), Конплонг (12,5 тыс. чел.) и Дакплай (4 тыс. чел.) провинции Зялай-Контум.

¹ В книге «Les Langues du Monde» (Р., 1924; 2 ed.— 1952) народ седанг включен в группу индонезийских народов.

² *Кью Лонг Занг, Тоан Ан*, Плато Тэйнгуен. Сайгон, 1974, с. 266 (на вьет. яз.).

³ Малые народы Вьетнама. Ханой, 1959 (на вьет. яз.); Малые народы Вьетнама. Сайгон, 1974 (на вьет. яз.).

⁴ *Guilleminet R.* La tribu Bahnar.— Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême-Orient. Hanoi, 1952, v. XIV; *Нгуен Куок Лок*. Этнический состав современного населения плато Тэйнгуен.— Сов. этнография, 1974, № 1; *его же*. Этнический состав населения плато Тэйнгуен.— Этнография, 1975, № 2, с. 31 (на вьет. яз.).

⁵ *Ви Хоанг*. Расселение, названия и социальная организация седанг на северо-востоке провинции Контум.— Этнография, 1974, № 1, с. 83 (на вьет. яз.).

Казонг (10 тыс. чел.) обитают в основном в уезде Чами провинции Куангнам-Дананг. Часть их проживает в провинциях Зялай-Контум (3 тыс. чел.) и Нгиабинь (2 тыс. чел.).

Халанг (3 тыс. чел.) компактно расселены в общинах Нгокбей (768 чел.), Кронг (375 чел.), Зали (124 чел.), Доакет и Дакла провинции Зялай-Контум. Они живут также в уездах Дакто (общины Дакна — 338 чел., Рокой — 237 чел., Даксу — 72 чел.) и Дакплай той же провинции. За пределами Вьетнама халанг обитают в восточной части Южного Лаоса (по верхнему течению рек Сан и Каман).

Тодра (4 тыс. чел.)⁶ расселены к востоку от г. Контума, по долинам рек Бла и Дранг. Они сосредоточены в 10 общинах провинции Зялай-Контум.

Монам (около 3 тыс. чел.) живут в трех общинах — Чалинь, Чанам, Чалонг уездов Чами и Конплонг провинции Зялай-Контум.

Данг Нгием Ван описал еще одну группу седанг — тачи — букв. «люди разные по происхождению» (3 тыс. чел.)⁷. Они обитают по берегам р. Дакми, в предгорном районе хребта Нгюклинь (общины Дакла, Бонбанг, Зуан уезда Дакплай провинции Зялай-Контум). По мнению Ви Хоанга, тачи в прошлом занимали районы верхнего течения р. Чань и были известны под названием *брила* — «люди леса»⁸. В настоящее время тачи постепенно ассимилируются сетенг и зеченг.

Кохо (70 тыс. чел. по переписи 1979 г.) — третий по численности народ горных мон-кхмеров. В настоящее время кохо заселяют обширную территорию уезда Зилинь провинции Ламдонг, а также живут в провинциях Тхуанхай и Фукхань. В состав кохо входят шесть этнографических групп: срэ, чил, ноп, лат, кзон, тринг.

Срэ — букв. «земледельцы» (47 тыс. чел.) проживают главным образом в районе болот уезда Зилинь, вдоль шоссе № 20, между уездом Баолок и г. Далат. Кроме того, срэ расселены в провинции Тхуанхай в районе р. Луй.

Чил, или кил (16 тыс. чел.)⁹, обитают по высоким склонам плато Ламвиен и Зилинь. Они компактно расселены вдоль шоссе № 20, 21 и в близких к г. Далат районах (уезды Дыкчонг — 8750 чел., Донгзунг — 829 чел., г. Далат — 350 чел.). Отдельные группы их живут на левом берегу р. Кронг и в уезде Зилинь (320 чел.). Соседние народы называют их *чил конхо* — «люди соснового леса». Французский автор М. Нер слово *чил* переводит как «малые» и пишет, что это малые народы плато Тэйнгун и горного хребта Чыонгшон¹⁰. Собранные нами материалы свидетельствуют о том, что этноним чил, по-видимому, связан с названием рода Чил.

Ноп (2,5 тыс. чел.)¹¹ сосредоточены на юге уезда Зилинь вдоль шоссе № 8 между этим уездом и г. Фантхиет. Иногда их называют *т'ноп*, *тейлун*, *т'лоп*¹².

Лат (1859 чел.) обитают преимущественно в дер. Салат, к северу от г. Далат и отчасти (смешанно с чил) в общинах Трнунг и Камли. В литературе встречаются различные объяснения названия лат. Так, американский автор Моул переводит его как «люди леса»¹³. Мы же полагаем, что термин лат происходит от названия р. Лат. Однако этимология этого слова требует уточнения.

⁶ Ви Хоанг. Указ. раб., с. 83.

⁷ Данг Нгием Ван. Малые народы провинции Зялай-Контум. Ханой, 1981 (на вьетн. яз.).

⁸ Ви Хоанг. Указ. раб., с. 83.

⁹ Нгуен Вань Зйеу. Некоторые данные о чил провинции Ламдонг. — Этнография, 1978, № 3, с. 49, (на вьет. яз.); *его же*. Национальный вопрос в провинции Ламдонг. Ламдонг, 1983, с. 246 (на вьет. яз.).

¹⁰ Ner M. Mission en pays pendant les vacances de 1929 et 1930. — Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême-Orient, 1929, v. XXV.

¹¹ Lebar F. M., Hickey G. C., Musgrave K. Ethnic Groups of Mainland Southeast Asia. New Haven, 1964.

¹² Ner M. Op. cit., p. 533.

¹³ Mole R. The Montagnards of South Vietnam. — In: A Study of Nine Tribes. Saigon, 1970.

Кзон (1548 чел.) живут в провинции Тхуанхай рядом с ноп; небольшие группы их имеются на юго-востоке уезда Зилинь.

Тринг (около 500 чел.)¹⁴ расселены в уезде Донзыонг. Эта группа сформировалась на базе так называемых «стратегических деревень», созданных сайгонским режимом в 1965 г.

Хрэ, или тямре (66 тыс. чел.), — самый крупный народ из мон-кхмеров Центрального Вьетнама, включавший прежде несколько этнографических групп. Этноним происходит от названия р. Хрэ на западе провинции Нгиабинь. После Августовской революции 1945 г. этноним хрэ стал официальным названием всего народа. До этого группы хрэ именovali себя по району расселения, например, *динь* — «жители [бассейна] реки Динь», *крэ* — «жители реки Крэ» и т. д. Хрэ обитают в провинции Нгиабинь в бассейнах рек Лиен, Хрэ, Динь, Крэ и частично Чакхук. Основная часть хрэ сосредоточена в уезде Бато (провинция Нгиабинь), где они составляют большинство населения. Кроме того, хрэ живут в уезде Чабонг (та же провинция) в окружении народа кор и постепенно ассимилируются им. 500 хрэ живут в провинции Зялай-Контум по соседству с банар.

Мнонг (46 тыс. чел.) проживают на юге плато Тэйнгуен в уездах Лак, Дакмил и Дакнонг провинции Дарлак (40 тыс. чел.) и в западной части провинций Ламдонг и Шонгбе, Мнонг, обитающие на территории Кампучии, известны под названием пнонг.

В состав мнонг входят этнографические группы гар (расселены по верхнему течению р. Кронгана), пре (к югу от гар, на восточном склоне плато Дарлак, в уездах Донзыонг и Дыкчонг), бузанг (в общине Дон уезда Кронгбук); дипри (в общине Чорум уезда Дакмил); рлам (на левом берегу р. Кроангана, вокруг оз. Лак в районе болот); чил (преимущественно к северу и западу от группы гар, другое название группы — мнонг тэу, т. е. горные жители); бриат (в среднем течении р. Семанг, по культуре близки гар); сек (на берегу р. Пам); нонгхо (в высокогорной зоне плато Дарлак). По сообщениям некоторых исследователей, у мнонг выделяются еще группы пранг, бур, зуйтэ, рзонг, куен, кхоан¹⁵.

Стиенг (40,7 тыс. чел.) также расселены на юге плато Тэйнгуен (южнее мнонг), преимущественно в уездах Фюоклонг (21 528 чел.), Донгфу и Донгсоай провинции Шонгбе. 700 чел. стиенг проживают в уездах Донзыонг, Дыкчонг провинции Ламдонг. Кроме того, стиенг встречаются на севере провинции Тэининь, а также на северо-западе провинции Донгнай. Вне Вьетнама стиенг обитают в восточных провинциях Кампучии (20 тыс. чел.)¹⁶.

Бру — букв. «лес» (33 тыс. чел.) сосредоточены в западной части провинции Биньчитхьен Центрального Вьетнама. В состав бру входят четыре группы: ванкьеу, кхуа, мангконг и чи.

Ванкьеу (около 30 тыс. чел.) — самая крупная из групп бру. Расселены в шести уездах провинции Биньчитхьен¹⁷: Хьонхоа (21 190 чел.), Винлинь (3600 чел.), Летхюй (2000 чел.), Золинь (550 чел.), Камло (150 чел.) и Алюй (60 чел.). Основная масса обитает в Лаосе в провинциях Саваннакхет и Сараван, где они известны под названием ктанг. Численность ванкьеу в Лаосе составляет 40 000 человек¹⁸.

¹⁴ Фан Суан Биен. Этнический состав населения провинции Ламдонг. — Этнография, 1977, № 4, с. 7 (на вьет. яз.).

¹⁵ Бе Вьет Данг, Нгуен Тхи Хонг, Чу Тхай Шон. Малые народы провинции Дарлак. Ханой, 1982 (на вьет. яз.); Нгуен Нам Тиен. Этнический состав народов провинции Дарлак. — Этнография, 1977, № 2 (на вьет. яз.); Нгуен Куок Лок. Этнический состав населения плато Тэйнгуен, с. 32; Малые народы Вьетнама, 1974; Minority groups in the Republic of South Vietnam. Wash., 1966; Maitre H. Les jungles Moi. P., 1912; Jouin B. V. Enquête démographique au Darlac. P. 1950.

¹⁶ Брук С. И. Население мира. М.: Наука, 1981, с. 450.

¹⁷ Кхонг Зиен, Нго Винь Бинь, Фам Куанг Хоан. Расселение народов в западной части провинции Биньчитхьен. — Этнография, 1977, № 1, с. 12—13 (на вьет. яз.).

¹⁸ Брук С. И. Указ. раб., с. 475

Термин ванкьеу, видимо, связан с названием уезда Ванкьеу, существовавшего в феодальном Вьетнаме, а, может быть, с названием горы Виенькьеу на северо-западе уезда Камло. Прежде ванкьеу называли *мой кало* — «люди, живущие в пещере Кало», *мой ко дуой* — «люди с хвостом» (имеются в виду длинные полосы набедренной повязки, висящие сзади), *нгыой тхьонг* — «люди живущие наверху». Представляет интерес термин *кало*: первая часть его — *ка* произошла, очевидно от слова *кха* (ср. названия соседних народов — кхату, ка таой).

Кхуа (1437 чел.) сосредоточены в общине Зонхоа уезда Миньхоа; отдельные группы их проживают в общине Тхьонгчат уезда Бочать. Подавляющее же большинство кхуа живет за пределами Вьетнама в провинции Кхаммуан Центрального Лаоса (около 10 тыс. чел.)¹⁹, а также в Таиланде.

Термин кхуа, по-видимому, восходит к словам *кха* или *теа*. В Лаосе кхуа называют со. По мнению А. Фреза, со в Лаосе имеют несколько подгрупп: *со манконг*, *со ченлай*, *со чали*, *со фуок*, *со лалыонг*. Самоназвание со — *бру* «лес»²⁰.

Мангконг (1373 чел.) живут в общинах Тхьонгчат и Танчат уезда Бочать. Основная масса мангконг (10 тысяч чел.) обитает в Центральном Лаосе²¹.

Чи (300 чел.) живут в провинции Биньчитхьен в уездах Летхюй, Бочать и Виньлинь. Большая часть чи расселена в Центральном Лаосе (10 тыс. чел.)²², где они известны под названием ч а л и.

Кату, или кту (26 тыс. чел.) по культуре и языку близки народам бру (особенно группе ванкьеу) и таой. Раньше кату называли *мой, тхонг, ман, фыонг*²³, что означает «дикие, грязные люди». Кату сосредоточены в уезде Зянг (8 тыс. чел.) западной части провинции Биньчитхьен, примыкающей к хребту Чыонгшон. Кроме того, 12 тыс. кату живут в провинции Аттапы Центрального Лаоса.

Кату делятся на две группы: *к а т у н а л* — «люди предгорий» (расселены по горным долинам Кхете и Алыой) и *к а т у д р ю* — «люди высоких гор» (живут в высокогорном районе хребта Чыонгшон и на границе с Лаосом)²⁴.

Зеченг (24 тыс. чел. по переписи 1980 г.) занимают территорию от р. Поко на востоке до уезда Дакто на юге; они живут также в районе, расположенном к востоку от плато Боловен (Южный Лаос). Таким образом, территорией расселения зеченг являются труднодоступные горные районы долины р. Каман вдоль границы Вьетнама и Лаоса.

Из горных мон-кхмеров Вьетнама зеченг обнаруживают наибольшую близость народу кату. Зеченг известны также под названием брила — «люди, живущие наверху».

Среди зеченг выделяются этнографические группы *зе, ченг, ве, банонг*.

Зе (13 тыс. чел.) населяют горные районы на восточном и западном склонах хребтов Нгоклинь и Нгоканг уезда Дакплай провинции Зялай-Контум и уезда Фюкшон провинции Куангнам-Дананг. В настоящее время основная масса зе проживает в Лаосе.

Ченг (около 4 тыс. чел.) сосредоточены главным образом в уездах Дакплай (2557 чел.) провинции Зялай-Контум и Зянг (1450 чел.) про-

¹⁹ Нго Дык Тхинь. Расселение населения в Лаосе.— Этнография, 1972, № 1, с. 138 (на вьет. яз.).

²⁰ Fraise A. Les tribus So de la province Cammon (Laos).— Bulletin de la Société des études indochinoises, 1950, v, XXV. № 2, p. 175—178.

²¹ Нго Дык Тхинь. Указ. раб., с. 138.

²² Там же, с. 139.

²³ Pichon L. Le chasseurs de sang.— Bulletin des amis du Vieux Hue, 1938, № 4, p. 356—409; Нгок Ан. Краткое сообщение о кату.— Этнография, 1960, № 16, с. 20 (на вьет. яз.).

²⁴ В кн. «Minority Groups in the Republic of South Vietnam» кату подразделяют на четыре группы.

винции Куангнам-Дананг. Основная масса ченг (20 тыс. чел.) обитает в Лаосе, где они известны под названием т а л и е н г (т а л ы о н г).

Ве, и ли бе, пе, р ве (900 чел.)²⁵, проживают в общинах Дакринг и Дакре уезда Зянг провинции Куангнам-Дананг. Подавляющая часть ве (10 тыс. чел.) расселена в Центральном Лаосе (провинции Аттапо и Симхамдон), где их называют л а в е или р в е²⁶.

Банонг, или панонг (6900 чел. по данным 1979 г.), расселены небольшими группами по северному склону хребта Нгоклинъ в высокогорной части уездов Фыокшон и Чами (общины Чаленг, Чадок), а также вдоль шоссе № 14 и 16 в провинции Куангнам-Дананг²⁷.

Таой (около 20 тыс. чел.) получили свое название от плато Таой в Центральном Лаосе, на котором они издавна обитают. В настоящее время таой населяют западную часть провинции Биньчитхьен (пограничные с Лаосом общины). Значительная часть их живет в Центральном Лаосе (20 тыс. чел.) в провинциях Саваннакхет, Сараван и Аттапы.

В состав таой входят три основные группы: па ко²⁸, па хи, та ой (к у о й а).

Па ко — букв. «горные жители» (15 тыс. чел.). 6,3 тыс. пако живут в высокогорном районе и в горной долине Алой уезда Алой, 8,7 тыс. — в уезде Хьонхоа провинции Биньчитхьен. В Лаосе (провинция Саваннакхет) проживает 12 тыс. пако.

Па хи (341 чел.) сосредоточены в общинах Хонгтиен (218 чел.), Хонгтхьон (20 чел.). Кроме того, они встречаются в общине Талонг уезда Хьонхоа (103 чел.). Этноним пахи связан с названием р. Пахи, в долине которой расселена эта группа. Но более распространены названия, связанные с районом обитания: живущие на берегу р. Какронг именуются к у о й к а к р о н г, а жители дер. Турай — к у о й т у р а й (к у о й — «люди»).

Та ой, или к а т у а (свыше 4 тыс. чел. по переписи 1980 г.), сосредоточены в долине Алой, вдоль шоссе № 14. Они составляют компактные группы в общинах Анго, Азэт, Хонгтай, Тэйшон уезда Алой. Подавляющее большинство таой проживает в Центральном Лаосе (провинции Саваннакхет, Сараван, Аттапы).

Ма (20 тыс. чел.) живут в южной части плато Тэйнгун. Они заселяют ряд уездов провинции Ламдонг и горные районы провинций Шонгбе и Донгнай.

В состав ма входят пять этнографических групп: н г а н, т о, с о п, к р у н г и ч р о.

Н г а н (букв. «местные жители») расселены в бассейне р. Зунг, на севере и западе плато Блао, преимущественно в общинах Локбао, Локчунг уезда Баолок провинции Ламдонг.

То обитают юго-восточнее нган, по верхнему течению р. Зунг на плато Блао. Культура и быт групп то и нган очень сходны.

С о п («глиняные люди») живут к востоку от нган, в районах близ города Блао.

К р у н г занимают территорию от юго-запада уезда Баолок до района Динькуанг, которая в настоящее время входит в состав провинции Донгнай. Эта группа проживает смешанно с другими народами (кхмеры, вьеты), испытывает сильное культурное влияние их и отделена от общности ма.

Ч р о (около 15 тыс. чел.) расселены главным образом в уездах Бариа, Лонгкхань; отдельные группы их имеются в уездах Биньтуй, Фыоктуй, Биенхоа. Чро территориально обособлены от ма, они живут в

²⁵ Фам Куанг Хоан. Дополнительные данные к изучению ве в провинции Куангнам-Дананг. — Этнография, 1979, № 3, с. 55 (на вьет. яз.).

²⁶ Maitre H. Op cit.; Hoffet H. Les Mois de la chaine annamitique entre Tourane et Boloven. — In: Terre, mer, air. La géographie, 1933, v. LIX, p. 1—43.

²⁷ Ву Динь Лой. Данные о так называемой группе банонг. — Этнография, 1979, № 4, с. 84 (на вьет. яз.).

²⁸ Р. Моул выделил пако в самостоятельную народность, см.: Mole, R. Op. cit.

Народы, этнографические группы	Численность (тыс. чел.)	Провинции
Банар (bana) зоданг, тхоло, бонам, голар, ронгао, корем	109	Зялай-Контум, Нгиабинь, Фукхань
Седанг (xê đăng) сетенг, казонг, халанг, тодра, монам	73	Зялай-Контум, Куангнам-Дананг, Нгиабинь
Кохо (ko'ho) срэ, чил, ноп, лат, кзон, тринг	70	Ламдонг, Тхуанхай, Фукхань
Хрэ (hrê)	66	Нгиабинь
Мнонг (m'ông) гар, пре, бузанг, дипри, рлам, чил, сек, нонгхо и др.	46	Дарлак, Ламдонг, Шонгбе
Стенг (xtiêng)	40,7	Шонгбе, Тэининь, Донгнай
Бру (bru) ванькеу, кхуа, мангконг, чи	33	Биньчитхьен
Кату (catu)	26	Куангнам-Дананг, Биньчитхьен
Зеченг (giê triêng) зе, ченг, ве, банонг	24	Куангнам-Дананг, Зялай-Контум
Таой (tă ôi) пако, пахи, таой (катуа)	20	Биньчитхьен
Ма (mă) нган, то, соп, крунг, чо	20	Ламдонг, Шонгбе, Донгнай
Кор (cor)	16,8	Нгиабинь, Куангнам-Дананг
Рмам (ro'măm)	0,143	Зялай-Контум
Брао (bo'rao)	0,1	»

окружении других народов, прежде всего вьетов и кхмеров, и испытывают сильное влияние их культуры и быта.

Кор (16,8 тыс. чел.) сосредоточены преимущественно в уезде Чабонг (14 тыс. чел.) провинции Нгиабинь; в уезде Чами провинции Куангнам-Дананг их насчитывается 2,5 тыс. чел. По мнению некоторых исследователей, предки кор некогда жили по берегам рек, в плодородных долинах, а потом были оттеснены в горные районы уезда Чабонг. В настоящее время кор испытывают культурное влияние вьетов, частично сливаются с ними.

Рмам (143 чел.) живут в провинции Зялай-Контум (община Морай уезда Дакто). По языку и культуре они мало отличаются от соседних групп халанг и казонг. В настоящее время рмам испытывают сильное влияние со стороны этих групп и постепенно сливаются с ними. За пределами СРВ рмам проживают в Кампучии (точных сведений о численности нет).

Брао, или **брау** (100 чел.), обитают лишь в общине Дакме уезда Дакто провинции Зялай-Контум. Основная их часть расселена в Кампучии. По словам жителей общины Дакме, предки брао некогда обитали в уезде Сейсатха Южного Лаоса и в восточных провинциях Кампучии. В Лаосе они и сейчас заселяют обширную территорию. По антропологическому типу, языку и культуре брао родственны народам казонг и сетенг.

Как видим, большая часть мон-кхмеров ныне живет за пределами Вьетнама — в Лаосе и Кампучии; о многих из них мы пока не располагаем полными данными.

Этнический состав горных мон-кхмеров Вьетнама, как свидетельствуют наши материалы, не однороден. На большом пространстве Центрального и Южного Вьетнама проживает множество народов, находящихся на разных уровнях социально-экономического и этнического развития. Наряду с наиболее развитыми в экономическом и культурном отношении народами здесь живут народы, сохраняющие черты первобытнообщинного строя. В настоящее время происходит как ассимиляция небольших по численности этнографических групп более крупными народами, так и консолидация других таких групп, усиливаются территориально-экономические связи. Немаловажной чертой, влияющей на происходящие здесь этнические процессы, является сходство языка, материальной и духовной культуры. Одновременно меняются и этнонимы, некоторые из них забываются, появляются новые, иногда основанные на географических названиях.

О. М. Фишман

КАТАЛОГИ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ (опыт и проблемы)

Одной из насущных проблем современного этнографического музееведения до сих пор остается разработка единой концепции каталогизации музейных фондов.

18 лет назад принято Постановление Совета Министров СССР «О музейном фонде Союза ССР»¹, в котором говорится, что подготовка и издание научных каталогов — это одна из основных, ведущих работ всех музеев страны. С тех пор были опубликованы и прошли первичную апробацию разнообразные по назначению, тематике и структуре каталоги этнографических коллекций², но с сожалением приходится констатировать, что они слабо известны специалистам и лишь немногие из них получили оценку в печати. Следует напомнить и о том, что до сих пор глубоко и всесторонне не обсуждался ни накопленный опыт, ни наиболее актуальные спорные проблемы каталогизации музейного фонда. Вместе с тем «огромный интерес к памятникам этнографии у работников различных областей науки и культуры, комплексный метод исследования, присущий в наши дни многим историческим дисциплинам, — все это говорит о том, что задачи этнографического музееведения должны обсуждаться всем коллективом научных и музейных работников и деятелей культуры»³. Сейчас очевидно, что этнографические музеи в зависимости от объема и состава коллекций могут создавать каталоги различного уровня, но каждый тип каталога (будь то научно-информационный (научно-справочный) или тематический указатель) должен иметь единые принципы описания и терминологию, общепринятую структуру, а также содержать необходимую информацию.

В данном обзоре мы остановимся на различных типах каталогов, изданных за последние годы и еще не получивших должного освещения на страницах специальной печати. Отметим здесь, что каждый из них отражает различия в подходе к проблемам систематизации музейных памятников.

Каталог-указатель «Народы Кавказа»⁴ разработан и написан коллективом научных сотрудников Отдела этнографии народов Кавказа Государственного музея этнографии народов СССР (ГМЭ). Это второй каталог такого типа из серии каталогов,готавливаемых коллективом ГМЭ. Цели данного типа каталогов были сформулированы уже при публикации первого подобного указателя Отдела этнографии народов Поволжья и Приуралья ГМЭ, задуманного как краткое справочное описание коллекций музея

¹ О музейном фонде Союза ССР. — Справочник партийного работника, 1966, в. VI, с. 369.

² Авижанская С. А., Браун М. Л., Крюкова Т. А. Каталог-указатель (краткое описание коллекций Отдела этнографии народов Поволжья и Приуралья Государственного музея этнографии народов СССР). — В кн.: Музей и современность. Проблемы совершенствования экспозиций по истории советского общества. М., 1975, с. 186—281; Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи». Петрозаводск, 1973; Народное искусство Карелии. Каталог выставки музея «Кижи». Петрозаводск, 1979; Равдоникас Т. Д., Смирнова Л. М. Каталог коллекций по народам Кавказа. — Сб. музея антропологии и этнографии (Сб. МАЭ). Л.: Наука, 1978, т. XXX, с. 182—221; Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Ч. I. Томск: Изд-во ТГУ, 1979; ч. II — Томск: Изд-во ТГУ, 1980; Вязовская В. В. Научный каталог этнографических коллекций Сахалинского краеведческого музея (поступления 1960—1973 гг.). Южно-Сахалинск, 1975.

³ Станюкович Т. В., Чистов К. В. Этнография и актуальные проблемы развития этнографических музеев. — Сов. этнография, 1981, № 1, с. 36.

⁴ Народы Кавказа. Каталог-указатель этнографических коллекций. Л.: Изд. Гос. музея этнографии народов СССР, 1981.

В кратком введении к каталогу «Народы Кавказа» дается оценка собрания, указы-
ваются лакуны как по отдельным народам и группам, так и по некоторым темам. Этно-
лингвистическая, религиозная и культурно-бытовая характеристики Кавказа чрезвычай-
но сложны, и это подчас затрудняло, да и до сих пор затрудняет опознание этнической
принадлежности не только отдельных предметов, но и целых комплексов. В основу ука-
зателя положена трехчленная группировка материала: 1) региональная, 2) этнолинг-
вистическая, 3) поколлекционная. Распределение материала в соответствии с региональ-
ными подобластями дало возможность вычленив три крупных раздела каталога: I —
Народы Северного Кавказа; II — Народы Дагестана и III — Народы Закавказья. Внут-
ри разделов материалы размещены согласно этнолингвистической принадлежности: вна-
чале по лингвистическим группам, а внутри них — по народам. Конкретный перечень
коллекций следует за пространной справкой, где наряду с данными о численности, этни-
ческой, языковой и религиозной принадлежности народа дается характеристика основ-
ных и подсобных занятий его в прошлом, а также сообщаются сведения о собирателях
коллекций. При описании коллекции указываются ее номер, количество составляющих
ее предметов, перечисляются тематические группы предметов и отдельные предметы,
дается оценка коллекции, указывается время и место сбора, имя собирателя. Наличие
этих сведений позволяет оценить музейное собрание по этнографии любого народа в
самых общих чертах.

Группировка материала — по региональному принципу позволяет исследователю
вычленив коллекции не только близкородственных, но и соседних народов, входящих
в состав конкретной историко-этнографической подобласти Кавказа. Ориентироваться в
тематике собраний по народам помогут две тематические таблицы — «Основные соби-
ратели коллекций» и «Тематический указатель по коллекциям», которые приводятся в
конце каждого раздела. Во второй таблице количество тем определено составом собра-
ния по народу, нумерация сплошная. В приложении к каталогу дается небольшая
информация о материалах, не вошедших в каталог в связи с иной, чем принято в ГМЭ
народов СССР, системой регистрации, — это 3865 предметов бывшего Музея народов
СССР и перечень основных собирателей по коллекциям этого музея.

Работа над созданием каталогов-указателей с поколлекционным перечнем материа-
ла имела большое практическое и методическое значение, так как благодаря ей были
выявлены основные трудности, возникающие при классификации вещественных памятни-
ков, разработаны и углублены схемы построения — структуры, продолжена работа по
унификации языка описания и терминологии каталога, по выработке требований к
указательным статьям и т. д. Более очевидными стали и слабые стороны подобных
указателей, прежде всего недостаточная источниковедческая информативность. В этом
отношении попредметные каталоги-указатели имеют несомненные преимущества перед
поколлекционными, но каталоги первого типа возможны лишь при небольшом музейном
фонде, а не в тех случаях, когда собрание насчитывает десятки и сотни тысяч экспо-
натов.

В этой связи особого внимания заслуживает опыт по созданию нового типа ката-
лога — научно-справочного, предпринятый сотрудниками восточнославянского сектора
Ленинградской части Института этнографии АН СССР⁵.

Критическое изучение уже имеющегося опыта написания предметных и коллекцион-
ных указателей позволило четко сформулировать цель научно-справочного каталога —
создание информационного свода, максимально облегчающего ориентацию в массиве ве-
щественных памятников, сосредоточенных в Отделе Европы Музея антропологии и
этнографии Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая.

Авторы каталога предложили оригинальную, не имеющую аналогов структуру,
построенную на трех принципах или на трех уровнях группировки источников: 1) тема-
тический, 2) этнолингвистический и 3) географический. Выбор тематического принципа
объединения вещей в качестве основного для научно-справочного каталога представ-
ляется верным и перспективным при дальнейшей и углубленной разработке структуры
каталога.

По характеру предметов среди музейных коллекций было выделено 19 крупных
тем, обозначенных римскими цифрами: «Земледелие», «Рыболовство», «Охота», «Пче-
ловодство», «Обработка дерева», «Обработка кожи и шкуры», «Ткачество», «Плетение и
вязание», «Вышивка», «Одежда», «Головные уборы», «Украшения», «Обувь». Жилище и
его убранство», «Пища. Посуда и утварь», «Музыкальные инструменты», Игры и

⁵ Каталог коллекций отдела Европы МАЭ. — Сб. МАЭ, т. XXXVIII, М.: Наука, 1982, с. 153—191.

игрушки», «Предметы, связанные с религиозными представлениями», «Оружие». Каждая из тем подразделяется на подтемы — рубрики, обозначенные арабскими цифрами; число рубрик, а также уровень градации материала по рубрикам зависят в первую очередь от его объема, состава, значимости и характера. В подзаголовках к темам и подтемам перечисляются конкретные предметы, включенные в соответствующие рубрики. Например, в теме «Обработка дерева» первая подтема названа «Плотнические, столярные и другие инструменты», а в скобках указаны топоры, молотки, колесовороты и т. д. Подобный вид распределения материала внутри темы подсказан последовательностью той или иного процесса, назначением предметов (одежда мужская, одежда женская, украшения ушные, украшения шейные и т. д.).

Серьезное исследование некоторых тем в науке определило и высокий уровень систематизации вещественных памятников в каталоге, что выразилось в более удобной четкой градации предметов, например, в группировке тканей по технике изготовления (ткани полотняного переплетения, неокрашенные, окрашенные однотонные ткани, набивные ткани и т. д.), украшений по способу ношения, головных уборов по половозрастным признакам и крою. Предложенная одним из авторов каталога типология одежды и крою позволила распределить материал внутри каждой подтемы согласно типам: рубашки туникообразные, рубашки с поликами и без них, штаны узкие, широкие, безрукавки, раскошненного и прямого покроя. Раздел «Одежда» следует признать самым удачным в каталоге, так как он дает возможность установить объем и характер источника как по одежде в целом, так и по отдельным ее компонентам. Особенно облегчает обзор материала то, что обозначение типа предшествует перечню предметов по каждому из родов. В тех же случаях, когда названия предметов вынесены в подзаголовки тем в виде перечня, отыскание каждого конкретного экспоната невозможно; более того, подобное перечисление без указания конкретного номера предмета затрудняет оценочную характеристику группы памятников по теме в целом и по отдельному народу в частности. Думается, что введение сквозной буквенной индексации, принцип которой отчасти использован в темах «Ткачество», «Вышивка» и некоторых других, где указывается характер и род материала, исправит положение.

Некоторая нечеткость и фрагментарность подструктуры наблюдается в темах «Жилища», «Пища. Посуда и утварь», что в первую очередь можно объяснить отсутствием общепринятой и достаточно строгой классификации предметов внутреннего убранства жилища, мебели и утвари.

Второй принцип, или второй уровень группировки предметов, избранный авторским коллективом, — этнолингвистический — означает, что внутри темы, подтемы и группы материал размещен по народам в соответствии с их этнолингвистической принадлежностью. Вначале следуют народы европейской части СССР: славянские, народы Прибалтики, финские народы Ленинградской области, Карелии и Поволжья, тюркские народы, народы Молдавии и т. д. Коллекции по этнографии зарубежной Европы размещены в алфавитном порядке этнонимов. Представляется, что в таком варианте народы группируются не столько согласно строгой этнолингвистической принадлежности, сколько по некоему этнотерриториальному признаку, что хотя и вносит некоторую путаницу, но делает перечень более обозримым.

Третий уровень группировки — географический — вступает в силу в том случае, если имеются указания на место сбора экспоната. Тогда коллекционные номера указываются после названия места сбора. Данные о нем вносятся в соответствии с административным делением на время сбора данной коллекции, т. е. согласно первичной регистрации.

Третий группирующий материал признак достаточно важен, так как позволяет внести в каталог ценные дополнительные данные, необходимые для атрибуции, а также для оценки источника.

Предложенный авторами тройной принцип формирования каталога позволяет различной долей глубины (в зависимости от характера конкретных источников и уровня их научной обработки) получить достаточно емкую и четкую информацию одновременно по нескольким позициям: 1) количество и характер материала в пределах изучаемой темы (т. е. степень обеспеченности темы источниками), 2) место бытования предмета в зоне расселения исследуемого народа или группы народов; 3) наличие или отсутствие сопоставимого материала по соседним и родственным народам в пределах темы.

Таким образом, нам представляется, что подобный каталог значительно полнее соответствует своему назначению, нежели называвшиеся ранее каталоги-указатели, существенным образом облегчает поиск необходимого конкретного источника.

К каталогу приложена таблица «Общие сведения о коллекциях Отдела Европы и собирателях» — дополнительный источник об истории коллекций и их составе. Отметим здесь, что в опубликованных указателях и тематических каталогах содержание логических таблиц и наименование их рубрик отличаются достаточным единством.

Следует подчеркнуть, что научно-справочный каталог коллекций Отдела Европы МАЭ не только вводит в научный оборот весь массив этнографических материалов по культуре народов Восточной и Западной Европы, но и вносит вклад в разработку концепции каталогизации вещественных памятников, способствует унификации тематической рубрикации⁶, описательной терминологии, цифровой и буквенной индексации, которые отличаются чрезвычайным разнообразием в различных каталогах даже одного типа. Несомненным преимуществом научно-справочного каталога МАЭ является его предельная емкость и краткость.

Назовем еще один тип каталогов — тематический. В 1980 г. сотрудниками Историко-этнографического музея Литовской ССР был опубликован тематический каталог осветительных приборов XVI — начала XX в.⁷, хранящихся в фондах названного музея в количестве 445 предметов. Материал в каталоге сгруппирован в четыре раздела по типам осветительных приборов: светцы для лучины, подсвечники, светильники-фонари, лампы. Внутри каждого раздела предметы перечисляются в хронологической последовательности, от наиболее ранних до экспонатов XX в.

Каталогу предпослана краткая вступительная справка об истории осветительных приспособлений, перечислены их типы, описываемые в каталоге. Вслед за этим дается общая характеристика предметов каждого типа, легшего в основу членения материала. При описании каждого предмета внутри типовой группы указываются его название и формальные признаки, включая время и место сбора, размеры и инвентарный номер, а также номер фотоотпечатка в каталоге. Несомненным достоинством работы является наличие фотографий, представляющих практически все описанные в справочнике предметы, за исключением абсолютно идентичных.

Тематический каталог Государственного музея этнографии народов СССР «Русские сельскохозяйственные орудия» издан в 1981 г.⁸ Составитель каталога И. И. Шангина расценивает его как «перечень сельскохозяйственных орудий» (с. 3), хранящихся в музее. В основе систематизации и группировки материала лежат принципы, разработанные и примененные в историко-этнографическом атласе «Русские (середина XIX — начало XX в.)»⁹. Каталог предваряет вводная статья, где формулируются его задачи, объясняется структура, анализируется как все музейное собрание в целом, так и отдельные группы памятников с точки зрения источниковедческой значимости. Автор справедливо предостерегает читателя, что, несмотря на свою представительность, фонд сельскохозяйственных орудий ГМЭ «не отражает в полной мере степень технической оснащенности сельского хозяйства России на рубеже XIX и XX вв.», но «раскрывает картину бытования традиционных крестьянских орудий труда» и их изменения за период с 70-х годов XIX в. по 70—80-е годы XX в. (с. 8). Каталог состоит из двух частей: «Земледелие» и «Скотоводство», в которых 868 экспонатов музейного собрания выделены в разделы в соответствии с их функциональными признаками. В первой части шесть разделов: «Орудия труда, связанные с земледелием», «Почвообрабатывающие орудия», «Орудия труда, употреблявшиеся для внесения удобрений в почву», «Орудия, употреблявшиеся во время сева», «Орудия уборки зерновых», «Орудия молотбы, веяния и обработки зерновых культур». Во второй части — «Скотоводство» — три раздела: «Орудия выпаса»¹⁰, «Орудия по уходу за скотом», «Орудия заготовки кормов». Внутри функциональных групп памятники сосредоточены по типам, хотя термин «тип» и не употребляется автором. Вслед за наименованием типа дается его характеристика, включающая описание конструктивных и функциональных особенностей, а затем идет перечень предметов с указанием инвентарного номера, времени и места сбора (в соответ-

⁶ Наименование и последовательность тем в предметных указателях коллекций достаточно различаются между собой.

⁷ Kačinskienė K., Mažeikienė O. XVI—XX a. pr. apšvietimo priemonės. Katalogas. Vilnius; LTSR Istorijos ir etnografijos muziejaus leidinys.

⁸ Русские сельскохозяйственные орудия XIX—XX вв. Каталог коллекций. Л.: Изд. Гос. музея этнографии народов СССР, 1981.

⁹ Русские. Историко-этнографический атлас. М.: Наука, 1967.

¹⁰ Автор включает в данный подраздел и пастушеские музыкальные инструменты: пастушьи рожки и барабаны; но при отсутствии типовых описаний неясно, что имеется в виду под рожками: только ли рожки или также жалеики, рога, трубы.

вии с дореволюционным административным делением), фамилии собирателя. Об индивидуальных особенностях предмета говорят данные, приведенные после инвентарного номера. Так, например, в разделе «Орудия уборки зерновых» первыми названы серпы. В характеристике типа обозначено, что в «России употреблялись русские серпы, английские» (с. 17), поэтому автор различает две основные подгруппы: английские русские серпы. При характеристике наиболее многочисленной подгруппы «русские серпы» перечислены следующие данные: «...сделаны из железа, со стальной наваркой: лезвие, с зубцами. Основание ножа — 29—33 см. Высота дуги ножа — 12—13 см. Лезвие утончается или оканчивается треугольником, поставленным перпендикулярно нему» (с. 18). Далее следует попредметный перечень.

Избранную автором форму подачи памятников в виде перечисления, без индивидуальных описаний и при отсутствии иллюстраций следует признать самым уязвимым местом каталога, так как из-за неполноты данных о конструкции, размерах, местной терминологии конкретных предметов снижается информативная значимость каталога.

Вместе с тем схема каталога «Русские сельскохозяйственные орудия» может служить образцом для издания аналогичных собраний других музеев, так как в основе членения лежит общепринятая унифицированная схема группировки сельскохозяйственных орудий труда, единая описательная терминология, что позволяет производить отбор необходимого материала по отдельным комплексам и предметам.

При разработке и составлении тематических каталогов наиболее сложным и важным вопросом представляется не столько выбор и обоснование структуры, сколько верный с источниковедческой позиции выбор темы. Даже поверхностное сопоставление двух описанных выше видов тематических каталогов свидетельствует об очевидном существовании различных исходных позиций при определении тематики справочного издания. В этом сказывается отсутствие общепринятой концепции тематического каталога и жестких классификационных схем для отдельных групп этнографических памятников. Кроме того, выбор тематики и форма подачи источников во многом зависят от состава и характера фондов конкретного музея, последние же обстоятельства, в первую очередь диктуются профилем музея.

В настоящее время намечаются два направления в обосновании и реализации тематических каталогов. 1. Создание узкотематических специальных каталогов, где однородный массовый материал размещается в хронологической последовательности — от наиболее ранних до более поздних форм, что дает возможность превратить подобный тематический каталог в значимый источниковедческий свод. Такого рода каталог рекомендуется создавать в исторических музеях. 2. Создание тематических каталогов по отдельным системам этнографических памятников, как-то: сельскохозяйственные орудия, орудия обработки волокна, прядения и ткачества, ремесленный инструментарий, средства передвижения, утварь и т. п. Подобные каталоги должны разрабатываться этнографическими и краеведческими музеями.

В целом из рассмотренных в обзоре видов каталогов указатель коллекций «Народы Кавказа» больше отвечает вспомогательным, служебным задачам этнографического музееведения, в то время как научно-справочный каталог МАЭ и тематические каталоги — исследовательским задачам.

Насущными потребностями современной каталогизации по-прежнему остаются дальнейшая работа по систематизации и классификации публикуемых этнографических памятников, выработка единых принципов написания вводных статей (с обязательным объяснением структуры каталога), унификация структур каталогов различного уровня и языка их описания с учетом огромной источниковедческой значимости каталогов отдаленной перспективы создания «Единого свода этнографических памятников» всех музеев страны.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Г. В. Зубко

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ ПРЕДКИ ФУЛЬБЕ: ФАКТ ИЛИ ЛЕГЕНДА?

Своеобразный в этнографическом, культурном и антропологическом отношениях многомиллионный народ фульбе уже давно привлекает к себе внимание африканистов разных специальностей. С ним, как и с его языком — фула, связано много научных гипотез.

На протяжении ряда веков фульбе небольшими группами просачивались в страны Западного Судана, где находили прекрасные пастбища для своих стад. Постепенно происходило их расселение по обширной зоне — от устья Сенегала до оз. Чад.

Исследователи справедливо говорят об особом антропологическом типе фульбе, который характеризуется, в частности, более светлой кожей, прямым носом, тонкими чертами лица. Ученые относят фульбе (впрочем, не всех, поскольку среди них есть много метисных групп) к эфиопской расе¹.

Традиционное занятие фульбе — отгонное и кочевое скотоводство. Современные фульбе в основном перешли к оседлому образу жизни, сохранив, однако, унаследованную от предков привязанность к скоту.

Для оседлых фульбе, как и их соплеменников-номадов, характерно пренебрежительное отношение к ремеслам, к которым они так и не приобщились. Это, видимо, во многом объясняет то обстоятельство, что область творческого самовыражения народа не соприкасается ни с кузнечным или ювелирным делом, ни с ткачеством, ни с гончарным ремеслом, ни с резьбой по дереву и т. п., т. е. с тем, что традиционно составляет африканское искусство. Наиболее развита у фульбе духовная культура. Сфера жизни, в которой находит свое проявление их творческий дух, — это фольклор, а для поздних периодов — и письменная литература.

Будучи, пожалуй, наиболее ревностными мусульманами в Африке южнее Сахары, фульбе немало способствовали распространению ислама в Судане. Они явились создателями многочисленных феодально-теократических государств, существовавших с конца XVIII до конца XIX в. На основе широко культивировавшихся в этих государствах арабо-мусульманских традиций возникла фульбская национальная культура. Ученые из числа фульбе, хорошо знакомые с арабской литературой, много сделали для ее распространения среди африканского населения. Однако не все фульбе оказались втянутыми в новый для них культурный поток. Значительные группы кочевников остались в стороне от этих важных изменений, преобразивших жизнь большинства фульбе.

Этногонических легенд фульбе собрано в общем-то немало. Большое количество текстов зафиксировано еще в прошлом веке. Первые леген-

¹ Берзина С. Я. Материалы к этнической истории фульбе. — Сов. этнография, 1974, № 4, с. 45. Другой советский исследователь, С. Я. Козлов, предлагает говорить о «контактном европеоидно-эфиопоидном типе с позднейшей негроидной примесью» (см. Козлов С. Я. Фульбе Фута-Джаллона. М.: Наука, 1976, с. 50).

ды фульбе были записаны со слов исламизированных представителей этого народа. В сущности, иначе и не могло быть, поскольку европейцы, приезжавшие в Африку в XIX — начале XX в. и вступавшие в контакт с фульбе, имели дело лишь с мусульманами. Напротив, современная наука располагает записями многочисленных легенд фульбе-кочевников.

Уже при первом, самом поверхностном сопоставлении легенд фульбе-мусульман и фульбе-«язычников» выявляются существенные различия, позволяющие говорить о двух типах этногонических легенд. Условно их можно назвать соответственно «исламским» и «номадным» (или «языческим») вариантами.

Легенды «исламского» типа. В исламской устной традиции обычно более или менее точно локализуется «прародина» фульбе, указывается имя первого «предка». При анализе этих легенд выявляются следующие версии происхождения фульбе: арабо-негритянская (Мадроль, 1895; Арсен, 1907)², арабская (Райхардт, 1857³; Крозальс, 1883: сведения 1817⁴; Мадроль, 1895), еврейская (Клаппертон, 1828: сведения, полученные от султана Сокото Мохаммада Белло⁵; Делафосс, 1912⁶), арабо-еврейская (Делафосс, 1912)⁷.

Для многих мусульманских легенд фульбе характерна следующая сюжетная схема, кстати повторяющаяся в легендах других мусульманских народов Африки: некий араб (вождь племени, военачальник или его сподвижник, марабут и т. п.) прибывает в Черную Африку, чтобы обратить «неверных» в веру Аллаха; здесь он женится на дочери правителя и имеет от нее детей; через некоторое время по той или иной причине он возвращается к себе на родину, оставив жену и потомство.

В легендах фульбе-мусульман, как правило, варьируется одно и то же имя «предка»-араба, дошедшее до нас в различных формах: Окба, Укуба, Укубата, Укубу, Якуб, Якуба и т. д. Исследователь фульбы Л. Токсье полагает, что арабский предок этих легенд — реальная историческая личность. По его мнению, здесь может идти речь о двух военачальниках, носивших одно и то же имя. Это либо Окба, который в 640 г. покорил Египет, либо Окба-бен-Нафи (Окба-бен-Нафа), основатель в 669 г. Кайруан (Северная Африка) и предпринимавший большую военную экспедицию в Магриб⁸.

Некоторые легенды относят раннюю историю фульбе к временам арабской экспедиции в глубь Африканского континента (VIII в.), которая была предпринята в эпоху правления Омейядов, в 736 г.

«Предки фульбе Фута-Джаллона пришли из Фаса. Они восходят к арабам...», — сообщает хроника эмиров Фута-Джаллона⁹, перекликающаяся с хорошо известной легендой. Исследователи расходятся во мнениях относительно локализации этого Фаса (Марокко, юг Алжира или Масына). В любом случае мусульманские устные тексты, несомненно, представляют собой результат творчества фульбских марабутов, прекрасно осведомленных о ранних периодах истории мусульманства и стремившихся возвести корни фульбе к этим наиболее «почетным» временам.

В этногонических легендах фульбе-мусульман упоминается еще один «предок». Вот что говорится о нем в хронике Сире Аббаса¹⁰, составленной на основе сенегальских сказаний:

² *Madrolle Cl.* En Guinée. P., 1895; *Arcin A.* La Guinée Française. P., 1907. В тексте здесь и далее указываются имя автора, опубликовавшего легенду, и год публикации.

³ См. *Tauxier J.* Moeurs et histoire des Peuls. P., 1937.

⁴ *Crozals J.* Les Peulhs. Étude d'ethnologie africaine. P., 1883.

⁵ *Clapperton H., Denham D., Oudney W.* Narrative of Travels and Discoveries in Northern and Central Africa in the Years 1822, 1823 and 1824. L., 1828.

⁶ *Delafosse M.* Haut-Sénégal — Niger (Soudan Français). T. I—III. P., 1912.

⁷ Ibidem.

⁸ *Tauxier L.* Op. cit., p. 37.

⁹ *Sow Alfa Ibrahim.* La Femme, La Vache et la Foi. P., 1966, p. 210.

¹⁰ *Delafosse M., Gaden H.* Chroniques du Fouta Sénégalais. P., 1913, p. 16.

«Первым правителем Фута-Торо был славный и знаменитый Дя-Укка (или Дя-Оого). Родом он был из семьи египетских коптов. Его предки обитали в Укка, на севере Сирии. Там он родился и правил в течение нескольких лет. После нападения арабских отрядов, разграбивших страну, он бежал в район под названием Тор. В этой местности много скал и пещер. Здесь он скрывался от арабов, стремившихся завладеть его золотом и серебром. От своих предков — египетских фараонов — он унаследовал секрет превращения камней в золото и серебро. Спасаясь от преследователей, он бежал из Тора к реке (Сенегал). До описываемых событий его звали Харуану. Во время пребывания в Укка он получил титул Дя-Укка. Но впоследствии Дя-Укка и его людей арабы стали называть Фаута-т-Тоори, откуда и произошло название Фута-Торо».

В своих комментариях к хронике М. Делафосс переводит Фаута-т-Тоори как «удаление от Тора», т. е. «бегство из Тора»¹¹, отождествляя сенегальское Фута-Торо с Тором на Синае. Сам Сире Аббас Со, автор хроники, при переводе Фаута-т-Тоори с арабского языка дает следующий эквивалент: *bocitiibe e haayre Duuri* — «убежавшие с камня, т. е. с горы, Дуури». По его мнению, Дуури или Доори — старая форма названия Тооро (Торо)¹².

Как полагает М. Делафосс, Дя-Укка — имя первого правителя и название первой династии, правившей на Фута-Торо. Он придерживается мнения, что Дя-Укка был семитского происхождения¹³, а слово *дя* — возможно, родовое имя или титул.

Сюжеты, близкие библейским сказаниям, упоминания имен библейских патриархов нередки в устной традиции фульбе. Фольклор этого народа буквально пронизан древнееврейскими элементами, намеками на события из истории древних евреев. Вот отрывок из наиболее примечательного в этом отношении текста, который был записан в Сахеле в начале прошлого века.

«Первыми предками фульбе были Якуба, сын Израиля, сына Исихаака, сына Ибрахима, и некий Сулейман. Якуба отправился из Кенана (Ханаан) в Тор (Синай), а затем в Мисра (Египет), где в то время правил его сын Юсуф. Юсуф прибыл в Египет за несколько лет до появления в стране его отца. Там он женился на дочери короля и впоследствии заменил его на троне. Второй предок (Сулейман) прибыл в Египет из Шама (Сирия) в одно время с Якуба и обосновался неподалеку от него... Детей Юсуфа и Сулеймана, давших начало народу фульбе, обычно объединяют под именем банисирайла (т. е. израильтяне). После смерти Юсуфа египтяне решили избавиться от ига израильтян и доверили власть местному человеку по имени Фирауна (Фараон). Новый монарх, недовольный ростом числа израильтян и увеличением их стад, обложил народ налогами. И тогда израильтяне бежали из Египта. Часть их достигла Кенана и Шама. Во главе этих израильтян был некий Муса (Моисей). Другая часть, под предводительством потомков Юсуфа и Сулеймана, переправилась через Нил, взяв направление на запад. Преследовавший их Фараон тоже попытался переправиться через Нил. Но его пирога перевернулась, и он утонул. Египетские воины прекратили преследование израильтян, которые со своими стадами направились в Сарту (Киренаика). В память о бегстве они стали называть себя Фут или Фуд...»¹⁴.

Приведенный текст удивительно напоминает известное сказание об Иосифе, которое в древности пользовалось большой популярностью.

¹¹ Ibidem.

¹² В современном арабском языке есть слово *tur* — «гора». А в Сирии и Южном Йемене этим словом обозначают большую глыбу.

¹³ Delafosse M., *Gaden H. Op. cit.*, p. 223. М. Делафосс был одним из сторонников так называемой «еврейской» («иудейской») теории происхождения фульбе.

¹⁴ Delafosse M. *Op. cit.*, p. 214.

Через Библию оно вошло в фольклор многих народов. В тексте фульбской «версии» истории внимание привлекает один из «предков» фульбе — Сулейман, которого устная традиция отождествляет с царем Соломоном (X в. до н. э.). Имя Фирауна, конечно, свидетельствует о том, что библейский сюжет, прежде чем попал к фульбе, подвергся определенным изменениям. Любопытно и имя Фут; похожее название мы уже встретили в тексте о первом правителе Фута-Торо — Дя-'Укка¹⁵.

Итак, арабский марабут (военачальник или его сподвижник) женится на дочери местного правителя и имеет от нее четырех детей. Именно четырех, и цифра эта, наиболее часто повторяющаяся в текстах, не случайна.

В мифологии фульбе за числом «четыре» стоит сложная символика. Укажем на некоторые, наиболее важные соответствия. «Четыре» символизирует четыре первичных элемента (огонь, воздух, вода и земля), четыре главных направления (восток, запад, юг и север), четыре основных цвета (желтый, красный, черный и белый), имеющих особое значение для фульбе. И наконец, это четыре клана, на которые распадается народ фульбе: Диалло, Ба, Со и Бари¹⁶. Каждый клан, по мифологии фульбе, находится в родственной связи с коровами определенной масти. При этом конкретному клану соответствуют «своя» масть коров, «свой» первичный элемент и «свое» направление (так, клану Диалло соответствуют желтая масть коров, огонь, восток, а клану Ба — красная масть, воздух и запад).

Легенды сообщают, что один из четырех детей — немой от рождения — неожиданно начинает говорить. Язык, на котором он обращается к своему младшему брату, незнаком всем окружающим, в том числе и родителям:

«...Третий сын долгое время в юности был немой. Однажды его младший брат заплакал, призывая мать. Вдруг немой закричал: „Замолчи, замолчи, твоя мать сейчас придет и покормит тебя грудью“. Это были первые слова фула, произнесенные в стране волоф...»¹⁷.

Фраза «Замолчи, замолчи, твоя мать придет и т. д.» кочует из легенды в легенду. Она встречается как у западных, так и у восточных фульбе, что дает основание говорить о каком-то общем источнике, к которому, возможно, восходят этногонические легенды фульбе (или же сюжет о немом ребенке).

Отец реагирует на счастливый дар сына по-разному. По одним легендам, неожиданно проявившаяся способность немого говорить, притом на незнакомом языке, вызывает у набожного марабута большую радость. Он вспоминает предсказание Мухаммеда о новом народе, которому суждено быть опорой веры в Аллаха, и о новом языке, знаменующем рождение избранного народа¹⁸. По другим легендам, слова немого, произнесенные на незнакомом языке, вызывают у отца страх и смущение. Это событие даже явилось причиной его неожиданного отъезда. Иногда легенды объясняют, почему отец принимает решение покинуть семью. Так, Укбату в одной из легенд воспринимает слова сына как знак, сообщающий ему о смерти Пророка¹⁹. Страх отца приводит к разрыву родственных отношений с сыновьями.

Таким образом, появление нового народа исламская устная традиция фульбе связывает с возникновением нового языка. Чертами необычности (по легенде — избранности) народа выступают язык и светлая кожа.

¹⁵ Некоторые исследователи фульбе видели в названии Фут (Фуд) имя народа о котором упоминается в Библии.

¹⁶ Здесь мы даем общие имена кланов, которым в разных странах соответствуют различные наименования.

¹⁷ *Madrolle Cl. Notes d'un voyage en Guinées par le Fouta Diallo. P., 1894, p. 27.* Волоф — название одного из народов Западной Африки.

¹⁸ *Tauxier L. Op. cit., p. 43.*

¹⁹ *Ibidem.*

Немой ребенок — это обычно Диалло, который впоследствии обучил новому языку своих братьев. Четверо детей дают начало четырем кланам фульбе: Диалло, Ба, Со и Бари²⁰. Характерно, что Диалло стоит здесь на первом месте и, возможно, это не случайно. Клан Диалло, судя по некоторым данным, занимает особое место в структуре фульбского общества. В системе символических связей атрибутом Диалло является восток, который, видимо, следует считать главным направлением у фульбе. Желтый цвет, другая символическая характеристика Диалло, — признанный цвет фульбе. Наконец, в системе отношений, определяемых профессионально-хозяйственной специализацией, которая сложилась у разных групп фульбе, именно Диалло имеют статус пастухов и хранителей пастушеских знаний (ср. Ба — воины, Со — предводители обрядов инициации, Бари — марабуты²¹).

С мотивом четырех детей марабута связан мотив диаспоры фульбе. Так, в легенде, записанной Мадролем на Фута-Джаллоне (современная Гвинея), сообщается:

«...Они (братья) направились в Томбукту, где сформировалось ядро народа... Два старших брата обосновались в Масине, третий (Диалло) достиг гористой страны, населенной бага и сусу, которую он назвал Фута-Диалло. Четвертый брат стал хозяином страны, находящейся между Средним Нигером и озером Чад...»²²

Упоминание об этническом центре часто встречается в легендах западных фульбе. Традиции, как правило, локализуют этническое ядро в средней излучине Нигера.

В легенде с «иудейскими» предками — Юсуфом, сыном Якуба, и Сулейманом — диаспора народа представлена как расселение по Западной Африке двух этнических групп. Одна из них, во главе с потомком Израиля, направились на юго-запад, в Туат, другая — группа Сулеймана двинулась на юг, в Борну, а оттуда в Масину²³.

Итак, в устной традиции исламизированных фульбе выделяются, в свою очередь, два типа легенд, которые условно назовем здесь «арабскими» (т. е. с «арабским предком») и «еврейскими» (с «иудейским предком»). Первые в качестве предка указывают на Окбу, а прародиной народа называют Мекку, Египет, Йемен, Синай, Фес. Эти тексты включают следующие основные сюжеты: 1. Мотив заговорившего немого ребенка. Появление нового языка, знаменующего рождение этноса. 2. Избранничество. Мотив светлой кожи. 3. Реакция отца на незнакомый язык: радость, страх. Разрыв родственных связей. 4. Происхождение четырех кланов фульбе от четырех детей марабута. Согласно «еврейским» легендам, «предками» фульбе являются Дя-Укка, а также Юсуф, сын Якуба, и Сулейман; прародина — Сирия, Египет, Синай. Основные сюжетные элементы — мотив бегства «предков» фульбе с прародины, мотив преследований и гонений, диаспора фульбе.

«Номадная» («языческая») устная традиция фульбе²⁴. Сравнительно недавно достоянием науки стали мифологические тексты западных кочевых фульбе, записанные благодаря малийскому ученому и этнологу, писателю и поэту Амаду Ампате Ба, который сам прошел обряд инициации. Это «Кумен» — текст, реципируемый во время обряда посвящения в пастухи²⁵; «Кайдара», связанный с ритуалом приобщения к традиционным знаниям фульбского общества²⁶; текст «Лайтере Коодаль» — «Свет Великой Звезды», воссоздающий обрядность посвящения

²⁰ Ibid., p. 40—43.

²¹ *Bâ Amadou Hampaté, Dieterlen G. Koumen, récit initiatique peul. P., 1961, p. 11.*

²² *Madrolle Cl. Notes d'un voyage en Guinée par le Fouta Diallo, p. 27.*

²³ *Delafosse M. Op. cit., p. 214.*

²⁴ Здесь и далее мы намеренно ставим знак равенства между понятиями «номадный» и «языческий» (так же, как уравниванием понятия «оседлый» и «мусульманский»; такое упрощение нам необходимо для анализа рассматриваемых явлений).

²⁵ *Bâ Amadou Hampaté, Dieterlen G. Op. cit.*

²⁶ *Bâ Amadou Hampaté, Kesteloot L. Kaidara, récit initiatique peul. P., 1968.*

в правителя; «Лоотори» — «Священное омовение», представляющий собой неотъемлемую часть религиозного праздника Нового года²⁷ и, наконец, «Нджеддо Деваль» — «Мать зла» — мифологический текст о борьбе мифического героя с богиней зла²⁸. Перечисленные тексты составляют единый мифологический цикл.

Упоминание о прародине присутствует в большинстве «языческих» текстов фульбе. Кочевники Нигера утверждают, что они пришли из Малле. Некоторые бороро²⁹ полагают, что их предки вышли из «города Малла», якобы находившегося в Нигерии, однако сами бороро считают Малле (Малла или Мали) не родиной своих предков, а всего лишь этапом в истории народа. Легенды часто называют бороро народом со светлой кожей, пришедшим с Востока.

Тема восточного происхождения фульбе является содержанием ритуальной беседы, происходящей во время обряда инициации (Мали). Трое старейшин задают посвящаемому вопросы: «Фула³⁰, откуда ты пришел? Куда ты идешь? Кто ты?» Согласно ритуалу юноша молчит. Ответы дает его дядя по материнской линии: «Сын моей сестры пришел с Востока, озаренного светом. Сын моей сестры идет на Запад, богатый травами. Сын моей сестры — Адам». Один из мудрецов задает новый вопрос: «Думает ли он вернуться на Восток? Когда, как и почему?». На это ни юноша, ни его дядя не дают ответа. Они разводят руками, показывая жестами свое неведение...³¹

Западные фульбе-кочевники называют свою «родину» Йоойо. Они произносят это название в своих молитвах, обращенных к Гено — Все-вышнему. Упоминания об этой «счастливой стране» встречаются во многих текстах, в том числе мифологических. Вот что говорится о ее местонахождении в «Нджеддо Деваль»: ³²

Многие задаются вопросом, желая понять,

Но не в силах ответить, где находилась Йоойо, насколько была она велика и где был воздвигнут Хели ³³.

Верят одни, что помещалась Йоойо возле Восточного моря,

Страны нашей тетки Бальгисы ³⁴.

Возражают другие решительно

И указывают на район Западного моря,

Между страной Хабаси и Мисра ³⁵.

В «Нджеддо Деваль», как и в других мифологических текстах, много намеков на времена царя Соломона. Так, в тексте говорится, что именно он, «Сулейман, сын пророка Дауда», заставил работать духов, превративших Йоойо в цветущий край, а Хели — в замечательный по красоте город ³⁶. Видимо, часто встречающийся в мифологических текстах «вечный город» (ngendi) или «город счастья» (ngendi malu) и есть Йоойо или город Хели.

Для устных традиций фульбе-номадов характерно постоянное упоминание о воде. Бороро Нигера считают, что их предки жили «по другую сторону воды». Водное пространство локализуется в легендах по-разному. Называются, например, реки и озера Масины, Нигер, Нил, Красное море. Чаще всего речь идет о каком-то море — Bahar Melia

²⁷ *Bâ Amadou Hampaté*. L'Eclat de la Grande Étoile, suivi du Bain rituel, récits initiatiques peuls. P., 1974.

²⁸ *Sylla Yéro*. Njeddou Dewal, récit initiatique peul du Macina, Dakar, 1975.

²⁹ Бороро — название восточных кочевых фульбе.

³⁰ Фула — здесь представитель народа фульбе.

³¹ *Bâ Amadou Hampaté*. Des Foulbé du Mali et de leur culture. — Abbia, Yaoundé, 1966, № 14—15, p. 43—44.

³² *Sylla Yéro*. Op. cit., p. 10—11.

³³ Хели — город в стране Йоойо.

³⁴ «Наша тетка Бальгиса» — царица Савская. В легендах фульбе часто говорится о родстве с царицей Савской.

³⁵ Здесь Хабаси — Эфиопия, Мисра — Египет.

³⁶ В мифах фульбе древнееврейский царь Соломон часто выступает как источник мудрости, приобщение к которой составляет содержание некоторых обрядов инициации.

(или *Malial*) (араб. «соленое море»). В одной легенде бороро сообщает, что *Bahar Maalia* — огромное море, которое окружает всю Землю³⁷.

Судя по всему, водное пространство в текстах фульбе — это мифические воды. Возможно, слова *maalia*, *Mali*, а также *malu* или *malal* (араб. «счастье») слились в текстах в единый семиотический комплекс: «вода» — название страны (вообще) — «счастье».

Многие легенды и мифы начинаются с того, что герой (герои) оказывается около воды, где и происходят важные события, знаменующие рождение народа. Мотив водного пространства имеет особое значение в устных традициях фульбе. По выражению К. Сейду, «этот своего рода тропизм, который ведет героя из родной хижины к воде, возможно, означает его движение к мифическим истокам народа»³⁸.

Своим предком большинство бороро считают Фу — мифического пастуха, который первым одомашнил коров и заговорил на языке фула. Некоторые исследователи склонны отождествлять Фу с библейским Фу — третьим сыном Хама. У Фу был сын — Курукуру, который иногда сам выступает как культурный герой: он хозяин первой коровы³⁹. Согласно текстам фульбе-бороро Конни (Нигер), «первого пастуха звали Хуф, у него было большое стадо. Он погиб в термитнике...»⁴⁰. И наконец, восточные кочевники знают еще одного «предка» — Хаку, сына духа воды, от которого он получил в дар многочисленных коров. От Хаку пошли бороро-ханагамба.

Другие имена называют западные кочевники. Наиболее часто в их легендах встречаются Буйтори и Ило. Амаду Ампате Ба переводит имя Буйтори, или Бу-Тоорин, как «человек из Торо». По его мнению, Торо — страна, наванная в честь Тора, который находился на Синае или в Сирии. Фульбе Масины считают, что Буйтори во времена исхода древних евреев из Египта направился со своими людьми не на восток, как израильтяне во главе с Моисеем, а на запад. В стране черных он женился на местной женщине и имел от нее шестерых сыновей. Первого сына звали Хеллере, он посвятил его Хаму — богу (или предку) своего племени.⁴¹

Ило — пожалуй, самый интересный из всех фульбских «предков» персонаж. Чаще всего он выступает как просто Ило либо Ило Ялади, т. е. Ило Красноухий (Краснокожий). Встречается еще более полное имя — Ило Ялади Дядье (имя Дядье в некоторых семьях фульбе дают первому сыну). По-русски имя этого предка можно перевести так: Ило Красноухий, первый сын.

В одной очень любопытной легенде, услышанной Амаду Ампате Ба в Сенегале, говорится о том, как во времена Соломона «наш предок» — Эло Хаммади, первый сын Ялади, правителя Йоойо, — спас жизнь двум страусам, отпустив их на свободу. Эти две птицы принадлежали царю Соломону, который намеревался подарить их Горголь Бальгисе (царице Савской)⁴². Эло (Ило) назван здесь первым сыном правителя, о чем говорит, кстати, его второе имя — Хаммади, у фульбе обычно даваемое первому сыну⁴³.

Итак, Ило — первый сын кого-то, посвященный богу Хаму. Если связать его с линией Буйтори, который посвятил своего первого сына богу Хаму, то получится, что Ило и есть его сын, Хеллере.

³⁷ Dupire M. Peuls nomades. P., 1962, p. 29—30.

³⁸ Seydou Ch. Une légende peule du Niger Occidental «La Vache et le Livre». — Cahiers des religions africaines. Kinshasa, 1972, v. 6, № 12, p. 225.

³⁹ Dupire M. Op. cit., p. 32.

⁴⁰ Ibid., p. 33.

⁴¹ Bâ Amadou Hampaté. Des Foulbé du Mali et de leur culture, p. 30.

⁴² Ibid., p. 34.

⁴³ У фульбе существует несколько систем номинации детей. Одна из них состоит в присвоении детям так называемых «порядковых» имен. Это сакральная система, кодированный смысл которой таков: Хаммади — первый сын, посвященный богу Хаму; Самба — второй сын, посвящаемый богу Саму; Демба — третий сын, посвящаемый богу Дему и т. д. Этих богов — а их всего семь — называют племенными богами. Им приносят жертвы (*Bâ Amadou Hampaté, Kesteloot L. Kaïdara...*, p. 12, 23).

По мифологии фульбе, Ило является братом Тяянаба — огромного питона, мифического хозяина коров, от которого пошел весь скот фульбе. Некоторые тексты называют родоначальниками коров и Тяянаба и Ило. У западных фульбе есть легенда, в которой отчетливо раскрывается мифическая сущность Ило⁴⁴. В ней повествуется о тех временах, когда Тяянаба вышел из океана. В ту пору с ним были коровы, которых ему доверил Гено. Он поднялся по реке Сенегалу и вошел в русло Нигера. Тяянаба в ту пору был мал и беззащитен, и его усыновила семья Ило, сына Ялади. Тяянаба и Ило стали братьями-близнецами. В тексте рассказывается также о несчастье, которое произошло из-за того, что был нарушен наложенный Гено запрет. Тяянаба раздулся до огромных размеров, так что хижина разлетелась на куски, и бросился в воду. Прodelав большой путь по Нигеру, он добрался до района озера Фагибине и Оро, где и умер⁴⁵. Именно здесь, как говорится в тексте, наблюдается самое большое скопление скота. Ило, которому с большим трудом удалось собрать стадо, остался кочевником.

Путь змея от устья Сенегала до места гибели — это знаменитый «перипл Тяянаба». Упоминаемые в легенде деревни, озера и реки — отнюдь не мифические, их названия вполне реальны. Возможно, здесь мы наблюдаем мифологическое закрепление реального пути, по которому когда-то прошел народ фульбе (или одна из его групп). Конечный пункт «перипла» совпадает с основным скоплением скота, там же устные традиции локализуют и «ядро» народа.

Кроме Буйтори и Ило на западе в качестве предков фульбе называются также Бела и Ага, о которых у нас очень мало сведений. Ага — это скорее всего «первый пастух». Характерно, что в языке фула ага употребляется и как нарицательное имя со значением «пастух, кочующий со своим стадом».

Обязательным элементом текстов фульбе-кочевников является Корава, с которой связано много сюжетов. Чтобы понять общую сюжетную схему, обратимся к устной традиции бороро.

«Одну женщину бросил муж, когда она была беременна. Уходя, он оставил в хижине, в тайне от женщины, порошок... Однажды в деревне остановился на ночлег какой-то старик. Он рассказал женщине о порошке. Она обыскала хижину и нашла его. Старик сказал мальчику — сыну женщины, что он должен уединиться и сжечь порошок. Мальчик отправился в лес. У реки он совершил воскурение, и тотчас из воды вышел одноглазый дух с Книгой в руке. Он дал Книгу мальчику, сказав, что в ней содержатся все необходимые ему знания и предписания, которым он должен следовать. Дух велел мальчику надеть новые одежды, раздобыть новую деревянную посуду, а затем пойти в лес и в скрытом от глаз месте совершить второе воскурение. Мальчик отправился в деревню к резчику по дереву. Тот сделал ему новую ступу и небольшой пестик. Ткач выткал ему новые одежды, а от кузнеца он получил горящие голени. В лесу он собрал необходимые травы, размял их в ступе. И снова пошел к реке, где совершил второе воскурение. На этот раз к нему из волн вышли коровы. Мальчик отвел их в деревню. Став обладателем такого богатства, он смог расплатиться с ткачом, резчиком и кузнецом за их помощь. Говорят, что тогда и возникли дружеские отношения, связывающие фульбе и группы ремесленников. Говорят также, что мальчик бережно хранил Книгу (в которой собраны все пастушеские знания). Она сохранилась до тех дней, когда восторжествовал ислам и люди захотели сжечь ее. Тогда, чтобы спасти Книгу, дух велел разыскать ее. Схватив Книгу, посланец исчез с ней в воде. Книга осталась в памяти людей благодаря жрецам, передающим из поколения в поколение знания, содержащиеся в Книге»⁴⁶.

⁴⁴ *Bâ Amadou Hampaté, Dieterlen G. Op. cit., p. 27—28.*

⁴⁵ «... Когда вы придете в среднюю страну, где сливаются воды Черной и Белой рек, там умрет Тяянаба и там вы создадите империю». Эти слова, обращенные Гено к фульбе, вели их, как сообщает другая традиция, к новым, лучшим местам (*Bâ Amadou Hampaté. Des Foulbé du Mali et de leur culture, p. 33*).

⁴⁶ *Seydou Ch. Op. cit.*

Средством привлечения коров обычно служит огонь (воскурение в данном случае). По другим текстам, коровы вызываются из воды с помощью горящей головни, которую держит в руке первый пастух⁴⁷.

Первое воскурение, о котором говорится в приведенном выше тексте, совершается для привлечения духа, второе вызывает из воды коров, возникающих как другая ипостась духа. Воскурение здесь означает как бы движение к истокам всех начальных процессов. Вместе с тем оно символизирует активное воздействие человека на природу, результатом которого является очень важное для фульбе событие — одомашивание коров.

Итак, важным компонентом этого действия служит огонь — второй из четырех основных элементов. Тексты связывают его с одноглазым духом, в семиотическом отношении представляющим сложную фигуру. Главный одноглазый персонаж в мифологии фульбе — Солнце. Согласно мифологическим представлениям фульбе, в «начале времен» Солнце было глазом самого Гено. Впоследствии Всевышний вынул его из глазницы, превратив в «одноглазого монарха», которому было достаточно одного глаза, чтобы «все видеть, что происходит на Земле, обогревать ее и освещать»⁴⁸. Одноглазый дух, вручивший мальчику Книгу, в которой собраны все необходимые народу фульбе знания, — источник и хранитель этих знаний. Он тесно связан с Солнцем⁴⁹. Водное пространство, из которого, подобно Афродите, выходит Корова, представляет собой те же космические воды, в которых рождается народ. Символичен и цвет легендарных коров. Чаще всего, пожалуй, масть первых коров белая (в системе символических связей белый цвет ассоциируется с кланом Бари).

В легендах, в которых коровы появляются как дар духа, Корова и дух (вместе с первопредком) — главные персонажи, связанные общим происхождением. Дух — отец первопредка. Вода объединяет Корову и духа: дух — хозяин вод, из которых выходят коровы. Корова — дар и одна из ипостасей духа. Иногда в тексте дух отсутствует, и тогда Корова возникает как субститут отца.

Нетрудно заметить, что линия «арабского предка» в легендах мусульман представляет как бы надстройку над языческими сюжетами. После отъезда арабского предка дети оказываются у воды, где происходят события, известные нам из текстов кочевников. В легендах полуседлых фульбе мотив духа-отца часто используется для разъединения фульбе-мусульман и номадов. Так, легенда о Хаку (бороро) сообщает о том, как, получив от своего отца — духа воды — коров, «Хаку отдал их своим братьям — сыновьям Укубу, ставшим предками фульбе. Бороро, которые происходят от духа, известны как колдуны»⁵⁰.

«Арабский предок» Окба, с одной стороны, и дух-отец и «языческий» предок, с другой, нередко выступают вместе в одной легенде, где фульбе-мусульмане и фульбе-язычники оказываются родственниками по матери (а отцы у них разные). Общим для легенд является мотив изгнания детей. Причины, по которым дети вынуждены покинуть дом, различны. Они вызывают гнев своего отца-марабута, заговорив на незнакомом языке, либо уходят вместе со своей матерью, потому что марабут не может простить жене измену; отец детей в этом случае — дух

⁴⁷ Dupire M. Op. cit., p. 32—33; 35.

⁴⁸ Bâ Amadou Hampaté, Kestéfoot L. Op. cit., p. 23.

⁴⁹ В языке фула слова «корова», «солнце» и «огонь» относятся к одному и тому же именному классу, в котором, кстати, других имен существительных нет. По мнению некоторых исследователей, в грамматической общности трех слов следует усматривать отражение общности семиотической, представляющей собой триаду наиглавнейших для мировосприятия фульбе понятий.

⁵⁰ Dupire M. Op. cit., p. 33.

или человек неблагородного происхождения (иногда просто незнакомец).

Обязательный момент устной этногонической традиции номадов — инцест: брат и сестра, оказавшиеся у воды, становятся мужем и женой; от их союза и происходит народ. Мотив инцеста сближает номадные тексты с мифом о сотворении мира. Характерно, что в текстах кочевников в факте инцеста не усматривается ничего предосудительного. Совершенно иное отношение к инцесту в традициях оседлых и полупоседлых фульбе, в которых с помощью этого мотива противопоставляются мусульмане и язычники. Инцест в этом случае служит указанием на «неблагородное» и даже «позорное» происхождение бороро. В текстах кочевников, напротив, не ощущается стремление их создателей непременно противопоставить мусульман и язычников. Главным предметом их забот продолжает оставаться Корова. В них сообщается, например, о том, как фульбе становятся обладателями коров с короткими рогами, а бороро получают коров с длинными рогами (кстати, коровы с длинными рогами наиболее характерны для стад фульбе).

Обычно дарителем коров является дух воды. Иногда коровы переходят к фульбе от представителей оседлых народов или людей каст. Из ремесленников в этой роли чаще всего выступают кузнецы, которые играют особую роль в мифологии фульбе (в некоторых странах фульбе и кузнецов связывают так называемые отношения «шуточного родства», благодаря которым они считают себя двоюродными братьями).

Помощь, оказываемая ремесленниками в приобретении коров, рассматривается как начало союза, который фульбе заключают с оседлыми народами. За эту помощь фульбе расплачиваются молоком коров, получая за него все необходимое для жизни. Так устанавливается «общественный договор» между фульбе и местным населением.

Попытаемся выяснить, какую роль в происхождении фульбе сыграла Книга, полученная первым пастухом от духа воды. По данным фольклора, Книга представляла собой собрание всех знаний, связанных со скотоводческой жизнью народа. Некоторые тексты называют ее также Книгой магии и пророчеств, в которой можно прочесть судьбу людей. Неожиданно возникновение Книги: как и коровы, и сам дух, она появляется из воды. В воде она впоследствии и исчезает. Книга, как и коровы, своим появлением знаменует рождение нового народа, который она, передав ему знания, вводит в мир.

Если предположить, что существование Книги, притом как продукта собственной культуры фульбе, было реальным фактом, то, следовательно, необходимо признать и существование письменности. А была ли она? Старые пастухи утверждают, что фульбе знали письменность и что она была древнее той, что введена исламом. Эту письменность изучали юноши, приобщавшиеся к пастушеской «науке» и магии. Утверждают также, что язык Книги был понятен первому пастуху и первой Корове. Судя по имеющимся данным, эти пиктографические письмены можно сблизить с магическими знаками, которые фульбе традиционно используют для клеймения коров. И в том и в другом случае речь идет скорее всего о такой системе кодирования, при которой знаки передают понятия, а не языковые формы или звуки. Другими словами, у фульбе вряд ли была своя письменность, с помощью которой они создавали бы произведения литературы. Но что же все-таки стоит за мотивом Книги в фольклоре фульбе?

В одной легенде с библейским сюжетом говорится, что когда во времена исхода древних евреев из Египта родоначальник фульбе расстался с Моисеем и направился на запад, при нем была эта Книга. Согласно другому тексту, именно из-за нее произошел раскол: Моисей проклял Книгу, однако часть народа продолжала верить в нее и предпочла покинуть пророка.

Трудно предложить рационалистическое толкование мотива Книги в фольклоре фульбе. Возможно, Священная книга представляет собой

некий «мыслительный конструкт», в котором нашли отражение какие-то очень важные для народа идеи. Книга — символ пастушеской культуры фульбе, и как таковая является выражением в наиболее концентрированном виде идеи самобытности народа и носителем его основной характеристики. Но почему легенды придали этим символам форму книги? Не исключено, что в данном случае имело место влияние ислама и Корана, а может быть, корни мотива Книги уходят еще дальше в глубь веков. Во время своих странствий «прафульбе» могли вступить в непосредственный контакт с высокоразвитыми цивилизациями, и в результате этих «встреч» в их руки, возможно, попали и книги. Непонятные по своему содержанию, они тем не менее вполне могли стать предметом поклонения, своего рода фетишами, символизирующими причастность к более высокой культуре. Важно отметить, что мотив Книги в текстах переплетается с мотивом бегства народа из «страны счастья» (ср. мотив изгнания детей из родного дома), который легко соединился с линией еретичности Книги (несоответствия ее официальным религиозным догмам), появившейся в фольклоре фульбе под влиянием исламских традиций.

* * *

Как показало исследование, легенды фульбе-мусульман восходят, возможно, к какому-то общему источнику. Об этом свидетельствуют, в частности, удивительное единообразие сюжетной схемы, текстуальное совпадение отдельных фрагментов, имя «предка», в целом общее для легенд этого типа. Вместе с тем исламские тексты перекликаются с языческими, с которыми их сближают, например, указание на восточное происхождение народа, упоминание о светлой коже, четыре клана, водоем и т. д. Неожиданно возникший новый язык является, по исламским легендам, такой же наисущественнейшей характеристикой фульбе, как коровы в традициях номадов. Мотив языка присутствует и в языческой устной традиции, но в ней он получает иное развитие: язык, слово объединяют вместе духа воды, Корову и первого пастуха.

Если легенды мусульман более «историчны», т. е. в них вполне ощутимо стремление связать описываемые события с реальными фактами и историческими личностями, то тексты фульбе-кочевников, совершенно очевидно, уводят нас в область мифологической символики. Коровы выступают в этих традициях как родственники фульбе, а одноглазый дух — как родоначальник и коров, и нового народа.

Анализ этногонических легенд фульбе показал, что в среде мусульман продолжают бытовать легенды, условно названные нами «иудейскими». Бу-Тоорин («Человек из Торо») — персонаж как «иудейских» легенд, так и текстов, составляющих фундамент мифологии фульбе. Его сын Хеллере, очевидно, сходен с Ило (или Эло) языческих текстов. Любопытны многочисленные упоминания имен Соломона, Давида, царицы Савской. Характерно, что в топонимике тех районов Мали, Сенегала, Верхней Вольты и других стран, где живут фульбе, часто встречаются названия Акка (Акка или Укка, в Сирии, откуда якобы происходит Дя-Укка, первый правитель Фута-Торо)⁵¹. Тексты с «еврейским предком», пожалуй, все же ближе к языческому пласту фольклора фульбе. Однако нельзя не отметить и параллелей, сближающих «иудейские» и исламские легенды. Так, Иосиф-Юсуф, сын Иакова-Якуба из «иудейских» текстов сопоставим с Окбой мусульманских сказаний.

Фольклор фульбе вобрал в себя многие элементы фольклора соседних африканских народов. Однако следует говорить о большом своеобразии фульбского фольклора, запечатлевшего особенности ду-

⁵¹ *Bâ Amadou Hampaté*. Des Foulbé du Mali et de leur culture, p. 34.

ховной культуры народа с характерными для нее элементами боолатрии (поклонения корове) и самобытным пантеоном. На наш взгляд сложная система верований кочевых фульбе могла сложиться только за пределами современного ареала обитания фульбе, где издавна преобладали земледельческие культуры.

Известные исследователи мифологии фульбе Амаду Ампате Ба и Ж. Дитерлен полагают, что можно говорить о «связях фульбе со Средиземноморьем и Востоком, а также о влиянии, которое этот народ испытал в результате контактов с народами классического мира»⁵². Особый интерес в этом отношении представляет Ило (Эло), которого мы возводим к ближневосточному божеству Элу (Илу). Культ Эла был широко распространен у древних семитских народов Передней Азии и охватывал огромный по протяженности во времени период. В Ило фульбе мы усматриваем отголосок контактов народа с обширным культурно-историческим регионом Ближнего Востока. Но где и когда именно состоялась эта встреча прафульбе с восточными народами, выяснить очень трудно. Ученые даже не знают, кто собственно пришел в свое время в Западную Африку под именем фульбе, когда появилось это название, где сформировался народ. Но это уже другая большая проблема, которой мы могли здесь лишь коснуться. Ило — неотъемлемая часть мифологии фульбе. Он прочно связан с одним из главных божеств фульбе — Тяянаба. Он хозяин скота фульбе и олицетворение пастушеской культуры. Обращает на себя внимание сходство имен Ило-Эло и Хеллере, первого сына Буйтори — «предка» фульбе, имеющего восточное происхождение. Ило и Хеллере — видимо, один и тот же персонаж, а город мифической «страны счастья» Йоойо, вероятно, может быть назван «городом Ило».

Как известно, азиатские корни прослеживаются и в древнегреческой мифологии, которая вобрала в себя многие ближневосточные и древнеегипетские персонажи и сюжеты. Героя древнегреческих мифов Бела исследователи сближают с Баалом, одним из верховных семитических божеств. В этой своей форме имя Бел напоминает нам Бела (Бело) из мифов фульбе. Видимо, этого «предка» фульбе можно отождествить с ханаанским Баалом. В греческой мифологии есть и Ил, сын Дардана (по другим легендам — сын Троя), основатель города Илион, т. е. Трон, в Малой Азии.

Ило вошел в мифологию фульбе как первый сын Хама. Рефлексом этой генеалогической связи является имя Хаммади — первое порядковое имя у фульбе. В своеобразной системе именования детей у фульбе, как нам представляется, в сублимированном виде отразился древнейший обычай приносить в жертву богам первородных детей, некогда распространенный в Ханаане и Месопотамии. Посвящение детей богу — след обрядов, связанных с человеческими жертвоприношениями. В антропонимии фульбе явно ощущается след культа семи «богов-предков», роль которых в пантеоне не совсем ясна.

Итак, изучение фольклора фульбе, в частности их этногонических преданий, позволяет по-новому взглянуть на проблему происхождения народа. Наши данные дают основание предполагать, что предки фульбе в давние времена находились в относительно близком соседстве с древними восточными цивилизациями. Очевидно также, что прафульбе испытали на себе влияние культуры Ближнего Востока и явились одним из тех народов, которые принесли ближневосточные и древнеегипетские сюжеты в глубинные районы Черной Африки, где боги фульбе «заключили союз» с местными богами и где азиатские сюжеты сплелись с африканскими мотивами.

⁵² *Bâ Amadou Hampaté, Dieterlen G. Op. cit., p. 94.*

II ФОЛЬКЛОРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ГДР И МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОЛЛОКВИУМ ПО ПРОБЛЕМАМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФОЛЬКЛОРНОГО НАСЛЕДИЯ

Летом 1983 г. в г. Шмалькальдене (округ Зуль) состоялись II фольклорный фестиваль ГДР (1—3 июля) и (впервые проводившийся в рамках этого фестиваля) международный коллоквиум «Фольклорное наследие и его использование в социалистическом обществе. Обобщение опыта» (4—5 июля)¹. Коллоквиум, как и фестиваль, был организован Министерством культуры ГДР при участии соответствующих научных учреждений.

Проведение коллоквиума «по горячим следам» фольклорного фестиваля республики свидетельствует о том большом значении, которое придается в ГДР творческому союзу ученых и практиков в сохранении народных традиций и создании новой социалистической обрядности. Фестиваль этот явился своего рода экспериментальной базой для проверки различных методик и теорий. Результаты эксперимента обсуждались на коллоквиуме.

Одна из основных целей фольклорного фестиваля ГДР — познакомить молодежь с культурными и трудовыми традициями своего народа, многие из которых либо забыты, либо подверглись в период фашизма националистическому искажению.

В распоряжение участников фестиваля, съехавшихся со всех округов ГДР, была отдана центральная часть города, принявшего праздничный вид: на административных и жилых зданиях — гирлянды из зелени и государственные флаги ГДР; в местах народных гуляний, поблизости от эстрад, — высокие шесты с венками наверху, напоминающие майское дерево. Витрины большинства магазинов, расположенных в центре, превращены в своеобразные этнографические экспозиции. На них были представлены: отдельные сельскохозяйственные орудия; различная домашняя утварь; пряничные доски и разнообразные изделия из теста; образцы народного ткачества и кружевоплетения; изделия из стекла, керамики и дерева; народная одежда; зонты, перчатки, сумки и прочие аксессуары, а также обувь разного времени и т. п.

На нескольких узеньких улочках в старом центре города, недавно отметившего свое тысячелетие, в специально выстроенных павильончиках работали ремесленники — гончары, стеклодувы, чеканщики, медники, пряжи, ткачи, набойщики, столяры и пр. Часть изделий, выполненных ими, можно было приобрести в день закрытия фестиваля на аукционах, проходивших при большом стечении народа.

На одной из площадей проводилась фестивальная лотерея, в которой разыгрывались изделия народных мастеров — игрушки, керамика, кружева, вышивки, рисунки, а также открытки на этнографические сюжеты (народная одежда, жилище, утварь). На соседней площади шла демонстрация моделей одежды фольклорного стиля для детей и молодежи, привлекавшая большое число зрителей разного возраста.

В концертной программе фестиваля были представлены некоторые реконструированные трудовые обряды и обычаи, в основном крестьянские (например, праздник урожая, обряд «нестрая вода», сорбский «запуст» и др.), сорбская свадьба, немецкая народная комедия, а также песенный, музыкальный и танцевальный фольклор различных округов ГДР. На фестивале продемонстрировали свое искусство около 150 коллективов, различных и по числу участников, и по их возрастному и социальному составу. Каждый коллектив выступал 3—4 раза, что давало возможность ознакомиться практически со всей программой фестиваля, хотя концерты зачастую шли одновременно на 5—8 эстрадах.

Таким образом, фольклор, точнее народное творчество в различных его проявлениях, был представлен на фестивале очень широко.

Как особую удачу следует отметить организацию массовых танцев (на основе народных), пользовавшихся большим успехом у молодежи, и хорового пения, что превращало присутствующих из пассивных потребителей культуры в активных участников творческого процесса, благодаря чему фестиваль стал подлинно народным праздником.

Фестиваль не только показал, что народные традиции и обряды активно воспринимаются молодежью, но и продемонстрировал богатые возможности использования народных традиций в организации досуга трудящихся.

Теоретические итоги фестиваля подводились на коллоквиуме, целью которого был обмен опытом в области теории и практики сохранения и использования фольклорного наследия. В работе коллоквиума, открывшегося докладом заместителя министра куль-

¹ I фестиваль ГДР проходил также в Шмалькальдене в 1978 г.

туры ГДР З. Вагнера, приняли участие представители научных учреждений, общественных организаций и деятели культуры ГДР, а также ученые и культпросветработники из ВНР, НРБ, ПНР, СРР, СССР и ЧССР.

Было заслушано 14 докладов. Часть их (В. Жириковска — ЧССР, И. Козева — НРБ, М. Лешак — ЧССР, И. Мейтою — СРР, Я. Тот — ВНР, Б. Шолце — ГДР) носила в значительной мере информационный характер. Докладчики познакомили слушателей с ведущейся в их странах и приобретающей все больший размах работой по изучению, сохранению и сценическому воплощению старых народных традиций и обрядов (преимущественно трудовых), а также по созданию новых обрядов.

Высказывалось мнение, что «традиции надо искать не только в жизни, но и в архивах» и наиболее ценные из них возрождать. Оно обосновывалось конкретными примерами положительного опыта использования архивных материалов для реконструкции уже забытых трудовых обычаев и обрядов (Э. Мюнци и Г. Латч — ГДР). Вместе с тем прозвучало серьезное предостережение от механического перенесения старых традиций и обрядов в современность. По мнению ряда выступавших, их обязательно следует трансформировать, чтобы сделать созвучными современности, в противном случае реконструированные традиционные обычаи и обряды не найдут отклика в наши дни (Х. Лейхзенринг — ГДР, Ян Макульски — ПНР, Э. Мюнци, Б. Шолце). Обращалось также внимание и на недопустимость навязывания новых обычаев и обрядов. «Народ должен принять их добровольно» — подчеркнул директор Института исследований народного творчества Х. Лейхзенринг.

В подавляющем большинстве докладов рассматривались главным образом традиции и обряды, порожденные крестьянским бытом, что бесспорно свидетельствует о слабой изученности духовной культуры рабочих (на это указывалось и в докладе З. Вагнера). Специально обычаям и обрядам рабочих были посвящены лишь два доклада Г. Латча (СССР) о возрождении в Лейпциге обряда посвящения в печатники, Н. Полицук (СССР) — о трансформации обычаев и обрядов промышленных рабочих России в современных трудовых обрядах и праздниках.

Отмечая изменение функции традиционных обрядов — теперь она в основном развлекательная — выступавшие говорили о необходимости привлечения ученых (этнографов и фольклористов) в качестве консультантов не только при разработке новых обрядов, но и при составлении сценических фольклорных программ, которые должны быть исторически достоверными. При этом в качестве основного критерия формирования репертуара выдвигалась социальная значимость обрядов, а не «зрительность», красочность (З. Вагнер, Х. Лейхзенринг, М. Лешак, Ян Макульски).

На коллоквиуме поднимался и вопрос о повышении роли радио и телевидения в пропаганде и распространении национальной культуры (Я. Тот). Принципам обработки произведений фольклора для радио, телевидения и сцены был посвящен доклад Л. Юцера и Яна Криста (ЧССР); опыту работы с песенными и танцевальными фольклорными коллективами — доклад И. Веретенникова (СССР).

Многие выступавшие подчеркивали, что интерес к фольклору растет во всех странах, и фольклоризм не мода, а знамение времени. В связи с этим отдельные докладчики призывали к более широкому ознакомлению школьников с фольклором и этнографией (Э. Мюнци), а также к созданию единой модели преподавания фольклора в социалистических странах (Я. Тот).

Проходивший под девизом «Учиться у друзей и помогать им» коллоквиум в Шмалькальдене, на котором рассматривался широкий спектр вопросов, представляющих интерес и для ученых и для практиков, еще раз подтвердил необходимость и плодотворность интердисциплинарных встреч ученых разного профиля и практиков.

Материалы коллоквиума, в том числе и доклады, оставшиеся не прочитанными, из-за нехватки времени, должны быть опубликованы.

Н. С. Полищук

РАСШИРЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ НАУЧНОГО СОВЕТА АН СССР ПО КОМПЛЕКСНЫМ ПРОБЛЕМАМ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

Вопрос о содержании понятия «регион» относится к числу актуальных и вместе с тем сложных и во многом недостаточно разработанных аспектов методологии культурологических исследований. Сложность усугубляется тем, что само понятие региона далеко не однозначно трактуется этнографами, историками, фольклористами, литературоведами и представителями других областей знания, где этот термин употребляется. Все сказанное относится и к изучению истории и культуры славянских и балканских народов эпохи формирования наций и национальных культур. Междисциплинарному обсуждению этих проблем было посвящено очередное расширенное заседание Ленинградского отделения Научного совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики, состоявшееся в Ленинградской части Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР 19 ноября 1982 г. Наряду с сотрудниками этого института и ряда других научных учреждений Ленинграда в работе засе-

Дискуссию открыл Т. М. Исламов (Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, Москва), сделавший доклад «О понятии региона и его содержании». В силу неравномерности исторического развития, обусловленного социально-экономическими причинами, отметил докладчик, человечество проходит формационные ступени разноразмерно. С этим связаны различия в уровне развития отдельных народов, стран и больших территориальных комплексов. Таковы, по мнению Т. М. Исламова, в самых общих чертах исторические причины возникновения региональных отличий, существующих в объективной реальности. Однако невозможно раз и навсегда выделить неизменные крупные региональные территориальные комплексы. Напротив, они исторически изменчивы. Это отличает исторические регионы от регионов географических, в основе складывания которых лежат относительно более устойчивые естественно-природные факторы.

Ареал, называемый Центральной и Юго-Восточной Европой, может рассматриваться как «историко-географическая» система, но не как система замкнутая, а как часть европейской макросистемы, в свою очередь являющейся органической частью общечеловеческой общности (ойкумены).

С развитием общественных наук, их усложнением, ускорением их дифференциации и одновременно с их интеграцией (о чем свидетельствует возрастающий интерес к пограничным проблемам родственных отраслей знания) повышается значение междисциплинарного подхода к изучению одного и того же пространственно ограниченного явления или процесса. Все это делает совершенно необходимым уточнение, усовершенствование понятийного аппарата и научной терминологии, в частности таких категорий, как ареал, регион, субрегион, область, зона, провинция и т. п. Однако единство в толковании этих понятий отсутствует. Более того, не выявлена связь и соподчиненность между ними даже в пределах отдельных дисциплин.

В этом смысле, сказал докладчик, заслуживает внимания опыт советской этнографии, в которой классификация изучаемых территориальных единиц и применяемый при этом понятийный аппарат разработаны в настоящее время полнее и лучше, чем в других отраслях знания. Ю. В. Бромлей, например, исходит из категории историко-этнографических общностей, формирующихся на протяжении длительного времени в ходе культурной интерференции различных этносов. Названные общности занимают или иные географические пространства разных таксономических уровней; наиболее крупные единицы Ю. В. Бромлей называет провинциями, затем следуют единицы меньшего размера — области, подобласти, историко-культурные регионы, а также «однотакторные» историко-культурные ареалы и социокультурные регионы.

Т. М. Исламов отметил, что проблема ареала Центральной и Юго-Восточной Европы разрабатывалась в статьях В. А. Дьякова, Д. Ф. Маркова, И. С. Миллера, А. С. Мыльниковой, В. И. Фрейдзона, выдвинувших методологические и методическиеображения, которые служат хорошей основой для научной разработки понятия ареал — регион, и для дальнейших плодотворных размышлений на эту тему. К комплексному изучению ареала Центральной и Юго-Восточной Европы историки и этнографы подходили эмпирически, преодолевая барьер страноведческих исследований. При этом становились очевидными на новом этапе междисциплинарных исследований существенные недостатки прежнего подхода, ограниченного сферой истории и культуры отдельных народов и стран. Но и на новом, более высоком уровне исследований мы не сможем преодолеть те же недостатки, если станем рассматривать ареал, либо регион как законченные системы вне связей их с другими однопорядковыми единицами. Поэтому, заключил свой доклад Т. М. Исламов, признание относительности, мобильности границ ареала Центральной и Юго-Восточной Европы и входящих в его состав регионов в разные исторические эпохи приобретает особое значение.

Доклад Т. М. Исламова, в котором были намечены некоторые существенные направления разработки методологии региональных исследований и вместе с тем отражена спорность и нерешенность многих принципиальных вопросов, вызвал оживленную дискуссию. При этом для комплексных исследований процессов формирования наций у славянских и балканских народов особенно плодотворным было сосредоточение внимания именно на спорных, неоднозначно трактуемых аспектах темы.

Ю. В. Иванова (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) посвятила свое выступление вопросам методологии этнографического районирования на примере историко-этнографической области (ИЭО) Юго-Восточной Европы (понятие в географическом плане более широкое, чем «Балканская»).

Принцип районирования — выделение комплекса явлений культуры, в первую очередь культуры на бытовом уровне (что составляет непосредственный предмет этнографических исследований), в сочетании с явлениями языка, профессиональной культуры и другими факторами в контексте социально-экономических процессов.

Выделение ИЭО всегда должно быть приурочено к определенному времени и уровню социально-экономического развития. Многие системообразующие этнографические традиции Юго-Восточной Европы восходят к византийскому периоду, после переселения славян на Балканы, когда были живы многие традиции античного мира и даже более ранние, а также сохраняли действенность сильные ближневосточные элементы культуры. Время существования ИЭО простирается до индустриальной эпохи, когда начинаются различные деформирующие процессы. Но и на протяжении указанного времени культурный комплекс ИЭО подвергается постоянным изменениям.

Границы ИЭО, сказала Ю. В. Иванова, никогда не бывают однолинейными: они представляют собой более или менее широкую переходную («контактную») зону. Та-

кой зоной для ИЗО Юго-Восточной Европы является ее северо-восток — Дунайская равнина. Через Румынию, историческую область Буджак (современная Одесская область УССР) и далее по Северному Причерноморью простирается ареал, который этнографическим характеристикам можно рассматривать как периферийный по отношению к Юго-Восточной Европе.

В докладе показывалось, что для формирования культурного комплекса ИЗО большое значение имеют государственные границы. В этом смысле очень характерны области старого государственного размежевания между империей Габсбургов и Османской Портой, разумеется, с учетом изменений, происходивших на протяжении веков. Так, бытовая и профессиональная культура словенцев и части хорват принадлежит к Центрально-Европейской ИЗО. Наконец, для формирования культурного комплекса ИЗО как открытой системы большое значение имеет хозяйственно-культурный тип (ХКТ). Через ХКТ кочевых скотоводов и ХКТ отгонных скотоводов Юго-Восточная Европа связана с обширной Карпато-Балканской зоной и прилегающими к ней территориями; через ХКТ земледельцев специализированного направления (садоводство, виноградарство, культура маслин) прослеживается связь с Южной Европой и т. д.

Ряд участников дискуссии обращался к рассмотрению проблемы региона на конкретных материалах истории, литературы и фольклора славянских и балканских народов второй половины XVIII — середины XIX вв. С. В. Никольский (Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, Москва) остановился на вопросе о своеобразии культурно-исторического развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Специфику процесса он связывал, в частности, с тем, что в отличие от ряда стран Западной Европы здесь еще не были решены задачи буржуазной революции и одновременно очень остро стоял национальный вопрос, поскольку формирование буржуазных наций происходило в условиях иноземного гнета. Характерным для этого времени был ингенсивный центростремительный синтез этнокультурных традиций — языка, исторических знаний, фольклора и т. д. В условиях нарастающей освободительной борьбы создавалась народно-коллективистская ориентация художественной культуры. Однако в рамках общих процессов заметны и существенные различия, связанные с конкретной исторической обстановкой развития той или иной страны. Так, в отличие от Польши или Венгрии в других странах этой части континента (Болгария, Сербия и др.) не сохранилось «своего» дворянства и соответственно не существовало дворянского этапа национально-освободительного движения. Можно выделить два типа, два варианта культурно-исторического развития. Один из них характерен для народов, прошедших в полном виде «классический» цикл развития: ренессанс, барокко, классицизм, романтизм (как было, например, в Польше). Второй тип свойствен народам, пережившим в предшествующую эпоху в результате иноземного гнета сильное ослабление этнокультурной жизни и не знавшим ряда стадий культурно-исторического процесса. В названную эпоху указанные страны проходили эти стадии как бы в фрагментарном виде, в синкретической форме (например, Болгария). В данном случае еще в конце XVIII—XIX вв., как правило, сохранились разнотадийные признаки, архаические и новые формы (попытки кодификации в качестве литературной нормы письменного языка XVI в. в Чехии, древнегреческого языка в Греции, следы агиографических жанров в болгарской литературе первой половины XIX в. и т. д.). Все это придавало этнокультурному развитию народов Центральной и Юго-Восточной Европы черты несомненного регионального сходства.

Выводы С. В. Никольского, сделанные преимущественно на основе анализа материалов истории литературы, развил В. И. Фрейдзон (Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, Москва). Под регионом, сказал он, мы понимаем территорию расселения народов, длительное время развивавшихся в сходных исторических условиях и поэтому характеризующимся устойчивым комплексом существенных общих черт в социально-экономической, политической и культурной сферах. Очертания регионов могут быть более или менее четкими и по-разному определяться этнографами, историками и представителями других наук. Докладчик считает плодотворной высказанную Т. М. Исламовым мысль о системообразующем факторе региона. Что касается гражданской истории, то таким фактором является социально-экономический строй, включая и этнический состав населения. Поэтому в позднее средневековье и в эпоху разложения феодализма отдельный регион составляли не «Балканы» или «Юго-Восточная Европа», а европейские владения Османской империи. Тогда же черты особого региона были присущи восточной части Центральной Европы. Таким образом, в первом случае пределы региона определялись границами государства как социального организма, в другом — наличием группы стран со сходным социально-экономическим строем. Но понятие региона применимо и к такому социальному организму, как монархия Габсбургов, в пределах которого четко видны субрегионы: западные немецко-славянские области, Венгерское королевство, Галиция.

Социально-экономический строй Османского государства, не совместимый по существу с развитием капитализма, определял характер политической и социальной борьбы, о чем свидетельствовали массовые национально-освободительные движения, направленные на создание независимых государств. Эти же обстоятельства сказывались на развитии национальных культур. В Габсбургской же монархии, как и в других странах восточной части Центральной Европы, более или менее интенсивно развивался капиталистический уклад, но в силу закономерностей социально-экономического развития переход к капитализму здесь стал возможен под контролем господствующих классов, при сохранении полиэтничных государств, помещичье-буржуазного и национального гнета. Интенсивное развитие внутреннего рынка обусловило здесь в отличие от Османского региона значительные центростремительные тенденции, противостоявшие

проблемными. Все это так или иначе отразилось на эволюции общественной мысли и культуре народов.

Оба эти региона в совокупности мы имеем основания рассматривать в данном случае как определенный ареал ввиду относительно позднего развития здесь капитализма, наличия многонациональных монархий. Но если регион характеризуется однородностью производственных отношений и существенных общественно-политических процессов, то ареал — лишь некоторыми сходными чертами, преимущественно надстроечного порядка.

Об актуальности рассматриваемой проблемы говорил Б. Н. Путилов (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград), отметивший, что в современной фольклористике употребление термина «регион» не отличается ни последовательностью, ни строгостью. Очевидно, это понятие не может быть выведено из анализа фактов, относящихся к одной научной дисциплине. Для этого более подходят другие термины — «область», «ареал» и т. д. Термин «регион» имеет наддисциплинарное значение и основан на некоторых самых общих (и одновременно довольно тожных) критериях. Как известно, в настоящее время весь мир (как и отдельные его районы) поделен на регионы. Изучение в региональном плане конкретных научных проблем, несомненно, представляет интерес. В частности, для фольклористики такой подход важен при решении историко-генетических задач, установлении исторической типологии отдельных крупных явлений, выделении контактных зон и их границ и т. д. Однако мы не должны находиться под гипнозом наддисциплинарного регионального членения. Вполне возможно (и уже известно немало соответствующих фактов), что картина жизни того или иного фольклорного жанра, история межэтнических фольклорных связей и т. д. не соответствует общепринятым представлениям о региональных границах. Установление расхождений, как и соответствий, очень важно, поскольку это способствует углублению наших представлений о региональных отношениях в сфере культуры, и тем самым помогает выработать необходимые критерии понятия «регион».

По ряду обсуждаемых вопросов мнения участников заседания разошлись. Так, Л. С. Шептаев (Ленинградский педагогический ин-т им. А. И. Герцена) выступил против слишком прямолинейного, как он полагает, отождествления понятия «регион» с понятиями «народ» и даже «государство». Он указал, что в практике фольклористов понятие «регион» значительно уже по объему и совсем неадекватно понятию «этнос» или «государство». Для России это зона, своеобразная по составу русского населения и его фольклора в отличие от других мест. Например, песни на Севере и на Волге совсем различны не только по тематике, но и по отбору черт для характеристики русского героя, по трактовке образов, по характеру музыки, по композиции и пр. Волга и Север, таким образом, разные регионы России. Нельзя объединить в одном понятии Сибирь и Европейскую Россию даже по тематике исторических песен. С другой стороны, некоторые русские песни бытуют, например, в болгарском фольклоре, т. е. государственные границы отнюдь не служат преградой для фольклорных связей.

Эту мысль на материалах художественной литературы в известном смысле поддержал К. И. Ровда (Ин-т русской литературы АН СССР — Пушкинский дом). Он указал, что любое понятие нужно рассматривать в тесной связи с другими понятиями. В мировом литературном процессе, например, национальная (или этнокультурная) специфика проявляется прежде всего в языке. Поэтому славянскую культурную общность нельзя считать региональной, тем более что и само понятие региона носит относительный характер.

И. М. Порочкина (Кафедра славянской филологии Ленинградского гос. ун-та) обратила внимание на некоторую парадоксальность сложившейся ситуации: никто не отрицает объективного факта существования регионов, но более или менее точное выделение критериев еще не достигнуто. Для этого, полагает она, следует выявить системообразующее начало. Главным здесь является фактор центростремительности, способствующий концентрации, объединению народов определенных областей. При этом собственно этнические аспекты не играют решающей роли, важнее фактор социальной или этнополитической оппозиции, противопоставления. Регионы Центральной и Юго-Восточной Европы сложились в основных чертах в эпоху формирования наций, хотя в зародыше их можно проследить на раннефеодальном уровне. Весьма убедительным примером может служить просветительская миссия Кирилла (Константина) и Мефодия, призванных в IX в. в Моравию не из Рима, а из Византии.

В ходе дискуссии неоднократно говорилось о важности привлечения широких сопоставительных материалов по другим регионам. В этом смысле интерес представило выступление А. М. Решетова (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград), который привел ряд примеров дифференциации регионов Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии, обратив внимание на историческую изменчивость границ этих историко-этнографических областей. Так, если в качестве системообразующего фактора брать иероглифическую письменность и конфуцианские традиции, то Китай, Корея и Япония могут рассматриваться как регион Восточной Азии. Однако исторически районы, расположенные к югу от р. Янцзы, принадлежали к историко-этнографической области Юго-Восточной Азии. Позднее, войдя в середине II тысячелетия н. э. в состав Китайского государства, они претерпели процесс китаизации и относятся к региону Восточной Азии. Это еще раз подтверждает существенную роль государственного фактора, как об этом уже говорилось на примерах народов Балкан и Центральной Европы. Вообще, по мнению А. М. Решетова, выделяя региональные общности, необходимо учитывать цели, стоящие перед исследователями. При этом следует различать сплошные и дисперсные регионы.

Н. В. Юхнева (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) отметила, что результаты обсуждения еще раз выявили неоднозначность используемой терминологии. В одном случае понятием «регион» объединяют несколько стран и народов, в другом — регионы делают одну этническую территорию. Видимо, целесообразно договориться о разных терминах для обозначения явлений разного таксономического уровня. Выразив несогласие с точкой зрения А. М. Решетова о существовании дисперсных регионов Н. В. Юхнева указала, что региональный подход заключается именно в изучении объектов, объединенных территориально. При этом она подчеркнула большую роль экологических факторов. Видимо, именно поэтому региональный подход наиболее плодотворен при изучении явлений материального порядка (форм хозяйства, материальных форм культуры). Недаром наибольшее сомнение в действительности регионального подхода прозвучало в выступлении литературоведа К. И. Ровды.

Несмотря на расхождения участников дискуссий по ряду существенных вопросов, они высказали сходные мнения. Прежде всего, это касалось признания важности рассматриваемой проблемы и в методологическом и в конкретно-научном отношении. Единодушно высказывалось мнение, что проблема региона должна трактоваться в междисциплинарном плане при одновременном уточнении понятийного аппарата. Отмечалось, что обозначение одним и тем же термином «регион» в сущности разнопорядковых явлений нельзя считать удовлетворительным. Справедливо подчеркивалась и оносительность контуров тех или иных регионов, формирующихся и меняющихся под воздействием материального и духовного производства.

Соглашаясь с указанными суждениями, нельзя не обратить внимания на важность диалектического подхода к проблеме исторической изменчивости границ регионов. Не сомненно, что в ходе длительного развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы контуры входящих в этот ареал регионов могли претерпевать и действительно претерпевали изменения. Однако было бы неверным преувеличивать черты подобной изменчивости. Решение вопроса, на наш взгляд, лежит в понимании факта генезиса тех границ регионов, которые мы застаем к эпохе формирования наций у проживавших здесь этносов. Историзм самого феномена «регион» означает не простую констатацию относительности его границ, а раскрытие постепенности его формирования в процессе поступательной смены общественно-экономических формаций. Подход к вопросу с таких позиций, в качестве своего рода точки отсчета можно было бы взять понятие «исторической области» как территории, обладающей чертами экономической, культурной и экологической общности. По мере исторического развития и под воздействием социально-экономических, политических и иных факторов базисного и надстроечного порядка постепенно происходило то или иное соединение отдельных исторических областей в относительно устойчивые и более крупные системные комплексы вплоть до оформления на этой основе Центральноевропейского и Балканского регионов. Иначе говоря, регион вообще можно рассматривать как совокупность исторических областей.

Несомненно, что названная проблематика заслуживает дальнейшего изучения и привлечением данных по истории и культуре других регионов. Дискуссия, проведенная на материалах Центральной и Юго-Восточной Европы эпохи формирования наций, показала важность и плодотворность коллективного рассмотрения этих вопросов. Способствуя сопоставлению точек зрения и научной традиции, существующих в этнографии, истории, литературоведении и других отраслях знания, она позволила подвести некоторые итоги, выявить как совпадения, так и расхождения во взглядах, что открывает пути дальнейшей разработки проблемы регионов.

А. С. Мыльников

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

В 1981—1983 гг. в Лешуконском и Верхнетоемском районах Архангельской области работала этно-педагогическая экспедиция Клуба Друзей Игры¹ в составе студентов педагогического, исторического и филологического факультетов МГПИ им. В. И. Ленина (руководители — А. Н. Кульгускин и С. В. Григорьев). Задача экспедиции — этнографическое изучение народных игр и игрового фольклора Архангельской области и выяснение места и роли игр и игрового фольклора в народной педагогике.

В Лешуконском районе работа велась и два этапа (октябрь — ноябрь 1981 г. и январь—февраль 1982 г.) тремя небольшими группами. Маршруты проходили по 13 селам и деревням, расположенным по течению рек Мезени и Вашки. В Лешуконском районе по анкете «Русские народные игры», включающей традиционные игры, такие как бабки, горелки, кубарь, «колесо», «котел» и т. д. было опрошено 38 информаторов в возрасте от 11 до 100 лет (Т. К. Токарев, 1881 г. рождения, деревня Юрома; Л. А. Прошкина, 1885 г. рожде-

¹ Сообщение о предыдущих экспедициях КДИ см. в журнале Сов. этнография, 1983, № 1.

ния, с. Ценогора). Опрос показал, что в Лешуконье бытует 25 из 27 игр.

В школах и интернатах района проводился массовый опрос школьников по анкете «Мои любимые игры». Было заполнено 165 анкет, с помощью которых зафиксировано 195 игр и их разновидностей. Самыми любимыми названы: «палочка-выручалочка», «10 палочек», «рыбу сачить», «мигалки», «в мойки», «в ручеек», «в слона», «в треску», лапта, пионербол.

В январе 1982 г. совместно с экспедицией КДИ в Архангельской области работал отряд студентов МОПИ им. Н. К. Крупской (руководитель В. Е. Баробонов), изучавший русскую деревянную игрушку.

В январе-феврале 1983 г. в Верхнетоемском районе было обследовано 20 населенных пунктов, расположенных по рекам Северная Двина и Пинега. По анкете «Русские народные игры» было опрошено 34 информатора в возрасте от 11 до 90 лет. Опрос показал, что здесь бытуют все игры, названные в анкете, кроме «кубаря». В результате проведенного среди школьников опроса по анкете «Мои любимые игры» (103 респондента, каждый из которых назвал не менее 10 любимых подвижных игр) зафиксировано 149 видов и разновидностей игр. Среди 10 любимых здесь оказались прятки, жмурки, «10 палочек», «палочка-выручалочка», «ручеек», «чай-чай, выручай», «беговая лапта», «глухой телефон», «третий — лишний», «в колдуна» («колдунчики»).

Всего за время экспедиционной работы, включая и отдельные записи, сделанные в Мезенском, Холмогорском и Плесецком районах, Архангельске и Нарьян-Маре) было зафиксировано 330 различных видов игр, из них 270 бытующих. Сделаны описания 135 новых игр и разновидностей, записаны около 60 загадок, 30 употребляемых в играх считалок и других текстов игрового фольклора.

Участники экспедиции собирали также материалы по народной педагогике, уточняли календарь бытования народных игр, фиксировали отношение детей к различным народным играм и праздникам.

Наиболее богатым и разнообразным оказался репертуар игр у подростков. У них встречаются почти все зафиксированные нами игры, хотя у школьников на них приходится гораздо меньше времени, чем у дошкольников. Резко снизилось по сравнению с 20—30 годами участие в играх молодежи.

Проводилось фотографирование информаторов, игр, игровых сооружений и игрушек (фотограф В. А. Ильдяков), делались записи на магнитную пленку. Все собранные материалы хранятся в архиве КДИ.

Работу по изучению игр Архангельской области планируется продолжить.

С. В. Григорьева, А. Н. Кульгускин

* * *

С 20 мая по 20 июня 1982 г. этнографическая экспедиция Казанского университета продолжила многолетнее исследование русских в Горномарийском районе МАССР и Тетюшском, Буинском, Дрожжановском, Апастовском районах Татарской АССР. В экспедиции участвовали преподаватели и студенты географического и исторического факультетов университета (руководители Е. П. Бусыгин и Н. В. Зорин).

В Горномарийском районе были обследованы г. Козьмодемьянск, села Троицкий Посад, Владимирское, Коротки, Еласы; в Тетюшском районе — г. Тетюши, села Льяшево, Монастырское, Чинчурино. В Буинском, Дрожжановском и Апастовском районах ТАССР изучали архивы сельских Советов.

Исследования вели по темам: «Этнография уездных городов Казанского Повол-

жья» (руководитель Н. В. Зорин), «Структура межнациональных браков и национально-смешанных семей в ТАССР» (руководитель Г. Р. Столярова), «Семья и семейная обрядность русского крестьянства Среднего Поволжья в конце XIX — начале XX в.» (руководитель Н. В. Лештаева), «Орнамент русского населения Среднего Поволжья в XIX — начале XX в.» (руководитель Л. С. Токсубаева).

Материал собирали по всем темам по специальным программам и формам, апробированным в предыдущих экспедициях. Материалы, полученные у информаторов, были дополнены сведениями из Козьмодемьянского и Тетюшского краеведческих музеев, районных архивов, в том числе архивов загсов, сельских Советов, различных районных учреждений.

В городах собирали данные о хозяйстве и материальной культуре городского на-

селения, особое внимание при этом уделялось изучению планировки и застройки уездных городов. Найденные планы Козьмодемьянска и Тетюш дополнили хронологические ряды уже имевшихся планов, что позволяет выявить основные тенденции развития планировки и застройки городских поселений в Среднем Поволжье. Одновременно проводили изучение семейного быта, семейной и праздничной обрядности горожан.

Группа Г. Р. Столяровой собирала сведения о структуре национально-смешанных семей в сельских районах Татарии, широко используя похозяйственные книги сельских Советов. Работу вели также в архиве загса г. Тетюш, где была подсчитана доля межнациональных браков в городе за период с 1940 по 1980 г. и собраны материалы об этническом, возрастном и социально-профессиональном составе брачующихся. Основное внимание было уделено изучению быта национально-смешанных семей.

Группа Н. В. Лештаевой в соответствии с программой изучала состав семьи и его динамику, функции главы семьи и его взаимоотношения с остальными членами семейных коллективов, семейное воспитание, распределение трудовых ролей в семье, а также обычаи и обряды, связанные с трудовой деятельностью семьи, и обряды жизненного цикла.

Основные направления работы по теме «Орнамент русского населения Среднего Поволжья» — выявление и фиксация предметов народного искусства, уточнение техники исполнения и характера использования орнаментированных тканей в обрядности русского крестьянства XIX — начала XX в. Были рассмотрены разнообразные приемы вышивки, узорного ткачества, кружевоплетения, характерные не

только для сельского населения, но и для жителей бывших уездных городов Козьмодемьянска и Тетюш. Получены сведения о наименовании узоров, роли орнаментированного полотенца в жизни женщины, сферах его использования. В с. Троицкий Посад и г. Козьмодемьянске экспедицией приобретены предметы народного искусства для Этнографического музея КГУ.

В Кировской области с 19 по 31 июля 1982 г. (села Гоньба, Шурма, Лебяжье, Красное, деревни Мальковщина, Запольщина, Сазановщина, Курановщина) работал вятский отряд этнографической экспедиции (руководитель Л. С. Токсубаева) в составе Н. В. Зорина, Г. Р. Столяровой, Н. В. Лештаевой, фотографов В. М. Стрихарь и В. В. Канищева. Исследования велись по двум темам: «Орнамент русского населения Среднего Поволжья и отдельных районов в XIX — начале XX в.» и «Семья и семейная обрядность в Среднем Поволжье в конце XIX — начале XX в.».

Специфика обследованной территории, обусловленная удаленностью от больших городов и наличием здесь массива старообрядческого населения, определила значительную сохранность традиционных черт в быту и культуре жителей привятских сел. Это позволило выявить своеобразие в орнаментации тканей и характере их использования. Зафиксированы некоторые особенности в семейном быту и обрядности местного населения.

Все полевые материалы этнографической экспедиции 1982 г. (записи, рисунки, фотопленки) после обработки поступят на хранение в архив Этнографического музея КГУ.

Л. С. Токсубаева

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

А. С. Кан

ШВЕДСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ В 70-Х ГОДАХ

(родиноведение)

Шведские этнографы до недавнего времени занимались по преимуществу отечественной тематикой, причем родиноведение здесь почти всегда совпадало — как мы увидим, сегодня это уже не так — с изучением традиционной крестьянской культуры. «Крестьянская культура и есть нормальная шведская культура», — писали в 1934 и в 1971 гг. корифеи шведской науки Е. Берг и С. Свенссон¹. Считалось, что и само городское шведское общество прошлого в значительной мере переняло обычаи сельской жизни. «Даже в нашем современном индустриализованном обществе наследие сельского общества, его образ жизни, его пищевые привычки, праздничные обычаи и социальные ценности все еще образуют важный элемент в определении нашего образа жизни. Поэтому мы живем не только в настоящем, но и в прошедшем»². Забегая вперед, приведем такие цифры: из 14 докторских диссертаций по этнографии, защищенных в Стокгольмском университете за 1935—1974 гг., только 4 посвящены не крестьянской тематике, да и защищены они не раньше 1949 г.³

Богатые традиции и высокий уровень шведских родиноведческих исследований хорошо известны и в нашей стране. Советские историографы — С. А. Токарев, М. Н. Морозова и др. — заслуженно отводили почетное место среди этнографов-европеистов покойному Сигурду Эриксону, создателю шведской национальной школы изучения традиционной, т. е. крестьянской народной жизни. Историографические сборники Института этнографии АН СССР (несмотря на естественные пробелы) позволяют составить общее представление о столетнем развитии шведской этнографии и ее состоянии на исходе 60-х годов нашего века⁴. Этим облегчены и задачи настоящего обзора, основанного на поступивших в наши библиотеки книгах и журналах последних 10—15 лет.

Исследование и преподавание этнографии — как родиноведческой, изучающей шведскую материальную и духовную культуру, фольклор, так и всеобщей, зарубежной — сосредоточены на кафедрах этнологии, по-разному именуемых, с разным кругом интересов и различным штатным расписанием. Такие кафедры существуют ныне во всех пяти шведских университетах и обычно включают одного профессора, двух-трех доцентов и сотрудников-исследователей. Старейшая кафедра — стокгольмская (Институт европейской этнографии), тесно связанная с известным Северным музеем, который вместе с музеем деревянного зодчества Скансенем восхищал не одно поколение русских туристов⁵. Кафедру возглавляет Матс Реенберг (1915 г. рожд.), в свое время издавший несколько выпусков серии «Жизнь и труд шведов» — мемуаров шведских рабочих и ремесленников разной специальности. Его диссертация об обычаях установки намогильных светильников (1965 г.) считается классическим исследованием процесса диффузии культурных новаций⁶. Младшей по возрасту, но не по значению является лундская кафедра, имеющая наряду с собственно этнографическим также фольклорное направление. Профессор здесь одновременно возглавляет и старейший в стране Архив народного быта, располагающий 250 тыс. страниц письменных источников (полевые дневники, интервью, анкеты), тремя фондами рисунков, планов, фотографий (свыше 125 тыс. единиц), специализированной библиотекой на 37 тыс. томов. Руководит архивом и кафедрой Н.-А. Брингёус (1926 г. рожд.), один из наиболее

¹ Berg G., Svanesson S. Svensk bondekultur. Stockholm, 1934, s. 7; 3 uppl.— 1971, s. 7 (3-е изд.).

² Ethnologia scandinavica, 1972, p. 165.

³ Folklivsforskning vid Stockholms universitet. Stockholm, 1976, s. 111—113.

⁴ Морозова М. Н., Павленко А. П. Основные этапы развития скандинавской этнологии. М.: Наука, 1976, с. 177—192; Березина Т. А., Морозова М. Н. Сигурд Эриксон и шведская этнологическая школа. — В кн.: Этнография за рубежом. Историографические очерки. М.: Наука, 1979, с. 168—181.

⁵ См., например, очерк народнического писателя Евг. Маркова «По Швеции» в «Вестнике Европы» (1900, № 3, с. 243—253); Ополовников А. В. Музеи деревянного зодчества. М., 1968.

⁶ Rehnberg M. Ljuset på gravarna och andra ljusseder. Nya traditioner under 1900-talet. Stockholm, 1965.

активных шведских этнографов нашего времени, ученик и поныне здравствующий «патриарха» шведской этнографии Сифрида Свенссона. Брингеус — автор двух больших монографий: одной — о развитии подсечно-огневого земледелия в Швеции и другой — историко-этнографической — о первом шведском этнографе Хюльтен-Каваллиусе⁷. Н.-А. Брингеус часто выступает с проблемно-программными статьями на страницах журнала «*Ethnologia Scandinavica*», который сам же и редактирует. Кроме того, он президент Международного общества этнологии и фольклора Европы. Среди его учеников — видные этнографы, такие, как А. Буквист и К. Енруп.

Фольклорное направление преобладает на кафедре в Упсальском университете, руководитель которой одновременно возглавляет Архив (фактически институт) диалектологии и фольклора. Это Анна Биргитта Руут (1919 г. рожд.), известный авторитет в области индейского фольклора США и Канады, что говорит о размахе интересов и самой кафедры. Сравнительно поздно, в 60-х годах, началось преподавание этнографии в Гетеборгском и еще позже естественно в самом молодом шведском университете Умео, призванном стать центром изучения саамов, а также диалектов и фольклора шведского Севера.

В отличие от названных университетских кафедр Королевская (т. е. государственная) академия Густава Адольфа, основанная в трехсотлетнюю годовщину гибели знаменитого шведского короля-полководца, имеет преимущественно издательские функции. Именно она издает на английском языке журнал «*Ethnologia Scandinavica*» — родниоведческий и общескандинавский, шведский этнографический атлас, серию письменных источников по шведской этнографии, журнал «*Argv*» — по скандинавскому фольклору, ежегодник («*Saga och sed*). Ежегодники издаются также соответственно: «*Ethnos*» — по зарубежной этнографии — Этнографическим музеем⁸; «*Fataburen*» — по истории шведской культуры и музейному делу — Северным музеем; «*Rig*» — также по истории шведской культуры — Обществом по истории шведской культуры. Культурно-антропологические материалы неизменно публикуются и в органе Шведского общества антропологии и географии «*Ymer*», старейшем среди ныне существующих шведских журналов интересующего нас направления.

Не претендуя сколько-нибудь на полноту, опуская, в частности, десятки краеведческих обществ с их ежегодниками, упомянем еще новый — «Молодежный» бюллетень 70-х годов «*Nord-nytt*» — орган Северной этнологической и фольклорной группы НЭФА (не смешивать с Общесеве́рным институтом фольклора), издающийся офсетом в Дании; Шведский архив народной песни и музыки и, наконец, Дом эмигранта в Вёкше (в юго-восточной провинции Смоланд — на «родине» шведской этнографии), призванный изучать проблемы шведской эмиграции в Северной Америке и других местах. Проводимые раз в 3 года общесеве́рные конгрессы этнологов столь популярны, что собирают сотни участников. Их дополняют более узкие специализированные встречи и симпозиумы, например, по проблемам этнографических архивов или обучения этнографов. Швеция не случайно является, как хорошо знает читатель, излюбленным местом проведения международных научных мероприятий: здесь состоялись Первый международный конгресс по экономической истории (1960 г.), Первая конференция по европейской этнографии (1965 г.), Первый международный конгресс по изучению пищи (1970 г.), очередная (четвертая) конференция по этнологической картографии (1975 г.) и пр.

Показателем зрелости шведской этнографии служит и серия преимущественно родниоведческих учебных пособий по следующим отдельным темам. Прежде всего два вводных курса — С. Свенссона по традиционному родниоведению⁹ и универсальный и значительно более современный курс Н.-А. Брингеуса (уже два издания — 1976 и 1981 гг.), где особый раздел среди «теорий и методов» впервые отведен историческому материализму¹⁰. Другие ведущие шведские ученые выпустили в той же серии пособия для изучения трудовых процессов и орудий труда, по пище и интересу, по народному творчеству и верованиям, по народному искусству и последнее, но не менее важное, — первый в своем роде курс шведской исторической социальной типологии двух этнографов среднего поколения — Х. Хельспонга и У. Лёфгрена¹¹.

Обратимся теперь к журналу «*Ethnologia Scandinavica*» (основанному в 1971 г. на смену шведскоязычному детищу покойного Эриксона «*Folk-Liv*») и с помощью его и других журналов, в частности международного журнала «*Ethnologia Europaea*», назовем наиболее значительные этнографические проблемы и вышедшие за последние годы книги.

Прежде всего внимание привлекают чисто исторические труды по крестьянской тематике. В конце 60-х годов вышла в свет книга-диссертация У. Исаксона (из Умео) об общинной организации приморских деревень шведского Севера — провинций Норботтена и Вестерботнии¹². Области эти привлекательны для историка общины тем, что

⁷ *Bringéus N.-A. Brännodling. En historisk-etnologisk undersökning. Lund, 1963; idem. Gunnar Olof Hyltén-Cavallius som etnolog. Stockholm, 1966.*

⁸ Ср. Анохин Г. А. Шведский этнографический музей (к 90-летию существования). — Сов. этнография, 1970, № 5, с. 150—151.

⁹ *Svensson S. Introduktion till folklivsforskningen. Stockholm, 1966.*

¹⁰ *Bringéus N.-A. Människan som kulturvarelse. En introduktion till etnologin. Lund, 1976.*

¹¹ *Heelspong M., Löfgren O. Land och stad. Svenska samhällstyper och livsformer från medeltid till nutid. Lund, 1972.*

¹² *Isaksson O. Bystämman och bystadga. Organisationsformer i övre Norrlands kustbyar. Umeå, 1967.*

здесь отсутствовало дворянско-помещичье землевладение и вместе с тем сравнительно поздно udržалась общинная организация. В основу исследования положены уставы отдельных общин, во множестве сохранившиеся от XVII—XVIII вв. и, кстати, служащие предметом целой документальной этнологической серии «Ethnologiska källskrifter», начатой еще С. Эриксоном. В центре внимания Исаксона — деятельность сельского схода с участием зажиточных крестьян, принятие этим органом общинного устава и контроль за его выполнением. В самих уставах, принимавшихся на местах под давлением властей и по их «типовым проектам», исследователь находит взаимодействие местных традиций и влияний, шедших из центра.

Своим 30-летним исследованием подвел итог сотрудник Северного музея Р. Ирлов, знакомый нам по своему выступлению на Московском конгрессе этнографов в 1964 г. Он изучал историю доиндустриального шведского деревянного плуга с лемехом и отвалом из железа (рало было ранее уже изучено С. Эриксоном). Ирлов сосредоточил свое внимание не на происхождении, а на распространении разновидностей шведского плуга, однако не учел социально-экономические и экологические факторы. Как заметил рецензент, исследователя интересовал скорее музейный экспонат, нежели полевое орудие¹³. Другой, более молодой сотрудник Северного музея, Матиаш Сабо, сам внук венгерского пастуха, сосредоточил внимание на практике скандинавского скотоводства, изучая его в сравнении с центрально-европейским¹⁴. Широко задуманное исследование включает как разбор этнографических предпосылок скотоводства, так и описание культуры пастбищ и организации пастбы скота примерно с конца XVIII в. Сабо интересовало соотношение самобытных, местных и заимствованных извне приемов и порядков. Рецензент считает лучшей частью диссертации последнюю, о пастбы, раскрывшую крайнее разнообразие форм этого занятия. Пастбу у горожан и помещиков Сабо, впрочем, не рассматривал.

Тема старокрестьянского труда по-прежнему, таким образом, живо интересует шведских этнографов. Основательное исследование о труде крестьян-отходников центрально-шведской малоземельной провинции Даларна выступил Русандер¹⁵. Сезонное отходничество, получившее в народе название «господского труда» (herrgarbete) продолжалось веками: Русандер изучал его с XVI до начала XX в. на сравнительном общевропейском (в том числе русском) фоне. Другим распространенным в Швеции устойчивым крестьянским промыслом сорок лет занимался А. Сандклеф, выпустивший монографию почти в тысячу страниц о крестьянском морском судоходстве западной Швеции в XVI—XIX вв.¹⁶. Материал почерпнут из архивов и музеев Швеции и Дании, приложен регистр судов и судовладельцев, включающий 7500 единиц. Крестьянское мореплавание показано как составная часть национального экономического развития и вместе с тем как фактор социальной дифференциации крестьян — сочетание земледельческого труда с морскими поездками обеспечивало повышенный статус.

Широкое признание получил итоговый труд ныне покойной Анны-Маи Нюлен о шведском домашнем кустарном промысле — знаменитом «hemslöjd», или «слейде», по обозначению его дореволюционных русских поклонников¹⁷. В основу исследования, доведенного до порога индустриализации — 1850 г., положена уникальная коллекция все того же Северного музея. Нюлен, в частности, убедительно показала усвоение обычаев и всего уклада сельского кустарничества шведскими горожанами в условиях крайне запоздалой урбанизации страны.

К интересным общим выводам пришел на узком, казалось бы, материале К. Енруп, изучивший разделение гусей в южной Швеции — провинции Сконе¹⁸. Он охватил без малого четыре века — с XVI по начало XX в. Главным источником исследования послужили, с одной стороны, розданные в свое время старожилам вопросники, а с другой — завещательные акты; во множестве сохранившиеся от более далеких времен. Разделение гусей на продажу издавна было важным подспорьем для сконцев. В этой отрасли, как показал Енруп, сложились разные системы разделения труда — целых шесть (между контрагентами по-разному распределялись все операции от покупки яиц, через пастбу и откорм вплоть до продажи живой или забитой птицы).

В духе современной западноевропейской историографии шведские историки и этнографы занялись положением наиболее обездоленных социальных слоев позднефеодального и раннекапиталистического общества. Таковы исследования и очерки 70-х годов о нищих и сиротах Стокгольма XVII—XVIII вв., о телесных и прочих наказаниях в шведской народной школе прошлого века, о детском труде и детях рабочих того же времени, о жизни детей прошлого в целом¹⁹.

¹³ Jirlov R. Die Geschichte des schwedischen Pfluges. Stockholm, 1970. Рец.—Ethnologia Scandinavica, 1973, p. 194—199.

¹⁴ Szabó M. Herdar och husdjur. En etnologisk studie över Skandinavien och Mellanuropas beteskultur och vallningsorganisation. Lund, 1970. Рец.—Ethnologia Scandinavica, 1972, p. 154—157.

¹⁵ Rosander G. Herrarbete. Dalfolkets säsongvisa arbetsvandringar i jämförande belysning. Uppsala, 1967.

¹⁶ Sandklef A. Allmogesjöfart på Sveriges västkyst 1575—1850. Lund, 1973.

¹⁷ Nylén A.-M. Den svenska hemslöjden fram till 1800-talets slut. 2 uppl. Lund, 1968; Л. В Швеции. — Русская мысль, 1897, № 10, с. 132—134.

¹⁸ Genrup K. Gåsskötsel. En etnologisk studie med särskild hänsyn till skånska förhållanden. Lund, 1975.

¹⁹ Ср., в частности, Bjurman E. L., Olsson L. Barnarbete och arbetarbarn. Stockholm, 1979.

Другая группа работ посвящена не традиционному укладу, а его перестройке, адаптации к новым макроэкономическим условиям. Историки и особенно историкогеографы (по шведской терминологии «культурные географы») обогнали этнографов на этом поприще, и теперь последние как бы наверстывают упущенное. Пример подали такие ведущие ученые, как Брингеус и особенно престарелый С. Свенссон, выступившие каждый со своим очерком о переменах в жизни шведской, точнее, южно-шведской деревни под влиянием межевых реформ и прочих нововведений, принесенных XIX веком²⁰. Опубликованные диссертации прослеживают процесс трансформации жизненного уклада до середины XX в., а то и до наших дней. Высоко оцененным рецензентами примером может служить диссертация одного из ведущих современных этнографов О. Лёфгрена (1943 г. р.) о судьбе западно-шведского рыбацкого поселка в индустриальной среде XIX—XX вв.²¹. Широкая диахроническая перспектива позволила автору разработать три темы: 1) на примере одного поселка осветить важные социальные явления, характерные для сельской местности XIX—XX вв.; 2) вскрыть на сравнительном фоне особенности культурной адаптации рыболовства и рыбацких общин всей Северной Атлантики; 3) проследить, как специфические новые процессы не только разрушают традиционный уклад, но и сами создают новые формы. Работу Лёфгрена отличает исчерпывающий экологический анализ и целостный («холистский») подход к изучаемой общности. В отличие от многих подобных исследований, отмечает рецензент, Лёфгрен пытался выделить черты культуры, составляющие ее сердцевину («фокус») именно в силу этого особенно важные для культурной адаптации в меняющихся условиях. Полный систематический анализ позволил исследователю соотнести между собой производительные силы («технологии»), социальные формы и экологическую обстановку.

Выявлению «крестьянских экотипов», т. е. приспособлению шведских крестьян к экологической среде, посвящена одна из статей того же Лёфгрена в «*Ethnologia Scandinavica*»²². Он предостерегает против механического выведения культуры из экологической среды. Чтобы предотвратить эту опасность, этнографы должны сосредоточиться на изучении процессов, а не структур, сочетать диахроническое исследование долговременных процессов со сравнительным изучением культур, в частности субъективных представлений людей об их природных ресурсах. Обобщая достижения скандинавской этнографии, Лёфгрен выделяет несколько экотипов (экотип есть «модель эксплуатации ресурсов в рамках данной макроэкономической системы»). Так, различаются крестьяне равнинные, лесные, крестьяне-рыбаки, крестьяне — отгонные скотоводы, крестьяне-рудодобытчики, горные крестьяне (охота плюс скотоводство). Разные схемы адаптации выделяются для крестьян зажиточных и для безземельных сельских жителей в одном и том же экотипе. Привлечен и материал исследования А. Буквист о судьбах в 1850—1950 гг. западно-шведского поселения, состоящего из кустарей, ремесленников, промысловиков-отходников²³, а также ранее упомянутой собственной работы Лёфгрена: рыбаки — зажиточные крестьяне и рыбаки — мелкие арендаторы (торпары) перестраивали свой образ жизни и труда по-разному.

Долговременное исследование судеб одного приморского селения юго-восточной Швеции было проведено в 70-х годах и с отчетливо марксистских позиций²⁴. Его автор К.-Г. Торнстрём сумел таким образом проследить на местном материале четырехвековой переход от феодализма к капитализму²⁵. Не будучи формально этнографической, работа историка-марксиста, несомненно, положительно воздействует и на эту дисциплину, тем более что Торнстрём не упускает случая вступить в спор с теорией самодовлеющей, зависящей прежде всего от демографических изменений крестьянской экономики А. В. Чаянова, ныне популярного на Западе²⁶.

Наряду с исследованием социально-экономических и культурно-экологических процессов шведские этнологи 70-х годов значительно больше прежнего занимались проблемами перестройки семейно-родственных и половых отношений в ходе разложения традиционного уклада, изменением соотношения между семьей и хозяйством и вообще экономического значения семьи. Пioneром тематики этого направления выступил еще в 50-е годы социолог и этнограф Бёрье Ханссен (1917—1979 гг.), не раз посещавший впоследствии СССР и даже проводивший здесь полевые исследования. Ханссен, пожалуй, первым среди шведских этнографов испытал сильное влияние англо-американской социальной антропологии, немецкой эмпирической социологии и гештальтпсихологии. Его диссертация 1952 г. — исследование социально-антропологических взаимо-

²⁰ См., например: *Svensson S. Från gammalt till nytt. På 1800-talets svenska landsbygd. Stockholm, 1977.*

²¹ *Löfgren O. Fångstman i industrisamhället. En halländsk kustbygds omvandling 1800—1970. Lund, 1977. Рец. — Ethnologia Scandinavica, 1978, p. 174—176.*

²² *Löfgren O. Peasant Ecotypes. Problems in the Comparative Study of Ecological Adaptation. — Ethnologia Scandinavica, 1976, p. 100—115.*

²³ *Boqvist A. Den dolda ekonomin. En etnologisk studie av näringsstrukturen i Bollebygd 1850—1950. Lund, 1978.*

²⁴ О марксистском направлении среди молодых шведских историков-аграрников см. наши рецензии: «Вопросы истории», 1975, № 7, с. 176—179; «Новые книги за рубежом по общественным наукам», 1981, № 5, с. 23—26.

²⁵ *Thornström C.-G. Bakom stagnationen. Lokalsamhället och omvärlden i en svensk skärgårdsby 1500—1975. Uppsala, 1978. Рец. — In: Historisk tidskrift (Stockholm), 1980, № 3, s. 377—384.*

²⁶ См., например: *The Theory of Peasant Economy/Eds. Kekblay B. etc. Homewood (Illinois), 1966.*

связей на материале юго-восточной Сконе XVII—XVIII вв.— впоследствии, в 1977 г., была (редчайший случай!) переиздана²⁷. Теоретические и историко-социологические труды Ханссена публиковались за пределами Швеции, в том числе и в СССР²⁸. Он ратовал за историческую социологию, которую впоследствии переименовал в исторический структурализм. Вернувшись в 70-х годах после долголетнего перерыва к постоянной научной работе, Ханссен продолжал использовать собранный им ранее материал, преимущественно из церковных метрических книг юго-восточной Сконе, для диахронических процессуально-структурных исследований взаимосвязи семьи, домашнего хозяйства и общественных классов на протяжении трехсот лет, доводя исследование уже до XX в. В своей посмертно изданной статье 1980 г. Ханссен проследил изменения в составе южно-шведской крестьянской семьи при перестройке крестьянского хозяйства и его связей с окружающим миром, показал хозяйственную, трудовую, а не кровно-родственную обусловленность существования расширенной крестьянской семьи позднефеодальных времен и ее сравнительно недавней смены малой семьей «нуклеарного» типа²⁹. Ханссен решительно возражал против утверждений, в частности кембриджских демографов, о постоянстве численного состава крестьянского хозяйства на протяжении веков и об исконности малой семьи³⁰. Бесспорным и положительным было влияние Ханссена на более молодое поколение шведских этнографов, например на Лёфгрена, тем более что благодаря своему частому общению с экономистами и этнографами СССР Ханссен постепенно проникся и некоторыми марксистскими идеями³¹.

Большой интерес вызвала диссертация молодой исследовательницы Г. Челльман об обычаях свадебных подарков в крестьянской Швеции XIX в.³². Исследование обычая для нее — не самоцель, а средство глубже познать повседневную социально-экономическую действительность, будни крестьянской жизни в разных провинциях. Вслед за другими этнографами она выделяет в Швеции две зоны старокрестьянской культуры — северную и южную. В каждой из них свадебные подарки выполняли различную социальную и экономическую функции в зависимости от степени проникновения в сельскую жизнь новых, капиталистических отношений. Челльман, таким образом, охватила в своей диссертации и процесс разложения старокрестьянского уклада. Как отмечал авторитетный рецензент О. Лёфгрен, работе присущ сравнительно высокий теоретический уровень, отличающий шведскую этнографию 70-х годов, что, однако, не исключает изрядной доли эклектики. Наряду с иными теоретическими моделями Челльман применяет историко-материалистическую. Большое место в ее труде занимает полемика, в частности, с тем же Б. Хансеном о роли малой семьи в традиционном крестьянском обществе³³.

На более коротком отрезке лишь срединных десятилетий XIX в. лундский этнограф Е. Фрюкман исследовал внебрачную рождаемость, практику и нормы взаимоотношения полов, положение незамужней матери в южно-шведской сельской среде после межевых реформ³⁴. При этом обнаружилась глубокая классовая дифференциация сельских жителей, жесткая социальная структура крестьянства. В другом диахроническом исследовании высокой внебрачной рождаемости в Швеции за 1831—1933 гг. тот же Фрюкман показал зависимость внебрачной рождаемости от времени, провинции и социальной принадлежности. Вместе с тем при одинаковых социально-демографических и экономических условиях вступали в действие нравственные нормы и ценности, а также знания о половой жизни³⁵.

Таким образом, шведские этнографы 70-х годов от исследований старого традиционного уклада перешли к изучению его распада и обновления. Третьей группой этнографических исследований 70-х годов стали работы по чисто современной тематике, отличающиеся от стандартных социологических трудов более ограниченным объектом исследования и предпочтением «мягких» данных, т. е. источников скорее качественного, чем количественного характера, в первую очередь опросов и бесед. Работы о земледельцах и рыбаках, составляющих ныне лишь 3% самодельного населения страны, уже не занимают в этой группе исследований сколько-нибудь заметного места. Уйдя из прошлого в настоящее, этнограф переменил хутор на городской квартал, архив и музей — на полевое исследование, отличающееся, однако, по задачам и методам

²⁷ *Hansson B. Österlen. En studie över social-antropologiska sammanhang under 1600 — och 1700-talen i sydöstra Skåne.* Stockholm, 1952.

²⁸ См. Ханссен Б. Понятие поля, как синтез естественно-научных и гуманитарных традиций в социологии. — Вестн. истории мировой культуры, 1957, № 4, с. 40—48; *его же*. Семейные, хозяйственные и трудовые крестьянские объединения в юго-восточной Сконе в 1699—1950 гг. — В кн.: Скандинавский сборник, 1958, III, с. 53—85.

²⁹ *Hansson B. Household, Classes and Integration Processes in a Scandinavian Village over 300 Years. A Study in Historical Structuralism.* — In: *Ethnologia Europea*, 1979/1980, v. XI, I, p. 76—118.

³⁰ *Hansson B. Notes on the Household Composition and Socio-Cultural Heritage.* — In: *Ethnologia Europea*, 1977/1978, v. X, I, p. 33—38. Cp. также *Löfgren O. Family and Household among Scandinavian Peasants.* — In: *Ethnologia Scandinavica*, 1974, p. 17—52.

³¹ *Hansson B. Integration Processes in Complex Societies.* — In: *The Concept and Dynamics of Culture.* The Hague, 1977, p. 345—417.

³² *Kjellman G. Bröllopsgåvan. En etnologisk studie av gåvoekonomi.* Lund., 1979.

³³ *Löfgren O. Sed som samhällspegel.* — *Rig*, 1980, № 3, s. 84—90.

³⁴ *Frykman J. Horan i bondesamhället.* Lund, 1977.

³⁵ *Frykman J. Sexual Intercourse and Social Norms. A Study of Illegitimate Births in Sweden 1831—1933.* — *Ethnologia Scandinavica*, 1976, p. 110—150.

от былых экспедиций в сельскую глушь. И тут Б. Ханссен опять оказался в числе новаторов, когда, опираясь на свои городские социологические исследования 50-х годов, сопоставил материалы опроса одних и тех же 10 семей из стоковского микрорайона Веллингбо с промежутком в 15 лет — в 1957 и 1972 гг. Так появилась его методически важная монография «Семья, хозяйство, родня»³⁶, где автор сопоставил микросреду индустриального городского «общества благополучия» с ранее изученной им семейно-трудовой структурой сельской Швеции — позднефеодальной и раннекапиталистической. Ханссен провел, по его словам, интенсивный структурный анализ целой сети социальных отношений и ситуаций — семейно-родственных и соседских, интересуясь не столько количественными, сколько качественными показателями — идеалами, самооценками опрошенных. Для актуализации этнографических работ в современной Швеции показательно сознательное стремление Ханссена содействовать своей книгой более удачному социальному планированию городских жилых районов.

«Растеряв» громадное большинство своих крестьян, лесорубов и рыбаков, послевоенная государственно-монополистическая Швеция, как известно, из почти мононациональной превратилась в многонациональную страну. Перед этнографами встали практически важные задачи по изучению положения, трудностей ассимиляции и адаптации новых нацменьшинств в условиях капиталистической эксплуатации и широкого распространения классовых и расовых предрассудков. Так появились учебное пособие о шведских меньшинствах и специальное исследование положения югославов в западно-шведском рабочем поселке при целлюлозно-бумажном комбинате³⁷.

Падение рождаемости, рост продолжительности жизни ведут, как известно, к сильноному постарению демографического состава современного общества. Шведская официальная пропаганда расхваливает благотворительность реформ, проведенных в интересах престарелой части населения. Сделано действительно много, но больше в чисто материальном плане. Проблемы одиночества, заброшенности, притеснения немощных и дряхлых сохранились. Для социальной ангажированности, критического пафоса современных молодых этнографов — в противовес умирительно-охранительному, националистически-консервативному умонастроению основателей их науки — показательно открыто вызывающая, «провоцирующая» диссертация Х. Феррер-Маринё 1981 г. с таким названием: «В ожидании смерти. Этнологическое исследование положения престарелых в стационарном лечебном заведении»³⁸. Опираясь на свой опыт санитаря, автор описывает страдания своих пациентов, вызванные отнюдь не только их заболеванием. Качество ухода зависит в первую очередь от общественного положения пациента. Как правило, уход не годится!

Сокращение рабочей недели, рост материального и образовательного уровня сделали злостным изучение досуга шведов и соответствующих организаций, клубов и неформальных объединений³⁹. Этнографы с интересом отнеслись к коллективному проекту упсальских историков по изучению общественных движений («трезвенников», «свободной церкви», профсоюзного) в шведском обществе XIX—XX вв. Появились и собственно этнографические исследования, например быта и досуга в предместье современного Стокгольма⁴⁰ или об участниках популярной настольной игры в «бинго»⁴¹. Два ведущих молодых этнографа — Фрюкман и Лёфгрен — уже отважились обобщить социально-психологические и культурно-бытовые последствия утверждения промышленного капитализма в Швеции на рубеже XIX—XX вв. и попытались выявить главные черты людей новой, преимущественно буржуазно-городской культуры. Их книгу «Культурный человек» критика встретила по-разному⁴².

Политическая радикализация шведских университетов с половины 60-х годов положительно сказалась и на трудах этнографов. Многие авторы стараются своими исследованиями помочь проведению назревших реформ, смягчить обостряющиеся социальные противоречия, облегчить интеграцию новых социальных и этнических групп. Примечательно издание ряда этнографических работ социал-демократическим издательством «Тиден». Это, например, «Стратегия во имя общности» О. Дауна (1932 г. рожд.)⁴³. Автор привлекает внимание к множественности существующих в шведском обществе субкультур, требует учета их интересов и особенностей, дает свои рекоменда-

³⁶ *Hanssen B. Familj, hushåll släkt. En punktundersökning av miljö och gruppaktivitet i en stockholmsk förtort 1957 och 1972 enligt hypoteser, som utformats efter kulturhistoriskäa studier.* Stockholm, 1978.

³⁷ *Arnsberg K.-O. och Ehn B. Etniska minoriteter i Sverige förr och nu.* Lund, 1975; *Ehn B. Sötebrödet. En etnologisk skildring av jugoslaver i ett dalsländskt papperbruks-samhälle.* Stockholm, 1974.

³⁸ *Ferrer-Mariné J. I väntan på döden. En etnologisk undersökning av åldringarnas situation på en långvårdsavdelning.* Stockholm, 1981.

³⁹ *Cp. Hellspong M. Föreningsliv och fritidsliv i samhällsvetenskaplig belysning.*—Nord-Nytt, 1973, № 3—4, s. 1—8.

⁴⁰ *Daun A. Förtrosliv. En etnologisk studie av kulturell förändring.* Stockholm, 1974.

⁴¹ *Bingospelare. En samhälls-och kulturundersökning.* Stockholm, 1977.

⁴² *Löfgren O. och Frykman J. Den kultiverade människan.* Stockholm, 1979. *Cp. рец.*—Historisk tidskrift, 1980, № 4, s. 492—493; *Rig.*, 1981, № 1, s. 17—23, а также дискуссию — *Rig.*, 1981, № 2, s. 62—69.

⁴³ *Daun A. Strategy for gemenskap. Essäer om boendits och samvarons Villkor.* Stockholm, 1976.

рации. Ему же принадлежит статья по острому вопросу о социальной и культурной интеграции в жилом районе⁴⁴.

Смена тематики (от истории к современности, от отжившего уклада к путям и последствиям его обновления), смена умонастроения (от консервативно-охранительного к радикально-критическому) были в 70-х годах облегчены и сменой поколений на ключевых постах этнографической науки. За последние 15 лет отошли от активной работы корифеи шведской этнографии межвоенного и ближайшего послевоенного времени — умерли «сельские этнографы» Сигурд Эрикссон, Оке Кемпбелл, безвременно — Бёрье Ханссон, фольклористы Даг Стрёмбек и Вальдемар Юнгман. Ушли на покой «ровесники века» Эста Берг, Сигфрид Свенссон, Ен Гранлунд — опять-таки исследователи старо-крестьянской культуры. Дух обновления обернулся возросшим интересом к методологии и методике, в частности полевого исследования. Показательна и отрадна в этом смысле статья финского исследователя Л. Хонко, вызвавшая отклики шведских этнографов⁴⁵. Хонко считает пору одностороннего влияния англо-американской социологии и культурной антропологии в Северной Европе законченной, а своих коллег — достаточно сильными, чтобы кое-чему научить и самих англосаксов. Он призывает к размежеванию исследователя со своим «истеблишментом», к солидарности («участливому наблюдению») с изучаемым объектом, к новой социальной ответственности этнографа. Финскому автору вторит шведский — ранее названный Фрюкман⁴⁶. По его мнению, функционализм и холизм сравнительно мало затронули шведскую и скандинавскую этнографию. В 60-х годах все еще царил диффузионизм, который в глазах молодого поколения этнографов приобрел несколько одиозный оттенок («механический диффузионизм»), что в свою очередь вызывает ответную защитную реакцию у старшего поколения⁴⁷. Поворот к этнографическому изучению современности как отечественной, так и зарубежной (постколониальной) требует критического пересмотра методологии, зовет к интеграции, а не сегрегации этнографов разного профиля, к перенесению центра тяжести с изучения отдельных личностей и предметов на местные коллективы и части их, четко очерченные по трудовому и социально-культурному признаку. На рубеже 80-х годов шведский исследователь отдельных элементов культуры или отдельных местных обществ пытается сильнее, чем прежде, вводить изучаемый объект в рамки сложной и значительной проблематики. Изучать следует не только маргинальные низы, но и влиятельные слои общества, полагает Фрюкман, и цель этнографа — добиваться прогрессивных социальных изменений.

Несмотря на сочувственное внимание отдельных шведских ученых к советской национальной политике, к этнографии в СССР⁴⁸, и особенно фольклористов — к нашим филологам-структуралистам, все же преобладающие связи шведских этнографов по-прежнему ведут на Запад. Идеино-философские основы шведской этнографии уже далеки от устоев представителей этой науки в первые десятилетия века, с их национальным романтизмом и признаками влияния «философии жизни» (Бергсона и др.)⁴⁹. Вместе со всей послевоенной гуманитарной наукой Швеции этнографы, мы полагаем, разделяли еще и в 60-х годах, сознательно или бессознательно, установки «эмпирической» философии, или неопозитивизма англосаксонского толка.

В дальнейшем однако этнографы, особенно молодое поколение, заметно полевели. Все чаще в их среде встречаются марксисты и левые радикалы разного толка, раздаются требования выйти из академической «башни», не просто изучать, но и солидаризироваться с той или иной частью народных низов, добиваться в ходе своей полевой работы не только реформ сверху, но и революционного преобразования капиталистической действительности. У этнографов 70-х годов возникло понятие «действенного исследования» и вместе с тем «исследования действий», т. е. действий массовых, революционных (aktionsforskning). Примеры такой новой, условно говоря, «народнической» и леворадикальной этнографии чаще можно найти не в Швеции, а в других скандинавских странах⁵⁰.

Значительно обновилась в последние годы и методология шведских этнографов. Считаются пережившими себя, старомодными позитивизм, диффузионизм и функционализм (функциональный структурализм англосаксонского толка). Популярны три других «изма»: французский структурализм Леви-Стросса, исторический материализм, наконец, так называемый символический интеракционизм. Последний связан с социологической теорией коммуникации и «ролей», с семиотикой и обращает особое внимание на взаимодействие, «интеракцию» между людьми⁵¹.

Таким образом, область интересов и набор методов шведской этнографии изменились и сильно расширились. Сфера приложения и общественное значение дисциплины

⁴⁴ Daun A. Social and Cultural Integration in Residential Areas.— *Ethnologia Scandinavica*, 1979, p. 119—132.

⁴⁵ Honko L. The Role of Fieldwork in Tradition Research.— *Ethnologia Scandinavica*, 1977, p. 75—90.

⁴⁶ Ibidem, p. 93—96.

⁴⁷ Svensson S. Misuppfattning av diffusionsforskning.— *Rig*, 1980, № 2, s. 33—36.

⁴⁸ См. Сов. этнография, 1981, № 3, с. 161—163.

⁴⁹ Erixoniana I (*Ethnologia europea*, 1968/69, v. II—III), Arnhem, 1970, p. 15.

⁵⁰ Grue-Sørensen B. etc. Aktionsforskning og etnologi — en orientering.— *Nord-Nytt*, 1973, № 3—4, s. 45—55.

⁵¹ Bringéus N.-A. The Communicative Aspect in Ethnology and Folklore.— *Ethnologia Scandinavica*, 1979, p. 5—17; Löfgren O. Historical Perspectives on Scandinavian Peasantries.— *Annual Review of Anthropology*, 1980, v. 9, p. 187—215.

заметно выросли. Об этом свидетельствует обсуждаемое с 1976 г. предложение включить в программу шведских гимназий новый предмет — культуроведение (kulturvetenskap). «Гимназия нуждается в этнологии» — так озаглавлена одна из дискуссионных статей нынешнего года⁵².

При всех этих переменах интерес к традиционной крестьянской культуре сохраняется, но испытывает воздействие новых идей и подходов. Внимание этнографов теперь больше прежнего нацелено на увязывание культурных явлений, в частности, крестьянской мировоззрения, с социальными процессами — явный показатель влияния исторического материализма⁵³.

⁵² Cp. Rig, 1982, № 3, s. 70—73.

⁵³ Löfgren O. World-Views: A Research Perspective. — Ethnologia Scandinavica, 1981 p. 21—35.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

А. Г. Вишневский. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М.: Финансы и статистика, 1982, 287 с.

Демограф А. Г. Вишневский предпринял интересную попытку теоретически рассмотреть демографическую историю человечества — эволюцию рождаемости, смертности и воспроизводства населения в целом — с доисторических времен до сегодняшнего дня, объяснить некоторые современные демографические проблемы и заглянуть в будущее, исходя из опыта прошлого.

Советские ученые довольно часто обращаются к исследованию вопросов истории брака, семьи, семейных отношений, изучают динамику численности, национальный состав и социальную структуру населения, потери в войнах; история же специфических демографических процессов пока привлекает гораздо меньше внимания, а обобщающих работ по этим вопросам практически и вовсе нет. Вот почему в книге А. Г. Вишневского, написанной прежде всего с позиций демографа, историк найдут много нового для них материала — и не только отдельных, неизвестных ранее фактов, а, возможно, даже целую неизвестную им область. И нет сомнения, что знакомство с этим материалом, вдумчиво отобранным и систематизированным, в хорошей манере поданным, будет способствовать изменению прежних представлений не только о демографических процессах в прошлом и настоящем, но и о значении демографических исследований для исторической науки.

На протяжении всей книги автор строго придерживается *системно-исторического* подхода к демографической реальности. В рамках этого подхода он формулирует основную идею своего исследования — концепцию исторических типов воспроизводства населения. В соответствии с ней все демографическое развитие человеческого общества представляется как история трех типов воспроизводства населения — архетипа, традиционного и современного (рационального) типов — и двух демографических революций, в результате которых совершается переход от одного типа к другому (с. 49). Каждый из трех типов воспроизводства населения соответствует определенной ступени развития общества: архетип господствует в доклассовом обществе с присваивающей экономикой; традиционный тип преобладает в аграрных докапиталистических классовых обществах; переход к современному типу в мировом масштабе начинается при капитализме с превращением аграрной экономики в индустриальную, но в целом — это тип воспроизводства населения будущего бесклассового общества.

Видное место в предлагаемой концепции занимают понятия «демографический гомеостаз» и «демографические отношения». *Демографический гомеостаз* — это устойчивое равновесное состояние «демографической системы» (т. е. населения, рассматриваемого с точки зрения его непрерывного возобновления) в ее взаимодействии со средой. По мысли автора, гомеостаз проявляется в том, что «устойчивость демографических процессов оказывается гораздо большей, чем устойчивость внешних по отношению к демографической системе условий, а в функционировании этой системы имеются существенные элементы упреждения, не допускающие назревания конфликта между демографической и другими подсистемами социального целого, чреватого необратимым нарушением демографического равновесия» (с. 19). Заметим, что представления о демографическом гомеостазе высказывались А. Г. Вишневским и прежде и вызвали возражения со стороны ряда исследователей. Так, В. И. Козлов писал, что состояние «демографического гомеостаза», если оно и появилось, то было не правилом, а исключением¹. Однако аргументация А. Г. Вишневского в пользу демографического гомеостаза, существенно усиленная в рецензируемой работе, представляется нам убедительной. В самом деле, трудно понять, почему такая сложная социальная система, как население, может быть лишена столь важного системного свойства, как гомеостаз; как показано, в книге им обладают даже популяции животных.

Демографический гомеостаз поддерживается благодаря существованию в каждом обществе *устойчивых демографических отношений*, т. е. специфических социальных «от-

¹ Козлов В. И. К вопросу о роли демографических факторов в истории. — В кн.: Численность и классовый состав населения России и СССР (XVI—XX вв.). Таллин, 1979, с. 11.

шений по поводу создания и сохранения жизни себе подобных» (с. 37). Эти отношения, учитывающие объективные условия поддержания демографического равновесия и ражающие интересы социального целого, регулируют поведение людей в вопросах шения полов, брака, рождения детей, охраны здоровья и жизни человека и т. п. втор особо оговаривает несводимость демографических отношений к семейным — 37). На протяжении истории демографические отношения меняются, каждому новому типу соответствует своя культура, своя система ценностей и норм демографического ведения.

Историзм в понимании демографических отношений и определяемого ими демографического поведения составляет одну из наиболее привлекательных сторон книги. Сейчас це нередко полагают, что это поведение — по крайней мере некоторые его виды, скаем поведение по отношению к смерти, — на протяжении истории существенно не менясь. Тем более интересно стремление автора не ограничиваться статистическим анализом зменений смертности, а показать историческую динамику *самого отношения* человека смерти и соответствующего — он называет его «витальным» — поведения, выявить геральдную тенденцию этой динамики, очень глубокие социально-исторические основания роисходящих перемен (с. 98—107).

Не менее любопытен — и убедителен — анализ исторических перемен в демографических отношениях по поводу рождения детей и в самом прокреационном поведении людей. Автор стремится уйти от привычных, но лежащих на поверхности объяснений этих зремен (например, экономической ненужности детей в наше время) и понять глузанные различия в самом типе, в структуре мотивации поведения нашего современника человека прошлого (с. 154—169).

Демографические отношения соответствуют исторически определенным условиям жизни людей. Когда в результате социально-экономического развития эти условия меняются, меняются и демографические отношения, а вместе с тем и весь тип воспроизводства населения. Такие изменения несут революционный характер и приводят к восстановлению постоянно нарушаемого (следствие непрерывного преобразования человеческого социальной и природной среды) равновесия между населением и средой.

Для историка и этнографа в предлагаемой концепции существенно то, что воспроизводство населения рассматривается в ней как компонент образа жизни, как ценностная обусловленность, а семья как непосредственный и важный орган управления воспроизводством населения, который находится под верховным контролем общества.

Концепция исторических, типов воспроизводства населения (изложенная автором впервые в статье в журнале «Вопросы философии», 1973, № 2, а позднее развитая в монографии «Демографическая революция». М., 1976), имеет глубокие связи с современной демографической литературой. Можно назвать ряд отечественных и зарубежных авторов, внесших немалый вклад в исследование той же проблематики с марксистских позиций, например, А. Я. Квашу и Я. Н. Гузеватого в СССР, З. Павлика в Чехословакии, П. Калатбари в ГДР. Однако само понятие типа воспроизводства населения у предшественников А. Г. Вишневского оставалось нечетким, несколько расплывчатым; тип воспроизводства не рассматривался как исторический, как присущая каждому определенному этапу развития общества историческая форма демографического воспроизводства. Можно сказать поэтому, что А. Г. Вишневский, широко используя многие идеи, развивавшиеся в течение нескольких десятилетий как зарубежными, так — особенно в последнее время — и советскими демографами, сформулировал свою концепцию впервые и вполне самостоятельно.

С нашей точки зрения эта концепция плодотворна и перспективна. Надо, однако, верно понять, какое место она может занять в развитии историко-демографических исследований. Во введении к своей предыдущей книге автор отмечал, что предлагаемая им схема «так же, как и всякая схема, упрощает действительность и позволяет лишь в самых общих чертах объяснить конкретные особенности воспроизводства населения в разные эпохи и у разных народов»². Этих «общих черт», конечно, не всегда достаточно. В работах А. Г. Вишневского намечено важное научное направление, но движение в этом направлении может быть успешным лишь в том случае, если удастся «состыковать» *концептуально-схематический подход*, характерный для рецензируемой книги, с конкретными исследованиями историков, этнографов и демографов и благодаря этому преодолеть отмеченное «упрощение действительности». Тогда, может быть, появятся ответы и на ряд вопросов, которые возникают при чтении книги.

Триада А. Г. Вишневского: старый тип воспроизводства населения — демографическая революция — новый тип воспроизводства — хорошо действует только в новое время, при переходе от традиционного типа к современному. И то, что это показано на большом статистическом материале, относящемся к XVII—XX вв., следует признать большой заслугой автора. Приложение же данной схемы к демографическому развитию более раннего времени пока не столь убедительно, возможно, ввиду объективного дефицита данных об архетипе и первой демографической революции и потому справедливо рассматривается автором как гипотеза (с. 58—59).

Но есть еще вопрос о том, была ли эта революция первой. Не следует ли выделить и такую демографическую революцию, которая положила водораздел между воспроизводством популяций в природе — в первобытном человеческом стаде — и в человеческом обществе? Ведь автор сам говорит о необыкновенной важности переворота, обусловленного тем, что регулирование размножения популяций людей «становится... функцией не биологического, а социального развития» (с. 28). С другой стороны, он слишком поспешно, на наш взгляд, проводит демаркационную линию между царством

² Вишневский А. Г. Демографическая революция. М., 1976, с. 7.

природы и царством человека и недооценивает роль биологических, естественных механизмов воспроизводства населения на ранних этапах демографической эволюции.

Дальнейшее расширение круга источников и фактов, — а оно необходимо, — вообще говоря, может привести к некоторой модификации всей схемы, к усовершенствованию типологии воспроизводства населения. В ней, вероятно, появятся дополнительные промежуточные типы, подтипы, подгруппы и т. п. Тогда исчезнет однообразие слишком обобщенного описания — сейчас, к примеру, в прокрустово ложе единого традиционного типа попадают и античные цивилизации Греции и Рима, и средневековая Европа, и Россия XIX в. — тогда демографическая история засияет яркими красками полнокровной жизни.

В заключение еще раз подчеркнем, что исследование А. Г. Вишневского является новаторским, оно вносит большой вклад в развитие исторической демографии — науки, которая в СССР только-только начинает развиваться. Его концепция исторических типов воспроизводства населения обобщает накопленные исследователями данные и одновременно служит толчком для дальнейших исследований в этой области. Некоторое пока слишком абстрактное построение А. Г. Вишневского, совершенно естественно для первой попытки создания схемы демографической эволюции человеческого общества, не зачеркивают ни его концепции в целом, ни ее основополагающих принципов. Временем, по мере привлечения большего количества данных, будут совершенствоваться критерии выделения исторических типов воспроизводства населения, уточняться число и специфика и соответственно число и специфика демографических революций, что существует всей концепции, однако, подрывать не будет.

Книга А. Г. Вишневского — яркий пример актуальности исторического анализа, лучше всяких логических выводов доказывает крайнюю важность исторических, и в частности этнографических, исследований для современности. Книга убеждает в том, что ответить на самые жгучие вопросы сегодняшнего дня (а демографическая проблема сегодня именно такая жгучая проблема) нельзя, если не обратиться к истории и не создать теорию демографических отношений на основе исследования истории развития этносообществ. Как известно, значение демографической теории в значительной мере определяется ее способностью объяснить существующие демографические проблемы и прогнозировать течение демографических процессов. Истокование в книге реальных демографических явлений сегодняшнего дня как в нашей стране, так и за рубежом обилие дежидает относительно прикладного значения концепции исторических типов воспроизводства населения. Можно надеяться, что активное использование данной концепции для демографического прогноза и определения основных направлений демографической политики даст хорошие результаты, ибо нет ничего практичнее хорошей теории.

Б. Н. Миронид

Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР. — Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXXVIII/Отв. ред. Т. В. Станюкович. Л.: Наука, 1982. 206 с.

В очередной сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАН) вошли 13 статей и справочный каталог коллекций отдела Европы МАН, подготовленные, в основном, силами восточнославянского сектора Ленинградского отделения ИЭАн СССР. Наличие в сборнике каталога вещественных памятников по этнографии народов Восточной и Западной Европы обусловило тематическую и региональную направленность большинства статей. В центре их внимания — проблемы научной классификации и типологизации вещественных памятников, методологические и теоретические вопросы, связанные с изучением различных элементов и форм культуры, преимущественно восточноевропейских народов, а также слабоизученные вопросы источниковедения. К группе статей источниковедческого характера примыкает не публиковавшаяся ранее статья крупнейшего отечественного этнографа Д. К. Зеленина «Терминология лапотного дела».

Несомненного внимания заслуживает теоретическая разработка А. К. Байбурина «Некоторые вопросы изучения объективированных форм культуры (К проблеме этнографического факта)», где автор, на наш взгляд, совершенно справедливо оценивает традиционное членение культуры на материальную и духовную сферы как непродуктивное при изучении традиционно-бытовой сферы человеческой жизнедеятельности как целостного, единого организма; как затрудняющее развитие понятийного уровня этнографического знания. Именно отсутствие единой методики описания конкретных объективированных форм этнической культуры, а также унифицированного описания и интерпретации этнографического факта привели к несопоставимости результатов разысканий в различных областях культуры. Определение сущности понятия «этнографический факт», по мнению автора, является основной проблемой во всех сферах этнокультуры. Этнографический факт рассматривается автором с точки зрения его двуединой семиотической природы: «...любая вещь, используемая человеком, обладает двуединой природой в том смысле, что она может быть использована и как собственно вещь, и как знак» (с. 13). Смысл вещей меняется в зависимости от характера связей, возникающих при их использовании. Из всех типов связей, названных автором, выделим последний — «связи и отношения между самими объективированными формами культуры». Автор своевременно делает акцент на тех нестандартных типах связей в предметной области

этнографии, которые игнорируются исследователями, например, между жилищем и одеждой, одеждой и утварью, орудиями труда и утварью и т. п.

Новаторский характер имеет и статья Т. А. Бернштам «"Обряд" расставания с красотой (к семантике некоторых элементов материальной культуры в восточно-славянском свадебном обряде)», которая написана с тех же методических позиций, что и ее последняя работа¹. К изучению обряда автор подходит с точки зрения единства всех его компонентов — слова, действия, поведения и предмета. По существу метод Т. А. Бернштам — пример реализации некоторых проблем, которые отчасти были сформулированы в вышеуказанной статье А. К. Байбурина. Комплексное исследование позволило автору не только «расшифровать» обрядовое место, роль, соотношение и символику материальных компонентов, но и вскрыть архаический смысл данного восточно-славянского обряда, выделить его этническую специфику. Обряд «расставания с красотой», мыслится как символический переходный акт — смерть девичьего «Я», который показывается автором на фоне известных исторических свидетельств и обрядово-культурных норм славянства.

В статье Л. С. Гвоздиковой «Мелкие изделия из теста в русском свадебном обряде конца XIX — начала XX в. (Виды, термины, функции)» предпринята попытка выделить виды печеня, употреблявшегося в свадебной обрядности русских на территории европейской части России и определить их роль в ходе добрачных собраний молодежи и собственно свадебного обряда. Однако из-за недостаточного хорошего состояния источников автору не удалось установить четкие связи между термином и формой изделий, термином и способом их приготовления, термином и характером использования.

В качестве функций печеня названа только одна — дар (обмен дарами). Отметив, по сути однозначное применение печеня в календарных, добрачных молодежных и собственно свадебных обрядах, автор оперирует при описании конкретных случаев различными определениями: элемент половой магии «носитель определенных магических сил, так называемая, имитативная магия», элемент «магии привораживания, закрепления, соединения». Подобная терминологическая нечеткость, смешение понятий «вид» и «тип» в применении к магии затруднило выделение строгих и ясных функций мелкого печеня. Анализ мелких изделий из теста с позиций единства его формы, названия и функции в связи с этим следует признать незавершенным. Вместе с тем укажем, что на основании собранного материала автору удалось проследить изменение семиотического статуса печеня и выделить различные формы обмена (дара).

Особого внимания заслуживают две работы Н. В. Ушакова: «К вопросу классификации одежды восточных славян» и «Сравнительный указатель типов одежды народов Восточной Европы (проект)», в которых типология компонентов одежды и ее комплекс разработана в соответствии с новейшими достижениями в области формальной и теоретической типологии явлений культуры. В первой статье автор рассматривает довольно широкий круг вопросов (этапы формирования и совершенствования принципов систематизации, классификации и типологии одежды восточных славян) и выделяет четыре группы признаков классификации одежды; определяет принципы выделения типов компонентов одежды. Основываясь на имеющемся опыте классификации и типологии одежды, автор справедливо предлагает различать классы одежды, ее комплексы и типы компонентов одежды.

Следует отдать должное масштабности работы, осуществленной Н. В. Ушаковым в разработке понятий «класс», «тип», «комплекс», а также в удачном сведении разрозненных существующих классификаций, в унификации терминов и разграничении трех порядков комплексов одежды. Вместе с тем оговорим, что понятия «систематизация» и «классификация», используемые автором, являются общепринятыми в контексте таких явлений культуры, как одежда и украшения, в то время, как в философии, культурологии, археологии именно классификация, а не систематизация рассматривается как способ первичного упорядочения материала. В дальнейшем, по-видимому, потребуются также четкое определение каждой из четырех групп признаков взамен приведенных автором описательных дефиниций.

Цель сравнительного указателя типов одежды — создание информативного историко-этнографического свода, упрощающего и упорядочивающего исходный материал для последующего сравнительно-исторического исследования.

Н. В. Ушаков учел все доступные ему источники по типологии одежды, а также опыт цифровой индексации, примененный в «Типологии афро-азиатского костюма (преимущественно исламские страны)»². Система нумерации типов одежды включает обозначения римскими цифрами компоненты одежды, буквами латинского алфавита — сопоставимые признаки и детали данного компонента, арабскими цифрами — типы данного компонента. Предложенная система выглядит убедительной, доступной, открытой для введения новых типов, любого количества компонентов. Структура указателя раскрыта и описана на примере раздела «Рубахи», где автор предлагает сокращенные буквенные обозначения для иллюстрированной информации.

Единая типология вещественных памятников этнической культуры, к сожалению, пока отсутствует. Поэтому первый опыт подобной типологии, осуществленный автором статьи, имеет не только эвристическую значимость, но и вносит конструктивный вклад

¹ Бернштам Т. А. Орнитоморфная символика у восточных славян. — Сов. этнография, 1982, № 1; ее же. О «двойной природе» причети (к проблеме генезиса севернорусских причитаний). — В кн.: Симпозиум-79 по прибалтийско-финской филологии. Тез. докл. Петрозаводск, 1979.

² Typology for Afro-Asian costume (primarily from Islamic countries). Draft submitted to the members of the international Committee of costume at the ICOM General Assembly. L.—M., May, 1977.

в создание целостной типологии одежды, упрощает и идентифицирует терминологию. Указатель должен способствовать атрибуции слабоаннотированных музейных памятников. Хочется надеяться, что опыт Н. В. Ушакова не пройдет незамеченным и будет оценен не только специалистами по одежде, но и всеми исследователями материальной культуры.

А. Ю. Заднепровская в статье «Марийские украшения XIX — начала XX в. как этнографический источник» анализирует украшения, вычленила понятия «возрастные комплекты украшений» и «территориальные комплексы украшений». Подобный метод систематизации был предложен по отношению к аналогичной группе памятников исследованиям таджикских украшений Л. В. Чвырь.

Автор выделила шесть комплектов отдельных возрастных групп и определила их роль как этнического и социального показателей. Ярко выраженная магическая функция украшений позволяет, как это указывает автор, рассматривать их в качестве дополнительного источника при изучении дохристианских верований и их «переживаний» жертвенных, свадебных и поминально-погребальных обрядах марийцев. Выделены комплексы украшений предшествовала самостоятельная исследовательская работа А. Ю. Заднепровской по выявлению типов и подтипов украшений, количество которых определено в статье цифрой 51. К сожалению, содержание понятия тип и подтип не раскрыто, и об этой части работы можно составить некоторое представление только по таблице 1, где приводится авторская классификация материала. На основе анализа четырех территориальных комплексов украшений автор устанавливает наибольшую близость между горными и луговыми, а также между луговыми и северо-западными материалами.

Основные положения статьи убедительно демонстрируют широкие возможности использования результатов типологического анализа материала для решения задач самого общего характера.

Особый интерес представляют две статьи, посвященные народным музыкальным инструментам в собрании МАЭ. Уже сам факт включения этих статей в сборник свидетельствует об определенных изменениях взглядов этнографов на проблемы исследования традиционной материальной культуры. Дело в том, что современное этноинструментоведение, рассматривающее народные инструменты с позиций системно-этнофонетического метода³, не мыслит изучения инструментов в качестве только предметов материальной культуры вне контекста духовной культуры, в которой они функционируют.

Описание музейной коллекции восточно-славянских инструментов, выполненное А. Е. Финченко, свидетельствует о возрастании интереса этнографов к этноинструментоведению. В результате этого достоянием научной общности становится факт существования коллекции инструментов, интересной во многих отношениях. Изучение музейного собрания специалистами дает возможность сделать ряд частных наблюдений. Так, например, автор статьи приводит описание долбленых балалаек из Вятской губернии, своеобразная форма которых заставляет иначе взглянуть на проблему происхождения такого инструмента, как домбра.

Инструментальная коллекция МАЭ не систематическое собрание и лишь опосредованно отражает постепенно возникавшее осознание общественностью ценности народного музыкального инструментария. Сама по себе эта коллекция не может дать представления о системе русской или восточно-славянской народной инструментальной культуры. Для этого необходимо включить ее материалы в широкий общий или, наоборот, локальный контекст. Но такое включение едва ли было возможно в сделанном автором описании — скорее музейном, чем этноинструментоведческом. Так, например, весьма странно представляется утверждение, что диатонический звукоряд закарпатской флюидры является будто бы единственно возможным, в то время как известно, что карпатские музыканты, используя виолончную аппликатуру, играют наугрыши практически во всех известных звукорядах (ангемитонных, целотонных, полутонаторных и т. д.) с хроматизмами и микроальтерацией.

Примером «расшифровки» одного из экспонатов коллекции является статья Б. И. Рабиновича «Пастуший барабан — малоизвестный русский инструмент» (которую, на наш взгляд, в сборнике нужно было бы поместить после статьи А. Финченко). На основе анализа одного из своеобразных экспонатов МАЭ — пастушьего барабана (барабаки) автор рассматривает широкий круг проблем, связанных с этнической историей культурными контактами восточно-славянских и финно-угорских народов. К сожалению, автор не дает полного описания музейного инструмента и не приводит конкретных сведений о его фиксации и изучении. Об обширности материала, которым Б. И. Рабинович располагает, можно лишь догадываться. Между тем материал статьи был бы весомее, если бы автор сослался на свою, гораздо более точно выполненную статью об этом инструменте, опубликованную в сборнике «Теоретические проблемы народной инструментальной музыки» (М., 1974).

Ряд статей сборника посвящен истории комплектования фондов МАЭ по культуре славян и содержит описание малоизвестных коллекций и отдельных памятников.

Статья Р. В. Каменецкой «Предметы традиционной культуры русских старожилов долины р. Индигирки и собиратель коллекции Д. Д. Травин» привлекает внимание исследователей к коллекции уникальных этнографических предметов и ее собирателю — профессиональному этнографу Д. Д. Травину. Автор описывает наиболее интересные экспонаты: лук, колчан-туле, утварь, шахматные фигурки и др. Привлекаемые Р. В. Ка-

³ См. об этом: И. В. Мацевский. Народный музыкальный инструмент и методология его исследования. — В кн.: Актуальные проблемы современной фольклористики. М. Музиздат, 1980.

именной материалы отчетов Д. Д. Травина, а также и некоторые сведения, известные из местной периодики 20—30-х годов XX в. дают возможность оценить деятельность собирателя и получить данные о времени, способах бытования тех или иных вещей, их терминологии.

В статьях И. В. Жуковской «Одежда из коллекции С. М. Дудина по южным украинцам» и Л. М. Сабуровой «Польские коллекции МАЭ» даны подробные попредметные описания ценных этнографических памятников, объединенных в тематические группы. В статьях приводятся местная терминология, рисунки и фотографии предметов. Своего рода прологом к сборнику является статья Т. В. Станюкович «Памятники материальной культуры народов европейской части СССР и зарубежной Европы», в которой автор на основании архивного материала восстанавливает и анализирует основные этапы формирования фонда этнографических коллекций в европейском отделе музея с XVIII в. по настоящее время. История складывания фондов старейшего музея страны, как считает автор, отражает историю отечественной этнографии, в которой на протяжении всего дореволюционного периода основным объектом научного изучения оставались «экзотические» народы мира, в то время как систематический сбор полевых и коллекционных материалов по культуре народов Восточной и Западной Европы долгое время недооценивался. Лишь к концу XIX в. европейский отдел МАЭ начинает интенсивно пополняться благодаря организационной и полевой работе крупнейших этнографов и собирателей, таких как В. В. Радлов, Д. А. Клеменц, Н. Н. Могилянский, А. В. Журавский, Т. Швиндт, Д. Д. Травин, С. М. Дудкин, М. К. Каблукова-Горбунова, М. В. Михайловская.

В статье содержится оценка деятельности МАЭ в последние десятилетия, когда фонды отдела Европы неоднократно использовались в качестве серьезного и значительного источника при создании историко-этнографического атласа «Русские», при разработке понятия «этнические границы» и пр.

На сегодняшний день в фондах отдела Европы насчитывается 12 775 предметов. Самые многочисленные коллекции по этнографии русских (5359 предметов), украинцев (718), карел (929), поляков (2094), австрийцев (500), итальянцев (497), финнов (494 предметов).

Наряду с научно-исследовательскими статьями в сборнике впервые публикуется научно-справочный каталог памятников культуры, хранящихся в фонде отдела Европы МАЭ. В связи с актуальностью вопросов каталогизации этнографических фондов музеев страны, анализу справочных изданий разного характера, изданных в последнее время, посвящен специальный обзор в этом номере⁴.

Е. Е. Васильева, О. М. Фишман

⁴ Фишман О. М. Каталоги этнографических музеев (опыт и проблемы). — Сов. этнография, 1984, № 1.

НАРОДЫ СССР

В. П. Кобычев. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. М.: Наука, 1982. 196 с., илл., картосхемы.

В книге В. П. Кобычева обобщены обширные данные по типам поселений, жилищ и их отдельным конструктивным элементам. Эти данные автор собирал почти два десятилетия (1960—1978 гг.) по всей территории Северного Кавказа (кроме Дагестана). Работа является одним из подготовительных этапов создания Историко-этнографического атласа Кавказа. Поэтому материалы по каждому из объектов исследования сведены в этнографических картах по трем временным срезам — середина XIX в., рубеж XIX—XX в. и современность, т. е. время проведения исследования. Благодаря этому книга в предельно сжатой форме вобрала в себя огромный объем информации. Серии карт и тесно связанный с ними аналитический текст охватывают следующие аспекты изучаемой темы: поселения, их типы, форма и планировка, формы усадьбы и двора, ограды, ворот, типы жилища, виды фундаментов, стен, крыши, пола, потолка, планировка жилища, отопление, интерьер и обстановка, пристройки, украшения, хозяйственные постройки и другие нежилые элементы поселений (укрепления, святилища, погребальные сооружения). Помимо карт книга содержит большое количество фотографий, рисунков и схем, мастерски выполненных как самим автором, так и художником Г. Д. Коняхиной и фотографами Г. А. Аргиропуло и С. Н. Ивановым. Макет книги был подготовлен В. И. Филипповым. В конце дан словарь 40 основных терминов поселений и жилища у следующих северокавказских народов: адыгейцев, кабардинцев, черкесов, чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, осетин и ногайцев. Все это делает книгу уникальным источником сведений по поселениям и жилищам Северного Кавказа.

В разделе о поселениях автор рассматривает, какие соотношения складывались на Кавказе в разные исторические эпохи между моногенными и полигенными, мелкими и крупными, стабильными и легко перемещавшимися поселениями. Он показывает,

то ни одно из этих форм нельзя считать исходной или основной, и что преобладание тех или других зависело от исторических обстоятельств: степени развитости дальнейших отношений, внешней безопасности и некоторых других причин.

Основной объем книги отдан аналитическому рассмотрению отдельных конструктивных элементов жилища — фундамента, стен, пола и т. д. После детального разбора этих компонентов автор переходит к построению типологии северокавказского жилища.

Для характеристики типа жилища им «привлекается целый ряд признаков, как это издавна принято в этнографической литературе, в отличие от других смежных дисциплин, где классификация строится преимущественно на одном элементе» (с. 160). В данной работе В. П. Кобычев не счел нужным остановиться более подробно на проблеме критериев типологизации жилища. Читателей же книги, особенно специалистов по типологии жилища, этот вопрос интересует в первую очередь.

Обратившись к предшествующим публикациям автора, мы обнаруживаем его установку «принимать в качестве типологической основы совокупность целого ряда наиболее характерных признаков, различных в каждом конкретном случае»¹. Это положение, несомненно, правильное, хотя недостаточно раскрытое, — ведь еще не ясно, что следует считать «наиболее характерным признаком». В поисках такого признака попытаемся проследить разработку В. П. Кобычевым конкретной типологизации жилища в исследуемом им регионе. В работе «Типология кавказского народного жилища», о которой идет речь, В. П. Кобычев, «руководствуясь указанным методом», выделил для первой половины XIX в. на всем Кавказе следующие три типа жилища, распадающиеся на варианты: 1) каменный дом, иногда из сырцового кирпича, с плоской крышей; 2) деревянный или турлучный дом со скатной кровлей; 3) жилище со ступенчато-пирамидальным перекрытием². В другой работе, 1972 г., В. П. Кобычев констатировал, что жилище только Северо-Западного Кавказа середины XIX в. «довольно четко разделялось на три совершенно отличных один от другого типа»: 1) плетеное турлучное (иногда камышевое, глинобитное); 2) каменное; 3) срубное³. В рецензируемой книге типология народного жилища изменена в сторону еще большей подробности. Так, например, на северо-западе Кавказа выделен карачаевский «крытый двор» (с. 161 и карта 27). Выражая общее согласие с таким направлением развития типологизации, мы считаем необходимым коснуться здесь теоретической основы исследования такого рода, в частности на примере традиционно-бытового жилища.

Типологизация — одна из основных целей, если не главная, в работах по составлению историко-этнографических атласов. Она имеет смысл, если соотносит выделяемые явления в историко-эволюционном развитии и находит их связь со средой бытования, указывает на причины возникновения данных объектов. При таком подходе к типологизации желательно в этнографически выделяемом типе рассматривать наряду с набором формально-морфологических признаков также признаки более высокой уровней — изофункциональную соотнесенность типов и вариативную направленность его проявлений. Но признаки этих двух уровней не проявляют себя без основных условий существования типа — его устойчивости и привязанности к определенной территории (ареальности)⁴. В этом смысле этнографически выделяемый тип жилища есть локальный комплекс устойчивых черт, подчиненных единой организационной функции и в силу этого обычно осознающийся носителями данного типа и их соседями, как принадлежность особого образа жизни (об отражении в сознании людей типов жилища как локальных комплексов красноречиво говорит выделение В. П. Кобычевым ряда типов с этническими, районными и зональными названиями, не обязательно этнически специфичных, но так осознаваемых).

Среди факторов, влияющих на развитие жилища, хозяйственный и семейный стоят в числе первых. Этому В. П. Кобычев уделяет достаточно внимания. Так он считает распространенное в науке мнение о строгости разделения жилища у народов Северного Кавказа на мужскую и женскую половины совершенно необоснованным (с. 103—104).

Этнографически выделяемый тип жилища, будучи локальной формой, не развивается тем не менее строго изолированно. Поэтому разные типы жилища имеют сходные черты, например строительные приемы. Этот важный вопрос в книге В. П. Кобычева проходит по существу через все разделы, посвященные отдельным конструктивным элементам жилища (фундамент, материал стен и строительная техника, форма крыши и материал покрытия, пол, потолок, межэтажные перекрытия и т. д.).

Данные по строительной технике у народов Северного Кавказа убеждают в том, что любой тип жилища есть результат истории развития разных строительных приемов и особого соотношения этих приемов в каждом случае. Поэтому интерес представляют взаимосвязи и взаимовлияния каменного и деревянного домостроительства на Кавказе. Создается впечатление, что в древности разделение этих двух традиций было более жестким. Но в позднее средневековье, судя по данным Г. Я. Мовчана⁵ и рецензируемой книге В. П. Кобычева (с. 20), в горных районах Северного Кавказа каменное зод-

¹ Кобычев В. П. Типология кавказского жилища. — Труды VII Международного Конгресса антропологических и этнографических наук. Т. X. М.: Наука, 1970, с. 209.

² Там же.

³ Кобычев В. П. Типы жилища у народов Северо-Западного Кавказа в середине XIX в. — Кавказский этнографический сборник. Т. V. М.: Наука, 1972, с. 167.

⁴ Подробнее см. Чеснов Я. В. О принципах типологии традиционно-бытовой культуры. — Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979, с. 189—202.

⁵ Мовчан Г. Я. Камень и дерево в старинном жилище Аварии. — Сов. этнография, 1969, № 3.

чество сменяло деревянное, причем иногда появлялись смешанные (деревянно-каменные) строения, а в ряде мест каменные дома повторяли принципы деревянных конструкций. Иногда противопоставление двух техник исчезает, и один и тот же тип дома, как это показал Ю. Н. Асанов на материалах балкарского жилища, может бытовать в форме каменной или деревянной постройки⁶. Менялась и техника строительства.

Было бы интересно проанализировать влияние на строительную технику изменений в семейном быту. Так, у некоторых народов семейные турлунные жилища пришли на смену каменным постройкам более крупных родственных объединений; при этом плетение и обмазка стен находились в руках женщин, а мужчины делали каркас и крышу. Можно предположить, что и ухудшение качества каменной кладки на Северном Кавказе шло параллельно с разложением большесемейных коллективов. Это не исключает действия других причин — общей демократизации культуры, нарушения условий для проявления профессионализма, угасания традиции и т. п.

Важнейшим обстоятельством, решавшим судьбу прежде всего каменных жилищ-крепостей, было вхождение Северного Кавказа в состав России, в связи с чем отпала оборонительная функция жилища, а переселение части горцев на равнину привело к кардинальной перестройке и других форм жилища (с. 89, 90).

Важен раздел монографии В. П. Кобычева «Форма крыши и материал покрытия». Автор подчеркивает тесную связь крутой скатной крыши в западных районах Северного Кавказа с климатическими условиями, так как в западных районах осадков больше, чем в восточных. Он упоминает о близости скатной формы крыши Северо-Западного Кавказа с формой крыши построек в Юго-Восточной Европе, а плоской крыши в юго-восточных районах Кавказа с крышей построек Передней и Средней Азии (с. 112). Это справедливое замечание заставляет обратить внимание на историко-культурные и ареальные факторы, а не только на природно-климатические.

Крыша выполняет три основные функции: 1) стабилизирует постройку от механического воздействия, прежде всего давления ветра и перемещений грунта; 2) защищает внутреннее помещение от осадков; 3) сохраняет внутреннее тепло. Существует большое разнообразие конструктивных обеспечений этих функций. Поэтому нам представляется слишком категоричным мнение В. П. Кобычева о чрезвычайной зависимости формы и материала крыши от природно-климатических условий того или иного района (с. 112). В связи с этим стоит привести более осторожную и продуманную формулировку Б. А. Куфтина по поводу действия природного фактора в истории народного жилища. Он писал: «Зависимость от природы оказывается не столько в процессе непосредственных изменений, переживаемых жилищем в определенном природоустройстве, сколько в том, что та или иная деталь жилища, получающая распространение при сложившихся культурно-исторических отношениях может привиться только в том случае, если этому не противоречит природа»⁷.

Следует обратить особое внимание на развитие принципа стабилизации (обеспечение устойчивости здания) в постройках с плоской кровлей. Последняя состоит из мощных потолочных балок, опирающихся на столбы (эта опора бывает еще более усилена консольной балкой) и тяжелого земляного покрытия. Стены часто врыты в склон горы. Эта простая конструкция оказывается очень целесообразной, особенно в горной местности в сейсмоопасных районах. Недаром Б. А. Куфтин отметил, что ареал этого вида жилищ в Крыму отстает от приморской равнины и тяготеет к горным долинам⁸. Хорошая устойчивость⁹ такого рода постройки видна при сопоставлении ее с деревянными или турлунными жилищами Кавказа и Крыма. Так, жилище адыгов и абхазов обычно помимо каркаса, несущего стены и крышу, было снабжено снаружи еще рядом вкопанных по периметру стен столбов, функцией которых была именно стабилизация постройки¹⁰. Ту же функцию у абхазов несли две пары перекрещивающихся столбов с торцовых сторон дома, в верхней своей части поддерживающих коньковую балку¹¹. В крымском жилище, рубленном из плах, сходную роль играли две толстые доски (пайвауд), пришитые к торцовой стене деревянными шпильками¹².

Итак, в истории жилища можно проследить совершенно очевидные поиски принципа устойчивости. Рассмотрим теперь конструкции крыш наземных срубных и турлунных домов. Они оказываются разнообразными, что связано с поисками устойчивости всего строения. У адыгов встречаются торцовые стены, поднятые вроде самцов к самой коньковой балке¹³. У тех же народов, судя по публикации А. Миллера, бы-

⁶ Асанов Ю. Н. Поселения, жилища и хозяйственные постройки балкарцев. Нальчик: Эльбрус, 1976, с. 111.

⁷ Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова (материалы и вопросы). М., 1925, с. 6.

⁸ Куфтин Б. А. Указ. раб., с. 41.

⁹ О принципе стабилизации построек и различных способах его решения в народной архитектуре см.: Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М.: Наука, 1979.

¹⁰ Миллер А. Черкесские постройки. — Материалы по этнографии России, т. 2. СПб., 1914, с. 12; Аджиджал И. А. Из этнографии Абхазии: Материалы и исследования. Сухуми: Алашара, 1969, с. 53.

¹¹ Аджиджал И. А. Указ. раб., с. 53.

¹² Куфтин Б. А. Указ. раб., табл. VI.

¹³ Миллер А. Указ. раб., с. 12.

товала конструкция в виде стропильной с горизонтальной балкой, работающей на растяжение¹⁴. Очевидно, длительное бытование на Кавказе наземных круглых построек, в том числе и с центральным столбом, обязано сохранению однажды найденного принципа устойчивости. При всем том характерно, что к послевоенным годам двускатные крыши были вытеснены, судя по данным В. П. Кобычева, на всем Северном Кавказе четырехскатными. Первые остались только в Кабарде и Северной Осетии на хозяйственных постройках (с. 112). Действительно, четырехскатная стропильная крыша обладает наилучшим стабилизирующим действием при относительной легкости. Такая крыша лучше защищает от осадков, чем двускатная.

По-видимому, поиски средств устойчивости вызвали к жизни на Кавказе появление срубных конструкций. Интересно, что до сих пор здесь элементы срубной постройки применяются не только для несущих стен. Такой прием, например, мы находим в опорном столбе карачаевского дома, сделанного «поленницей»¹⁵.

Все сказанное позволяет нам перейти к очень интересному и часто дискутируемому вопросу, связанному с архитектурой северокавказских культовых сооружений. Вполне допустимо, что внутренняя стена в чечено-ингушских двухкамерных святилищах, а также внутренняя арка в осетинском святилище Соппой Сопба благодаря появлению четырех жесткосвязанных углов конструктивно обеспечивают устойчивость стен и всей постройки. Стабилизирующий эффект стены виден на Кавказе уже в порталных дольменах (портал в функции контрфорса). А. Ф. Гольдштейн предположил, что в облике ингушских и подобных им святилищ с двумя помещениями внутри и крутой двускатной крышей отразилось существование древнего ныне исчезнувшего на северо-востоке Кавказа жилища¹⁶. В. П. Кобычев эту гипотезу поддержал¹⁷.

Отметим, что в данном случае выражен принцип анфиладного расположения помещений, который совершенно не свойственен планировке, фиксируемой этнографами на Северном Кавказе. Но в древних и средневековых сооружениях анфиладная планировка (проходные комнаты) встречается. Представляется, что обращение к стадийному анализу планировки и к выявлению стабилизирующего воздействия внутренних стен подкрепляют правильность вывода А. Ф. Гольдштейна и В. П. Кобычева о сохранении древней формы жилища в культовых постройках.

Весь материал книги В. П. Кобычева, в том числе и сопоставление картосхем типов жилищ по трем историческим рубежам, убеждает в гибкости строительной техники, в том, что в определенный момент реализуются, казалось бы, скрытые возможности развития. Это хорошо видно при соотношении каменного и деревянного строительства. Поэтому преобладание определенного типа в данной местности — результат сознательного выбора, отвечающего хозяйственным, социальным, эстетическим и даже престижным соображениям.

Исследование В. П. Кобычева, в основе своей направленное на составление Кавказского историко-этнографического атласа, не ограничилось этой конкретной задачей; оно сконцентрировало многочисленные аспекты важнейших теоретических вопросов изучения материальной культуры. Эта глубокая, содержательная и прекрасно оформленная книга займет достойное место среди основных публикаций по истории и культуре жилищ народов нашей страны.

Я. В. Чеснов

¹⁴ Там же.

¹⁵ Поляшова-Куранцева О. П. Архитектурные традиции карачаевцев. — Археология и этнография Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1979, с. 126.

¹⁶ Гольдштейн А. Ф. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М., 1977, с. 80, 82, 86.

¹⁷ Кобычев В. П. Старинные культовые сооружения Северного Кавказа как источник по истории жилищ края. — Полевые исследования Ин-та этнографии АН СССР 1975 г. М.: Наука, 1977, а также с. 187 рецензируемой работы.

Календарно-обрядовая поэзия сибиряков. Сост. Ф. Ф. Болонев и М. Н. Мельников. Новосибирск: Наука, 1981. 351 с.

Рецензируемая книга — первое и пока самое полное систематизированное собрание календарных обрядовых песен восточнославянского населения Сибири. Обряды русских Сибири стали предметом серьезного изучения еще до революции, достаточно назвать труды А. А. Макаренко, П. А. Городцова, Г. С. Виноградова; а в наше время это книги М. М. Громыко, Ф. Ф. Болоневой и др. Но эти работы, за исключением исследования М. М. Громыко, касаются лишь отдельных регионов и обрядовый фольклор в них специально не рассматривается. В последнее время в Сибири развернулось широкое систематическое собрание фольклора, причем сделано и много записей обрядовых песен. Особенно ценные материалы дали экспедиции Новосибирского пединститута, руководимые М. Н. Мельниковым, и Омского пединститута под руководством Т. Г. Леоновой. Много нового материала по обрядам семейских собрал Ф. Ф. Болонев. Особо следует отметить, что эти экспедиции записали фольклор не только у русских,

но и у проживавших в Сибири украинцев и белорусов. Частично эти материалы публиковались и рассматривались в отдельных статьях, но наиболее полно они представлены в рецензируемом сборнике.

Всего в сборнике 569 текстов песен разных календарных циклов. Составители «поставили перед собой задачу наиболее полно собрать бытовавшие тексты аграрно-магических песен восточных славян Сибири...» (с. 5). Поэтому в сборнике есть перепечатки из дореволюционных и современных изданий, но основу его составили материалы, публикуемые впервые. В этом основная ценность данного издания. «Календарные песни,— пишут составители,— как правило, извлечены из пассивного песенного багажа лиц старше шестидесяти лет. Последние 40—50 лет они редко где пелись, а потому и не могли подвергнуться существенным изменениям...» (с. 16). Следовательно, сборник дает достаточно полное представление о календарной обрядовой поэзии восточно-славянского населения Сибири в предреволюционные годы и первые десятилетия после революции.

В сборнике впервые представлены календарные обрядовые песни не только русских, но и украинцев и белорусов, между которыми всегда были тесные контакты, что приводило к взаимодействию и обогащению их фольклора. Без учета этого нельзя понять особенности обрядности сибиряков.

Песни в сборнике расположены по основным циклам сельскохозяйственного года: новогодние (колядки, овсенеые и щедровки, подблюдные); весенние (масленичные, веснянки, волочебные и великодные, семицко-троицкие); летне-осенние (купальские, петровские, жнивные). Каждому подразделу предшествуют краткие описания обрядов данного цикла. Цель их — «дать возможность читателю составить краткое представление о церемониях и обрядах каждого праздничного календарного цикла в отдельности, что должно послужить ключом к пониманию генезиса песен, их содержания и обрядового назначения, так как в отрыве от обряда многие песни трудно понять» (с. 17). Соображение это совершенно справедливо.

Обильно представлены в сборнике песни новогоднего (святочного) цикла. Здесь мы находим и русские колядки, в их специфических северной («виноградье») и средне-русской («овсень») формах, и характерные украинские колядки и щедровки и др. Песни эти хорошо сохраняя традиционную структуру и образность, многие их варианты отличаются высокими художественными достоинствами и могут быть отнесены к лучшим, «классическим» образцам данного жанра. Но нельзя согласиться с тем, как понимают составители «овсенеые песни». «Овсень» — среднерусская разновидность колядок, с зачином или припевом «овсень», «туасень» и т. п., пели их под рождество и в другие дни святок (образец такой песни приведен среди колядок — № 40). Составители же считают овсенеыми песнями короткие заклинательные формулы («сею, сею, посеваю...»), с которыми ребятишки утром на новый год ходили по домам и «засевали» (рассыпали разные зерна); эти песенки они объединяют с украинскими щедровками, певшимися под Новый год. Однако такие заклинательные песенки, особенно распространенные у украинцев, никогда не назывались «овсенеыми». Кстати, объясняя слово «овсень», составители пишут, что его «обычно связывают с древним названием января — просинец» (с. 67). Но как известно, «овсень» производят также от корня «сеять» или «овес» — и об этом надо было сказать.

Новые материалы содержатся в разделе «Волочебные и великодные (т. е. великодные, пасхальные.— В. С.) песни». Рудименты волочебных песен только недавно были зафиксированы в Сибири — в Новосибирской и Омской областях (о них писала Л. В. Новоселова). Эти записи, сделанные от переселенцев из Белоруссии или их потомков, не меняют представления о волочебных песнях как о своеобразном жанре белорусского фольклора. Но они дают возможность проследить судьбы этого жанра в новых условиях, выявить его особенности на последней стадии существования. Жаль, что в сборник не включены волочебные песни из Омской области. Песни же № 383 («сййся, родыся»), 384 («Як на Василя»), 385 и 386 («Дай тебе, господи») явно новогодние и попали в раздел пасхальных по недоразумению — так, очевидно, определили их информаторы, которые, обходя на пасху дома, стали петь и новогодние песни.

Вообще, распределяя песни по разделам, составители слишком доверяются информаторам, и порой относят к обрядовым песням и необрядовые. В раздел «масленичные песни», например, включены такие известные лирические песни, как «Утушка луговая» (№ 293, 294), «Что же ты, Ваня, разудалый молодец» (№ 303), «Всяляя бяседушка» (№ 312) и др., собственно, все песни с № 286 по № 323 не только не масленичные, но и вообще не обрядовые. Необрядовых песен много и среди семицко-троицких, есть они и среди купальских, петровских и жнивных. Сложные праздничные обрядовые комплексы с утратой аграрно-магической функции превращались в массовые гулянья, во время которых стали петь самые различные песни, и естественно, что на вопрос собирателей, какие песни пели на масленицу или троицу, информаторы сообщали именно эти песни. Составители же должны были отметить, что эти песни к обрядам отношения не имеют. Между тем во введении к «масленичным песням» об этом ничего не говорится, во введении же к «семицко-троицким песням» сказано, что с утратой магической функции песни могли отрываться от обряда и переходить в разряд необрядовых; о том же, что во время праздничных стай исполнялись необрядовые песни, ничего не сказано.

Есть во вступительных замечках к песням и некоторые мелкие недочеты и неточности. Так, например, в разделе о семицко-троицких песнях говорится, что во время «кумления» девушки снимали кресты, и отсюда делается вывод, что они якобы «четко осознавали нехристианский характер этого кумления и всего обряда в целом» (с. 191). Конечно, такого осознания, даже нечеткого, не было. Кресты вешали на сплетенные ветки берез и через них «кумилися», ими девушки менялись и тем самым как

бы вступали между собою в духовное родство. Это мелкие нецелочеты, но лучше бы было их избежать.

Книга снабжена необходимым научным аппаратом. В примечаниях указано, где, когда, кем и от кого записана песня, даны сведения об исполнителе. Имеются словари диалектных и малопонятных слов, топографический указатель, списки собирателей и исполнителей. К сожалению, в сборнике нет нотных примеров. Собиратели понимают их значение и, например, во введении к купальским песням замечают, что большая часть украинских и белорусских песен сильно русифицирована и «зачастую национальную принадлежность их можно определить лишь по напеву и произношению» (с. 246). Нужно заметить, что мелодика песни в ряде случаев помогает определить, является ли песня обрядовой по происхождению, выявить региональную специфику.

В целом сборник следует оценить весьма положительно. Ф. Ф. Болонев и М. Н. Мельников создали полезную и нужную книгу, без которой не сможет обойтись ни один исследователь восточнославянского обрядового фольклора, интересна она для всех фольклористов и этнографов.

В. К. Соколова

Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. I. Песни и наигрыши, приуроченные к определенным обстоятельствам. М.: Сов. композитор, 1980; 223 с.; т. II. **Нартские пшинатли.** М.: Сов. композитор, 1981, 231 с.

Издание пятитомной антологии «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов» предпринято коллективом фольклористов и музыковедов Кабардино-Балкарского научно-исследовательского ордена «Знак Почета» Института истории, филологии и экономики при Совете Министров КБАССР. Редактор его, Е. В. Гиппиус, определил принципы этого новаторского по своей сути издания и обеспечил их последовательное осуществление.

В состав антологии входят следующие тома: I — Песни и наигрыши, приуроченные к определенным обстоятельствам; II — Нартские пшинатли; III — Величальные и «плачевные» песни (песни-плачи); IV — Песни любовные, аллегорические, смеховые; V — Инструментальные наигрыши и плясовые мелодии.

Музыкальный фольклор адыгов привлек внимание выдающихся русских композиторов А. Н. Алябьева, М. А. Балакирева, С. И. Танеева уже в конце прошлого века. Они первыми записали образцы адыгских песенных напевов и инструментальных плясовых наигрышей и использовали их в своем творчестве. Но систематическое изучение фольклора адыгских народов началось лишь после Великого Октября, когда в Адыгее, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии были созданы научно-исследовательские институты и стали проводиться музыкально-фольклорные экспедиции.

К сожалению, большинство фольклорных материалов, записанных в 30-е годы, было утрачено в период Великой Отечественной войны. В послевоенные годы собирательскую работу пришлось начинать заново. За последние 30 лет сотрудниками Кабардино-Балкарского, Адыгейского и Карачаево-Черкесского научно-исследовательских институтов собран значительный материал, который до самого последнего времени хранился в архивах этих институтов и был доступен ограниченному кругу исследователей. Между тем этот уникальный в художественном и познавательном отношении материал представляет значительный интерес не только для любителей народной музыки, но и для исследователей — этнографов, фольклористов, историков, музыковедов.

Перед авторским коллективом стояли сложные задачи систематизации фольклорных записей, их текстологического анализа и подготовки к печати, отбора для публикации наиболее характерных и совершенных в художественном отношении текстов, их нотации, перевода на русский язык и комментирования.

В издательстве «Советский композитор» вышли в свет два тома рецензируемого издания. Первый том составили песни и наигрыши, приуроченные к определенным обстоятельствам: трудовые, обрядовые и посвященные различным почитавшимся адыгами божествам — покровителю кузнечного ремесла Тлепшу, богу грома Шибле и др. Это первая в истории адыгской фольклористики публикация произведений самого архаичного слоя фольклора, содержащая уникальные произведения, иногда представленные единственным текстом.

Публикуемые в первом томе песни представляют значительный интерес, так как они донесли до наших дней воспоминания о многих архаических культурно-бытовых реалиях эпохи первобытного общества.

Открывают том песни, непосредственно связанные с трудом: песни пахарей, погонщиков волов при молотье, косарей и др., исполняемые при разных видах работ. За ними следуют песни, связанные с трудом опосредованно: охотничьи, сопровождавшие обряд вызывания дождя, новогодние величальные и др. В третий раздел вошли врачевальные песни-заговоры от оспы, различных ран и травм, в четвертый — свадебные песни и мелодии, в пятый — детские песни и потешки. Завершает книгу раздел похоронных причитаний.

Публикации текстов предпослана небольшая по объему, но очень содержательная статья З. Налоева «У истоков песенного искусства адыгов». Характеризуя основные разновидности песен, вошедших в книгу, автор не только прослеживает их связь с историей создавшего их народа, но и подробно исследует их поэтический строй. В статье дается исчерпывающая характеристика вошедших в первый том песен, которые до сих пор если и привлекали внимание исследователей, то лишь в плане выяв-

ления их связи с мифологией и обрядами. Этот аспект автор удачно сочетает с характеристикой уникального песенного материала, рассматриваемого прежде всего как этап в развитии словесно-музыкального искусства адыгских народов.

Статья А. Т. Шортанова «Древнеадыгский песенный фольклор и мифология» насыщена интересным фактическим материалом. Статьи З. Налоева и А. Шортанова в совокупности содержат разностороннюю характеристику древнейшего пласта песенного фольклора адыгов, отразившего зависимость человека от сил природы.

Во втором томе рецензируемого издания — «Нартские пшинатли» — представлены образцы песенных текстов адыгского нартского эпоса (пшинатль — эпические песни, исполняемые под аккомпанемент народного музыкального инструмента — пшины).

Как известно, нартский эпос принадлежит ряду кавказских народов — адыгам, осетинам, абхазам, балкарцам, карачаевцам, чеченцам и ингушам. Адыгские сказания о нартах бывают прозаическими, смешанными (прозаические с песенными вставками), песенными. Последние представляют значительный интерес для исследователей, поскольку подверглись меньшей трансформации; в них в наибольшей степени сохранились исходная характеристика основных героев эпоса и важнейшие особенности его поэтической структуры.

В рецензируемый том вошли пшинатли об Орзамесе и Сатанай, нарте Сосруко — Саусырко, Пэтэрэзе — Батэрэзе, Ашамезе, нарте Бадиноко — Шабатыныко. Опубликованы не только тексты, но и нотные записи пшинатлей.

Во вступительной статье А. М. Гутова «Адыгские сказания о нартах» рассмотрены главные герои эпоса, циклы сказаний о них и основные сюжеты, наиболее существенные для характеристики героев. В статье убедительно доказано, что Бадиноко — стадийно более поздний герой, чем Пэтэрэз — Батэрэз и Ашамез. На этом основании внесены изменения в принятый ранее порядок расположения текстов. В рецензируемом томе сказания о Бадиноко помещены не вслед за сказаниями о Сосруко, а в самом конце. Они завершают публикацию текстов об основных героях адыгского нартского эпоса. Значительное место А. М. Гутов отводит характеристике повествовательного стиля адыгского эпоса. Исследователь вносит серьезные коррективы в существовавшие до сих пор представления о поэтике эпоса адыгов, и в частности убедительно доказывает наличие в нартских пшинатлях эпических зачинов. Подробно охарактеризованы и все остальные компоненты композиционной структуры нартских сказаний (особенно диалоги и монологи героев, общие и сходные мотивы и ситуации в версиях одного сюжета, в разных сказаниях или в разных частях одного сказания). В статье дается и анализ поэтического языка пшинатлей.

Следует отметить тщательный отбор текстов, проведенный коллективом исследователей, подготовивших оба тома: и в первом, и во втором томе представлены лучшие, наиболее полные записи фольклорных произведений. Наряду с ними приводятся и фрагментарные записи, сохранившие важные по содержанию или художественным особенностям тексты.

Следует подчеркнуть точность расшифровки записанных на магнитофонную ленту текстов на различных диалектах адыгских языков (записи производились среди кабардинцев, черкесов, моздокских кабардинцев и у адыгейцев — шапсугов, бжедугов, темиргоевцев, абадзехов). В публикации обозначены любые отступления исполнителя от традиционной канвы произведения и даже простые оговорки.

Составители стремились максимально точно передать и диалектные особенности текстов. С этой целью все произведения, вошедшие в рецензируемые тома, были апробированы лингвистами. Поэтому опубликованный фольклорный материал может служить надежным источником и для языковедов.

Наибольшую трудность представляла нотация песенных текстов, имеющих ряд специфических особенностей. Для их передачи была выработана особая аналитическая нотация с системой специальных знаков (условные обозначения приведены в т. II, с. 229). Немалую сложность представлял и перевод текстов на русский язык, на котором невозможно воспроизвести все особенности адыгского оригинала, в частности практически непереводаемы некоторые глагольные формы — их можно передать только описательно, отдельные тропы (метонимия оригинала в русском переводе может выглядеть только как сравнение). Смысл многих архаических слов и выражений давно утрачен, и сказители дают свою интерпретацию неясного места, что значительно затрудняет перевод. И тем не менее коллективу переводчиков удалось передать в русском переводе все обаяние и своеобразие оригинала.

Комментарии содержат научную документацию к текстам и характеристику основных особенностей каждого из них. В постраничных сносках объясняются непонятные или труднопереводимые слова, значения собственных имен, географических названий, этнографических реалий. Это позволяет читателю не только получить наглядное представление о степени распространенности публикуемых фольклорных произведений в различных местах расселения адыгов, но и более глубоко проникнуть в их смысл, ощутить отражение в них истории народа, его нравов и обычаев, философии, его национального этикета.

Первые два тома издания «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов», подготовленные фольклористами и музыковедами Кабардино-Балкарии, — заметное явление в жизни не только адыгских народов, которые обретают в новом качестве сокровища своей устной народной поэзии и музыки. С появлением этой публикации адыгский фольклор становится достоянием всех народов нашей страны, что несомненно будет способствовать обогащению многонациональной советской культуры.

The Leninist Nationality-and-Language Policy of the USSR Communist Party as Internationalism in Practice

Since long before the 1917 October Revolution the Communist Party and its founder V. I. Lenin devoted close attention to the language problems arising in a multi-national state. At all stages in the building of socialism up to the period of its highest development, the Party consistently regulated the trends in the ethnolinguistic situation and the evolution of ethnolinguistic processes in the industrial, sociopolitical and cultural spheres including those of schooling, publishing, mass media, scientific, cultural and administrative organizations, etc. Today all aspects of ethnolinguistic life continue to form an object of the Party's policy: from the observance of language equality to purity of speech, from raising linguistic skills to solicitude in preserving the cultural resources of each nationality created in its particular language.

The Party and the Soviet state in their nationality and language policy have as their principal aim the comprehensive development of the social functions fulfilled by the various national languages of the USSR and, at the same time, the mastering of Russian as a general inter-national communication language by all the citizens of the country. For the non-Russian population of the Union and Autonomous republics and the national regions and districts this means the rise, development and functioning of Russian-local bilingualism both at the level of the individual and at that of the nationality as a whole; this is characteristic only of the highly-developed socialist society which has no room for inter-national dissention.

M. N. Guboglo

The 11th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences

The article shows the results of 11th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences (Canada, August 1983). A report is given on the work of those symposia where the discussion concerned problems of general theory, methods and conceptual framework of ethnology, the role played by social factors in ethnic processes, the phenomenon of ethnicity, bilingualism and language policies, ethnic self-identification.

The authors note the growing interest taken by scholars in the rising social significance of research, their desire to contribute to the solution of such urgent problems as that of war and peace, the destinies of aboriginal populations, etc.

The role of Soviet delegates to the Congress — anthropologists, archaeologists, ethnographers and sociologists — is described more particularly.

Certain new prospective paths of research are specified as well as the Congress' decisions on questions of organization and procedure.

Yu. V. Bromley, V. A. Tishkov

The Ethnographic Approach to the Study of the Phenomenon of Longevity

The author briefly describes the work on the joint Soviet-American research project «A Complex Bio-Anthropological and Socio-Ethnographic Study of Peoples and Ethnic Groups with a Higher Percentage of Long-Living Persons». The problems involved primarily concern the concept of longevity regarded as a life span substantially exceeding the average biological norm. Various factors of longevity are examined and their possible impact evaluated. The author considers several hypotheses of longevity which attribute the phenomenon to the following characteristics of an ethnic group: genetic peculiarities; certain features of natural reproduction; geographical environment; demographic structure; prevalent psychological types; social psychology including the traditional high status of elderly people (gerontophilia); traditional economy and working habits; traditional dwelling and domestic life; food habits. The role of ethnographers in developing these hypotheses is noted.

V. I. Kozlov

Protective Archaeological Work in Khorezm: Results and Prospects

In the recently expired five-year period and in the first years of the current one the Khorezm Archaeological-Ethnographical Expedition continued its investigations in the South Aral area — in the delta plains of the lower Amu Darya and Syr Darya, in the old stream of the Zeravshan, in the interior of the Kizil Kums. These investigations were, as before, mainly concerned with such problems as ethnogenesis, ethnic history, the tra-

ditional culture and social structure of the ancient oases agriculturalists and the cattle breeders of the surrounding desert; problems of the earliest settlement and economic exploitation of the delta plains and those of the rise and development of irrigation agriculture in the northern plains of Middle Asia (Soviet Central Asia). The scope of this work and the methods applied in the integrated studies have made it possible to use certain of their results in practical economic activities. These factors, as well as the wide chronological scope of the investigations, enabled the expedition to participate directly in the realization of the Law for the Protection of Monuments, in preserving monuments of the millennia-old culture of the peoples of Middle Asia.

Among the scientific results of the expedition's work the following should be mentioned: a detailed elaboration of the problems related to the Neolithic period in the northern areas of Middle Asia based upon materials from the S. P. Tolstov site excavations; the discovery of Ancient Khorezm documents dating from the 4th century B. C.; studies in Khorezm culture and history of the Kushan period based upon materials from the complex and variegated aggregate of edifices in Toprak-Kala and other sites.

The work of the Khorezm expedition is mainly directed at combining scientific and practical targets, the preservation of the unique historical monuments of the Khorezm Oasis on the one hand, and aid in its flourishing anew through modern utilization of ancient irrigation lands, on the other.

M. A. Itina

The Correlation between Ethnical and Denominational Communities in the USA

The author offers a comparative study of the major American denominational groups and elicits the role of ethnocultural and religious factors in the functioning of these groups. She analyzes the development of the American nation from the 1920ies to the 1970ies and refutes the concept of the «triple melting-pot». Regularities in the evolution of specifically American denominational groups are examined for the case of the Mormons, the Hutterites and the Amishes; such groups may, in the course of achieving stability, acquire the character of ethnodenominational groups.

The author reaches the conclusion that as a consolidating factor religion in the USA plays a relatively small role as compared with racial differences, social inequalities and stereotypes of interethnic relations; it is, however, much more powerful as a factor of disunity.

N. Ya. Daragan

Prophets and Priests in the Ancient Maya Society

The study of the figures depicted on the classic Maya pictorial ceramics and the translation of some of the inscriptions on them have opened up certain spheres of ancient Maya life unknown from other sources. Among these is the use of narcotics which played an important part in ritual life. The nobility took narcotics at memorial ceremonies that marked the moment when the dead person's soul returned to earth from the underworld and became reincarnated. Priests and prophets regularly resorted to narcotics to aid them in communicating with the gods. New materials have made it possible to reconstruct an important theatrical ritual of prophecy involving priests and priestesses who impersonated the rain gods. The god summoned by the prophet-priest in a drug-induced trance entered his body, and through his lips counseled measures for preventing drought. The most important prophecies were timed to the beginning of the «Katuns» (twenty-year periods). All ceremonies that marked the beginning of each Katun were directed by the high priest, an influential political figure in the state. In the hierarchy of the gods he was equated with the «divine master of ceremonies for the five last days of the year». Hence the high priest, both in the classical period and directly prior to the Conquista, was regarded as the embodiment of this god and bore his name. One of the earliest «master» deities was the Snail god. However, the impersonator of this god is sometimes depicted on the vessels merely as a prophet. The ceremony of prophecy is directed instead by the high priest embodying the god in the image of a bear. This succession of gods in the pantheon doubtlessly reflected the struggles taking place between groups of priests. Apparently, when a new personage moved into the position of «divine master» the priest of the Snail god slid to a lower position among the officials under the high priest while retaining the important position of prophet. Thus the data examined in the paper permit also to reconstruct the hierarchy of priests in the Maya states.

A. A. Borodatova

CONTENTS

M. N. Guboglo (Moscow). The Leninist Nationality-and-Language Policy of the USSR Communist Party as Internationalism in Practice. *Yu. V. Bromley, V. A. Tishko* (Moscow). The 11th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. *V. I. Kozlov* (Moscow). The Ethnographic Approach to the Study of the Phenomenon of Longevity. *M. A. Iina* (Moscow). Protective Archaeological Work in Khorezm: Results and Prospects. *N. Ya. Daragan* (Moscow). The Correlation between Ethnic and Denominational Communities in the USA. *A. A. Borodatova* (Moscow). Prophets and Priests in Ancient Maya Society.

Communications

A. Asankanov (Frunze). Changes in the Cultural Life of the Rural Population in the Kirghiz Soviet Socialist Republic. *V. B. Vinogradov, D. Yu. Tchakhiev* (Grozny). Certain Mediaeval Vainakh Traditions in the Art of War. *S. S. Agashirina* (Makhach-Kala). Traditions in Ceramics Manufacture among the Lezghins of Daghestan (Material from Kakhul Village). *Khong Zien* (Hanoi). The Socialist Republic of Vietnam: the Ethnic Composition and Geographical Distribution of the Population. *Fam Kuang Hoan* (Hanoi). The Ethnic Composition of the Highland Mon-Khmers in South Vietnam.

Ethnography in Museums

O. M. Fishman (Leningrad). Catalogues of Ethnographic Museums (Experience and Problems).

Searchings, Facts, Hypotheses

G. V. Zubko (Moscow). Ancestors of the Fulani in the Near East: Fact or Myth?

Academic Life

N. S. Polishchuk (Moscow). The 2nd Folklore Festival in the German Democratic Republic and the International Colloquium on Problems of Utilizing the Folklore Heritage. *A. S. Mylnikov* (Leningrad). The USSR Academy of Sciences Learned Council for Integrated Problems of Slavic and Balkan Studies, a Broad Session. Expeditions in Brief.

Criticism and Bibliography

Critical Articles and Reviews. *A. S. Kan* (Moscow). Swedish Ethnology in the 1970ies (Volkskunde). General Ethnography. *B. N. Mironov* (Leningrad). *A. G. Vishnevsky*. Population Reproduction and Society. History, Present-Day Situation, a Glimpse into the Future. *Ye. Ye. Vasilyeva, O. M. Fishman* (Leningrad). Monuments of European Peoples' Culture. Peoples of the USSR. *Ya. V. Tchesnov* (Moscow). *V. P. Kobychyev*. Settlements and Dwellings of the Peoples of Northern Caucasus in the 19th and 20th Centuries. *V. K. Sokolova* (Moscow). Seasonal Ritual Poetry of the Siberian Russians. *A. I. Alieva* (Moscow). Folk Songs and Instrument Strumming Music of the Adyghes.

Технический редактор *Беляева Н. Н.*

Сдано в набор 11.11.83 Подписано к печати 25.01.84 Т-02319 Формат бумаги 70×108/16
Высокая печать Усл. печ. л. 15,4 Усл. кр.-отт. 44,6 тыс. Уч.-изд. л. 18,8 Бум. л. 5,
Тираж 2847 экз. Зак. 4770

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10